

ЦЕНА 2 р. 75 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ
В Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Москва 19, Волхонка, 14. Тел. 3-59-48.

General Index

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

26 (2)

1928

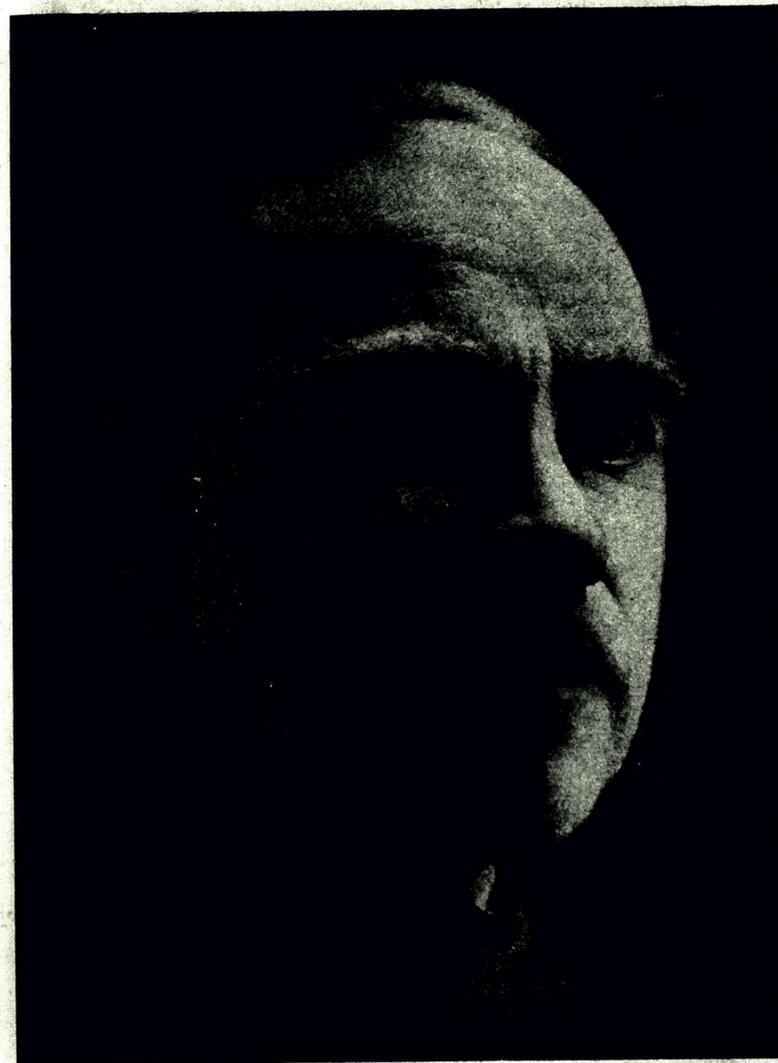
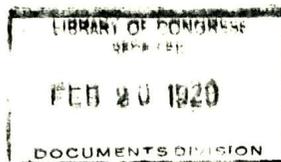
ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XXVI (2)

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1928

Москва. Главлит А 13.617.

ИКА 200.

3.500 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

А. А. БОГДАНОВ (МАЛИНОВСКИЙ)

Скончался 7 апреля 1928 г.

В Александре Александровиче Богданове мы потеряли одного из самых ярких, в подлинном смысле исторических, деятелей на фронте нашей культурной работы. Чем дальше мы будем отходить от пред-революционной эпохи, 1905—1917 годов, тем ярче будет выступать именно это значение Богданова. История завербовала его в политики, личные склонности сделали из него философа. И там и тут он оказался незаурядным работником, и там и тут в конечном счете он потерпел поражение. Но как один из культурных героев, павших славною смертью на своем посту, он останется в памяти длинного ряда поколений, быть может останется навсегда.

Кровный интеллигент по происхождению, сын учителя, Богданов начал свою революционную жизнь, как начинали девять десятых революционеров конца XIX века. Когда он был выслан за участие в «студенческих беспорядках» из Москвы в Тулу, его «нашли» тульские рабочие, искавшие руководителя для своего кружка. Эти ищущие «интеллигента» рабочие—мы их находим не в одной Туле, а повсюду—могут служить самым ярким опровержением меньшевистской болтовни, будто партия была для рабочей массы каким-то наносным явлением, была «партией студентов и курсисток» (слова Аксельрода на V съезде). В нашей партии тех дней было множество студентов и курсисток, одним из первых был Богданов, но они сидели на своих местах лишь потому, что революционизировавшаяся все более и более рабочая масса долго не могла обойтись без «своих интеллигентов».

Тульские рабочие, тесно связанные с массой кустарей, меньше, чем где бы то ни было, чувствовавшие гнет капиталистической эксплуатации в тесном смысле слова (главные заводы были казенными), были для социал-демократической пропаганды не лучшей средой, какую можно себе представить. Тем не менее в этой среде Богданов, уехавший из Москвы народовольцем, стал социал-демократом, и работе его среди тульских пролетариев мы обязаны одной из лучших

его книжек вообще — а исторически, вероятно, самой значительной. Из его лекций для тульских рабочих вырос «Краткий курс экономической науки», о котором Ленин писал: «Книга г. Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе: это не только «не лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них».

В этой выросшей из бесед с рабочими книжке Богданов еще «последовательно держится исторического материализма» (слова Ленина). Недаром по этой книжке учился ряд поколений, и устарела она только через четверть столетия, в наши дни. Трудно себе представить, какой яркой вспышкой она была в день своего рождения, среди глубокого мрака Иванововских и Карышевских компиляций, а то и прямо плагиатов с немецких профессорских учебников. Пропагандистское значение «Краткого курса» невозможно переоценить и трудно с чем-нибудь сравнить. Богданов по таланту был, несомненно, первым из наших пропагандистов той поры.

Но он не мог — и не хотел — довольствоваться этим. Он чувствовал себя, и правильно, способным на нечто большее. Но это «нечто большее» пошло уже не от тульского пролетариата, а от интеллигентского происхождения А. А. В нем были задатки сильного и оригинального мыслителя, он был, несомненно, одним из крупнейших русских философов, какие только выступали в нашей литературе: но если политическая экономия Богданова была одним из значительнейших произведений русской социал-демократии ранней ее поры, то его философия неотразимо будет напоминать всегда и всем не о марксизме, а о «Народной Воле». «Эмпириомонизм» — ярчайшее индивидуалистическое произведение, как ни часто и как ни искренно, субъективно автор говорит на каждом шагу о коллективе и коллективизме. Совершенно так же народовольцы толковали в свое время о социализме, на деле прокладывая путь демократической революции...

Бессознательная вера в могущество человека пронизывает всю «систему» Богданова. Человек из себя строит весь свой мир. Богданова напрасно обвиняли в чистом идеализме — чистый идеалист наверняка оказался бы в одном лагере с буржуазией, а не с рабочими. Богданов достаточно материалист, чтобы понимать, что кирпичи и глина для постройки даны нам объективно, независимо от нашей воли: но это только сырой материал; в стройное целое превращает его уже человеческая воля; она для себя создает законы — законы природы для Богданова, как и для Риккерта, только общие понятия. Что наше представление о мире только копия этого внешнего мира, с таким

«пассивным» представлением эмпириомонизм согласиться не мог: не копия, а оригинальная картина, и картину рисуем мы так, как нам нужно.

С диалектическим материализмом это не имело ничего общего. Но переоценка творческих возможностей человека так шла ко всему стилю предреволюционной эпохи, так отвечала ее дерзаниям, ее почти безграничным надеждам, что даже люди, вполне понимавшие не-марксизм Богданова-философа (Ленин понимал это с самого начала и окрестил всю систему сразу же очень нехорошо в тесном товарищеском кругу), стеснялись говорить об этом открыто. Мир организовать по-своему, конечно, нельзя — но организовать рабочий класс для надвигавшейся со все возрастающей быстротой революции было необходимо. И в этой организации Богданову досталась крупнейшая роль.

После трехлетней ссылки в Вологду (за с.-д. пропаганду в Туле), Богданов сразу выдвигается, сначала как организатор-литератор («Правда» — первый, легальный, большевистский журнал в Москве, 1903—1905 гг.), потом как борец за третий съезд партии — им были написаны листки о вооруженном восстании и о созыве съезда, — член БКБ¹, член ЦК партии с 1905 по 1906 год, в разгар революции, до приезда из Женевы Ленина (ноябрь 1905), фактически руководящий член русской части ЦК, вице-лидер большевиков, если можно так выразиться. На этом лидерстве он потерпел, в сущности, первую политическую неудачу. Стремление все организовать сверху тогда уже привело к «ультиматизму», заклеятому партией только в 1909 году. Понять, что массами нельзя руководить, как рабочим кружком, Богданов не смог — известно, как он подошел в первую минуту к петербургскому совету рабочих депутатов². Уже в последние месяцы 1905 года он начал терять свое политическое значение — арест его в декабре, вместе с исполкомом петербургского совета, не только не ощутился всеми, как катастрофа, но просто не был замечен широкими кругами.

С 1906 года, когда он вторично вышел из тюрьмы (ссылку ему на этот раз заменили высылкой за границу, но он нелегально жил в Финляндии, в Куоккале), он попрежнему лучший пропагандист партии (издание газеты «Вперед»), попрежнему любимый, широко читаемый литератор (его утопический роман «Красная звезда» отно-

¹ «Бюро Комитетов Большинства» — организация по созыву III съезда РСДРП, созвать который отказывался, как известно, меньшевистский ЦК.

² Сравнение с «ультиматизмом» в этом случае принадлежит самому А. А. и высказано было им на очень многочленном заседании общества историков-марксистов по поводу революции 1905 г.

сится к этому периоду), попрежнему член ЦК (он умер последним из большевистской пятерки ЦК РСДРП, избранной на V съезде в 1907 году—другими были: Ленин, Дубровинский, Ногин и Рожков)—но, в смысле руководства партией, уже действительно «рядовой», как он подписывался когда-то, в дни БКБ. С этим он помириться не мог. Он не понимал, что рабочее движение обогнало его—он приписывал упадок своего влияния внутрипартийным отношениям, чуть не интригам. Между тем и к его не-марксистской философии начали относиться более откровенно-критически, чем это делалось в годы напряженной борьбы. На этой почве и произошел взрыв. Во время диспута Богданова с Плехановым Дубровинский выступил за диалектический материализм против эмпириомонизма. Богданов поставил в «большевистском центре» «вопрос о доверии»—и остался в меньшинстве.

Это было уже снова в Женеве, куда переехал большевистский центр после разгрома Куоккалы столыпинцами, в конце 1907 года. В заграничной обстановке личные вопросы вырастали до чудовищных размеров, а пропорции массового движения совершенно терялись. Богданову показалось, что он должен и может бороться, что массы будут с ним. Но на пленуме большевистского центра (летом 1909 года) вся русская часть делегации,—т. е. все, кто непосредственно соприкасался с рабочими,—как один человек голосовали за Ленина. С Богдановым оказались только двое-трое «заграничников»¹. Резолюция пленума была сформулирована довольно мягко, но смысл ее был понятен: Богданову оставалось или подчиниться, или уйти.

Богданов выбрал последнее. Он решил бороться с Лениным вне границ большевистской фракции, образовать свою фракцию. В заграничных пределах это ему удалось, довольно большая группа интеллигентов, и не из последних по качеству (Красин, «Марат»—Шанцер, «московский диктатор» конца 1905 года, М. Горький, А. В. Луначарский и др.), недовольная жесткой дисциплиной, которую заводил Ленин, и тоже лучше видевшая «внутрипартийные отношения», нежели настроение масс, объединилась около Богданова. Правда, большинство этих интеллигентов не были ни «ультиматистами», ни эмпириомонистами, а недовольство Лениным было не особенно прочной политической платформой,—но все же за границей группа «Вперед»

¹ В их числе был и пишущий эти строки,—тоже думавший тогда, что все дело во «внутрипартийных отношениях».

имела видимость успеха. Однако, Богданов это прекрасно понимал, интеллигентов было мало, нужны были массы: чтобы связаться с ними и создать кадр массовых агитаторов, были организованы знаменитые «партийные школы» сначала на Капри, потом в Болонье. Слава лучшего пропагандиста партии последний раз привлекла к Богданову пролетарскую молодежь, в это «спокойное» время жадно стремившаяся к учебе: лезунг «партийной школы» был так популярен, что, как известно, и большевистский центр открыл свою школу (под Парижем, в Лонжюмо). Но как только приехавшие к Богданову рабочие убеждались, что школа вовсе не «партийная», а фракционная, начинались разочарование, охлаждение, расколы и... бегство к Ленину.

В 1911 году А. А. признал свою неудачу, вышел формально из основанной им группы «Вперед» и решил все свои силы посвятить культурной работе среди пролетариата. Скоро он уехал в Россию, фактически совершенно отойдя от политической жизни. Его лозунгом становится теперь «пролетарская культура». Здесь не место критиковать этот лозунг (популярный одно время не только у нас, в России, а и за границей; в 1920 году возникал даже «международный пролеткульт»), ни излагать историю пролеткульта. Вполне возможно, что, ограничась у нас дело демократической революцией, пролетариат, получив возможность самоорганизации, набросился бы на учебу уже густыми массами—и лозунг «пролетарской культуры» имел бы широкий успех. Но пролетариат стал властью и организовался в форме государства—его просветительная работа должна была принять соответствующую форму. Только приняв рабочее государство, можно было участвовать в этой работе. Но происшедший переворот шел под знаменем большевиков, которых Богданов признал неправыми в 1909 году. Опять оставалось или подчиниться, или отойти в сторону—и Богданов опять предпочел последнее. Только борьбы он на этот раз, к его величайшей чести, вести не стал. Он лишь окончательно отошел от всякой политической деятельности, работая сначала в Социалистической (ныне Коммунистической) академии, а позже больше всего в созданном им институте переливания крови.

Вера в могущество человека, на этот раз в форме веры в могущество науки, последний раз в жизни Богданова вспыхнула ярким блеском. Я никогда не забуду, как, года четыре назад, А. А. рассказывал нам, его сочленам по Академии, о тех перспективах, которые сулит переливание крови, и о тех достижениях, которые уже имеются в этой области. Никогда Богданов не был так обаятелен, как когда он говорил о завоеваниях культуры и о том, что сулит она в буду-

щем. В эти минуты в нем сказывался один из очень больших, быть может, история скажет «великих» наших просветителей. Он нашел себе достойную смерть—смерть от рискованного научного опыта—стал настоящим «мучеником», как назвал его Н. И. Бухарин в своем некрологе. В ореоле этого мученичества тонут его политические ошибки, давно ставшие «достоянием истории».

М. Покровский.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СССР ЗА 10 ЛЕТ¹.

Товарищи, задача, которую на меня возложила Комкадемия, чрезвычайно почетна, но в то же самое время необычайно ответственна и трудна, и мне придется начать с нескольких оговорок: Хотя я собираюсь говорить не час, а несколько больше, но все-таки нет никакого сомнения, что если бы я вздумал конкретно исчерпать свою тему, у меня получился бы скучнейший библиографический список, который вы бы, вероятно, не в состоянии были дослушать до конца. Придется поэтому идти не библиографическим путем, а намечать основные линии развития обществоведения, причем в виде компенсации я могу зато обещать, что это будет не только обществоведение за последнее десятилетие, но примерно за последние 30—40 лет, потому что подойти к десятилетию после Октября без некоторого предварительного обзора совершенно невозможно. Это первое.

Второе, доклад мой носит название: *Общественные науки в СССР за 10 лет*. Я не стану прятаться за чисто формальную вещь, за то, что СССР вообще не существует 10 лет, а меньше. Это была бы просто формальная оговорка, за которую я не думаю держаться. Но я откровенно скажу, что относительно обществоведения не на русском языке я смогу сказать лишь несколько слов, буквально несколько слов, потому что некоторыми из языков, на которых имеется довольно обширная и хорошая обществоведческая литература, скажем грузинским, я не владею. Я не владею этим языком, и, конечно, как бы я ни желал изучить этот язык, но специально к этому докладу изучать грузинский язык я не мог, а между тем имеются очень серьезные работы по обществоведению на грузинском языке. На украинском языке я читаю, конечно, но тем не менее овладеть украинской литературой за это время я тоже не смог. Так что мне придется главным образом ограничиться литературой на русском языке. Информационное сообщение и доклады, которые мы здесь услышим от наших украинских, белорусских и может быть закавказских товарищей дадут то дополнение, которое в сущности должно было бы быть дано в моем докладе. Вот те две оговорки, которые мне необходимо сделать с самого начала, приступая к этому докладу.

¹ Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.

Касается он не всех вообще наук, как вы знаете, а наук общественных, и тут является прежде всего вопрос: а есть ли какое-нибудь основание выделять общественные науки из общего потока научного развития, кроме, конечно, основания чисто академического и формального, что существуют особые общественно-научные дисциплины? Я уже сказал, что я буду следить за общими линиями развития. Но мне могут сказать—раз общие линии, то говорите пожалуйста вообще о научном развитии за 10 лет, отнеситесь с большим вниманием к общественным наукам, но научное развитие это есть единое целое. Мне думается, что в настоящее время мы достаточно созрели для того, чтобы в этом вопросе провести некоторое различие, которого мы сами не проводили еще лет 20—25 тому назад. Тогда, в борьбе с идеалистическим мировоззрением, которое отрицает всякую возможность настоящей общественной науки, настоящей закономерности общественных явлений, мы чрезвычайно выпирали сходство общественных явлений и общественных наук с явлениями, которыми занимаются другие науки, и самими этими науками. Мы утверждали, что в области общественных явлений существует такая же закономерность, как в области явлений химических и биологических, и по существу между этими закономерностями, а значит и между этими науками, никакой разницы нет. Это вы можете прочесть в некоторых и моих трудах, писавшихся более или менее давно, во всяком случае до Октябрьской революции. Теперь, повторяю, мы настолько, по моему мнению, созрели, что можем в этом отношении провести некоторую дифференциацию. Конечно, закономерность общественных явлений не подлежит сомнению, и доказывать ее значит ломиться в открытые двери. Конечно, в этом смысле есть известное сходство между науками о природе и науками об обществе. Но между ними есть и довольно кардинальное различие, которое теперь приходится подчеркивать. Во всем научном развитии отражается развитие производительных сил, общественный строй и классовая борьба, но на различных группах дисциплин она отражается различно. Нет никакого сомнения, например, что алхимия или астрология, типичные феодальные науки, тесно связаны со всем строем, с потребностями, с мировоззрением феодального общества. Они могли родиться только в феодальном обществе. В этом смысле, конечно, все науки являются если хотите, классовыми науками. Нет никакого сомнения, что политэкономия как наука могла зародиться только в капиталистическом обществе, и действительно в нем зародилась. Если возьмете астрологию и алхимию, вы увидите, что связать их с определенным общественным порядком есть полная возможность, но связать их с ходом общественного развития и классовой борьбы непосредственно довольно мудрено. Я беру нарочно эти «науки», чтобы буржуазное обществоведение было в достойной компании: в то же время, что алхимия не просто чепуха, а зачаток химии, едва ли нужно ли объяснять. Поскольку алхимия занималась изысканием способов делать золото, на этом, конечно, лежит определенный штампель не только феодализма вообще, но позднего феодализма, когда торговый капитал начал проникать во все поры феодального общества, и деньги стали таким пред-

метом, которого все жаждали, к которому все стремились. Люди более практические и остроумные отправлялись в те места, где золото само лежит в земле, в Америку, Мексику и т. д., и там захватывали золото. Но эту жажду золота связывать с определенными эпизодами классовой борьбы невозможно—попробуйте связать опыты алхимии с гуситскими войнами или с движением анабаптистов. Едва ли это возможно так тесно и близко. Алхимия не зависит от этих войн. То же самое, конечно, с астрологией, то же самое с средневековой зоологией и т. д. Общественные науки тем отличаются от наук о природе, что они отражают в себе классовую борьбу совершенно непосредственно. Всякий эпизод классовой борьбы дает свое научное отражение в области обществоведения. Это очень крупное различие. Это не то различие, о котором говорят Рикерт, Виндельбрандт и их школа, но различие глубокое и, по-моему, методологически обосновывающее разницу между обществоведением и остальными науками. Возьмите, скажем, теорию Руссо. На ней до такой степени ясен отпечаток физиономии мелкого производителя в определенный момент его истории, накануне французской революции, как только можно пожелать. Это герой мелких производителей, и лозунг французской революции «свобода и равенство», это есть типичный лозунг мелкого производителя.

Вы скажете, что Руссо,—вы-то, наверное, не скажете, но могли бы это сказать «кафедральные» ученые,—что Руссо был не ученый, а «мыслитель». Я напомним, что произведения Руссо получали премии от различных академий наук, которые, вероятно, находили что-то академическое в его писаниях. Но возьмем настоящую «кафедральную» общественную науку, скажем, знаменитую *историческую школу права*, на которой пробовали воспитывать в университете наше поколение. Эта историческая школа права носить на себе до такой степени определенный отпечаток общественной реакции против французской революции, борьбы немецкого феодализма, умирающего, уже издыхающего, но отпихивающего от себя буржуазию, которая в форме французского рационализма шла на него,—как не надо больше. До такой степени это ясно, что ни у одного марксиста сомнений быть не может, что тут отразилась классовая борьба, как она шла в первой трети XIX столетия, и та маленькая подробность, что один из основоположников исторической школы права, Савиньи, был лютым антисемитом, великолепно дорисовывает всю картину. Я в течение своей литературной деятельности так много толковал и своих учеников приучал толковать об отражениях классовой борьбы в русской исторической литературе и вообще в русской общественно-научной литературе, что об этом мне не хочется говорить, потому что невольно то, что сам говорил 25 раз, кажется известным для всех, хотя я не уверен, что это так общеизвестно для всех, кроме меня и моего семинария. Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и, как я в одном месте выразился, история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме

политики, опрокинутой в прошлое, не представляет. Та общественная борьба, которая кипела в это время, борьба за и против крестьянства в 61 году, народническая революция в 70-х гг. и т. д.—все это находило себе непосредственное выражение в обществоведческой литературе, и нельзя себя представить этой литературы иначе, как на фоне классовой борьбы. Если мне возразят, что, значит, нет общественной науки, которая бы была в смысле своей точности адекватна астрономии, то отвечу, что это, несомненно, так. Общественная наука есть орудие классовой борьбы, но поскольку законы этой борьбы с такой же непреложностью вытекают из общих законов, как движение звезд вокруг солнца, постольку мы имеем совершенно определенную закономерность в этой борьбе, и эта закономерность может быть изучена. Всякая классовая борьба своего времени может быть изучена под углом зрения классовых соотношений. Вот подходя с этой точки зрения, мы открываем известную закономерность и в развитии обществоведческих идей, как у нас совершалось это развитие с конца XIX столетия, причем (как вы догадываетесь) по существу это будет борьба идеологий, т. е. оболочка классовой и политической борьбы, которая в то время происходила. Я, конечно, коснусь этой пред'истории,—это для меня пред'история, поскольку в мою задачу входит характеристика развития обществоведения только за последнее десятилетие,—лишь в самых общих чертах, но, как вы увидите, в самых общих чертах осветить это необходимо, потому что без этого наше десятилетие, советское десятилетие не может быть понято.

Если мы возьмем 90-е годы прошлого столетия, то мы имеем перед собой чрезвычайно слитный, сплошной, почти без перерывов идеологический фронт. Лишь некоторые отдельные участки уже и тогда выделялись. Был Ленин, который и тогда уже был чистым представителем пролетарской идеологии. На другом конце, на астрономическом расстоянии от Ленина, был Победоносцев, который был типичным представителем феодальной идеологии. Но это были исключения. Одно исключение, которое готовилось стать правилом, другое,—которое давно перестало быть правилом. Если же мы возьмем середину между этими крайностями, мы получим единый фронт, который можно охарактеризовать, как фронт промышленного капитала в борьбе с феодализмом, и этот фронт левым своим концом упирался в Плеханова, а правым своим концом упирался в «Вестник Европы». Кое-что было правее «Вестника Европы», были группировки Чичерина, Шипова и пр., частью западнические, частью славянофильские пережитки 60-х годов, более правых, чем даже «Вестник Европы», ответвлений. Они впоследствии нашли своего лидера в лице Столыпина, а свою политическую группировку—в партии октябристов, но это были уже оттенки. Дальше влево шли буржуазные либералы, переходившие в свою очередь постепенно в буржуазную демократию на левом фланге и, наконец, в легальных марксистов, от которых не очень далеко был в то время Плеханов, хотя, конечно, Плеханова никто не причислит к легальным марксистам. Лакусовой бумажкой, которой можно было определить тогдашнее мировоззрение, был вопрос о государстве—

классовое или внеклассовое государство. Ленин уже в то время в «Что такое друзья народа», в критике Струве и т. д. твердо стоял на единственно мыслимом, чисто классовом понятии государства, понимал государство как чисто классовую организацию. Плеханов, начиная с 1891/92 г., и, в сущности, до конца своей карьеры, хотя тут менялись оттенки, допускал существование внеклассового государства. Отчасти он это оправдывал азиатским способом производства, о котором говорит Маркс и который он видел в России. Он в самодержавии видел непосредственного эксплуататора крестьянства, так же, как видел Маркс в империи великого Могола. Отчасти его склоняла к этому необходимость сплотить фронт против самодержавия, но по тем или иным мотивам Плеханов неоднократно за этот период времени высказывал мысль о внеклассовом государстве и внеклассовой государственности. Блестящим литературным памятником этого остается до сих пор его речь о 14 декабря 1825 г., где только для приличия, и то под самый конец, упоминается о классах, причем до такой степени эта фраза у него ни с чем не связана, что некоторые читатели или слушатели, пожалуй, даже не обратили на нее внимания. У Плеханова есть такая оговорочка в конце, но в общем вся эта в ораторском смысле великолепная речь выдержана в тоне внеклассовой борьбы с самодержавием как силой, угнетающей одинаково все классы.

Недавно один из моих учеников в Ин-те красной профессуры нашел маленький анекдотического характера образец этой спайки Плеханова со всеми остальными представителями антифеодальной идеологии. В переписке Плеханова с Аксельродом есть одно место, где он передает привет «нашим в России» и в числе этих «наших» называется П. Н. Милоков. Это относится к самому началу 90-х годов, когда Милоков был довольно чистой воды буржуазным демократом, был кумиром студенчества, читал курс лекций на Педагогических курсах, чем-то напоминающий исторический материализм, причем в первом литографированном издании он больше напоминал об историческом материализме, чем в печатном виде. Для печатного издания он переделал этот курс. Я помню эту литографированную тетрадку. Отсюда ясно, что Плеханов смотрел на Милокова в то время как на одного из наших.

Это очень характерная, конечно, маленькая анекдотическая подробность. Я вовсе не думаю целиком Плеханова зачислить по этому департаменту. Пожалуйста, не примите так моих слов. Несомненно, Плеханов был гораздо шире этого, он одновременно со своей внеклассовой теорией государства развил целый ряд положений чисто-марксистских в других областях: философии, литературе и т. д. Но я беру основную идеологию того времени и в этой идеологии я не вижу резкого прорыва от Плеханова до довольно правостоящих буржуазных групп. И эта обстановка объясняет нам, почему Струве мог быть автором манифеста РСДРП, почему Струве мог сотрудничать в Искре, почему Струве могли приглашать участвовать в Заре. Все эти факты понятны с той точки зрения, что в те времена существовал единый фронт, который слева портил еретик Ленин, он его портил основа-

тельно, ругал Струве, ругал всех других, ругался иногда с Плехановым, но Ленин 90-х годов еще не был тем диктатором в области идеологии, каким он стал после 1907 года. Ленин в это время был первым, — и даже не первым, а вторым, скорее, потому что первым был Плеханов, — между равными, и голос Ленина звучал в то время не так громко, а произведения Ленина расходились в то время в таком количестве экземпляров, что, напр., целая треть одного его произведения ухитрилась потеряться.

Итак, в 90-х годах XIX столетия мы имеем единый фронт, который можно назвать фронтом промышленного капитализма против феодализма. Революция не только, когда она пришла, но даже когда она подходила и приближалась уже, эта «тень идущего впереди», отбрасываемая на весь процесс, начала раскалывать единый фронт, и когда она, наконец, разразилась, она расколола его окончательно. Но было бы ошибочным думать, что благодаря этому расколу сразу получилась чисто-пролетарская идеология, чисто-пролетарское, то есть, действительно, последовательное марксистское течение, которое мы встречаем во время Октябрьской революции. Нет, тут был довольно длительный процесс. Первоначально, первым своим ударом революция 1905 года отколола от единого антифеодального фронта довольно большую глыбу слева, но глыбу довольно пеструю по своему содержанию. В этой левой глыбе преобладающим элементом, конечно, были элементы мелкобуржуазные. Тут были меньшевики, тут были эсеры, тут были и некоторые большевики. Товарищи, будем говорить совершенно откровенно: нельзя же отрицать, что философия Маха и Авенариуса это не есть пролетарская идеология, это есть идеология мелкобуржуазная, а в это время философия Маха и Авенариуса была, я не знаю для всей ли нашей большевистской фракции, но для московского участка безусловно, официальной идеологией. Ваш докладчик должен был выступать с этой философией перед эсерами, и эсеры ему говорили, совершенно, как я теперь вижу, резонно: это — не ваше мировоззрение, это — наше мировоззрение, чего вы тащите его к себе. Теперь я просто скажу: милые, слова ваши совершенно верны, это ваша идеология, возьмите ее себе и сделайте такое употребление, какое вы найдете нужным. Так что вы видите, эта глыба была весьма пестрая, и в то же самое время довольно однородная в смысле своего классового состава, поскольку преобладающей в этом составе была мелкая буржуазия. Одно ее объединяло — это приятие революции, приятие классовой борьбы в ее самой яркой форме. Я должен сказать, что классовую борьбу в это время принимали многие эсеры. Тогда была целая, определенная группа эсеров, целый определенный разряд эсеров, которые себя заявляли марксистами, хотя марксисты они были весьма относительные, но субъективно разумеется искренние, при этом некоторые из них знали марксистскую литературу очень хорошо, и с ними спорить было не очень-то легко, поскольку они обладали знанием Маркса не хуже, чем обладали этим знанием многие настоящие марксисты. Так что тут был целый ряд слоев, которые попали в эту глыбу и сидели в ней рядом с чисто пролетарской

идеологией. Идеология Ленина в это время, конечно, дифференцировалась совершенно определенно, поскольку она была представлена произведениями самого Ленина и его ближайшего окружения. Но на периферии она в значительной степени теряла свою отчетливость, и на периферии отличнейшим образом одновременно признавался авторитет Ленина вместе с авторитетом Богданова и его эмпириомонизмом и т. п. Для плохо разбирающейся периферии все это были равновеликие величины в смысле авторитетности.

Если сама революция 1905 года произвела первый откол, откол этой большой неоформленной глыбы налево, то конец этой революции, разгром этой революции, начинает понемногу раскалывать самую глыбу. Как раз в первые годы после первой революции пятого года, в 1908—9—10 и в последующие годы начинается постепенное выкристаллизование из этой глыбы уже действительно пролетарского идеологического ядра. К этому времени относятся такие замечательные работы Ленина, как «Аграрная программа социал-демократии», настоящий научный труд, как вы знаете, один из основных его трудов, стоящий по зрелости мысли выше ленинских произведений 90-х годов; затем мы имеем целый ряд его статей по аграрному вопросу, которые всем знакомы, конечно, затем мы имеем его замечательный анализ стачечного движения 1905—7 гг., который до сих пор является в сущности основой, как и все прочие его произведения, для тех, кто работает по этому вопросу. Затем мы имеем здесь же его «Материализм и эмпириокритицизм», его основную философскую книгу, которая теперь вполне понятна для нас через 20 лет, но значение которой тогда далеко не всеми отчетливо сознавалось. А она и тогда была основной базой настоящей марксистской, подлинно пролетарской идеологии в этой области.

Суть процесса заключалась в том, что выявился известный определенный, очень твердый кусок пролетарского гранита, от которого постепенно отсыпались облеплявшие его первоначально более рыхлые горные породы. Образование этого идеологического ядра я считаю чрезвычайно важным не только в истории нашего обществоведческого мышления, но я считаю его чрезвычайно важным и в истории самой Октябрьской революции.

Если мы поставим вопрос, почему мы победили в 17 году и в следующих годах, то придется ответить: по двум основным причинам. Основных причин было две: с одной стороны — очень четкая, твердо отчеканенная за это время идеология, а с другой стороны, — и вы, конечно, как марксисты переставите порядок, — образование революционного слоя рабочих, слоя, а не отдельных революционных одиночек-рабочих, которые были раньше. Это второе было, конечно, важнее первого. Без второго не могло быть первого. Второе составляло, если хотите, условие первого, базу первого. Если бы не было этих рабочих, не было бы этой идеологии, если бы мы подошли к 17 году в том же хаотическом состоянии, в котором мы находились в 5, мы несомненно были бы разбиты. И те товарищи, которые тогда, полные воспоминаний о 5 годе, пророчили нам гибель в октябре с точки зре-

ния пятого года и своих воспоминаний о 5 годе, были совершенно правы. Они только позабыли, что за это время и рабочий класс и наша идеология пережили настоящее перерождение, настоящим образом переродились на протяжении этих 12 лет, и что именно это перерождение заставляло подходить к нашим перспективам в 1917 году совершенно иначе, чем это делали они в своих воспоминаниях о 5 годе.

Мы подошли таким образом к Октябрю 17 года в области общественного сознания далеко не безоружными, мы подошли очень хорошо вооруженными. И те победы на идеологическом фронте, о которых мне придется дальше говорить, это вовсе не было чем-то внезапным или результатом нашего материального перевеса, материальной силы, силы оружия и т. д. Ничего подобного. Мы подошли к 17 году идеологически и методологически лучше вооруженными, чем наши классовые противники.

Тут приходится отметить несколько характерных моментов. Первый момент это то, что уже после 5 года все живое идет исключительно из левого сектора. Все буржуазные общественные теории, исторические, юридические, экономические, которые командуют полем сражения в промежуток между 1-й и 2-й революциями, они все сложились иногда задолго, во всяком случае до первой революции. Об экономических говорить не приходится. Тут никаких новых слов совершенно не было. Были непереваренные остатки марксизма, ревизионизма и т. д. Что касается права, то теория Петражицкого сложилась раньше 5 года. Что касается истории, тут мы имеем архаику еще более глубокую. Правда, появился курс Ключевского, где имеются кое-какие новые ингредиенты, но зато, например, лекция Ключевского о декабристах—это наука даже не 90-х, а 80-х годов,—единный антифеодальный фронт, который сложился в 90-х годах, даже этот фронт не дает еще себя в ней чувствовать. В течение этого времени не появляется ни одной свежей научной работы из этого лагеря, так что буржуазная литература, которая, конечно, не хотела говорить о произведении из левого сектора, была поставлена в необходимость вообще ничего не говорить об общественном сознании, и в некоторых кадетских сборниках того времени вы могли не встретить общественное сознание как особой категории. Об успехах химии там есть, об успехах физики—есть, но об успехах истории, науки права, об успехах политэкономии ничего не говорится, хотя успехи были, но в этом лагере их не было, им совершенно нечего было сказать. Все новые слова у них иссякли до пятого года. Тогда как левый сектор дает все-таки целый ряд живых работ, скажем, такую относительно живую работу для того времени, как меньшевистский пятитомник о революции 1905 года, как «История России в XIX веке», изд. бр. Гранат, «История русской литературы XIX в.», изд. «Мира» и целый ряд коллективных работ, которые все вышли из этого левого сектора, и, не будучи на 100 или даже на 50% марксистскими, не были уже и буржуазными хотя бы на 50%. И в одном только месте сектора правого действительно шла живая работа. Это складывалась идеология русского империализма, особенно ярко представленная в семинарии проф.

Гольдштейна, в тогдашнем Коммерческом институте, теперь Институте им. Плеханова. Там работал целый ряд людей и из нашего марксистского молодняка, потому что это был действительно интересный семинарий. Но это надвигалось буржуазное будущее, надвигался империализм, а что касается промышленного капитала, который являлся доминирующим в едином фронте 90-х годов, то с этой стороны ничего нового не было, и даже чисто статистически за этот период времени наша буржуазная наука гложет.

Я возьму цифры, которые относятся к продукции двух университетов, Петербургского и Московского, притом ко всем наукам, не только к общественному сознанию. Но они все же характерны. В 1913 году мы имеем максимальную цифру продукции Петербургского университета 517 работ; в 1916 г. мы имеем 381 работу; еще рельефнее это видно на Московском университете. В 1907 г. мы имеем 819 работ, а в 1910 г.—908, в 1913 г.—только 594, в 1916 г.—456. Вы скажете, последние цифры носят на себе явные следы влияния войны. Конечно, влияние войны, но это влияние войны надо все-таки понять, в чем оно состояло. Не в том, что большое количество наших ученых по примеру своих германских и французских коллег пошли на фронт и там погибли. Франция потеряла крупнейших ученых, как Дешелет, Германия потеряла десятки и сотни молодых научных сил. У нас таких было очень немного. Были отдельные личности, были и общественники, но это 2—3 человека по каждой специальности. В общем наша академическая наука хорошо забронировалась от военной опасности. Непосредственно занималась она в это время очень много в разных Земгорах. Это верно. Она теряла там много времени, создавая себе большую нагрузку, но тем не менее все-таки, казалось бы, в связи именно с войной, наука должна была двигаться. За границей, особенно в Германии, но также и во Франции, в Англии, в Соед. штатах, в Японии как раз война дала толчок к целому ряду научных работ и научных открытий. Только у нас этого не было. Почему? Подкладку этого вскрыл проф. Кареев в сборнике «Чего ждет Россия от войны». Там есть очень интересная его статья. Кареев не обладает талантом писать образно, но тут он доходит до образности. В начале своей статьи он рассказывает, как было прежде до войны,—приходил он к столу, на котором разложены новые журналы, в библиотеке Петербургского университета, и находил там всегда какую-нибудь интересную новинку. А сейчас не только германских и австрийских журналов нет, но нет даже французских и английских, потому что их получали через немецких книгопродавцев. Таким образом, бедные русские ученые были лишены последнего источника вдохновения. Непосредственный источник вдохновения—живая классовая борьба—для них погас уже в 1905 году. Оставался косвенный источник—немецкие диссертации и вообще заграничная литература. Война погасила и этот последний светоч науки. И после этого начинается постепенное иссякание научной продукции русских ученых. Несмотря на то, что шла война, война, которая в Германии заставила бить из земли могучие фонтаны научной продукции, никогда не было столько научных откры-

тий в области точных наук, как во время войны, и тем не менее у нас эти фонтаны не били, струилась какая-то пахучая жидкость, напоминающая уличный ручеек, а не бьющий фонтан, и он постепенно иссякал. Это одряхление нашей академической науки превосходно было резюмировано после Февральской революции, когда наши профессора ознаменовали победу народа над самодержавием тем, что выхлопотали себе право лишних 5 лет сидеть на кафедре. Срок пребывания на кафедре был 25 лет, при Керенском было установлено 30 лет. Это ясно показывало, насколько помолодела наша наука под влиянием Февральской революции.

Таким образом, в то время как наша идеология сложилась в нечто очень крепкое, не хочется употреблять ставшего шаблонным выражения, монолитное, буржуазная наука постепенно дряхла, рассыпалась, разваливалась и, естественно, что в идеологической области она нам ничего противопоставить не могла. Вы скажете, тем не менее первые годы революции не отмечены никакими крупными нашими общественно-научными работами. В это время наше обществоведение как-то дремало. Вы скажете, в оправдание, в объяснение этому: была гражданская война, был голод, все это отвлекало. Товарищи, нет абсолютно никакой необходимости прятаться за войну и голод, ибо в это время появляются две самых замечательных общественно-научных работы, какие видела русская общественно-научная литература за эти годы, несмотря на то, что эти работы не были диссертациями ни на какую степень. От них приходится датировать начало развития, в особенности от первой из этих работ, основной, от работы т. Ленина «Государство и революция». Мы так близко стоим к этому событию, что нам представляется как будто бы естественным, даже тривиальным, факт появления этой книги, но ее будут читать и разбирать сотни лет, сотни лет будут комментировать. Первый раз буржуазная наука государственного права была поставлена как следует на ноги. Правда, Ленин в этом повторяет Маркса и Энгельса, но кто Маркса и Энгельса так интерпретировал и так подходил к объяснению нашей Октябрьской революции, как Ленин? Впервые государство из какой-то внеклассовой организации, оберегающей общее благо, превращается в организацию классовую, в орудие классовой борьбы, и впервые государство, которое всегда в литературе выступало оплотом против всяких революций, дается как орудие величайшей в мире революции. Впервые это было сделано книгой Ленина, которую, надеюсь, вы не заставите меня здесь цитировать, потому что многие из присутствующих знают ее наизусть. Первый раз мы получили такую базу для развития общей теории права, которой раньше наше обществоведение никогда не имело, и само собой разумеется, что буржуазная наука ничего этому противопоставить не могла. У нее был только старый Петражицкий, которым, как вы увидите в дальнейшем, слегка заразилась и наша собственная марксистская литература. Все буржуазные теории были к этому времени старыми-престарыми, как зулусский бог Ункулункулу. Конечно, не рядом с Лениным, но, во всяком случае, как одно из новых слов того времени, я ставлю книгу Бухарина «Экономика переходного пе-

риода». В первое время некоторые недочеты в ее фактических прогнозах, совершенно естественные, — разве у самого Маркса неудачных прогнозов нет? — до некоторой степени нас отшатнули от этой книги: «предсказал, а не случилось». Ну, простите, это подход к ученому, а Бухарин, несомненно, один из крупнейших наших ученых, чуть-чуть напоминающий отношение доброго крестьянина к деревенскому колдуну. У Бухарина, несмотря на некоторые несостоявшиеся прогнозы, имеется целый ряд основных мыслей, которые в области политической экономии представляют собой почти такой же поворот, как ленинская книга «Государство и революция» в области права. Я не скажу — такой же поворот, потому что как раз ленинская книга не имеет тех слабых сторон, которые нас оттолкнули от бухаринской книги. Но основная бухаринская идея — это та идея, что совершенно нелепо представлять себе развитие от капитализма к социализму эволюционно, — представление, которое благополучно дожило до Гильфердинга, нелепое представление, по которому пролетариат, взяв власть, преспокойно кладет в карман буржуазное хозяйство или, точнее говоря, меняет вески на фабриках: объявляются эти фабрики национальной собственностью, и затем производство спокойно идет дальше, как оно шло у буржуа. Бухарин впервые вскрыл диалектический характер этого переворота, как переворота чрезвычайно разрушительного. Ленин показал, что политическую машину пролетариат не может взять в свои руки целиком, он должен ее разбить. Бухарин показал, что и хозяйство капитализма отнюдь не может быть усвоено пролетариатом просто, по Гильфердингу, учившему, что если пролетариат завладеет 6 крупнейшими банками в стране, то будет хозяином всего производства. Мы завладели тогда не 6 банками в России, а гораздо большим количеством, но, тем не менее, наш переворот сопровождался, и Бухарин показал, что он должен был сопровождаться, колоссальным понижением производительности, потому что нужно было конкретно, фактически разбить старую дисциплину труда для того, чтобы на ее место поставить новую дисциплину, — социалистическую дисциплину. Поскольку нам это удалось и мы новую дисциплину труда осуществляем у нас, постольку мы не можем сейчас не оценить этой книги Бухарина, которая, конечно, не только характеризовала прошлое, но которая смотрела еще больше в будущее, и это будущее ее оправдало. «Коммунистическая революция пролетариата, как и всякая революция, сопровождается *понижением* производительных сил», писал Бухарин в 1920 году. «Гражданская война, да еще такого гигантского масштаба, как современные классовые войны, когда не только буржуазия, но и пролетариат организован в государственную власть, экономически и с точки зрения *ближайших циклов воспроизводства*, есть чистый минус. Но мы уже видели на примере кризисов и капиталистических войн, что суждение с такой точки зрения есть ограниченное суждение; необходимо выяснить роль данного явления, исходя из *дальнейших циклов воспроизводства, в их широком историческом масштабе*. Тогда издержки революции и гражданской войны представятся, как временное понижение производительных сил, которое создало тем не менее базу для их

громадного развития, *перестроив производственные отношения на новый лад*».

Книгу Бухарина упрекали за целый ряд неверных прогнозов. А это разве не верный прогноз? Это, несомненно, верный прогноз, это предсказание того, что действительно осуществилось, и это сделано было Бухариным тому назад 8 лет, в тот 20 год, который был ознаменован снижением производительных сил до минимальной степени, какая только достигалась за все время революции.

«Завоевать» старые экономические аппараты целиком *нельзя*. Производственная «анархия» или, как ее обозначает проф. Гриневецкий, «революционное разложение промышленности» есть исторически неизбежный этап, от которого нельзя отделаться никакими lamentациями. Конечно, с точки зрения абсолютной, было бы чрезвычайно хорошо, если бы революция и крах старых производственных отношений не сопровождалась распадом технико-производственных связей. Но трезвая оценка реальных процессов, их *научный* анализ говорит нам, что период этого распада исторически неизбежен и исторически необходим»¹.

Наконец, тут же приходится назвать и третью книгу, которая появилась несколько позже, но которая входит, по-моему, в тот же цикл. Это книга Крицмана—«Героический период нашей революции». Книга Бухарина родилась в самом процессе революции и это отразилось, прежде всего, на ее стиле. Эта книга дышит революцией, ее теперь, после 8 лет, приятно читать, молодеешь, когда ее читаешь. Книга Крицмана подводит итоги героическому периоду нашей революции а постериори, постольку, поскольку этот период уже закончен. Эта книга носит характер спокойного исторического анализа,—но и она является также замечательной, как первая попытка теоретически выдержанной экономической истории наших революционных годов, написанной не в таком пламенном стиле, как бухаринская книга, не так глубоко по анализу, как «Государство и революция» Ленина, но дающей тоже неизбежное звено в нашем понимании революции. О том, какое понимание давал тут т. Крицман, позвольте мне сказать во второй части моего доклада. Сейчас для нас важно только отметить, что первые три книги, вышедшие в это время,—работы, хотя и далеко неравноценные, но все три замечательные книги, от которых приходится вести в известной степени всю дальнейшую работу нашим обществоведам, все они как раз концентрируются около попытки понять совершившийся грандиозный переворот. Тут мы имеем самое непосредственное внедрение классовой борьбы в обществоведение. Нужно было на самом ходе событий понять, что происходит, как происходит, к чему это ведет. На это было устремлено все внимание. И естественно, что ничего подобного по анализу нашей революции 17 года буржуазная литература не дала и не могла дать. И во второй части своего доклада мне придется показать, что самое возрождение у нас буржуазного обществоведения и возможность некоторых отно-

¹ Н. И. Бухарин, «Экономика переходного периода», стр. 50 и 48.

сительных его успехов могли состояться только благодаря поддержке советской власти, которая (поддержка) была не капризом, а была неизбежной и необходимой. Только благодаря этому у нас вновь вернулись некоторые ростки буржуазного обществоведения и дали некоторые результаты. Если бы не было этого явления, то, не подлежит никакому сомнению, марксистская литература была бы монополистической с самого начала. Я скажу, что это было бы плохо, это было бы плохо потому, что, сама будучи отражением классовой борьбы, общественная наука крепнет именно в борьбе, и если бы от этой борьбы ее совершенно избавить и установить тот порядок вещей, о котором рассказывают за границей, будто у нас только одни коммунисты могут заниматься обществоведением, то это будет плохо. Несомненно, нам это буржуазное течение, буржуазные тенденции, с которыми я вас познакомлю во второй части моего доклада, они нам нужны, они нам в известной мере полезны. Вот почему я не склонен относиться к ним с яростью, а наоборот, испытываю тихую благодарность при виде таких произведений. На них не столько мне, у меня уже зубы вываливаются, а нашей молодежи придется точить зубы. Но, товарищи, эта часть моего доклада потребует больше часа времени, а я уже час говорю, позвольте сделать перерыв.

От перечисленных мною в конце первой части работ тянется длинная нить к нашему времени, через все десятилетие. Задача осмыслить Октябрьскую революцию для самого себя, поняв, что именно произошло и какие нам предстоят перспективы, настоящая задача всякого обществоведения, которой в этой области наука всегда занималась, поскольку это было нечто живое,—стала в центре работы всего десятилетия. Появляется целый ряд работ, связанный с этим в области теоретической экономии. Встала проблема социалистического накопления, возник вопрос, откуда социалистическое государство возьмет средства, и чрезвычайно характерно, что на этом отразились известные колебания предшествующего периода, отразилось до некоторой степени «похмелье» 1905 года, которое было изжито нашей партийной верхушкой окончательно уже к началу революции, но которое продолжало еще существовать в разлитом виде, и давало время от времени вспышки вроде теории Евгения Алексеевича Преображенского, что социалистическое государство может получить какие-нибудь средства только из деревни, т. е. только начав по-новому эксплуатировать крестьян. Эта теория по-моему,—я ее тут подробно разбирать не буду,—эта теория носит на себе определенный отпечаток периода после 1905 года, периода отчаяния и уныния, которое было тогда, она исходит из общей предпосылки, что когда-то неудача должна быть, где-то неудача должна быть. Ее не было до сих пор, но она будет. Как спастись от этой неудачи? Да вот как—только героическим средством—начать эксплуатировать деревню, только так можно спастись. Что это есть другое, как не неверие в социалистическое строительство и силы социалистического общества, в его производительные силы, как такового? Но я на этом сейчас не буду останавливаться. Для меня как для конкретного человека,—исто-

рия есть конкретная наука,—гораздо интереснее исследовать те исторические конкретные проблемы, которые встали после этих первых работ. В работах тт. Бухарина и Крицмана ставится вопрос о революции в международной плоскости. Для Бухарина революция была прежде всего международной революция, и для Крицмана наша революция побеждает прежде всего как международная революция. Именно так он и ставил вопрос о русской революции. «Для пролетарской революции созрел капиталистический мир, поэтому стала возможной русская пролетарская революция. Внутри же созревшего для революции общества она прорывается не там, где дальше всего зашло развитие экономики этого общества, а там, где дальше всего зашло развитие общественных противоречий, обуславливаемое не уровнем экономики данной части общества, а уровнем экономики этого общества в целом».

Тут мы имеем уже окончательную, суммированную формулировку этого интернационального характера нашей революции. У Бухарина это гораздо ярче, нежели здесь. Может быть поэтому книга Бухарина в свое время вызвала критическое отношение к ней Ленина. Но так или иначе идея была поставлена. Эта идея была поставлена таким образом, что наша пролетарская революция 17 года есть часть мировой социалистической революции, ее начало. Она, конечно, всегда будет рассматриваться так. Но если мы перейдем в конкретную плоскость, то тут мы наткнемся на целый ряд, как выражался Ленин, деталей, деталей довольно неожиданных. Ленин, как вы знаете, к этим деталям относил и Брестский мир, и нэп, и такие вещи, которые собственно деталями можно назвать только с мировой точки зрения, что Ленин здесь и оговорил. И вот, одной из таких «деталей» оказалось, что наша революция в течение очень долгого периода времени будет революцией в одной стране, но что в этой одной стране все-таки возможно настоящее социалистическое строительство. Ленин решил этот вопрос—мы этого не заметили, ход спора нас отвлекал в другую сторону,—именно в процессе борьбы за Брестский мир. Что, собственно, левые коммунисты в то время утверждали и требовали? Если мы сложим оружие перед германским империализмом, говорили они, то социалистическая революция, как таковая, погибнет, ее не будет, не будет социалистической революции. Социалистическая революция императивно диктует антиимпериалистскую войну. Ее нужно начинать с ближайшего империалистического противника, каким является Германия. Ленин ответил на этот вопрос отрицательно, не нужна сейчас такая империалистическая война, обойдемся без нее. Примем за базу данную страну, тогда еще называвшуюся Россией, а не СССР, и попытаемся здесь строить. Мы этого в горячке борьбы не заметили, но фактически вопрос о возможности социалистического строительства в одной стране тогда получил уже определенный ответ. С тех пор те споры, которые иногда возникают, только показывают, как уроки ленинской политики плохо еще нами усвоены. Казалось бы, после «Государства и революции» толковать о внеклассовом государстве, внеклассовой государствен-

ности, это значит совершать акт полемики, аналогичной полемике антидарвинистов, виталистов и т. д. Но тем не менее полемика в пользу внеклассовой государственности продолжалась и до известной степени даже до сих пор продолжается. Пытаются всячески уковырнуть теорию классового государства, показать: а все-таки государство есть нечто самостоятельное, а все-таки оно плавает над классами и для этого используют, лжеиспользуют, например, известные слова Маркса, что абсолютизм является силой, уравнивающей общественные силы при нерешенной борьбе классов. У Маркса это сформулировано вполне отчетливо в классовых терминах, и совершенно ясно, что он не имел в виду, что абсолютизм это внеклассовая форма. Это он особенно ясно сформулировал в статье, которая была у нас напечатана в «Под знаменем марксизма» в 1923 году. Но тем не менее споры продолжают. Эти споры представляют собой попытку перерешить вопрос однажды решенный, как показал весь ход истории, совершенно удовлетворительно.

Но есть вопросы, которые не решаются так просто. Один из таких вопросов поставлен т. Крицманом, вопрос, вытекающий из того, что наша революция победила именно, как часть мировой революции,—поставлен очень осторожно, как вы можете видеть из прочтенной мной цитаты, совершенно по-ленински. Он вызвал в нашей литературе очень любопытную полемику и открыл собой серию вопросов, поставленных именно нашим обществоведением, причем особенно характерно, что шаблонное академическое деление обществоведения здесь совершенно отсутствует. То, что я назвал бы кафедральным идиотизмом, кафедральной ограниченностью, тут особенно ярко блистает своим отсутствием. Я, может быть, подвергаюсь опасности быть обвиненным в хвастовстве, но для этого вопроса характерно, именно для нашего обществоведения, что он возник одновременно в двух семинариях Института красной профессуры, возник одновременно, без предварительного соглашения, до такой степени этот вопрос сам собой навязывался тем, кто хотел понять нашу революцию: был у нас в России свой империализм перед революцией, или не был? В значительной степени этот вопрос являлся одной из форм вопроса о том, почему у нас возможно социалистическое строительство. И вот одновременно появилась книга Ванана в моем семинарии, историческом, и книга Ронина из семинария т. Крицмана, которые обе пытались ответить на этот вопрос. Потом появились работы Леонтьева, Гиндина, в последнее время Арк. Сидорова. Я боюсь, что некоторых товарищей я забыл. Это чрезвычайно характерно, что мы с разных сторон почти нечаянно ухватились за то звено цепи, которое могло повернуть весь вопрос.

Я не стану этого вопроса излагать перед вами и не стану утверждать, что он решен. Был у нас или не был самостоятельный русский империализм? Крицман и его направление, скажем Ронин, говорят, что никакого специфического русского империализма не было, а был французский и английский империализм,—подлинные слова Крицмана,—оперировавшие на территории бывшей Российской

империи. Это подчеркивает характер нашей революции, как мировой революции. Или же, как утверждали другие,—Леонтьев, в последнее время Аркадий Сидоров,—был свой русский империализм, конечно, зачаточный, конечно, убогоочный, далеко не развитой, но по существу аналогичный французскому империализму, германскому и английскому. Этим ставился вопрос о возможности у нас социалистической революции, вызванной, между прочим, и местными условиями. Эта полемика, продолжающаяся до сих пор, характерна для основной проблемы, которую решало наше обществоведение, проблемы осмысливания нашей революции. Таким образом, не формально, а реально, по существу, Октябрьская революция является тем исходным пунктом, от которого идут все направления нашего обществоведения. И, может быть, инстинктивно совершенно правильно наши первые красные профессора отказывались заниматься в историческом семинарии чем бы то ни было, кроме истории Октябрьской революции. Характерно, что сейчас этого нет. Сейчас от Октябрьской революции, насытившись ее изучением и поняв ее, хотя бы в грубых и элементарных чертах, они идут к более далекому прошлому,— сначала к предвоенному общественному состоянию, а затем и вглубь времен вообще, начинают изучать весь русский исторический процесс в целом в семинарии по русской истории. Этот научный ход нашего молодняка, по моему мнению, очень любопытен. Он показывает, что мы создаем новое обществоведение на вполне реальной базе на почве осмысливания того громадного факта, который произошел в нашей стране, и в то же время это лишний раз подтверждает, что обществоведение есть не что иное, как классовая борьба, отраженная в научных формах. Казалось бы, что и все развитие должно идти в этом направлении, то есть в направлении дальнейшего оформления, углубления и дифференциации марксистской мысли, работающей над фактами непосредственно нас окружающей действительности. Между тем, на самом деле сейчас мы имеем совсем не эту картину, а картину, о которой я два слова сказал в конце первой части доклада, картину чрезвычайной пестроты, картину известного волнообразного движения. У нее есть свои приливы и отливы и как раз в данное время мы переживаем с нашей точки зрения сильный отлив, а с точки зрения противоположного лагеря сильный прилив чуждых нам идеологий в различных областях. Я остановлюсь на той дисциплине, представителем которой я сам являюсь,—истории, но прежде всего я хотел бы вас исторически подвести к пониманию той пестроты, о которой я говорил сейчас.

Я сказал, что возрождение буржуазной идеологии на нашей почве могло совершиться только при содействии самой советской власти и это парадоксальное положение я не беру назад. Дело в том, что для нашего социалистического строительства с самых первых минут нам понадобилось большое количество специалистов в очень тесном смысле этого слова, т. е. людей, которые хорошо знают данный определенный участок науки. Настоящий специалист, конечно, не тот, который может рассуждать об очень многих предметах, но

тот, который хотя бы один предмет, но знает действительно до дна или предполагается, что он его знает. От нас социалистическое строительство на каждом шагу требовало готовых ответов. Наш молодняк сейчас уже может давать такие ответы. Через 10 лет мы, вероятно, будем удивляться, зачем мы искали каких-то других ответчиков по этой линии, когда у нас были свои собственные красные специалисты. Через 10 лет это будет казаться так же естественным, как нам кажется естественным довоенный уровень производства. Это теперь нам кажется естественным, понятным, а не дальше, как лет 5—6 тому назад довоенный уровень производства относили не то к 32, не то к 35 году; а мы сейчас его достигли и это нам кажется естественным и понятным, и когда поезд опаздывает на 10 минут, мы уже ворчим и не вспоминаем о тех временах, когда поезд от Москвы до Ленинграда шел двое суток. Нам в нашем строительстве новых форм общественности нужны были специальные знания и мы их брали, во-первых, из чужих книг, во-вторых, от чужих людей. Это было совершенно неизбежно, без этого обойтись было никак нельзя. Что касается чужих книг, то, насколько я знаю, больше всего они повредили в области нашего права, в области юриспруденции. Я излагаю не свою точку зрения, я в области правовых институтов не беру свою точку зрения излагать, а просто повторяю то, что пишут наши ученые марксисты. Вначале была использована школа Петражицкого с его типичной мелкобуржуазной идеологией. Петражицкий был очень в большом ходу в первые годы нашего юридического строительства, и первые наши учебники наших специалистов того времени переполнены петражицкизмом. Это была первая стадия.

Вторая стадия—это был пример Западной Европы. Так как буржуазия в борьбе с надвигающейся на нее диктатурой пролетариата и рабочей революцией вынуждена была принимать диктаториальные, диктатурообразные, если можно так выразиться, формы общественного быта, вынуждена была расстаться со своим былым манчестерством, вынуждена была сосредоточить общественную власть очень сильно в одном кулаке, то там довольно естественно получился целый ряд образований, внешним видом до некоторой степени напоминающих то, что происходит при диктатуре пролетариата, ибо классовая диктатура какого бы то ни было класса всегда даст те или другие внешне сходные черты. Так, напр., стирается или стерлась уже в новейшей буржуазной юридической литературе разница между государственным и частным правом. Всякие частно-правовые институты рассматриваются, как результат известного распоряжения государственной власти и только. Само собой разумеется, что сходство с пролетарской диктатурой здесь чисто внешнее. Достаточно стать на классовую точку зрения по отношению к государству, чтобы это понять. Переносить эти понятия в нашу литературу, это значит перепрыгивать через класс. Это перепрыгивание однако было сделано, и это очень сильно отразилось, между прочим, на наших юридических построениях второго периода. Если первый период может быть охарактеризован, как петражицкизм, то второй—как увлече-

ние примерами Западной Европы. Это довело одного из создателей этой теории до того, что когда он написал конкретную работу об аграрной реформе на Западе, то оказалось, что он не только повторил слово в слово буржуазного профессора Литошенко, но немного вправо наклонил Литошенко. Статья эта не увидела света, но этот факт показывает, как человек постепенно вживался в буржуазное миропонимание.

Между ним и буржуазным проф. Литошенко не оказалось никакой разницы. Они мыслят совершенно одинаково и приходят к одинаковым результатам. Только, так как Литошенко не коммунист, а этот автор был тогда коммунистом, то Литошенко соблюдает некоторые внешние аппарасы, а тут никаких и аппарасов нет. Они говорят: проведена была коренная аграрная реформа, крестьяне получили то-то и то-то, а потом Крестинтерн доказал, что ничего не получили и что все это было только на бумаге. Это было другое течение. И сквозь эти два течения постепенно, в работах тт. Стучки, Пашуканиса и др., в журнале «Революция права», в «Энциклопедии права и государства» и т. д. юридическая мысль прорвалась к настоящим марксистским понятиям, которые отразились в новейшей литературе, какую мы имеем сейчас перед собою. Это уже третья стадия.

Такую же картину мы имеем, и еще более яркую картину, в области экономики. Тут точно так же для строительства понадобилась масса специалистов. Специалистов вербовали соответствующие наркоматы, и эти специалисты приносили с собою специальные знания, навыки, умение, приносили пользу советской власти, но приносили с собою также и свою идеологию, и это вполне естественно. Наверное даже наш Институт высшей нервной деятельности не сможет вам сказать, что можно выделить соответствующие части мозга того или другого специалиста и отправить в музей, а остальные части использовать на благо советского строительства. Приходится брать цельного человека, и этот цельный человек приходит с такого рода идеологией.

«Марксизм и народничество,—говорит один из этих авторов,— есть особое этическое настроение, борьба между ними является столкновением психологий». Я буду называть имена—это проф. Макаров. Он говорит, что для успешного понимания крестьянского хозяйства необходимо заразиться психологией хозяина, в которой есть много «этически ценного, бодрого, красивого» и что «агрономическая помощь и кооперативное движение требуют своего социально-этического обоснования». «Поскольку сельская буржуазия—эта наиболее активная до революции верхушка крестьянства—из класса *an sich* превращается в класс *für sich*, становится уже вопрос о выработке для крестьянской России здоровой крестьянской идеологии».

Тот же самый Макаров под одной рубрикой социально-экономического направления в изучении крестьянского хозяйства рассматривает и Ленина, и П. Маслова, и князя Васильчикова, и А. А. Чулова. Все это социально-экономическое направление!

Черты крестьянского хозяйства Макаров объясняет так: «при подходящих условиях» крестьянское хозяйство «заболевает» такими «заразными болезнями капиталистического общества», как «жажда денег», «поиски высокой цены», «высокого денежного дохода», «не считающихся, разумеется, с размерами потребления». Но само крестьянское хозяйство для него, конечно, чисто потребительское, а не товарное. Товарность — это болезнь... Сам по себе крестьянин, по своему этическому типу, не приобретает, он—хозяин, труженик, но иногда заболевает капиталистической болезнью. Вы догадываетесь, что от марксистской постановки это замечание чрезвычайно далеко. Другой профессор, Литошенко, совсем иного мнения—но от этого дело не улучшается. Он берет быка за рога гораздо более основательно, он прямо против культа физического труда. «Культом физического труда сквозит во всех панегириках крестьянскому хозяйству», восклицает Литошенко. «Это все та же методологическая ориентация, которая отличает Маркса и его школу». Маркс, видите ли, создал культ физического труда, и это неправильно переносится на крестьянство. Из дальнейшего видно, что Литошенко согласен с этим, когда речь идет о промышленности, об индустрии и т. д. Но когда это переносится на крестьянство, это—неправильно.

«Чтобы приблизиться к истинному пониманию природы крестьянского хозяйства, мы должны поставить во главу его не обвешанного романтикой члена партии «земли и воли», равно как и не капиталиста-предпринимателя, действующего по схеме Маркса (!). Во главе хозяйства должна стать реальная фигура экономического человека, обладающего, как и всякий человек, «запросами потребления», но в то же время умеющего считать и отлично угадывать свои собственные выгоды. Не одна душа, а две души живут в крестьянском хозяйстве. Одна душа—потребителя, отца многочисленного семейства, покорно взвращающего на неуправляемый прирост потомства и наивно мечтающего о «земле и воле»; и другая душа—хозяина-предпринимателя, понимающего, что даже без эксплуатации чужого труда (!) у него в руках верное средство к обогащению, душа хозяйственного мужичка, умеющего считать и знающего цену себе и своим продуктам, душа продавца товара, кооператора и вкладчика в сберегательные кассы».

Я не буду цитировать Бруцкуса, он оставил пределы СССР в настоящее время и в этом отношении он для нас неинтересен. Но он писал в советских изданиях. Он писал о результатах столыпинской реформы. «Мобилизационный процесс,—пишет он,—привел к переходу земли из рук плохих хозяев не в руки всякого случайного крестьянина, а в руки тех, кто брался отвечать перед народным хозяйством за надлежащее использование».

Наконец, я возьму еще одного автора, Огановского, из которого разрешите прочесть довольно длинную цитату. Сначала, впрочем, я процитирую его критика,—которому я, кстати сказать, обязан большей частью приводимых здесь цитат. «Для автора главный фактор сельскохозяйственной эволюции—рост населения: 1) возрастание плотности сельскохозяйственного населения и 2) увеличение

городского и промышленного населения в данной стране (40 стр.). В глазах автора рост населения, этот бесспорно производный и отнюдь не первичный фактор, выпячивается на первый план, и наш автор ищет причину в том, что само является прежде всего следствием. В вопросах народонаселения автор, несомненно, стоит на позициях мальтузианства, которое, как мы говорили в прошлой рецензии на книгу Бруцкуса, нашло себе в России благоприятную почву¹. А затем—перл уже самого Огановского: «Разделяя население на классы и сословия, предоставляя одним классам землю, власть над народной массой и даже ее даровой труд, отнимая у этой массы все права и значительную долю средств существования, *политические факторы создавали экономическую дифференциацию* такого огромного масштаба, с которой едва может сравниться современная дифференциация индустрии». Когда вы слышите об этом исключительном влиянии плотности населения на развитие хозяйства и о влиянии политических факторов, то перед вами—живой Милуков. Кто помнит хорошо «Очерки истории русской культуры», тот помнит, что у Милукова в основе лежит так называемый им закон Левасера—на самом деле сформулированный писателем XVIII века Аделунгом и сводящийся к тому, что уровень хозяйственного развития страны всецело определяется плотностью населения. И в то же время Милуков, продолжая Чичерина и Ключевского, учил, что «политические факторы»—читай, деятельность государства—были причиной образования сословий в Московской Руси. Тут мы имеем дальнейшее заострение этой теории. Милуков не шел дальше образования сословий, поскольку сословие—это все же юридическая группировка,—но здесь дело доведено уже до полной нелепости, политическим фактором, оказывается, созданы и общественные классы, а не только сословия. Таким образом мы видим перед собою мертвеца, научного мертвеца, встающего из гроба. Никакого движения общественных наук вперед тут усмотреть нельзя. Это учение жило 40—50 лет назад, его можно отнести, если хотите, даже на целое столетие назад, поскольку теория закрепощения и раскрепощения общества «политическим фактором», это теория Чичерина, 50-х годов XIX века. Так что 100 лет не 100 лет, а лет 70—80 эта теория за собой имеет.

Вот вам, товарищи, другой образчик, как потребности практического строительства, которые заставили взять на работу Макарова, Литошенко, Огановского и др., как они косвенно вызвали к жизни буржуазную идеологию. Это вполне естественно, ведь не мог же человек прийти без своей идеологии. Он ее принес с собой и начал почти невольно, мимоходом, распространять. Я не буду останавливаться долго на идеологической установке этих авторов. Я не знаю, стоит ли говорить о том, что кроме этого у них есть большое количество цифрового и всякого другого материала, который, поскольку он собран тщательно

¹ Дубровский. «Обзор русской литературы по аграрному вопросу», Вестник Соц. академии, IV, стр. 427. Из статей т. Дубровского взяты все цитаты из буржуазных экономистов, о которых здесь говорится.

и подобран добросовестно, несомненно, может быть очень полезен. Хотя я должен сказать, что цифры, которые для некоторых являются большим фетишем, являются очень мягким воском в руках более или менее умелого автора, и при помощи одного и того же статистического материала можно построить две концепции, диаметрально противоположные друг другу. Статистика лишней раз подтверждает, что «объективной» общественной науки в буржуазном понимании этого слова не существует. Цифровые итоги можно оценить только, когда вы подойдете к вопросу с идеологической стороны, когда вы поймете идеологическую установку того или другого автора,—об этом много раз писал Ленин, и об этом забывать не следует никогда.

Едва ли нужно напоминать присутствующим, что и эти, экономические, пережитки старой идеологии, и довольно давно уже, изжиты нашим обществоведением, сумевшим, и именно в аграрном вопросе, создать такой орган, как журнал «На аграрном фронте». Сейчас и здесь, в этой области и количественно и качественно, марксистская идеология одержала решительную победу над буржуазной.

От конкретной экономики совершенно естественным является переход к истории. Я уже упомянул, что Институт красной профессуры отдельные проблемы ставил, не сговариваясь, одновременно как на историческом, так и на экономическом семинарии. Эта связь свойственна конкретной экономике вообще. Как только экономика сходит со своих теоретических высот, как только она спускается в низменную область изучения конкретных фактов, она сейчас же невольно начинает говорить историческим языком, ибо никакого другого подхода к экономической действительности, кроме исторического, не существует. Этим я объясняю тот факт, что целый ряд молодых авторов, ныне подвизающихся в области конкретной экономики, по своему воспитанию—историки, они с истории начали. Но та же связь истории и конкретной экономики должна быть и в другом лагере. Охарактеризованные мною сейчас концепции буржуазных экономистов советского периода, что это такое? Это чисто историческая концепция, примененная к истории аграрных отношений для истолкования современных аграрных отношений. История есть своего рода универсальная наука, к которой тяготеют решительно все другие области науки. Историю можно найти не только у историков. Фактически история занимает у нас в Коммунистической академии маленький уголок, собственно—она никакого уголка не занимает. Присутствующий здесь т. Горин—секретарь общества историков-марксистов—может вам сказать, есть ли у него хоть какой-нибудь уголок, хоть какая-нибудь жилая площадь. По-моему никакого уголка у него нет. А если даже такой уголок и есть, то эта жилая площадь только на одну душу. Но тем не менее нет ни одной секции в Комакадемии, нет ни одной комиссии, нет ни одного института, который бы не занимался историей. Историей занимаются все. Скажем, Институт советского строительства занимается изучением

истории советского строительства и по этой линии он занят был еще недавно историей больше, нежели чем-либо другим.

Секция права и государства ставит историческую работу по развитию правовых политических идей в XVII—XVIII в. Институт мир. хоз. и мир. политики собирается издать серию дипломатических документов с конца XIX века по 1917 г., это историческая задача несомненно. Секция естеств. и точных наук создает кабинет по истории естествознания, имеющий превратиться в Институт истории естествознания. Куда вы ни посмотрите, везде вы встречаете историю, которая есть универсальная наука, или, точнее, универсальный подход к пониманию всякой общественной проблемы. Словом, обществоведение идет тем самым путем, которым я пытался вести вас в своем докладе. Оно идет чисто историческим путем. Вот почему я заканчиваю свой маленький беглый очерк явлениями из области истории, поскольку тут мы имеем в сгущенном виде все те идеологии, которые в разбросанном виде отражаются в других частях обществоведения.

Октябрьская революция очень сильно ударила по нашей старой буржуазной истории и, можно сказать, совершенно выбила ее из колеи. Часть старых историков просто стала стыдиться того, что они писали раньше и именно того, за что мы этих историков в свое время до известной степени уважали и почему мы ими не до известной, а в очень широкой степени пользовались. Одна из первых исторических книг, вышедших после революции и по тогдашнему времени, это было в 1919 г., чрезвычайно изящно изданных, это был «Борис Годунов» академика Платонова, где академик Платонов с необычайной тщательностью вытравил все черты классовой борьбы в Московском государстве конца XVI—начала XVII века, которые мы в свое время брали из его ранних произведений, «Смутное время» и т. д. Тут все это было тщательно устранено, никакой классовой борьбы не происходило, и вся судьба Бориса Годунова обуславливалась исключительно его индивидуальными свойствами. Академик Платонов не теоретизировал, он благоразумно оставался в области конкретных фактов. Но нашелся среди этого круга профессоров человек живой, искренний, откровенный, который прямо заявил в чем дело. Он сказал, что Октябрьская революция до корня разрушила теорию исторического материализма. Он утверждал, что после Октябрьской революции смешно говорить об историческом материализме. Раньше можно было воображать, что действительно не идеи правят миром, а двигают миром экономические факторы, развитие производительных сил. Но после того как большевики завладели властью и вырвали из-под этого профессора «производственную базу», которую он имел ранее в образе распространения своих учебников, после этого совершенно ясно стало, что дело идет не так, как требует теория исторического материализма, а совершенно иначе. У власти стала, — говорит он, — кучка лиц, которые явились из-за границы (я передаю вольно его слова) в рваных пиджаках, у которых не было никакой решительно материальной силы, а только сидела в голове с твердостью маньяка идея и была смелость к осуществлению этой идеи. И осуществ-

вили. После этого рассказывайте, что в основе лежит развитие производительных сил, никаких решительно у них производительных сил не было. Голые почти люди пришли (смех), почти без штанов, и совершили такой переворот. И, заканчивает решительно Виппер этот свой «Кризис исторической науки»: в настоящее время всякий разумный историк станет, конечно, не на материалистическую похороненную точку зрения, а на точку зрения идеалистическую.

Виппер был первым историком, который во всеуслышание заявил — «я идеалист»¹. Историки раньше этого избегали, они обыкновенно были идеалистами на практике, но в теории они избегали называть вещи своим именем, а когда их марксисты называли идеалистами, они делали кислые физиономии и говорили: «боже мой, какое упрощенство, подумайте, какой я идеалист, когда я признаю множественность факторов». Этот встал на идеалистическую точку зрения, потому что Октябрьская революция, для него, в конец ниспровергла материалистическое понимание истории. Я должен оговориться, что и это произведение Виппера получило свет благодаря поддержке советской власти. Оно было напечатано Госиздатом в качестве одного из выпусков трудов состоявшего при Казанском университете исторического общества. Я это привел в своей статье об этом произведении Виппера, как пример тому, что у нас свободна всякая наука, в том числе общественная наука, и можно печатать такие вещи на советский счет, в советском издательстве, читать в обществе, открыто существующем при университете² и т. д., и т. д. Так было вначале. В дальнейшем эта точка зрения не получила развития у нас и, как вы знаете, Виппер сам уехал за границу и читает лекции в Рижском университете. У нас эта точка зрения тогда не привилась, ростков не пустила. Кто помешал пустить ростки? Приведенный мною пример с напечатанием этой книги в Госиздате и прочтением этого доклада в обществе, открыто существующем при университете, опровергает нелепую легенду, будто бы какие-то внешние давления помешали этому. Конечно, нет. Причем тут внешние давления? — У нас появилась, начиная с 1921/22 года, новая аудитория. Эта аудитория причиняет бесконечные мучения представителям старой точки зрения. Я не стану говорить, что эта аудитория так сложно и тонко понимает события, как это требовалось теми буржуазными учеными, которые говорили, что они верят во множественность факторов. Когда с этой аудиторией, в значительной степени рабочей, профессор начинает разговаривать совершенно непролетарским языком, то аудитория это схватывает и чувствует, и происходит скандал. Такие скандалы происходили у нас нередко. Недавно в одном из провин-

¹ Мне указывали, что еще раньше заявил это проф. Карсавин. Конечно, Карсавин занимал в Ленинграде кафедру истории — но кто же когда с ним считался, как с историком?

² Так как у слушателей возникло недоразумение, что Виппер читал свое произведение в обществе при Казанском университете, и Казань на это обиделась, то сообщаю, что читал-то Виппер свое произведение в Москве, а лишь напечатал его в Казани.

циальных университетов имел место такой случай. Профессор, очень почтенный исследователь, которого как исследователя мы вовсе не желаем терять, тем более, что он ведет исследование в том направлении, как нам нужно, так что конкретные результаты его работы нам очень полезны, читает в этом университете националистический курс. В один прекрасный день аудитория забунтовала. «Извините, пожалуйста, что это такое?—Это похоже на марксизм?» И кончилось тем, что этого профессора приходится снимать с кафедры, потому что при таких отношениях, какие сложились у него с аудиторией, дело не пойдет и итти не может. Это влияние новой аудитории, аудитории пролетарской, сильно способствовало тому, что не прозябают те ростки, которые мы видим в первых произведениях Платонова и Виппера. И Платонов в виде компенсации выпустил целую книгу «О социальной борьбе в смутное время».—Что вы меня обвиняете, что я классовую борьбу не признаю?—Вот целая книжка, специально об этом написанная¹.

Лишь в самое последнее время «випперовские» настроения начинают вновь оживать в нашей исторической литературе. Главным симптомом этого оживления является последняя книга проф. Петрушевского «Очерки экономической истории средних веков», о которой я подробно говорю в статье, печатающейся в «Историке-марксисте», почему не буду касаться ее здесь. В той же статье исторического журнала нашей Академии можно найти и характеристику другого образчика исторической реакции последних дней, книги акад. Тарле «Европа в эпоху империализма»,—о которой я много говорил в своем докладе—теперь я эту часть доклада опускаю. Но, к величайшему моему огорчению, мне не удалось сказать ни там, ни тут о чрезвычайно ярком образчике «стихийного» исторического материализма,—образчике, имеющем, притом, мировое значение. Сила марксизма не только в том, что он «заражает» буржуазных профессоров,—как об этом говорится в упомянутой сейчас статье нашего исторического журнала. *Сами факты* наталкивают добросовестного исследователя на марксистскую точку зрения, он иногда долго идет по одной дороге с нами, не замечая этого, и лишь через ряд лет осознает, не без неожиданности, может быть, для самого себя, что он—последователь исторического материализма. Такова судьба одной лингвистической теории, представляющей собою, вероятно, высшее достижение науки о языке в настоящий момент—*яфетидологии*. Об этой теории правильно было сказано одним ленинградским товарищем, что ей необходимо открыто признать марксизм, как свою общеполитическую и социологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой специальный лингвистический отдел». Достаточно привести одну цитату из последнего произведения творца теории, акад. Н. Я. Марра «Человечество сотворило свой язык в процессе труда

¹ Мне указали, что в новейших своих произведениях, например, в книге о Петре I, акад. Платонов вернулся к чистому индивидуализму. Не имея под руками этой книги, не могу проверить этого указания.

в определенных общественных условиях и пересоздает его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта соответственно новому в этих условиях мышлению. Выходит, что натуральных языков не существует в мире, языки все искусственные, все созданы человечеством... Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике». А эта теория отчетливо начала складываться еще в 1908 году—корни же ее уходят далеко вглубь XIX столетия.

Необходимо сказать несколько слов о том, что же мы сами сделали в области истории? Эта работа очень велика, и если бы я себе поставил задачей не характеристику *направлений*, а лишь фактическую характеристику научной продукции, о произведениях Платонова, Виппера, Петрушевского, Тарле можно было бы сказать два слова, а о произведениях марксистских историков написать десять страниц. Прежде всего, в области *западной* историографии мы имеем такое количество работ по истории классовой борьбы в новейшее время, что они сами по себе, вероятно, сполна уравнивают все, что писалось в нашей стране об этом сюжете до революции. Мы имеем ряд книжек и статей по истории французской революции как старых наших марксистов—т. Н. М. Лукина—так и нашей молодежи, тт. Моносова, Фридлянда, Щеголева, Захера и др. По Парижской коммуне 1871 г. мы имеем единственную в мировой литературе строго марксистскую работу того же т. Лукина. По истории социализма мы имеем ряд этюдов и большой курс т. В. П. Волгина. По истории античного мира мы имеем чрезвычайно интересные книги Тюменева и Преображенского (П. Ф.). По средневековой истории работают такие близкие к нам исследователи, как Е. А. Косминский. И т. д., и т. д. Мало того—в образе Института Маркса и Энгельса мы имеем такую *базу* для изучения истории классовой борьбы на Западе, о какой и мечтать не приходилось в дореволюционное время. Исследование о Марате или об австрийской революции 1848 г. можно написать, не выезжая из Москвы—а кто захочет из западных историков взять эти темы, должен будет приехать в Москву. А само собою разумеется, что в стенах Института Маркса и Энгельса найдется материал не только для этих двух тем.

Но настоящий переворот в этой области наше время принесло, конечно, в истории самой России. Целый ряд проблем совершенно заново поставлен историками-марксистами. Мы только теперь знаем, что такое в действительности представляла собою Пугачевщина. О декабристах теперь просто нельзя писать так, как писал о них еще В. И. Семевский всего двадцать лет назад. 1905 год нет более необходимости изучать по меньшевистскому «пятитомнику»—и, например, картина революции 1905—7 гг. в деревне теперь почти так же непохожа на то, что писалось ранее, как картина Пугачевщины. Меншевистско-эсеровские мифы развеялись бесследно, и о гегемонии пролетариата в нашей первой революции мы можем говорить с фактами в руках. В области общих концепций русского исторического процесса

скончалась старая «государственная» школа, учениками которой было еще наше поколение в университете. Что особенно выразительно, она скончалась не только в СССР, но и за рубежом. Милюков теперь далеко отошел от своих старых позиций. «По Ключевскому» можно теперь изучать отдельные эпизоды и отдельные вопросы—но в общем его курс устарел чуть-чуть не до Карамзина; и, характернейшая вещь! мы теперь видим, что Соловьев ближе к нам в иных местах, чем Ключевский, что знаменитый московский историк конца XIX века сделал шаг назад по сравнению со своим учителем, и не в мелочах—а в таких вопросах, как петровская реформа. Такова оценка времени—единственного окончательного супер-арбитра в вопросах ценности всех писателей. Очень хотелось бы перечислить всю талантливую молодежь, какая выдвинулась в русской истории за последнее десятилетие. У нашего поколения есть уже школа, и большая школа! Историю Пугачевщины нельзя уже изучать, не считаясь с работами Меерсона и Томсинского, и как ни фантастичен во многих своих выводах первый, все же это, после необходимо беглых характеристик в общих курсах, первая попытка марксистского анализа великого крестьянского бунта XVIII столетия. Декабристов нельзя изучать без Нечкиной—после нее писать о «Соединенных Славянах» то, что обыкновенно писалось, значит сознательно отставать от науки. 1905 года нельзя изучать без работ Дубровского, Гайстера, Граве, Сафа, Горина, Кривошеиной, Панкратовой. К «молодежи» в научном смысле приходится причислить и старого большевика А. В. Шестакова—ученым историком он стал только в последнее десятилетие. Я не перечисляю уже совсем молодую (опять не по году рождения) молодежь, выступившую в коллективных работах по истории Октябрьской революции. Эти работы только начать. Но я не могу не отметить, что молодежь успела дать и оценку старших поколений русской историографии. Ее руками создан сборник «Русская историческая литература в классовом освещении», позволяющий к чужим для нас историкам подходить не с наивной доверчивостью и не с тупым отрицанием, а с ясным, марксистским пониманием их классовой природы.

Чего молодежь до сих пор не могла сделать, это дать своих *общих* курсов. А те, какие есть, явно стареют—и не удовлетворяют уже больше самое молодежь. Не спасло от устарения и курс покойного Рожкова то обстоятельство, что большая часть его текста написана уже после 1917 года: дореволюционное мировоззрение, мировоззрение той «левой глыбы», о которой говорилось в начале этого доклада, тяготеет над ним безраздельно. И в значительной степени та же участь постигла и других его современников. Единичными усилиями молодежи, конечно, нового курса не создать. Но так ли это невозможно при коллективной работе? Надо попробовать!

В заключение нельзя не остановиться именно на одном образчике *коллективной* работы. Марксистская историческая мысль не только имеет у нас свои труды, она имеет уже свой *орган*. Этот орган—журнал «Историк-марксист»,—первый у нас научно-исторический орган, кото-

рому удалось дожить до 7-й книжки, и, по всем данным, удастся дожить до 70-й, если не изменится внешняя обстановка. Чрезвычайно характерно, что профессорские журналы—их пыталось возникнуть несколько—не могли упрочиться, хотя симпатии нашей старой интеллигенции были им обеспечены, а значит обеспечена и подписка. Но у них не было того, что только и позволяет держаться всякому журналу, историческому, нет твердо выдержанной линии, того, что прежде называли «направлением». «Последние тучки рассеянной бури», ключья буржуазного мирозерцания носятся по воле ветров, то приближаясь к нашей стороне, то скопляясь на противоположной стороне горизонта. И все дальше и дальше гонит их суровый октябрьский ветер. И только те, для кого этот ветер попутный, могут идти твердым курсом, оставляя все дальше и дальше позади за собою рассеявшегося противника. И наша литература и буржуазная литература одинаково пытаются дать ответ на вопрос о том, что такое Октябрьская революция, в чем она состояла, в чем ее смысл, в чем смысл совершающихся перед нами событий. Но в то время как наше марксистское обществоведение толкает понимание этого вопроса вперед, создает новые точки зрения, создает действительно-научный подход к этому вопросу, там вы видите разные остатки давно переваренной публицистики, публицистики времен империалистической войны, публицистики начала XX века. Все эти течения не двигают науки вперед, они ее возвращают к тому состоянию, из которого она давным давно уже вышла. Мы можем сказать с полным правом, основываясь на этой литературе, что сейчас в нашем обществоведении существуют два течения: одно течение наше—прогрессивное течение, действительно научное, и другое течение—течение реакционное, антимарксистское, ничего недвигающее вперед, а возвращающее науку к тем позициям, от которых наука уже давным давно ушла.

Охарактеризовать результаты этого развития можно как решительную и окончательную победу материалистической точки зрения и в области права и в области экономики. Очень характерно, что наши экономисты заявляют, что в настоящее время невозможен учебник по теоретической экономике, который бы стоял не на марксистской точке зрения. Они прямо говорят, что в этой области мы одержали полную победу, и если приходится искать остатки чуждой буржуазной идеологии, то только исключительно в конкретных работах. То же самое можно сказать и по отношению ко всем областям обществоведения. И это является не результатом политического захвата власти пролетариатом, но является результатом того, что наше марксистское обществоведение уже вступило в Октябрьскую революцию, вступило в революцию 1917 г. с такой степенью зрелости, с таким превосходством над старой буржуазной точкой зрения, которые заранее обеспечили ему идеологическую победу в этой области. В этой идеологической победе залог всей нашей будущей работы.

Нам, конечно, предстоит сделать страшно много. Нам прежде всего предстоит создать свою армию настоящих специалистов. Не приходится отрицать, что настоящие специалисты в той или другой на-

учной области в нашей среде в настоящее время насчитываются единицами, самое большее десятками. Подавляющее большинство наших ученых—это только ученики, имеющие более или менее крупные достижения, более или менее серьезные первые диссертации. Но это первая диссертация, с которой человека можно пустить на кафедру, но с которой этот человек не является еще руководителем этой кафедры. Создать такого рода армию мы в настоящее время можем. Это для меня несомненный факт. Мы можем, потому что молодежь великолепно понимает то, о чем я вам довольно пространно рассказывал, т. е. понимает внутреннюю социальную победу марксистской идеологии. Они считают эту идеологию единственным отправным пунктом для своих исследований. Это можно сказать не только о молодежи, но молодежи в значительно большей степени это понимает. Это направление наших историков, юристов, экономистов чрезвычайно характерно. Если бы было время, я бы в этой области привел конкретные факты. Но я этого времени не имею, поэтому, заканчивая свое затянувшееся сообщение, я только хочу коснуться того факта, констатировать тот факт, что у нас такой молодняк существует. И главная наша беда, главная наша вина по отношению к этому молодняку заключается в том, что мы не умеем его планомерно использовать. Позвольте выразить надежду, что наша конференция подведет нас к этому планомерному использованию наших коммунистических и марксистских сил. Я глубочайшим образом убежден и желал бы заразить вас этим убеждением, что при планомерной работе мы удесятим наши силы, что те наши зачатки обществоведения, которые теперь уже чрезвычайно значительны и крепки, что они помогут нам создать впервые в мире настоящее марксистское обществоведение на строго материалистической базе. Все пройденное нами до сих пор вполне это оправдывает. Мы пришли к теперешнему состоянию, очень высокому, которое выразилось работами Ленина, Бухарина и др., работая в самых тяжелых условиях подпольного периода. Стыдно будет нам, если мы, овладев властью, располагая всеми средствами государства, не разрешим той задачи, которую наиболее, правда, могучие из нас разрешали в самых исключительных по внешней обстановке условиях. Теперь условия для нас чрезвычайно благоприятны, и я глубоко убежден, что когда мы с вами встретимся на другой такой конференции, может быть не через год-два, а через пять лет, мне говорить о каких бы то ни было остатках буржуазной довоенной идеологии в обществоведении не придется.

М. Покровский

ТЕОРИЯ КРЕДИТА ШУМПЕТЕРА И НАНН'А

Теория предельной полезности, в систему которой деньги по существу совершенно не укладываются, открыла широкое поле для фантастики в области теории денег и кредита. В теории денег—расцвет номинализма всех оттенков (сюда же относится и разновидность номинализма—функционализм). В теории кредита особый, кредитный номинализм, наиболее характерными представителями которого в наше время являются указанные в заголовке авторы.

Грибок кредитного номинализма очень стар, так же, как и грибок номинализма в теории денег. Свое историческое существование он ведет от Джона Лоу.

Благоприятная среда для широкого распространения идей денежного номинализма появляется в последнюю четверть XIX века вместе с новой фазой капитализма. Широкое развитие обобществления на базе частной собственности (акционирование, монополизация) обнажает общественную природу категорий менового общества. На смену реалистическому фетишизму эпохи классического капитализма должен притти фетишизм дематериализованный, номиналистический. С другой стороны, идеологи капитализма, не желая видеть всей противоречивости обобществления на базе частной собственности, надеются, что эта форма обобществления должна эволюционным путем устранить стихийность менового общества. Для этого надо прежде всего изъять из власти стихии такой важный фактор, как деньги. Из продукта стихии деньги превращаются в творение государства (Кнапп), в ассигновку на долю общественного продукта (Бендиксен, Эльстер, Шумпетер). Из составной части товарной стихии деньги превращаются в отвлеченную счетную единицу (Пифман).

Номинализм в теории денег расчищает путь номинализму в теории кредита.

Основная черта кредитного номинализма—учение о самозарождении ссудного капитала, о независимости его от процесса воспроизводства.

Источник этого представления находится не в сфере кредита, а в сфере денежного обращения. Обращающиеся векселя, банкноты, «жиральные деньги», все эти формы средств обращения давали по очереди пищу для кредитного номинализма.

В то время, когда денежный номинализм уже «завоевал мир», кредитный номинализм еще борется за место под солнцем. Но нужно

полагать, что в пределах буржуазной теории кредитному номинализму предстоит большое будущее. Марксистская экономическая мысль поэтому не может оставить этого учения без должного внимания. Сущность кредитного номинализма должна быть надлежащим образом освещена, и основная его ошибка вскрыта. Мы начнем с Hahn'a, а не с Шумпетера, как это следовало бы делать и по хронологическим соображениям и по соображениям удельного веса. Дело в том, что у Hahn'a теория кредитного номинализма доведена до своего логического конца. Hahn, директор банка, «практик с теоретическими наклонностями», как его называет Борткевич (Bortkiewicz «Das Wesen, die Grenzen und die Wirkungen des Bankkredits». Weltwirtschaftliches Archiv. B. VII. S. 71. 1921), прямолинеен, и не знает никаких компромиссов с действительностью, в то время как теоретик Шумпетер, наоборот, старается перебросить мост между своей теорией и капиталистической практикой. После того как мы ознакомимся с прямолинейной схемой Hahn'a, нам легче будет ориентироваться в более тонкой и сложной концепции Шумпетера, но раньше, чем перейти к Hahn'у, мы считаем нелишним посвятить несколько слов вопросу о так называемых жиральных деньгах.

«Жиральные деньги»

Жиральный платеж—это платеж посредством перечисления вклада. Жиральные платежи—явление очень старое. Очень высокой организации достигли жиральные платежи в известном Гамбургском жиро-банке, учрежденном в 1619 г. Говорить о жиральных деньгах нельзя не только в том смысле, в котором говорят о полноценных металлических деньгах, но и в том смысле, в котором говорят о бумажных деньгах или банкнотах. По существу каждый случай применения жирального платежа есть сложное явление, состоящее из двух элементов: а) выплаты банком получателю причитающейся ему суммы; б) внесения получателем соответствующего вклада в банк, причем благодаря совпадению обеих сумм происходит взаимное погашение без посредства наличных денег. *Жиральные платежи, таким образом, не деньги, а способ экономизации денег.* Однако для простоты мы в дальнейшем будем говорить о жиральных деньгах, подразумевая под ними же положительную величину, а отрицательную, а именно экономизацию денег, благодаря жиральным платежам.

В этом смысле мы будем говорить и об объеме жирального обращения, подразумевая то уменьшение объема обращения, которое обуславливается совокупностью жиральных платежей.

Каков же объем жирального обращения?

У Фишера (Ir. Fisher. «The purchasing Power of Money», p. 33. N. Y. 1912) жиральному обращению соответствует «deposit currency». Объем «deposit currency» он полагает равным объему всех чековых депозитов. Этим он только затемняет проблему, теряя такое ценное орудие, как понятие абсолютного объема обращения. Средняя скорость обращения жиральных денег, разведенная неподвижно ле-

жащими суммами, будет без всякой органической причины резко отличаться от средней скорости других средств обращения. Средняя скорость всех средств обращения, вместе взятых, совершенно теряет свою показательность. «Жиральное обращение» является каналом между депозитами и денежным обращением, но совершенно не дает основания для перечисления всех чековых депозитов в денежное обращение. Поэтому объем жирального обращения определяется не статически, а динамически: «*Жиральными деньгами*» является та часть чековых депозитов, которая действительно обслуживает нужды обращения, вытесняя из обращения соответствующее количество денег.

Это определение, разумеется, не дает резкой статической грани между депозитами и жиральными деньгами, но от этого оно не теряет своей верности.

Жиральные деньги вступают в обращение двумя способами.

Первый способ. Клиент делает вклад деньгами и использует его в зачетном порядке. Тут мы по существу имеем разменную операцию: обмен денег на жиральные деньги. *Жиральные деньги* входят в обращение лишь потому, что из них вышли деньги.

Второй способ. Банк кредитует клиента путем книжной записи в его пользу. Клиент использует эту запись в зачетном порядке. Тут жиральные деньги вытесняют уже не деньги, которые были, а которые *могли бы быть* в обращении.

В первом способе жиральные деньги вступают в обращение благодаря пассивной операции¹. Во втором способе—благодаря активной.

Обозначив абсолютный объем жирального обращения через G, жиральные деньги, введенные в обращение пассивной операцией банка, через P, а введенные активной операцией через A, получаем: $G = P + A$.

Мы рассмотрели способы вступления жиральных денег в обращение. Как же происходит обратный процесс? Жиральные деньги выходят из обращения в трех случаях:

1. Они иммобилизуются в виде устойчивого депозита, не обслуживающего обращения.
2. Они употребляются для погашения задолженности банку.
3. Они реализуются в виде наличных денег. Получатель Guthaben² не оставляет его на депозите и не передает его далее, а требует вместо него наличных денег.

В первом и втором случае жиральные деньги выходят из обращения не только как жиральные деньги, но и как деньги вообще. В третьем случае из обращения выходит только жиральная форма денег. Цепь переносов с депозита на депозит прерывается. Способность жирооборота вытеснять наличные деньги дает отказ.

¹ Этого не следует смешивать с тем случаем, когда уже пущенные тем или иным способом в обращение жиральные деньги по дороге остаются в каком-нибудь банке в виде устойчивого вклада.

² Активного сальдо.

Третий случай выхода из обращения представляет собой опять случай размена. Владелец жиральных денег обменивает их на деньги. С этой стороны третий случай выхода из обращения соответствует первому случаю входа в обращение.

Обратимся теперь к вопросу о границах жирального кредитования.

Если под жиральным кредитованием понимать кредитование путем записи кредитованной суммы в пользу должника и дальнейшего зачетного движения кредитованной суммы без помощи наличных денег, то следует различать два вида жирального кредитования, а именно, жиральное кредитование, *обоснованное активами и свободное*. Свободное жиральное кредитование в свою очередь бывает *безинфляционное и инфляционное*.

Обоснованное активами жиральное кредитование мы имеем в том случае, когда банк, предоставляя жиральный кредит, опирается на имеющиеся у него соответствующие активы (наличные деньги, ценности, вклады в других банках, деньги за клиентурой). Так как источниками активов являются пассивы—собственные капиталы, вклады и т. д., то обоснованное активами жиральное кредитование по существу опирается на определенные пассивы. Следовательно, границей обоснованного активами жирального кредитования служит объем пассивов.

Указанное обоснование кредита имеет двоякое значение:

А) Оно обеспечивает ликвидность данного банка. Если зачетное движение выйдет из пределов клиентуры данного банка (например, когда получатель зачетного чека внесет его в другой банк) или же будет прервано требованием денег,—банк, пользуясь своими активами, погасит обязательство, которое он взял на себя при кредитовании, или перебросит его на плечи другого банка.

Б) Оно в известной мере гарантирует интересы денежного обращения в целом. Кредитовать значит бросать новые деньги (в данном случае жиральные) в обращение. Те же пассивы, на которые кредитование опирается, обозначают, наоборот, известное изъятие денег из обращения и внесение их в банк в виде ли уплаты за ссуды банка, или в виде вкладов. Таким образом при обоснованном активами жиральном кредитовании есть основание полагать, что средства, бросаемые в обращение, соответствует иммобилизация других средств обращения. Конечно, обоснованность кредита активами не представляет абсолютной гарантии против инфляции как при жиральном кредитовании, так и при кредитовании деньгами. Во-первых, потребность обращения в деньгах изменчива, во-вторых, самый факт прихода данных денег в банк показывает, что они в большей или меньшей степени имеют характер сокровища, банк же превращает их в средства обращения. Зато, с другой стороны, кредитный характер проникновения денег в обращение подразумевает изъятие их по истечении срока кредитования. Кроме того, деньги, брошенные банком в обращение, вовсе не должны обязательно остаться там и могут вскоре вновь превратиться в устойчивый депозит.

Где жиральное кредитование производится не на основании определенных активов, мы имеем *свободное жиральное кредитование*. Последнее просто вводит в обращение новую покупательную силу. Инфляции не получится только в том случае, если новой покупательной силе соответствует известная свободная емкость обращения.

Так как недостаток кредита может затормозить многие воспроизводственные возможности, то свободное жиральное кредитование может действовать растормаживающим образом и в силу этого расширить и ускорить процесс воспроизводства. Возрастет ли от этого и емкость обращения, зависит от того, не будет ли возросшая потребность в деньгах компенсирована ускорением обращения. Возможность расширения емкости обращения благодаря расширению кредита мы будем называть *потенциальной емкостью* обращения.

Если мы обозначим свободные собственные средства *всех банков* через E , свободные средства, полученные от депозитов через D , резерв, необходимый для удовлетворения текущих требований вкладчиков, через R , свободную емкость обращения через Z , потенциальную емкость обращения через Z_1 , размер депозитообразования, которое будет следствием кредитования, через D_1 и возможность кредитования через K , получим:

$$K = E + D + D_1 + Z + Z_1 - R.$$

Это значит, что пределом свободного жирального кредитования, независимого ни от собственных капиталов банка, ни от депозитов, является свободная емкость обращения, наличная и потенциальная. Отсюда деление свободного жирального кредитования на безинфляционное и инфляционное. При этом надо помнить, что жиральный участок обращения, как мы видели выше, еще оспаривается у активных операций теми вкладами, которые делаются в деньгах, и владельцы которых выписывают на них зачетные чеки ($G = A + P$).

Для правильной оценки теории кредитного номинализма вопрос об обоснованном и свободном жиральном кредитовании имеет большое значение. Когда Шумпетер, говоря о свободном творчестве кредита, указывает, что $\frac{3}{4}$ вкладов в «экономически развитых странах» порождены кредитованием, он совершенно не различает свободного жирального кредитования от обоснованного, а потому приходит к ложным выводам.

Указанная выше граница свободного жирального кредитования есть граница общественного порядка. Как же воспринимает эту границу каждый банк в отдельности?

Обстоятельный ответ на этот вопрос требует специального исследования. Здесь мы можем лишь схематически указать на следующее. С точки зрения каждого банка в отдельности данная сумма действительно находится в жирообороте и лишь до тех пор, пока она не выходит из круга клиентуры данного банка. Все такие суммы, вместе взятые, составляют внутренний жирооборот данного банка. Как только какая-нибудь сумма покидает внутренний жирооборот,

банк должен пустить в ход часть своих активов или же использовать свой кредит у других банков. Поскольку жиральное кредитование приводит банк к необходимости использования активов, мы имеем дело с обоснованным кредитованием. Свободное кредитование мы имеем лишь постольку, поскольку оно опирается либо на внутренний жирооборот данного банка, либо на кредит других банков.

Внутренний жирооборот каждого банка это как бы предоставленный в распоряжение банка участок того общего жирооборота, который в данный момент возможен. Но сумма всех этих отдельных участков меньше всего общественного жирооборота, так как часть последнего не заключена в рамки клиентуры отдельного банка, а переходит из книг одного банка в книги другого. Как мы уже говорили, каждый банк в отдельности имеет для свободного жирального кредитования два источника: а) свой внутренний жирооборот, б) ту часть межбанковского кредита, которую он обыкновенно использует. Пункт б) может для некоторых банков превратиться в величину отрицательную. Это относится к тем банкам, которые по межбанковскому кредиту имеют активное сальдо.

Если мы отправимся от точки равновесия, то каждый банк, превысивший в деле свободного жирального кредитования свои, соответствующие равновесию, возможности, получает предостережение в виде необходимости крепче обыкновенного налечь на межбанковский кредит. Если же, благодаря экспансии межбанковского кредита, отдельные банки быстро преодолевают затруднения, вызванные излишествами свободного жирального кредитования, начинается инфляция и целый ряд регуляторов (отлив золота, повышение нормы процента, сжатие кредита со стороны центрального банка) сжимают межбанковский кредит и этим самым вводят свободное жиральное кредитование в должные границы. Это в порядке текущего ремонта. Генеральный же ремонт производится периодическими кризисами.

Из сказанного не следует, что широкое развитие безденежного кредитования не вносит новых качественных моментов в денежную и кредитную систему. Значение широкого развития безденежного кредитования очень велико. Начнем с того, что жиральный кредит вновь возвращает банкам фактическую возможность эмиссии средств обращения, отнятую у них привилегиями центральных банков, причем жиральные средства обращения обладают теми ценными особенностями банкноты, которые сообщают банкнотному обращению значительную степень саморегулируемости. Благодаря этому, зависимость банковской системы от центрального банка ослабевает. Наоборот, крупные банки как крупные вкладчики центрального банка начинают диктовать ему свою волю. Далее жиральное кредитование дает возможность антиципации будущих депозитов. Связь между активами и пассивами приобретает большую гибкость.

Жиральное кредитование, как и жирооборот вообще — обобществляющий фактор большой важности. Но наравне с акционированием и монополизацией и этот фактор обобществления есть «будущее благо». Факторы обобществления создают внутри капитализма пред-

посылки перехода к высшей форме производственных отношений. Но пока скачок не сделан, эти факторы только увеличивают противоречивость системы в целом.

В частности совершенно неверно мнение, которое мы находим, например, у Hahn'a, будто при жировых платежах мы фактически имеем дело с обменом товара на товар. Противоречие денег и товара сохраняет все свое значение и при жиральном обращении. Сохраняется деление движения товара на две противоположные и дополняющие друг друга метаморфозы T—D и D—T, о котором говорит Маркс. Обладатель Guthaben противостоит владельцу товара как обладатель денег. Движение T—D сохраняет свою трудность и при жиральном обращении.

Все затруднения, которые обусловлены необходимостью посе-ребрить товар, раньше чем получить взамен него другой товар, сохраняются и тогда, когда серебрение производится путем Guthaben. Но к этим затруднениям присоединяются новые, вытекающие из нового противоречия между жиральными деньгами и деньгами. Удельный вес жиральной части обращения постоянно колеблется. Цель жирооборота прерывается то здесь, то там, требуя вмешательства денег. Способность жиральных денег заменять деньги резко падает при кризисах.

Переходим к теории Hahn'a.

Теория кредита Hahn'a

В своей книге «Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits» Hahn заостряет два вопроса:

1. Об объекте банковского кредитования.
2. О границах банковского кредитования¹.

Соответственно этому мы главу о теории Hahn'a делим на две части.

А. Об'ект банковского кредитования по Hahn'у.

По этому вопросу Hahn для своевременного капитализма выдвигает тезис примата активных операций над пассивными.

Мы должны оговориться, что даже у Hahn'a, который довел теорию кредитного номинализма до ее логического конца, и тем самым до абсурда, степень номиналистической насыщенности различна в различных работах и даже в различных местах одной и той же работы.

Так, в статье «Kredit», написанной Hahn'ом для последнего издания «Handwörterbuch», специфичность его понимания кредита выступает в весьма заглушенных тонах². Тут он на первый план выдвигает деление кредита на инфляционный и неинфляционный.

¹ Определение кредита Hahn делает, указав его цель: «Цель всякого кредита дать определенному хозяйственному субъекту возможность привлечь блага или услуги других субъектов сверх суммы его достояния» (Albert Hahn. «Geld und Kredit». S. 39. 1924).

² Формально это может быть объяснено тем, что статья касается кредитов вообще, между тем как книга трактует лишь о банковском кредите. Но на самом

Под нефляторным кредитом он понимает кредит, сопровождаемый иммобилизацией (*Stilllegung*) покупательной силы у какого-либо субъекта хозяйства (например, кредит за счет депозитов). Под инфляторным кредитом он понимает создание для целей кредитования новой покупательной силы.

Hahn и в этой работе выдвигает тезис неограниченной свободы творчества кредита банкам в условиях исключительно безденежного платежного оборота (*Albert Hahn. «Geld und Kredit». S. 7. 1924*), но здесь он гораздо менее настойчив в своих выводах, чем в своей основной работе.

Возвращаемся к «*Volkswirtschaftliche Theorie*».

Для современного капиталистического хозяйства по Hahn'у характерно то, что оно экономит наличные деньги (*Bargeldsparende Wirtschaft*). Hahn в своей книге доводит эту тенденцию до логического конца и переносит нас в такое хозяйство, где *жиральные средства обращения—единственная форма денег*. Вначале Hahn и здесь сохраняет множественность банков. Все же он межбанковские отношения выносит за скобки, рассматривая по отношению к внешнему миру все банки как один единый банк. Для большей ясности мы в дальнейшем изложении Hahn'a будем просто говорить о едином банке.

Выход жиральных средств обращения из системы того банка, который их создал, здесь совершенно исключен. Ни в какой основе из активов тут жиральные средства обращения не нуждаются. На основании этой схемы Hahn выдвигает тезис примата банковского актива по отношению к пассиву. Не потому банк может кредитовать, что в его распоряжении имеются активы, созданные путем пассивных операций, а наоборот, самые пассивы суть функция активных операций. Банк кредитует клиента А путем записи кредитуемой суммы на его депозит. Ясно, что этот депозит есть только результат активной операции. А употребляет предоставленную ему в кредит сумму, скажем, для оплаты купленного им у В автомобиля. При этом по представлению Hahn'a происходит и перемещение кредитного отношения. Истинным кредитором А является В, продавец автомобиля.¹ Если В не нуждается в полученной сумме для того, чтобы передать ее далее, эта сумма остается на депозите автомобильной фирмы. Это уже не фиктивный, а настоящий депозит. Но и этот депозит есть не более, как результат вышеупомянутой активной операции банка. Поэтому по Hahn'у возникновение такого депозита есть не больше, как консолидация кредита. Если консолидация кредита не произошла или же если у В после известного периода консолидации кредита появилась

деле обе работы одинаково имеют в виду новейшие условия, при которых кредит централизован в банках. Коммерческого кредита мало касается как указанная статья, так и книга.

¹ Это значит, что, по Hahn'у, в условиях чисто жирального обращения фактически происходит обмен товара на товар. Несостоятельность этой точки зрения вскрыта нами выше в конце главы о жиральных деньгах.

нужда в покупательной силе, В уступает свой «*Guthaben*» С, скажем, за доставленный ему уголь, С уступает D за партию крепежного леса и т. д. Кредит, давший начало указанному движению, ликвидируется, когда А в свою очередь получает от кого-нибудь платеж путем зачетного чека. Для простоты допустим, что сумма этого зачетного чека совпадает с первоначально кредитованной суммой и что А получает этот чек именно от D, скажем, за партию пил. При этих двух допущениях ликвидация кредита нагляднее всего, но существенного значения эти допущения не имеют¹.

На основании этого Hahn, как мы уже сказали, объявляет тезис примата банковского актива по отношению к пассиву, каковой тезис он признает верным и для *современного капитализма*. При этом он делит банки на прима-банки (коммерческие банки, дающие кредит, и следовательно создающие жиральные средства обращения) и секундарные банки (депозитные банки, где кредиты консолидируются). Так как грань между депозитными и коммерческими банками стирается в наше время даже в Англии, Hahn'овская классификация банков практически сводится к тому же примату активных операций над пассивами внутри каждого банка.

Hahn доводит до логического конца тенденцию современного капитализма к изгнанию наличных денег. При этом он совершенно отвлекается от не менее характерной для капитализма неизбежности прорывов цепи безденежных платежей как во времени (колебания конъюнктуры), так и в пространстве (мелкие отребительские расчеты международные сальдо). Совершенно открытым он оставляет вопрос о мере стоимости в его «кредитном хозяйстве». Но попробуем примириться со всем этим и последуем за Hahn'ом в его кредитное царство.

Тут необходимость каких бы то ни было пассивов для покрытия активных операций банка отпадает. Следует ли из этого действительно, что пассивные операции теряют свое значение, как предпосылки активных операций? Действительно ли в «кредитном хозяйстве», как его понимает Hahn, размеры кредитования банком клиентов не зависят от размеров кредитования банка клиентами?

Перенесем в Hahn'овское кредитное царство некоторые германские цифры 1913 г.

На 1 декабря 1913 года, все акционерные банки Германии (включая ипотечные) имели (кругло) только в векселях и дебиторах (включая ломбарды и репорт) 14 миллиардов марок. В ипотеках они имели 11½ миллиардов, итого активов внешних по отношению к совокупности банков (так как межбанковские расчеты сюда не вошли)

¹ Hahn еще выделяет случай элиминации кредита, когда получатель жиральных денег употребляет их для покупки акций или облигаций самого банка. Кроме того, Hahn говорит еще о продлении кредита (*Kreditverlängerung*), которое имеет место, когда один банк берет кредит у другого. Мы на продлении кредита останавливаться не будем, так как мы для большей ясности с самого начала исходим из существования единого банка.

25 миллиардов марок. Сюда еще не вошли внешние по отношению к банкам активы, как частных, так и публично-правовых кредитных учреждений.

Читателя не должно удивлять, что мы привлекаем к делу ипотеки. Поскольку и в безденежном хозяйстве были бы долгосрочные вложения, мы и тут не можем оставить долгосрочный кредит в стороне.

Итак, мы имеем сумму одновременно существующих кредитов во всяком случае не менее 25 миллиардов марок (фактически, конечно, их в Германии в 1913 году было гораздо больше). В противовес к указанным активам в 1913 году у акционерных банков Германии было депозитов разных видов, кроме банковских, на 10,129 миллиардов и вкладных листов в обращении на 11 миллиардов, итого свыше 21 миллиарда. Разница между активами и пассивами в 4 миллиарда должна была бы грубо соответствовать количеству находящихся в обращении жиральных денег, если бы данные цифры действительно исчерпывали бы и размеры кредита и размеры депозитов и если бы не было совершено ни тезаврирования, ни кассовых остатков, т. е. попросту говоря, если бы обращение было исключительно жиральным. Посмотрим, что случилось бы в нашем царстве жирального обращения, если бы рядом с возникновением кредитов не существовало того явления, которому Hahn дает скромное название консолидации кредита, то есть попросту, если бы не было депозитов. Так как в нашем кредитном царстве депозит единственная форма отдыха средств обращения, ибо ни касс, ни банковых подвалов, ни кубышек в наличии нет, то отсутствие депозитов означало бы, что в сфере обращения одновременно и непрерывно оставались бы все те Guthaben, которые возникли для целей кредитования, что составило бы дополнительных 21 миллиард марок (этой сумме в реальных условиях Германии 1913 года соответствовали только 6 миллиардов марок денег в обращении). Дело тут, разумеется, не в статике, а в динамике. Как бы велик ни был номинал обращения, если только он в известной степени стабилен, цены к нему быстро приспособляются, и явления инфляции прекращаются. Беда была бы в том, что обращение было бы лишено великого регулирующего значения депозитов. Всякое расширение кредита было бы в той же мере и расширением обращения. Инфляция была бы неминуема. У кредиторов после ликвидации кредита всякий раз оставалась бы инфляционная прибыль, которую они, ввиду того, что возможность тезаврирования и депозитов исключена, принуждены были бы поддерживать в состоянии непрерывного движения. Инфляция вследствие этого имела бы прогрессивный характер. Беспеременная погоня денег за товарами вызвала бы бегство товара от денег. Здоровый спрос на кредит сменился бы спекулятивным спросом. Нормальная калькуляция стала бы невозможна. Одним словом, наступили бы все прелести непрерывно падающей валюты, которые в наше время заставили страны Европы стабилизировать свои валюты несмотря ни на какие жертвы.

Ясно, что если мы себе даже представим, что кредитное царство возникает по всем правилам договорной теории, то и тогда полная свобода творчества жиральных средств обращения центральным банком будет иметь место только вначале для пуска машины. В дальнейшем же руководители банка принуждены были бы считаться при всякой новой эмиссии с размером «консолидации кредита», т. е., попросту говоря, с депозитами. Но так как и сам Hahn не предполагает возникновения его кредитного царства на пустом месте, то нужно полагать, что к моменту его оформления уже было бы в сфере обращения определенное количество жиральных средств. Пропадает таким образом и свобода первого пуска. Если только банк не захочет заниматься разорением страны, он с самого начала должен будет считаться при новых кредитованиях с процессом депозитообразования.

Конечно, экономисты, способные совершенно игнорировать все противоречия капиталистического хозяйства, способны создать утопию равномерной инфляции, при которой можно с математической точностью вычислить наперед инфляционную прибыль кредиторов и изъять ее в форме процента в пользу банка или государства. Получается единое решение кредитной и бюджетной проблемы. Нужно полагать, что в основе концепции Hahn'a именно такая утопия лежит.

В предисловии к своей «Theorie» Hahn говорит: «в хозяйстве, лишённом наличных денег, кредитование совпадает с созданием денег, с созданием банковых записей, при помощи которых кредитополучатель может покупать».

Именно характер этого совпадения остался для Hahn'a совершенно непонятным. Совпадение не есть тождество.

Обе указанные операции, а именно кредитование и создание средств обращения имеют различное внутреннее содержание и различные границы. Если мы примем для Германии в 1913 году явно преуменьшенную границу кредитования в 25 миллиардов, то граница заполнения сферы обращения лежит, конечно, очень далеко позади этой цифры. В хозяйстве без наличных денег Hahn'a роль депозитов именно в том и состояла бы, чтобы заполнить разницу между обеими указанными границами.

Выведенная нами для капиталистической действительности формула

$$K = E + D + D_1 + Z + Z_1 - R$$

теряет в безденежных условиях только 1-й член E¹. Последний член R обязателен и в безденежном хозяйстве, ибо, если банк не хочет создать инфляцию, он не сможет использовать для целей кредитования всю сумму $D + D_1 + Z + Z_1$, а принужден будет оставить известный резерв для удовлетворения текущих требований клиентов, желающих превратить свои Guthaben в покупательную силу.

¹ И то только в том случае, если мы допустим, что безденежное хозяйство не получилось путем эволюции из денежного, и банк начал работать сразу путем жирального кредитования без всяких своих капиталов.

Итак и в безденежном хозяйстве:

$$K = D + D_1 + Z + Z_1 - R$$

что удельный вес первых двух членов для большого отрезка времени гораздо больше удельного веса третьего и четвертого члена—само собою очевидно¹.

Таким образом тезис о примате кредитования по отношению к депозитам не имеет под собою никакой почвы. Поскольку он направлен к тому, чтобы отрицать зависимость кредита от воспроизводства, он совершенно неверен. Вся свобода, которую мы находим в Hahn'овском хозяйстве без наличных денег, сводится просто к тому, что банк свободен выпускать средства обращения, если емкость обращения это позволяет делать. Но в этом отношении свобода жирального кредитования ничем не отличается от других форм кредитной эмиссии.

Если примат актива над пассивом неверен в безденежном хозяйстве, то в современном капитализме он находится в самом вопиющем противоречии с действительностью: Вся история развития кредитной сети мира в течение последних 50—60 лет—это история погони банков за депозитами. Бесконечно совершенствуется и рафинируется аппарат, всасывающий малейшие празднующие суммы. Из-за депозитов идет конкуренция, между отдельными крупными банками, старающимися иметь свои отделения и агентства поближе к вкладчику, чтобы тем вернее получать на текущий счет его дневную выручку. Такие важные отрасли производства, как жилищное строительство, сельскохозяйственная мелиорация и т. д., замирают тогда, когда в банки долгосрочного кредита прекращается приток пассивов. Ко времени обильного притока пассивов приурочивается эмиссия публичных займов. Hahn во имя свободы творчества кредита при- нужден все эти факты игнорировать.

Б. Границы кредитования по Hahn'у.

Hahn, прекрасно понимая инфляционистскую сущность тезиса о примате активов, выдвигает для его защиты другой тезис, а именно тезис поглощения вновь создаваемых кредитом средств обращения тем развитием производства, которое является следствием развития кредита.

И по этому вопросу, как и по предыдущему, существует известное различие между статьей Hahn'a о кредите в Handwörterbuch и его книгой о теории банковского кредита.

В статье мы находим следующее трезвое место: «Инфляторное кредитование само по себе может продолжаться до тех пор, пока возможно увеличить количество денег, циркулирующих в народном

¹ Напомню еще раз, что Z_1 (расширение емкости обращения благодаря растормаживающему влиянию кредита на хозяйство) может даже при возрастании других показателей хозяйства превратиться в 0 или в отрицательную величину благодаря ускорению обращения.

хозяйстве». Тут же Hahn указывает и механизм этого ограничения: только в том случае, когда инфляторный кредит не ведет к инфляции, он ведет к понижению нормы процента в сравнении с той, которая существовала бы при одном неинфляторном кредите.

Известной эластичности объема денежного обращения (Z_1 нашей формулы) никто не отрицает. Но как понимает эту эластичность Hahn? По этому вопросу он выдвигает два положения:

1. Нет благ чисто потребительных или чисто производительных («Geld und Kredit») 1924. S. 45). Вопрос, куда пойдет данное благо, в сферу производства или в сферу потребления, решается соотношением сил предпринимателей и потребителей на рынке. Кредитуя предпринимателя, банк содействует отвлечению благ из сферы потребления в сферу производства. Таким образом кредит увеличивает капитал не только в частно-хозяйственном, но и в народно-хозяйственном смысле прежде всего путем *перераспределения*, или, по выражению Hahn'a, путем дислокации благ. При одном и том же объеме наличных благ кредит, оказываемый предпринимателю, увеличивает количество производительных благ за счет потребительных.

2. Кредитная экспансия не только изменяет распределение благ, но и усиливает их производство, путем абсолютного увеличения спроса¹. При этом по Hahn'у границей расширения производства является то количество рабочих, которых можно вовлечь в производство при данных ценах на рабочую силу. Расширение кредита дает возможность увеличить зарплату и таким способом вовлечь в производство такие элементы, которые до тех пор ценили отдых выше зарплату («Geld und Kredit», 1924. S. 55).

Итак, границей инфляторного кредита по Hahn'у является запас рабочей силы. Пока есть свободные руки, которые можно вовлечь в производство, творчество кредита может продолжаться беспрепятственно.

В этих положениях есть ряд принципиальных ошибок, из которых укажем лишь важнейшие.

1. Неверно, что всякое «благо» может быть и производительным и потребительным. Есть, конечно, известный ассортимент «благ», допускающих подобное совместительство, но это так же не уничтожает методологического значения деления «благ» на средства производства и средства потребления, как совместительство владения заводом и землей не упраздняет деления эксплуататоров на капиталистов и землевладельцев. Интересно было бы узнать, как себе Hahn рисует домну, машиностроительный завод или верфь в роли средства потребления.

2. Неверно, что реальной границей производства в капиталистических условиях является количество рабочей силы.

Это положение, впрочем, столь наивно, что совершенно не нуждается в серьезной критике. Тут игнорирование как вопроса о сред-

¹ Нужно оговориться, что большую растяжимость границ производства Hahn считает особенностью *новейшего* капитализма.

ствах производства¹, необходимых для расширения производства, так и вопроса о рынке для дополнительной продукции. Чего стоит одно смешение резервной рабочей армии с рантье, которые не прочь подработать, если условия работы будут особо выгодны.

* Но все же основная ошибка не в указанных положениях Hahn'a, как они ни ошибочны. Эти положения дают основание только для некоторой переоценки растормаживающего значения кредита.

Но Hahn'у такие выводы кажутся слишком скромными. Он на основании указанных положений приходит к выводу, что при содействии кредита возможна вечно высокая конъюнктура, при этом Hahn ссылается на Тугана (Al. Hahn. «Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits». 1924, S. 47), что в кризисах виноваты сберегатели, не использующие своей покупательной силы (там же, 146), что кризисы устранимы при помощи некоего универсального покупателя, каковым по Hahn'у может быть государство (там же, 151), что в хозяйстве без наличных денег банки бесконечно могут создавать кредит (там же, 47) и что в условиях современного капитализма такие неограниченные возможности кредитования находятся в распоряжении центрального эмиссионного банка.

В каком смысле возможно безграничное кредитование? С инфляцией или без инфляции? Этот вопрос довольно ловко затушевывается Hahn'ом. Повидимому это следует понимать так: до тех пор, пока имеются резервы рабочей силы, инфляторное кредитование может производиться без инфляции, а затем инфляторное кредитование опять может производиться бесконечно, но уже с инфляцией. Какова ценность положения о возможности безинфляционного инфляторного кредитования до исчерпания резервов рабочей силы—мы уже видели. Второе положение, а именно бесконечная возможность инфляторно-инфляционного кредитования, независимого от вкладообразования, может вызывать одно только недоумение. Если мы даже забудем о всех бедственных последствиях бумажно-денежной инфляции, заставивших все страны провести так или иначе стабилизацию денег, то мы не можем забывать, что выпуск бумажных денег приносит пользу, хотя и временную, эмитенту, между тем как жиральная инфляция прежде всего убыточна для своих непосредственных виновников—банков.

Кредитный акт, помимо своего прямого назначения, может при известных условиях иметь по совместительству и эмиссионное значение. Hahn для утверждения догмата непорочного зачатия кредита хочет превратить приходящее в основное. Так как это ему в условиях капиталистической действительности не удастся, он ищет спасения в своем «хозяйстве без наличных денег», но и в фантастических условиях созданной Hahn'ом схемы кредитный номинализм не имеет почвы. И там кредит есть функция процесса выделения праздных капиталов

¹ Hahn просто ссылается на то, что не было случая, чтобы то или иное предприятие не было осуществлено из-за недостатка средств производства. Это все равно, как если богатый человек отрицал бы возможность голода на том основании, что у него не было случая, когда бы к его услугам не было хорошего обеда.

и, следовательно, обусловлен процессом воспроизводства¹. Во всякое данное время «творчество кредита» возможно, поскольку в силу этого самого творчества или в силу других причин возможно расширение абсолютного объема обращения. И именно «творчество кредита» в этих пределах имеет в виду Маркс, когда он говорит:

«Тут мы видим, как банки создают кредит и капитал путем выпуска собственных банкнот... и т. д. (К. Marx. «Das Kapital», S. 82. В. III, Т. II. 1911).

Но эти возможности обычно² так незначительны в сравнении со всем объемом нужды в кредите, что считать их основой кредита никоим образом нельзя.

Мы, конечно, ни на минуту не забываем, что создаваемые кредитом средства обращения, будь это векселя, банкноты или жиральные деньги, суть средства обращения кредитные, подчиняющиеся особым закономерностям. Но banking principle и кредитный номинализм—совершенно различные вещи. Главная особенность кредитных средств обращения состоит в повышенном коэффициенте «производительности» (поскольку они употребляются для кредитования активных капиталистов, они способствуют развитию производства и обращения) и в срочности их ухода из обращения. Вопрос о производительности кредита нами учтен выше. Что касается срочности возврата, то, поскольку мы в приведенных выше рассуждениях исходили из объема одновременно существующих остатков кредита (в приведенном выше примере 25 млрд.), этот вопрос теряет значение.

Второй тезис Hahn'a сводится к тому, что для банковского кредита не существует никаких объективных границ³. Этот тезис должен служить подпорой для тезиса примата активных операций над пассивными. Оба тезиса вполне достойны друг друга.

Хотя Hahn в некоторых местах энергично отмежевывается от вопросов политики, кутаясь в тогу чистого теоретика (вопрос мол не в том, *должны ли*, а в том, *могут ли* банки кредитовать неограниченно), теория Hahn'a содержит в себе защиту определенной кредитной политики. В них сказывается банкивец, который считает вредной всякую сдержанность центрального банка в отношении перечета и других форм кредитования банков. В этом смысле указание на неограниченные возможности эмиссии банкнот является центральным пунктом учения Hahn'a.

Вскрыв в общих чертах ложность концепции кредитного номинализма в том утрированном виде, который ей придает Hahn, переходим к Шумпетеру.

¹ Само собою разумеется, что размеры Z и Z₁ тоже обусловлены процессом воспроизводства.

² Исключение бывает в случаях, аналогичных периоду нашей стабилизации, когда, благодаря особым условиям, образовалась большая пустота в сфере денежного обращения.

³ Hahn признает реальную границу кривой денежного обращения лишь в области интервалютарных отношений (Volksw. Theorie. 1924. S. 170) при различии напряжения кредита в разных странах.

Теория кредита Шумпетера

В первую очередь приходится сказать несколько слов о том, как Шумпетер понимает капитал, прибыль и получателя прибыли—предпринимателя.

Шумпетеровский предприниматель имеет мало общего с тем, что обычно под этим словом подразумевается. Владелец предприятия, как бы активно он ни участвовал в повседневной организационной работе, не есть для Шумпетера предприниматель. Это просто хозяин (Der Wirt schlechtweg). Строго различая в хозяйственном процессе элементы замкнутого круга (Kreislauf) и элементы развития, Шумпетер называет предпринимателем только того, кто прорывает замкнутые круги и вносит в них элемент развития, кто способен создать для движения благ новые пути. Конструируя понятие предпринимателя, Шумпетер его очищает от всяких посторонних примесей. Шумпетеровского предпринимателя не следует смешивать ни с изобретателем, ни с капиталистом, который, как мы дальше увидим, ему противостоит. Новые пути, прокладываемые предпринимателем, в конце концов тоже превращаются в рутину, но до тех пор, пока они еще не получили достаточного распространения, они приносят особые выгоды, которые по Шумпетеру составляют *единственное основание прибыли*. В Kreislauf'e, по Шумпетеру, для прибыли как нормального явления нет места. Там может быть вознаграждение хозяина за организационную работу, там может быть случайный барыш от случайных удач, там, наконец, может быть доход от монополии. Как по теории Бора электрон может выделять энергию только тогда, когда он перескакивает с одной орбиты на другую, так по Шумпетеру воспроизводственный поток может выделять прибыль только тогда, когда блага оставляют свое рутинное движение и переходят на новые пути.

Нужно заметить, что шумпетеровский метод выделения стационарного хозяйства совершенно не совпадает с марксовым методом выделения простого воспроизводства.

Основным признаком простого воспроизводства является стационарность объема. Основной признак Kreislauf'a—стационарность методов. В Kreislauf'e накопление принципиально возможно (I. Schumpeter. Theorie der Wirtschaft. Entw. 1926, S. 108). Шумпетеровский Kreislauf допускает даже постепенный «статический» (термин Шумпетера) рост, если только он не связан, так сказать, с деформацией, с возникновением новых комбинаций (там же, 102). Мало того, даже новые пути, если они органически вырастают из старых, укладываются в Kreislauf (там же, 122)¹.

Шумпетер дает подробное перечисление того, что он понимает под новыми путями (там же, 110).

¹ Как читатель видит, Шумпетер, противопоставляя развитие стационарному хозяйству, имеет в виду развитие скачкообразное. Поневолле напрашивается сравнение с маршаловским девизом «Natura non facit saltus».

1. Производство нового, неизвестного еще в потребительских кругах блага или нового качества какого-нибудь блага.

2. Введение нового, еще *практически* неизвестного способа производства (речь никоим образом не идет о *научном* открытии или изобретении: это дело не предпринимателя, а изобретателя).

3. Открытие нового (для данной отрасли и для данной страны) рынка сбыта.

4. Открытие нового (с теми же оговорками) рынка сырья.

5. Проведение новой организации (например создание монополии и трестирование) или срыв монополии.

И только тот барыш, который предприниматель реализует благодаря новым путям, подходит по Шумпетеру под понятие прибыли.

В общем и целом Шумпетер как бы сводит прибыль к избыточной прибыли. В доказательство того, что Kreislauf не знает прибыли, он указывает на быстрое исчезновение капиталистических династий...

Что привело Шумпетера к такой находящейся в вопиющем противоречии с действительностью концепции прибыли?

По-моему тут прежде всего нужно видеть *удовлетворение назревшей потребности учредительской прибыли в теоретической апологии*. Предприниматель Шумпетера—это весьма близкий родственник учредителя, создающего новую комбинацию и реализующего учредительскую прибыль. Во-вторых, теория прибыли Шумпетера есть доведенная до логического конца теория предельной полезности. И действительно, раз по теории предельной полезности ценность факторов производства определяется ценностью продукта, то прибыли неоткуда получиться. Как бы высока ни была ценность продукта, она ретроспективно целиком и полностью сообщается факторам производства. Апологет классического капитализма Бем-Баверк выводит прибыль из разницы между ценностью настоящих и будущих благ. Апологету финансового капитализма Шумпетеру ничто уже не мешает видеть ложность этой конструкции¹, и он ее заменяет другой, согласно которой прибыль только быстропроходящее явление, обязанное своим возникновением—«предпринимателю» и держащееся только до тех пор, пока не произойдет переоценка ценностей.

Из классической триединой формулы: прибыль, рента, заработная плата, один член у Шумпетера выпадает. Остаются только два основных фактора, а именно, земля и труд², которым в конечном счете вменяется ценность окончательного продукта. Что касается произведенных средств производства, то они для Шумпетера только переходящая статья, через которую ценность окончательного продукта транзитом передается двум основным факторам.

Таким образом с исчезновением прибыли из замкнутого круга исчезает и капитал.

¹ Как мы увидим далее, он все же сохраняет разницу ценности во времени по отношению к покупательной силе.

² Точнее: «Arbeits und Bodenleistungen».

Капитал для Шумпетера—категория не замкнутого круга, а развития. «Das Kapital ist ein Begriff der Entwicklung, dem nichts im Kreislauf entspricht». (Joseph Schumpeter «Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung». 1926, S. 173).

Если капитал можно инвестировать в те или иные «блага», то это, по мнению Шумпетера, значит, что капитал и блага—вещи различные. Шумпетер солидаризируется с Менгером, что капитал, затраченный на средства производства, уже больше не существует. «Капитал—посредник между предпринимателем и миром благ». «Функция благ—технофизическая. Функция капитала—*доставлять предпринимателю* нужные блага» (там же, 167). Иначе говоря, функция капитала состоит в том, чтобы дать предпринимателю возможность отвлечь известную часть благ из кругооборота и направить их по новым путям. Сделать это по Шумпетеру предприниматель может только при посредстве покупательной силы. Покупательную силу Шумпетер понимает очень широко. Сюда он относит не только всякие средства обращения, но и *возможность получить блага под вексель*. Но не всякая покупательная сила является для Шумпетера капиталом. Капитал по Шумпетеру это только та *новая покупательная сила*, при посредстве которой предприниматель осуществляет свое истинное назначение, состоящее в создании новых хозяйственных путей.

Новая покупательная сила, которую предприниматель бросает в обращение, создает повышение цен. Это нарушает Kreislauf. Старые пути со стабильным объемом покупательной силы при более высоких ценах не могут уже брать с рынка столько, сколько они брали раньше. Часть благ выступает из Kreislauf и переходит в распоряжение предпринимателя...

Специфичность капиталистического хозяйства по Шумпетеру только в том и состоит, что для проведения новых хозяйственных путей требуется интервенция новой покупательной силы. Где же предприниматель берет нужную ему новую покупательную силу? Ему на помощь приходит *кредит*.

Истинная сущность кредита по Шумпетеру именно и состоит в создании нужной предпринимателям новой покупательной силы (там же, 159).

Читателю нетрудно догадаться, откуда Шумпетер выводит процент. Прибыль есть только следствие новых комбинаций, проводимых предпринимателем. Чтобы проводить новые комбинации, предпринимателю нужна новая покупательная сила, каковая новая покупательная сила, именно ввиду того, что она нужна предпринимателю, является капиталом. У самого предпринимателя, как такового, капитала быть не может. Если у него он случайно имеется, то пред нами просто случай совместительства, персональной унии. Предприниматель обращается за капиталом к «капиталисту». Ясно, что для того, чтобы склонить капиталиста дать ему капитал, предприниматель должен уступить ему часть той прибыли, которую ему доставят его новые комбинации. Отсюда процент. (Тут мы имеем как будто сходство с Марксом, для которого процент тоже есть доля прибыли, уделемая предпри-

нимателем собственнику капитала. Но поскольку и предприниматель, и прибыль, и капитал тут совершенно не те, сходство остается чисто внешним).

Таково происхождение процента по Шумпетеру. Раз имеется возможность за уступку покупательной силы получать от предпринимателей процент, его принуждены платить все, предъявляющие спрос на чужую покупательную силу, хотя бы они не были предпринимателями. Вот почему процентируется и потребительский кредит и тот кредит, который нужен для восстановления «Kreislauf'a», когда он нарушается теми или иными несчастными обстоятельствами. Как потребительский кредит, так и тот кредит, который нужен в «Kreislauf», питаются по Шумпетеру не вновь создаваемой покупательной силой, а за счет накопления (там же, 108). Если исходить из данного Шумпетером определения кредита как создания новой покупательной силы для проведения предпринимателем новых комбинаций, то кредитование предпринимателя не за счет творчества покупательной силы, есть не настоящий кредит, а только нечто кредитоподобное¹. Во всяком случае в область кредита за счет накопления процент проникает рефлекторно.

Хотя прибыль, питающая процент, скоропреходяща, исчезая тотчас, как только новая комбинация превращается в рутину, процент приобретает характер постоянного дохода, как потому, что, обслужив одного предпринимателя, капиталист может перейти к другому, так и потому, что процент рефлекторно проникает и в статическое хозяйство.

В силу этого Шумпетер, отвергнув бем-баверкскую большую ценность настоящих благ в сравнении с будущими, признает большую ценность настоящей покупательной силы в сравнении с будущей. Каждая ссудная сделка (Darlehensgeschäft) есть акт обмена. Так же как можно менять покупательную силу в одном месте на покупательную силу, действующую в другом месте, можно менять настоящую покупательную силу на будущую (там же).

Разумеется, шумпетеровское понимание кредита «держится и падает» вместе с шумпетеровской теорией прибыли. Затрудняясь объяснить на основе теории предельной полезности феномен прибыли, Шумпетер просто объявляет этот феномен не существующим. Для этого он, как мы видели выше, пользуется своеобразным методом «рассовывания», как бы позаимствованным у заправил акционерного общества, находящихся выгодным для себя свести баланс без прибыли². Часть фактически получающейся прибыли Шумпетер относит к вознаграждению за организационные труды, часть—ко всяким случайностям или монополиям. Получается остаток, более или менее соответствующий учредительской прибыли, и этот остаток получает наконец признание у Шумпетера, как явление эфемерное, быстро

¹ В некоторых местах (напр. «Theor. der wirt. Entw.» 1926. S. 105, 106) Шумпетер для кредита, как он его понимает, употребляет термин «финансирование». Финансирование по Шумпетеру есть только явление капиталистической кредитной системы.

² Еще более это напоминает математический метод «исчерпания», при помощи которого криволинейные фигуры превращаются в прямолинейные.

преходящее. Гораздо легче было бы рассовать таким порядком «ренту»¹. Но эта работа еще ждет своего теоретика. Если такая работа будет проделана, получится своеобразная теория трудовой ценности, ибо от классической триады: капитал, земля и труд, в стационарном хозяйстве *останется только труд*. Но критика всей экономической теории Шумпетера в задачу настоящей работы не входит. Мы ограничимся рассмотрением лишь того вклада, который Шумпетер вносит в сокровищницу кредитного номинализма.

С той же легкостью, с которой Шумпетер устраняет из стационарного хозяйства прибыль и капитал, он хотя и с меньшей категоричностью устраняет и кредит. На оборотный кредит (Betriebs Kredit), равно, как и на потребительский кредит, он смотрит как на явления случайные, не вытекающие из самой природы стационарного хозяйства. *Самое пребывание товара в сфере обращения он считает явлением ненормальным*, а потому и не подлежащим рассмотрению.

Как правило, товар по Шумпетеру должен непосредственно попасть из сферы производства в сферу потребления... Следовательно, всякая потребность в кредите, возникающая из дежурства товара в сфере обращения, принципиально не существенна. В том же случае, когда предприятие с самого начала построено при помощи кредита, который приходится время от времени возобновлять, то, по Шумпетеру, пред нами именно случай истинного предпринимательства, а следовательно, момент не кругооборота, а развития.

Как же кредит создает новую покупательную силу? Яснее всего это по Шумпетеру видно на примере лишенной покрытия банкноты (там же, 157), но по существу то же самое мы имеем в случае циркуляции векселя или же при жиральном кредите без залога. Во всех этих случаях кредит не опирается на уже существующие блага, а как бы антиципирует те блага, которые еще должны быть произведены. *Движение покупательной силы не отражает движение благ, а наоборот обуславливает это движение*.

Хотя механизм приведения новой покупательной силы основан на разводнении общей массы покупательной силы, это не должно приводить к инфляции по той причине, что поддерживаемое кредитом «развитие» увеличивает количество благ, противостоящих покупательной силе, и равновесие опять восстанавливается. Наоборот, когда вызванные потребностями развития кредиты погашаются, происходит дефляция (там же, 157).

Творцами новой покупательной силы являются банки, настоящая функция которых только в этом и состоит.

Таким образом Шумпетер категорически отмежевывается от взгляда на банки как на посредников спроса и предложения покупательной силы. Банк по Шумпетеру только тогда верен своему истинному назначению, когда он сам создает ту новую силу, за которой к нему обращаются предприниматели. Творчество покупательной силы только тогда есть кредит в точном смысле, когда оно происходит не на базе

¹ Отчасти это достигается отрицанием абсолютной ренты.

реально существующих благ, а в порядке антиципации будущих благ.

Читателю, которого поразит внезапное исчезновение из области кредита таких двух мелочей, как коммерческий кредит и кредитование временно или постоянно праздными капиталами, мы напомним, что по Шумпетеру получить товар под вексель значит получить его не в кредит, а за наличную покупательную силу. С коммерческим кредитом покончено одним ударом. Что касается праздных капиталов, то таковых в стационарном хозяйстве с нормальной продолжительностью обращения, равной нулю, просто не бывает.

На вопрос о том, есть ли вообще какая-либо граница для творчества покупательной силы со стороны банков, Шумпетер отвечает следующим образом: при свободной чеканке, разменности банкнот и свободном экспорте золота действуют тормозящим образом три фактора:

1. Предъявление банкнот, чеков и т. д. к размену на металлические деньги.
2. Отлив золота за границу (если только за границей творчество новой покупательной силы будет происходить слабее).
3. Недостаток мелких купюр, эмитировать которые банки не вправе.

В том же случае, если в стране обращаются только «банковские платежные средства», создание покупательной силы банками ограничивается перспективой длительной инфляции. Как мы уже говорили, в нормальных случаях разводняющее действие новой покупательной силы по Шумпетеру быстро ликвидируется тем расширением производства, которое оно вызывает. Если же банки увлекутся в своем творчестве кредита, новая покупательная сила не будет надлежащим образом уравновешена новыми благами, наступит длительная инфляция, первыми жертвами которой будут сами банки, которые получат платежи в обесцененных единицах.

Как читатель видит, теория Шумпетера гораздо тоньше, филиграннее теории Hahn'a. По сравнению с первой—вторая представляет шаг назад. Hahn, для того чтобы возвести свободное жиральное кредитование в перл создания, переворачивает действительность вверх ногами. Шумпетер поступает иначе. Он прибегает к компромиссу. Он делит между двумя видами кредита (свободно-жиральным и обесцененным) сферы влияния. Последнему он отводит Kreislauf, первому—развитие. Самый момент инфляторности свободного жирального кредита носит у Шумпетера более тонкий характер. Разводнение покупательной силы тут чисто технический прием для отвлечения благ от старых путей. Hahn пытается отмежевать инфляторный кредит от инфляционного, но это ему плохо удается. От инфляторности, как характеристики одного первого такта кредита, он скатывается к инфляции. Шумпетер же умеет удержаться на первом такте. Инициативу Шумпетер передает не в руки прозаического банка, а героической фигуре—предпринимателя. Зависимость его от банкира напоминает зависимость рыцаря от того ростовщика, который финанси-

ровал его вооружение. У Hahn'a эта рыцарская фигура бледнеет и исчезает. Инициатива оказывается целиком в руках банкира.

Но из этого не следует, что теория Шумпетера в какой-либо мере менее уязвима, чем теория Hahn'a. Именно филигранность увеличивает площадь ее уязвимости. Кроме основного греха, а именно органической связи с явно несостоятельными теориями капитала и прибыли, теория кредита Шумпетера страдает целым рядом внутренних пороков.

Распределение «сфер влияния» между свободным жиральным кредитом и обоснованным совершенно произвольно. Что дает Шумпетеру основание утверждать, что праздные капиталы, как ни велико их количество и как последнее ни возрастает, обречены обслуживать только Kreislauf, и что, с другой стороны, новые комбинации должны обязательно финансироваться в порядке свободного жирального кредитования. Праздные капиталы вообще и те из них, которые выделяются процессом накопления в частности, подвергаются Шумпетером тому же «рассовыванию», о котором мы говорили выше. Шумпетер утверждает, что в «Кругообороте» вообще нет места значительному накоплению, так как для него нет достаточно обильных источников. Те же средства, которые все же накапливаются в стационарном хозяйстве, от земельной ренты, от монопольной прибыли, от случайных удач и т. д., Шумпетер всецело предоставляет на нужды самого стационарного хозяйства (Schumpeter. «Theor. der wirtsch. Entw.». 1926. S. 108), ничем не обосновав вопроса с количественной стороны. Но, сделав это, Шумпетер натывается на новый, уже на этот раз несомненно обильный источник накопления, а именно на предпринимательскую прибыль в том смысле, в котором он понимает это слово. В самом деле, куда девают предприниматели всю свою прибыль? Не могут же они ее проживать всю по мере ее получения. Казалось бы, что тут мы имеем уже несомненно реальный источник финансирования новой предприимчивости. Чтобы выйти из затруднения, Шумпетер прибегает к своеобразному приему: он переносит вопрос в плоскость «чисто теоретического» интереса. «Каким бы практически важным элементом в общем положении народного хозяйства эти фонды (накопленная прибыль. Ф. М.) ни являлись во всяком данном случае, *принципиальный интерес и теоретический приоритет* (курсив мой. Ф. М.) принадлежит не им, а другому источнику денежных средств, а именно творчеству денег банками (там же, 108).

Шумпетер оставляет без внимания факты, важность которых он сам принужден признать, и чисто прокламаторно объявляет несущественным для ссудного капитала признак воспроизводственной обусловленности: чтобы порвать связь между ссудой капитала и воспроизводством, он должен был порвать связь между теорией и действительностью.

Чрезвычайно странное положение в системе Шумпетера занимает вексель. Возможность получить товар под вексель для него — такая же покупательная сила, как и всякая другая. При этом он игнорирует то обстоятельство, что выдать вместо товара вексель это еще

полдела: надо еще по векселю уплатить, каковое обстоятельство делает из покупки под вексель кредитную операцию. Возведение векселя в ранг окончательного платежного средства необходимо Шумпетеру для того, чтобы избавиться от всяких хлопот с явлениями коммерческого кредита. Но если основным признаком кредита по Шумпетеру является создание новой покупательной силы для предпринимателей, то получение предпринимателем нужных ему средств производства под вексель должно было бы рассматриваться Шумпетером как кредитный акт. Выходит так, что получить товар в кредит можно только для Kreislauf, а получить новую покупательную силу в кредит можно только для целей развития. Шумпетер совершает двойное насилие: а) всех владельцев ссудного капитала он «теоретически» обрекает на обслуживание только стационарного хозяйства; б) предпринимателя он рисует в противополоственном виде человека, которому никто не доверяет ни на грош товара, но которому банкир готов доверять большие суммы вновь созданной покупательной силы. Вместе с тем совершенно повисает в воздухе такая важная форма кредита, как учет векселей.

По существу Шумпетер подставляет вместо кредита частный случай частного случая кредита; из всех форм кредита берется только свободное жиральное кредитование и из всех случаев последнего только те случаи, когда оно обслуживает проведение новых комбинаций. И этот частный случай в квадрате объявляется единственной формой кредита, исчерпывающей все экономическое значение феномена.

Теория кредита Шумпетера принуждена выбросить за борт всю сферу обращения. По самому признанию автора, она предусматривает только такие условия, где товар попадает непосредственно из сферы производства в сферу потребления. Это, конечно, полезно для Шумпетера тем, что сообщает «кругообороту» полную плавность и невозмутимость и отсекает необходимость объяснить явление кредита, поскольку он обслуживает расширение и сжатия периода обращения и обслуживается ими. Но игнорирование сферы обращения создает новый разрыв между теорией и капиталистической действительностью. Это теория не капитализма, а некоего фантастического строя, в котором нашли счастливое сочетание частная собственность на средства производства, анархия производства и вместе с тем стройная организованность последнего.

Кредитный номинализм сознательно или подсознательно стремится доказать, что противоречия капитализма должны найти свое разрешение в содействующей организации кредита. Но для этого он принужден подменить капитализм фантастикой и с самого начала допустить наличие той организованности хозяйства, которая предполагается как *конецный результат развития кредита*.

Ф. Михалевский

К ТЕОРИИ АГРАРНЫХ КРИЗИСОВ

Общие замечания¹

В общих чертах можно нарисовать схему разделения народного хозяйства на сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую промышленность.

Добывающая промышленность «находит свой предмет труда в природе, между тем как сельское хозяйство имеет дело с теми предметами, которые представляют сырой материал, т. е. предметы труда, уже профильтрованные процессом труда» (К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 152). Сельское хозяйство производит предметы питания и основное сырье для изготовления предметов личного потребления. Обрабатывающая промышленность производит дальнейшую переработку продуктов сельского хозяйства и добывающей промышленности. Предметы питания, получаемые в сельском хозяйстве, могут снова явиться сырьем для обрабатывающей промышленности (пищевая промышленность), так что и в этой области промышленность подчиняет себе одну отрасль сельского хозяйства за другой.

Экономическое основание производимого нами разграничения между сельским хозяйством, добывающей и обрабатывающей промышленностью приходится искать в следующих фактах: 1) в той связи, которая существует между сельским хозяйством и землей как основным фактором производства, 2) в связи между добывающей промышленностью и теми источниками сырья, откуда она получает свой основной продукт, и 3) в относительно большей свободе промышленности от каких бы то ни было естественных границ. Размер земли, охватываемой производственным процессом, определяет в общем и целом при данной системе сельского хозяйства также размер возможной продукции. В этом отношении сельское хозяйство сходно с добывающей промышленностью, которая также зависит от размеров площади, охваченной производственным процессом. И подобно последней, размеры продукции которой зависят от богатства естественными ресурсами рудника, россыпи и т. д., урожайности земли является в основном следствием природных условий. Впрочем, плодородие

¹ Глава из подготавливаемого к печати III тома «Мировое хозяйство до и после войны».

земли является также результатом исторического развития; вообще, понятия «плодородия» и естественного богатства страны имеют относительное значение, зависящее от степени технического развития, позволяющего использовать те или другие источники сырья или земельные участки¹. Но какую бы роль ни играла степень плодородия земли, увеличение продукции за определенными естественными и техническими условиями пределами требует расширения площади обрабатываемой земли. Впрочем, и здесь не нужно искать абсолютных границ. «Предел, до которого, говорит Маркс, на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими затратами на земле класса А» (т. е. худшего качества) (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 288). Следовательно, вопрос решается конкурентными моментами. Но именно то обстоятельство, что использование новых земель, пространственное расширение объема производства может явиться более выгодным, чем интенсификация производства, и отделяет земледелие от промышленности, для которой не пространство, а техника и только последняя определяет характер и объем производства. Этим и определяется существование класса землевладельцев, который захватил в свое монопольное пользование землю и который требует на основании своего «права» владения часть прибавочной стоимости в виде абсолютной ренты.

Применение орудий производства в сельском хозяйстве, уменьшая затраты труда на производство единицы продукта, имеет лишь относительное значение для увеличения массы продукции. Чтобы увеличивать продукцию, необходимо главным образом расширять площадь обработки земли или (в известных рамках) интенсифицировать производство, что при неизменной технике вызывает часто рост производственных расходов и только улучшение техники и способов производства повышает производительность труда; но применение техники часто, в свою очередь, связано с возможностью увеличения количества произведенного продукта.

Дело в том, что спрос на сельскохозяйственные продукты имеет ограниченные размеры. Если спрос на промышленные изделия почти неограничен и растет относительно быстро, то спрос на сельскохозяйственные продукты увеличивается весьма медленно. Так, напр., за годы с 1880—1884 по 1905—1908 потребление пшеницы и ржи в Германии на душу населения увеличилось на 50%, потребление же хлопка—на 100%, а потребление железа—на 171%. Точно так же в САСШ потребление пшеницы увеличилось за это время всего на 5%, хлопка на 52%, а железа даже на 200%. Это показывает, что потребле-

¹ «Способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы—способность, которая различна на различных ступенях развития,—представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как и ее химический состав и другие природные свойства» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 192). С этой точки зрения ясно, что нельзя говорить об убывающем плодородии почвы, как о «законе природы», раз само плодородие почвы зависит от общего развития химии и механики...

ние продуктов промышленности увеличивается гораздо быстрее, чем потребление сельскохозяйственных продуктов.

И на самом деле, если присмотреться к бюджету рабочей семьи, т. е. к расходам, которые тратит каждая семья на удовлетворение своих потребностей, то мы заметим следующее, весьма характерное явление. С ростом благосостояния семьи растут расходы на сельскохозяйственные продукты, на одежду, обувь и другие промышленные изделия. Но расходы на сельскохозяйственные продукты растут гораздо медленнее, чем растет благосостояние семьи, между тем как расходы на изделия промышленности растут быстрее, чем рост благосостояния семьи. При обследовании бюджетов семей немецких рабочих и служащих оказалось, что при доходах семьи в 600 руб. в год—расходы на растительные съестные припасы составляли 19% бюджета, а при доходах в 2 500 рублей в год на растительные продукты питания приходилось только 8%. Само собой понятно, что при некотором росте доходов семьи возрастает и расход на съестные припасы. Так, напр., при доходе от 600 до 800 рублей в год на растительные съестные припасы приходилось 17,3% всех расходов, но при доходе от 800 до 1 000 рублей—уже только 16%; от 1 000 до 1 250—14,5% и т. д. Следовательно, эти расходы понижаются, хотя абсолютно (в рублях) все время продолжают расти. Расход на мясные и молочные продукты показывает несколько иное движение. Если семья с низким доходом до 600 рублей в год тратит на мясные и молочные продукты 26,5%, с несколько более высоким доходом—от 600 до 800 рублей—тратит 28,5%, то при дальнейшем возрастании благосостояния семьи процент расхода на молочные и мясные продукты падает, и при доходе в 2 500 рублей в год он равняется только 16,6%.

Общие расходы на пищу германской семьи, при росте дохода этой семьи от 600 рублей до 2 500 рублей, увеличиваются только на 79%, расходы на одежду и обувь—почти в 8,7 раз (т. е. на 770%).

Вместе с ростом благосостояния быстро растут расходы на квартиру, на меблировку, и особенно быстро растут расходы на культурные нужды. Следовательно, спрос на промышленные продукты развивается гораздо быстрее с ростом благосостояния населения, чем спрос на сельскохозяйственные продукты. Это совершенно естественно, потому что, если семья с низким доходом питаются вироголодь, то семьи с более высоким доходом не могут, все-таки, съесть 4 порции мяса или 4 порции хлеба. Несомненно увеличивается потребление хлеба и мяса, но такому увеличению потребления имеется чисто естественный предел в насыщенности. Затем,—и это весьма важно,—при более высоком благосостоянии семья переходит от потребления продуктов низкого качества к продуктам более высокого качества, вместо значительного потребления хлеба она переходит к потреблению мяса, молочных продуктов и овощей. Такое изменение качества питания диктуется и условиями труда: работая на открытом воздухе, можно есть больше хлеба; в душных фабриках или при умственном труде приходится прибегать к потреблению мясных и других продуктов высокого качества.

Следовательно, если страна развивается и улучшается положение народных масс, то увеличивается не потребление хлеба, а потребление продуктов скотоводства, огородничества и т. д. Сельское хозяйство переходит тогда к новым нормам производства. Во всяком случае, зерноводству поставлен в этом смысле известный предел. Даже понижение цен на сельскохозяйственные продукты, повышая потребление их, во всяком случае, не вызывает такого значительного увеличения потребления, чтобы последнее было в состоянии покрыть понижение цен.

На самом деле, мы наблюдаем, что падение цен на сельскохозяйственные продукты, напр. в Англии, не вызывало повышения потребления пшеницы за 25 лет от 1880—1885 до 1905—08 (364 фунта на душу и 361 фунт на душу); в Германии падение цен вызвало известный рост потребления хлеба вследствие общего подъема материального положения народных масс, но все же оно продолжало оставаться в довольно ограниченных размерах. Главный рост потребления сказался и в Германии не в области зерновых продуктов, а в области мясных и молочных.

Рассматривая те же бюджеты в порядке понижающейся доходности семьи, мы констатируем, что по мере понижения доходности падает, прежде всего, потребление мясных и молочных продуктов и только мало уменьшается потребление хлебов.

То же самое явление можно проследить по динамике питания населения СССР за восстановительный период. Чтобы не усложнять наше изложение цифрами, мы ограничимся только несколькими примерами. Так, состав пищи был в килограммах на 1 душу населения ¹:

	Сельского населения						Семьи рабочих			Семьи служащих	
	потребляющей полосы		производящей полосы								
	1922 г.	1924 г.	1926 г.	1922 г.	1925 г.	1926 г.	1922 г.	1924 г.	1926 г.	1922 г.	1926 г.
Мука ржаная..	466,7	512,9	465,8	314,6	282,7	228,0	364,9	210,9	156,8	285,4	119,2
» пшеничная	27,4	26,5	47,1	225,7	258,9	320,0	144,1	264,1	305,1	168,3	295,2
» прочая..	41,7	35,5	48,0	44,9	53,9	68,2	5,3	11,5	13,5	7,8	13,1
Всего	535,8	574,9	560,9	589,2	595,5	616,2	514,3	486,5	475,4	461,5	427,5
Мясо.....	53,3	64,3	106,1	42,6	79,4	97,5	70,4	128,2	150,7	91,7	172,4
Мол. продукты	286,2	349,3	333,7	253,9	288,3	276,0	108,5	171,2	178,5	153,6	240,4
Весь пищевой рацион..	2 167,8	2 173,1	2 023,3	1 771,2	1 877,3	1 857,9	1 476,2	1 555,0	1 457,9	1 436	1 469
В том числе из раст. прод..	1 797,6	1 718,6	1 546,2	1 446,7	1 471,6	1 442,6	1 257,5	1 215,0	1 081,9	1 144	1 000
Жив. прод..	970,2	454,5	477,1	324,5	405,7	415,3	218,7	339,0	376,0	292	469

Улучшение положения народных масс за годы 1922—1926 не выражается в росте потребления хлебов и растительных продуктов; наоборот, потребление последних даже несколько уменьшилось. Но в то же время выросло потребление пшеницы как наиболее высококачественного продукта.

Потребление мяса, мясных и молочных продуктов быстро поднялось, специально потребление мяса в два раза! При этом мы замечаем,

¹ «Итоги десятилетия советской власти в цифрах», стр. 354 и сл.

что, по мере перехода от чисто сельскохозяйственного населения к промышленному, растет потребление мяса. В потребляющей поlose оно выше, чем в производящей, в рабочей семье выше, чем в крестьянской, в семье служащего—еще выше. Отсюда выходит, что индустриализация страны усиливает потребление животных продуктов и относительно уменьшает потребление растительных веществ. Но в то же время потребление мясных продуктов в рабочей семье меньше, чем в семье служащего на 24,8%, а растительных только—на 8,2%. Отсюда видно, что амплитуда колебания в потреблении растительных веществ гораздо меньше, чем в потреблении мясных. Во время кризиса, следовательно, должно сильнее сократиться потребление мясных, чем растительных веществ. И, наоборот, во время промышленного оживления поднимается потребление первых. Это теперь общепризнанный факт¹.

Для потребления промышленных продуктов нет границ. Если наш крестьянин часто ходил почти-что в лохмотьях, то крестьянин и рабочий в богатых, развитых странах, с высокой производительностью труда имел по несколько костюмов и большое число пар сапог. А средняя и крупная буржуазия, высшие слои служащих и чиновников или помещики-дворяне меняют свою одежду и обувь по несколько раз в год. Следовательно, в этом отношении границы потребления промышленных изделий весьма широки. Но, кроме того, промышленность очень легко переходит к производству самых разнообразных предметов, потребление которых вызывается и усиливается с ростом благосостояния, с одной стороны, и понижением цен на эти продукты—с другой.

Вспомним колоссальное развитие автомобильного сообщения в Америке, где 1 автомобиль приходится на каждые 5 жителей, считая и детей.

Таким образом, вследствие особенностей потребления сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, и промышленных продуктов—с другой, сельское хозяйство сильно отличается от промышленности. В то время как сбыт продуктов промышленности можно увеличить путем понижения цен и благодаря этому промышленность может почти бесконечно расширяться (наталкиваясь, конечно, на ограниченную социальными условиями производства покупательную способность)—сельское хозяйство почти не заинтересовано в расширении потребления. Сильное предложение продуктов сельского хозяйства вызывает такое понижение цен, которое не покрывается соответственным увеличением потребления. Вследствие этого, понижение цен при значительном росте продукции бывает особенно сильным; продукты приходится сбывать уже с прямой потерей. Отсюда

¹ И можно только удивляться, как глубокомысленный «критик», Пикас, пытался доказать, что, раз цены на продукты скотоводства в 80-х годах прошлого столетия меньше пали, чем цены на хлеб, то неверно наше положение, что промышленный кризис вызывает сокращение потребления. Очевидно, критик представляет себе кризис, как дни благоденствия рабочего класса, сидящего у египетских «горшков с мясом».

получается следующее странное, озадачивающее явление: крестьянин в капиталистических странах иногда страдает больше от хороших урожаев, чем от плохих. Во время хорошего урожая падает цена на хлеб и тем самым уменьшает стоимость всего урожая, несмотря на увеличение количества хлеба. Если 2 000 пудов сбора по 3 рубля дают 6 000 рублей, то при сборе в 2½ тысячи пудов хлеба, которые уже приходится продавать по 2 рубля, получается 5 тысяч рублей. Несмотря на увеличение урожая на 25% при понижении цен на 1/3, общий результат во втором случае значительно ниже, чем в первом.

То обстоятельство, что увеличение производства, вызывающее понижение цен, не ведет к соответственному увеличению потребления и, вследствие этого, приводит к более значительному понижению цен, заставляет сельских хозяев часто стремиться к ограничению производства ниже нормального уровня потребления. Сельское хозяйство тем и отличается от промышленности, что оно развивается вместе с спросом, вслед за ним, между тем как промышленность старается опередить спрос, изменяя его, делая более интенсивным, усиленным, даже вызывая его.

Промышленник стремится по-возможности больше продавать, хотя бы за счет некоторого понижения цены. Другими словами, промышленник видит больше выгоды в том, чтобы на каждой единице продукта, продаваемого им, зарабатывать относительно меньше, но зато продавать продуктов по-возможности больше. Сельский хозяин, наоборот, стремится продавать относительно мало, но по наиболее высокой цене. В этом лежит *коренная разница в характере рынка для сельскохозяйственных и промышленных продуктов*. Перепроизводство в области промышленности ведет, правда, также к временному сокращению производства в тех отраслях, где это перепроизводство особенно значительно. Но при увеличении какого-либо производства одновременно развивается производство других отраслей, главным образом, производство средств производства (машин, сырья, топлива и пр.), которое тем самым снова расширяет рыночный спрос не только на средства производства, но и на предметы потребления. В сельском хозяйстве перепроизводство может быть долго не изжито, пока эти предметы не будут целиком потреблены, и не возникнет новый спрос. Борьба против перепроизводства в сельском хозяйстве ведется в основном путем сокращения запасов.

Таким образом, мы имеем как характерную черту сельского хозяйства отсутствие интереса к расширению производства на основе существующих цен или даже с целью понизить цены, чтобы увеличить потребление. При развившемся кризисе—если он не сменяется скоро новым оживлением промышленной конъюнктуры—сельское хозяйство само из себя не в состоянии развить необходимых сил, чтобы скоро выбраться из него.

Вот почему Маркс говорит, что «важным различием между сельским хозяйством и промышленностью является то обстоятельство, что в промышленности возможно добиться сверхприбыли путем удешевления продукта, т. е. понижая благодаря применению улучшен-

ной техники индивидуальные производственные расходы ниже средних, между тем как в сельском хозяйстве сверхприбыли получают вследствие продажи по высоким ценам». Если, говорит Маркс, в среднем цена фунта пряжи 2 шлг., а я, производя ее в большем масштабе, могу производить ее по 1 шлг., то я буду продавать ее несколько ниже 2 шлг., чтобы завоевать рынок. Таким образом, я понижаю рыночную цену, и результатом является то, что потребитель получает продукт дешевле. В земледелии я продаю в соответствующем случае по 2 шлг., так как цены на продукты сельского хозяйства определяются производственными расходами при наихудших условиях. Ибо если бы плодородной земли было достаточно, то менее плодородная не была бы обработана. Точно так же, если бы вообще производство при более благоприятных условиях вообще могло бы удовлетворить рыночный спрос, то производство при менее благоприятных условиях приостановилось бы. В промышленности производство при средних или более благоприятных условиях может удовлетворить рыночный спрос; поэтому оно и определяет цены, между тем как в сельском хозяйстве отнюдь нельзя бесконечно увеличивать продукцию на тех же клочках земли, не повышая при этом производственных расходов. Поэтому для удовлетворения рыночного спроса приходится перейти к производству и при худших условиях, которые в таком случае и определяют цены продукта.

Экономическим выражением указанных различий между сельским хозяйством и промышленностью следует, таким образом, считать различие в способах определения цен. Если рыночная цена промышленных продуктов определяется в общем и целом средними производственными расходами, то рыночная стоимость сельскохозяйственных продуктов выказывает тенденцию к повышению до уровня высших производственных расходов. В № 1 «Планового хозяйства» за 1928 г. тов. Гордеев утверждает, что по Марксу цены на сельскохозяйственные продукты не тяготеют к наиболее дорогим районам производства. Между тем, кто только знаком с марксовой литературой, тот знает, что прав в этом отношении Зеринг, а не Гордеев. Так, уже в «Нищете философии» Маркс говорит (на странице 148—149 немецкого издания 1913 г.), что если бы цены определялись средними производственными расходами, то вообще не было бы земельной ренты. Существование земельной ренты именно определяется тем, что цена (рыночная стоимость) сельскохозяйственных продуктов определяется высокими производственными расходами. На странице 145 Маркс указывает на то, что новые вложения капитала, которые оказываются менее производительными, делаются только потому, что это вызывается спросом, что если бы дополнительные затраты были бы так же производительны, как прежние, то цена сельскохозяйственных продуктов определялась бы не высшими производственными расходами, а средними или низшими. То же самое Маркс повторяет во многих местах III тома «Капитала», говоря (напр., в части 2, изд. 1923 г., стр. 198 русского издания), что «цена производства на наихудшей земле всегда служит регулирующей рыночной

ценой», в «Теориях прибавочной стоимости», в полемике против Ротбертуса (во 2-м томе немецкого издания, стр. 171). Нет, следовательно, никакого сомнения в том, что цена (рыночная стоимость) сельскохозяйственных продуктов определяется высшими производственными расходами при состоянии равновесия рынка. Во время кризиса цены, конечно, падают, а вслед за ними и рыночная стоимость, причем она может упасть ниже не только высших производственных расходов, но и средних. В этом и заключается сущность аграрного кризиса, о чем речь будет впереди.

Но если рыночная стоимость определяется высшими производственными расходами, то это означает с точки зрения марксова закона образования цен, что общественная потребность удовлетворяется только при участии в производстве и тех предприятий, которые работают с высшими производственными расходами, т. е. когда рыночная стоимость устанавливается не средними предприятиями, а теми, которые еще необходимы для удовлетворения рыночного спроса, хотя бы они работали с более высокими производственными расходами. Это означает дальше, что *спрос опережает предложение*, исходящее от предприятий со средними производственными расходами, иначе, само собой разумеется, как мы уже сказали, предприятия с высшими производственными расходами не существовали бы.

Не следует, однако, представлять себе, что рыночные цены должны всегда доходить до высших производственных расходов. В нашем предисловии к Зерингу мы приводили обследование стоимости продукции пшеницы в САСШ в зависимости от урожайности и констатировали, что эта стоимость колебалась между 4,4 доллара за бушель пшеницы до 0,65 доллара в районе озимой пшеницы и между 1,55 доллара и 0,66 доллара в районе яровой пшеницы, между тем как цены в этих районах колебались между 1,24 доллара до 1,28 доллара за бушель. Другими словами, только предприятия, получавшие свыше 12 бушелей с акра, были в состоянии покрывать свои производственные расходы. Все те предприятия, урожай которых был ниже этих размеров, не в состоянии были покрывать свои производственные расходы, очевидно, потому, что остальные области были в состоянии удовлетворить весь общественный спрос.

В 1925 г. производственные расходы в районе озимой пшеницы поднимаются еще выше—до 9,52 доллара за бушель в предприятиях, получающих менее 3 бушелей с акра; в предприятиях с более высокой урожайностью производственные расходы пшеницы падают, но все время остаются несколько более высокими, чем в прошлом году. Причем рост расходов отмечается почти по всем статьям, за исключением удобрения, которое не дает увеличения расходов. Средняя цена в 1925 г. была 1,46 цента за бушель при средней стоимости продукции по всем САСШ в 1,32 цента за бушель. Таким образом, средняя цена, получаемая на фермах, была несколько выше средней стоимости, но значительно ниже стоимости предприятий с высшими производственными расходами. Она соответствовала в данном случае цене предприятий с урожайностью выше 13 бушелей на акр. Таким образом,

приходится считать, что цену по высшим производственным расходам не следует понимать в том смысле, что она всегда оплачивает всякое производство, хотя бы при самых ненормальных условиях, а только такое производство, которое при данном спросе оказывается еще необходимым для его удовлетворения. Все те предприятия, которые работают еще при худших условиях, вынуждены, вероятно, прибегать к использованию получаемого ими незначительного количества хлеба у себя на фермах или для своего собственного питания, или для корма скота. Во всяком случае, они не в состоянии покрыть продажей своего хлеба своих расходов.

Является ли, однако, тенденция рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов к высшим производственным расходам, вытекающая из того обстоятельства, что спрос на сельскохозяйственные продукты, как нормальное явление, опережает предложение, доказательством правильности так называемого «закона падения последующих затрат», как думает т. Гордеев. Ничуть. Что касается самого этого закона, то анализ его был дан проф. Лященко в № 6—7 «На аграрном фронте», с которым мы совершенно согласны, и возвращаться к нему нам не приходится. Рост же спроса на сельскохозяйственные продукты определяется *более быстрым ростом промышленной продукции*. Дело в том, что в сельском хозяйстве население, как известно, уменьшается относительно или даже абсолютно, если идет значительный прогресс техники. В промышленности, наоборот, население увеличивается не только абсолютно, но и относительно, и вместе с этим быстро растет спрос на сельскохозяйственные продукты. Маркс говорит, что подъем цен на сельскохозяйственные продукты может быть вызван как результат недостатка сырьевого материала, который в свою очередь может быть вызван, независимо от величины урожая, перепроизводством основного капитала в промышленности. «Если в какой-либо отрасли промышленности на машины и т. д. затрачивается слишком большая часть накопленной прибавочной стоимости, добавочного капитала, то сырьевого материала будет недостаточно для нового производства, хотя было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала» («Теория прибавочной стоимости», том 2, ч. 2, стр. 183, русск. издание). Это указание Маркса объясняет нам, почему цены на сельскохозяйственные продукты поднимаются быстрее, чем цены на промышленные продукты, так как происходит перепроизводство основного капитала, т. е. отвлечение значительной части капитала из сельскохозяйственной области в промышленную. Этим же объясняется возрастающий спрос на сельскохозяйственные продукты и подъем их цен¹. Маркс совершенно опре-

¹ Этого не поняла С. Пикус, находящаяся в недоумении по поводу моего указания, что цена на сельскохозяйственные продукты определяется высшими производственными расходами потому, что земля находится в руках частных собственников и капитал отвлекается в промышленность. Пикус, в свою очередь,

деленно говорил о том, что цена определяется высшими производственными расходами потому, что последующие затраты оказываются менее производительными, чем предыдущие. Это происходит потому, что отвлекается капитал из сельского хозяйства в промышленность, так как при улучшенной технике производительность последующих затрат может возрастать. Ведь вся суть так называемого закона «падения производительности последующих затрат» состоит в том, что при *тех же капитальных затратах* обработка новых земель может оказаться выгоднее, но при новых затратах капитала, при улучшении техники, при улучшении системы производства и т. д.—уже несомненно более выгодными оказываются последующие затраты, как это видно из обследования американского правительства, приведенного нами в предисловии к Зерингу, и как это подтверждает обследование следующего года, опять-таки, устанавливающее, что по мере роста удобрения и лучшей обработки земли—стоимость производства каждого бушеля резко падает¹. Напр., в районе озимой пшеницы—производственные расходы падают с 2,77 доллара за бушель до 77 центов. То же самое мы видим в отношении кукурузы, стоимость производства которой падает с 4,89 доллара до 51 цента в среднем для всей страны. То же повторяется в отношении ко всем остальным сельскохозяйственным продуктам, напр. для овса, производственные затраты которого падают с 1,30 доллара до 30 центов, на хлопок с 0,71 доллара за фунт до 0,08 доллара за фунт. Следовательно, весь вопрос заключается в том, что отвлекается капитал в промышленность, и сельское хозяйство вынуждено работать при относительно недостаточном капитале и при возрастающих расходах на производство.

Что при улучшении техники производительность труда в общем возрастает, это показывает вся история развития всех стран, напр. Германии, которая имеет интенсивное сельское хозяйство, где производительность труда возросла, а не упала по сравнению с прежним экстенсивным хозяйством благодаря применению техники.

Но, с другой стороны, таким же фактом является и то, что индустриализирующиеся сельскохозяйственные страны переходят от вывоза к ввозу сельскохозяйственных продуктов; следовательно, потребление обгоняет собственное их производство. Отсюда ясно, что спрос опережает предложение. Но это отнюдь не должно быть связано со знаменитым «законом», а является просто результатом более медленного развития сельского хозяйства, чем промышленности.

Более быстрый рост технического развития в промышленности по сравнению с сельским хозяйством—несомненный факт. Он объясняется раздробленностью сельского хозяйства, бедностью большинства мелких сельских хозяев, которые не в состоянии применять машины, или которые еще недостаточно могут использовать эти машины в своем производстве, недостаточным культурным развитием массы сельских

объясняет это ограниченностью лучших земель и приписывает эту наивно-ребяческую мысль Марксу.

¹ См. также результат обследования Лауера в Швейцарии в журнале *Berichte über Landwirtschaft*, 1927.

хозяев, которые не умеют пользоваться машинами и т. п. моментами. Но почему капиталистически-организованное сельское хозяйство относительно мало вводит у себя машин? Ответ приходится искать в двух моментах: сельское хозяйство расширяет свое производство только тогда, когда цены значительно поднимаются. Но понижение цен и увеличение производства являются основным условием к развитию разделения труда и применения машин. Разделение труда и улучшение техники вызывают увеличение производства, и только в этом случае улучшение способов производства становится выгодным. На самом деле, удешевленная продукция, говорит Маркс¹, является производством на более широкой основе. Дешевизна получается от того, что основной капитал делится на большое число продуктов. Если новая машина будет не вполне использована, то стоимость продукции будет высокой. Для того чтобы вводить у себя современные машины, необходимо их использовать в полном размере, т. е. значительно увеличить производство. Поскольку в сельском хозяйстве такого рода стремления к увеличению производства нет, постольку и побуждений к улучшению техники почти нет.

В сельском хозяйстве машины вступают в конкуренцию только с трудом, в то время как промышленные машины дают возможность не только заменять рабочих, но и увеличивать продукцию и тем самым поставить все производство на совершенно новых целесообразных началах.

То обстоятельство, что в сельском хозяйстве машина часто не увеличивает производства, а только вытесняет рабочую силу, имеет следствием, что замена человеческого труда машиной ведет там, где не расширяется площадь посева и не переходят к более интенсивной системе обработки земли, к *абсолютному* уменьшению числа занятых в сельском хозяйстве людей. В то же время развитие техники в промышленности хотя *относительно* и уменьшает число занятых в ней рабочих по сравнению с возрастающим капиталом или с количеством производимых продуктов, но ведет в конце концов к тому, что общее число занятых рабочих в промышленности все-таки увеличивается. В особенности, это замечается в отраслях, производящих средства производства, например в машиностроительной промышленности, в горном деле, в железодельной промышленности и т. д. В этих отраслях общее число занятых рабочих увеличивается, но рост производства и здесь идет быстрее, чем рост занятых в них рабочих.

В сельском хозяйстве машины вытесняют рабочих из производства. Всюду, во всех странах число занятых в сельском хозяйстве уменьшается, причем, в зависимости от степени проникновения техники в производство, уменьшение идет более или менее быстро. Часто оно так сильно, что не только весь прирост населения, но даже часть старого сельскохозяйственного населения уходит в город. Таким образом, в сельском хозяйстве образуется перенаселение, которое давит

¹ Theorien über den Mehrwert, II, стр. 170.

на заработную плату и на доход крестьян. Этот момент, в свою очередь, чрезвычайно задерживает развитие техники сельского хозяйства.

В промышленности, как известно, именно рост заработной платы является сильным стимулом к введению новых машин, тогда как в сельском хозяйстве этот рост заработной платы задерживается, по крайней мере, до тех пор, пока спрос на рабочую силу со стороны промышленности идет относительно медленно. Только тогда, когда быстрый рост заработной платы в городе заставляет поднимать заработную плату и в деревне, для того чтобы несколько задержать поток переселенцев деревни в город, сельские хозяева вынуждены также вводить у себя машины.

Несмотря, однако, на все трудности, на которые наталкивается введение машин в сельское хозяйство,—только при полном незнакомстве с тем, что делается в капиталистических странах, можно говорить, что сельское хозяйство в капиталистических странах находится еще на уровне мануфактуры. На самом же деле, мы имеем довольно быстрое развитие применения техники в сельском хозяйстве, и это отмечается не только теперь, но уже с самого начала XIX века. Мюльголь¹ вычисляет рост капитала, вложенного в сельское хозяйство главных стран Европы, С. Штатов и главнейших колоний. Эти данные выражаются следующим образом: в 1840 г. капитал сельского хозяйства составлял 9 млрд. фунт., в 1860 году—15 млрд., а в 1887 г.—23 млрд. Если разделить этот капитал на основные его части—стоимость земли, скота и остальные части сельскохозяйственного капитала, т. е. машины, здания и т. д., то мы имеем следующее развитие:

	Земля	Скот	Остальное
	(в миллионах фун. стерл.)		
1840	7 096	994	947
1860	11 862	1 562	1 499
1887	17 776	2 701	2 529
1891—96	17 736	2 245	1 992

Капитал, вложенный в сельское хозяйство в виде построек, машин и т. д., с 1840 по 1891—96 гг. увеличился больше, чем в два раза. В Европе он увеличился за это время с 820 до 1 539 млн. ф. ст., или почти в 2 раза, в С. Штатах—с 100 млн. до 337 млн. ф. ст. Таким образом, мы имеем довольно значительное развитие основного капитала в сельском хозяйстве на протяжении XIX столетия. Для Соед. Штатов мы имеем официальные исследования, которые указывают рост применения машин в сельском хозяйстве с 1900 по 1922 гг. Оказывается, что применение машин в сельском хозяйстве перед войной выразилось в следующих цифрах: в 1900 году стоимость машин равнялась 750 млн., а в 1912 г. 1 368 млн. В промышленности за это время стоимость машин увеличилась с 2 541 млн. до 6 091 млн.²

¹ Dictionary of Statistics.

² Число занятых в сельском хозяйстве за это время не увеличилось, а в промышленности почти удвоилось. Все же в промышленности в 1920 г. приходилось на 1 занятого на 1 144 долл. машин, а в сельском хозяйстве—228,5 долл. В 1900 г. в промышленности было машин на 341 долл. на 1 рабочего.

После войны стоимость сельскохозяйственных машин увеличилась в 2 раза,—до 2605 млн., а в промышленности—до 15 783 млн. Эти данные подтверждают, что применение машин в промышленности идет быстрее, чем в сельском хозяйстве. Но это отнюдь не значит, что в сельском хозяйстве вообще не прибегают к машинам, что здесь не растет основной капитал.

Точно так же неверна мысль о том, что производительность труда в сельском хозяйстве не развивается. Она, несомненно, развивается, но, опять-таки, медленнее, чем в промышленности, на что указывал и Маркс. По исследованиям Кинга, производительность труда в сельском хозяйстве Америки с 1880 г. до 1910 г. шла даже относительно быстрее, чем в американской промышленности. Насколько эти вычисления точны,—трудно сказать. Во всяком случае, известно, что производительность труда в американском сельском хозяйстве с 1870 по 1920 г. увеличилась на 82%. По вычислению Кинга, стоимость продукции сельского хозяйства на одного рабочего составляла в 1910 г. 391 доллар, а в промышленности 849 долларов, производительность труда в промышленности превышает сельскохозяйственную несколько больше, чем в два раза. По нашим вычислениям стоимость продукции сельского хозяйства на 1 занятого составляла в 1925 г. 1241 долл., а промышленности—2732 долл. Эта разница не настолько значительна, чтобы отсюда делать выводы относительно возможности или невозможности кризисов в сельском хозяйстве. Ведь производительность труда во всех остальных промышленных странах по сравнению с Америкой, по крайней мере, в 2—4 раза ниже, и тем не менее эти страны переживают промышленные кризисы. Точно так же накопление основного капитала в начале XIX столетия во всех промышленных странах было несомненно более медленным, чем оно теперь идет в сельском хозяйстве Соед. Штатов, и тем не менее все эти страны переживали промышленные кризисы.

Какие же моменты могли бы задержать развитие кризисов в сельском хозяйстве?

Причины аграрных кризисов

Бывают ли аграрные кризисы в смысле расхождения между ценами и производственными расходами? Испытывает ли сельское

¹ Зеринг в своей работе *Agrarkrisen und Agrarzölle* понимает под аграрным кризисом такое расхождение между ценами и производственными расходами, которое «многим землевладельцам грозит потерей всего их имущества, а целым округам—обезлюдением». В этом смысле аграрные кризисы, как мы выяснили в предисловии к русскому изданию этого труда, относительно редкое явление. Но теоретически правильно понимать и под аграрным кризисом *падение средней нормы прибыли*, вызванное расхождением между стоимостью продукции и ценами на сельскохозяйственные продукты, независимо от того, ведет ли такое падение нормы прибыли к разорению, обезлюдению и т. д. Это—вопрос *степени и продолжительности* кризиса,—и только. Что аграрные кризисы выражаются не только в том, что приходится платить слишком большую ренту, показывает не только история прежних кризисов, но и послевоенный, когда рента с 1919/20 по 1921/22 г. упала почти на половину и даже после ее вычета из общих расходов чистый доход фермеров остается весьма недостаточным.

хозяйство не только падение дифференциальной ренты как результат изменившихся условий производства, но и регулярные кризисы *перепроизводства*, подобно промышленности, когда цены *падают ниже средней общественной стоимости продуктов*? Если мы «раствор ножниц» в пользу промышленности примем как выражение кризиса сельского хозяйства, так как при таком соотношении цен сельское хозяйство не в состоянии покрыть свои расходы, то такие кризисы и в сельском хозяйстве *периодически* повторяются. Так, на 100 единиц с.-х. продуктов можно было приобрести промышленных продуктов (см. табл. на стр. 68).

Мы видим правильную цикличность: 1873 год наименее благоприятен для сельского хозяйства; затем следуют годы сельскохозяйственных кризисов: 1886, 1896, 1905, 1913. Относительно благоприятнее для сельского хозяйства годы: 1871, 1877 или 1878, 1883, 1891, 1898, 1909 и затем 1915 г.

Если рассматривать движение цен на сельскохозяйственные продукты отдельно, независимо от их отношения к промышленным продуктам, то и тогда мы наблюдаем правильную цикличность: годы высших и низших цен на с.-х. продукты чередуются между собой: 1873 год—высший пункт (в Англии—134), 1879—низший (113), 1880—новый подъем цен (117), 1896—самые низкие цены (77), затем подъем, и в 1900 г.—86, потом понижение—до 1903 (82) и, наконец, новый подъем до 1912 г. (101). Почти правильный десятилетний цикл (см. диаграмму на стр. 69).

И несмотря на новоиспеченную «теорию», что капиталистическое сельское хозяйство не подвергается регулярным кризисам, «теорию», исключаящую второе подразделение, производство предметов потребления, из анализа процесса воспроизводства и циклических кризисов, приходится констатировать не только циклические колебания общего уровня цен на с.-х. продукты, но и почти полный параллелизм в движении цен на промышленные товары и на сельскохозяйственные продукты.

Ни цикличности, ни связи между общим промышленным оживлением и движением цен на сельскохозяйственные продукты серьезный исследователь отрицать не будет. Эту связь признает, между прочим, и Норс, который пишет:

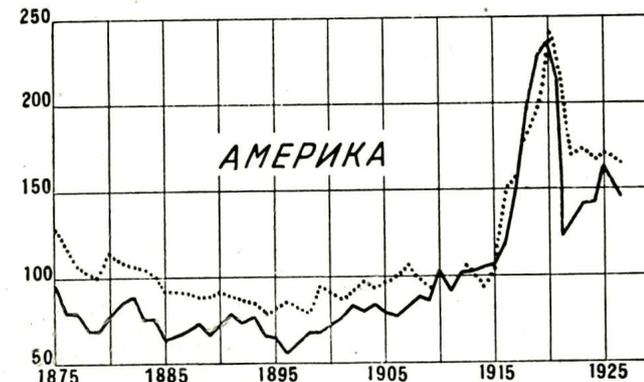
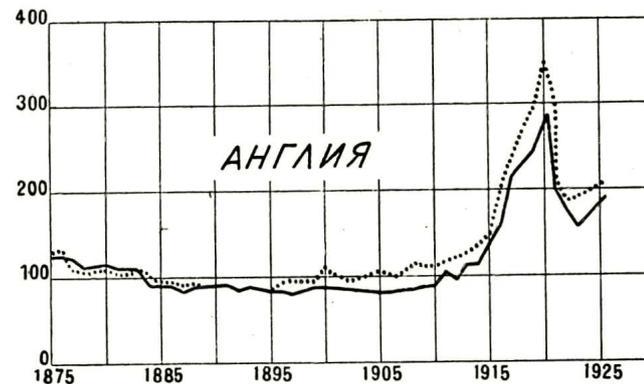
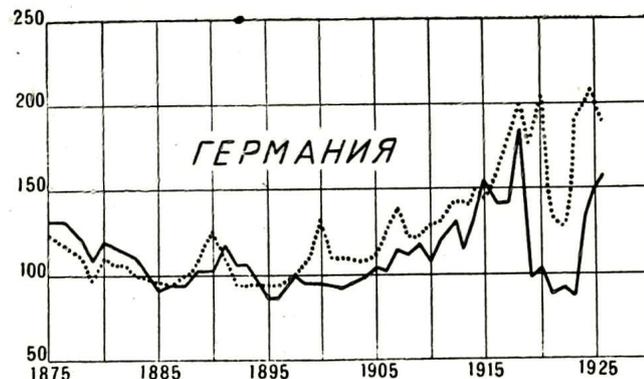
«В течение 175 лет, истекших с начала промышленной революции, американское земледелие развивалось в связи с ростом современного западно-европейского индустриализма и в значительной степени в зависимости от этого последнего. Как размер, так и характер нашего сельскохозяйственного развития в не-малой мере определялись рыночным спросом на пищевые продукты и промышленное сырье, возникшим вследствие роста европейских промышленных наций, в особенности Соединенного королевства и Германской империи.

Этот факт в общем, конечно, известен всякому человеку, знакомому с экономической историей Соединенных Штатов». («Американское хозяйство и европейский рынок», изд. «Планов. хозяйство», 1926 г., стр. 31.)

Индексы цен в Англии и Германии¹

	Германия		Англия		На 100 единиц с.-х. прод. приходится промышленных товаров	
	Сел.-хв. продукция	Пром. продукция	Сел.-хв. продукция	Пром. продукция	в Германии	в Англии
1870	115,4	110,8	116	135	104,2	85,9
1871	127,3	113,0	122	137	112,7	89,1
1872	129,3	155,0	127	157	83,4	80,9
1873	135,8	175,6	134	154	77,3	87,0
1874	138,8	142,3	130	136	97,5	95,6
1875	131,2	123,0	125	126	106,7	99,2
1876	130,1	114,9	123	123	113,2	100,0
1877	136,6	107,5	126	121	127,1	104,1
1878	123,5	98,9	119	110	124,9	108,2
1879	104,9	99,9	113	106	105,0	106,6
1880	118,2	113,8	117	114	103,9	102,6
1881	115,3	104,8	113	109	110,0	103,7
1882	106,8	105,0	111	109	101,7	101,8
1883	107,1	101,4	111	105	105,6	105,7
1884	96,5	96,5	98	99	100,0	99,0
1885	90,8	93,0	92	95	97,6	96,8
1886	84,4	89,6	89	91	94,2	97,8
1887	85,5	90,9	88	91	94,1	96,7
1888	93,9	96,6	89	94	96,9	94,7
1889	102,3	108,4	93	95	94,4	97,9
1890	105,2	123,1	91	96	85,5	94,8
1891	122,1	108,8	96	93	112,2	103,2
1892	106,3	99,1	91	89	107,3	102,2
1893	95,3	96,7	89	89	98,6	100,0
1894	87,9	94,0	82	81	93,5	101,2
1895	85,7	92,1	80	81	93,1	98,8
1896	85,0	95,2	77	81	89,3	95,1
1897	94,9	98,0	81	80	96,8	101,3
1898	101,6	102,1	85	83	99,5	102,4
1899	96,2	116,0	81	95	82,9	85,3
1900	95,8	137,2	86	109	69,8	78,9
1901	95,2	116,2	84	98	81,9	85,7
1902	96,5	110,1	84	96	87,6	87,5
1903	94,8	111,2	82	98	85,3	83,7
1904	100,1	110,4	85	98	90,7	86,7
1905	104,8	112,1	86	102	93,5	84,3
1906	102,1	124,5	86	112	82,0	76,8
1907	115,4	137,6	89	117	83,9	76,1
1908	112,5	122,8	89	100	91,6	89,0
1909	115,0	117,7	81	102	97,7	89,2
1910	109,1	120,0	92	110	90,9	83,6
1911	120,7	120,7	93	112	100,0	83,0
1912	132,9	137,2	101	120	96,9	84,2
1913	116,6	141,8	96	123	82,2	78,0
1914	124,2	138,6	101	120	89,6	84,2
1915	152,4	151,3	134	147	100,7	91,2
1916	144,1	144,4	162	190	99,9	85,3
1917	140,7	146,0	211	243	96,4	86,8
1918	189,0	195,2	216	280	96,8	77,1
1919	98,6	170,1	231	301	58,0	76,7
1920	101,2	200,6	289	353	50,4	81,9
1921	87,5	137,3	197	219	63,7	90,0
1922	89,2	130,9	163	181	68,1	90,1
1923	87,9	187,0	153	184	47,0	83,2
1924	130,0	202,8	163	199	64,1	81,9

¹ Anlagen zum Bericht des Agrar-Enquete-Ausschusses. (1880—1889 = 100)

— Цены на с.-х. продукты
 Цены на пром. товары

Движение цен на с.-х. продукты и пром. товары

Этим Норс подтверждает приведенную мысль Маркса о повышении цен на сельскохозяйственные продукты вследствие *перепроизводства основного капитала*. Подъем промышленности, связанный с расширенным воспроизводством основного капитала, и вызывает подъем цен на с.-х. продукты, в то время как кризис промышленности, как мы говорили в статье «Теории кризиса Маркса»¹, вызывает понижение цен и на сырье и вообще на с.-х. продукты². К концу промышленного цикла цены на промышленные изделия часто обгоняют цены на сельскохозяйственные продукты, и кризис сельского хозяйства может наступить уже в последний фазис промышленного подъема.

Вопрос о взаимоотношениях между ценами на сельскохозяйственные и на промышленные продукты обсуждался не раз в экономической литературе. Но к нему подходили, так сказать, с другого конца: хотели установить зависимость промышленных кризисов от положения сельского хозяйства.

Так, Туган-Барановский, анализируя теорию Джевонса, подробно изучает движение цен на пшеницу в Англии. Результаты, к которым он приходит, сводятся к следующему:

«Годы промышленного оживления 1824—25 характеризуются высокими ценами на хлеб; годы промышленного расстройств 1826—28 — низкими ценами. В 30-х гг. соответствие между колебаниями цены пшеницы и колебаниями промышленности несомненно наблюдается: эпоха промышленного оживления 1833—36 гг. соответствует низким ценам пшеницы, а эпоха торгового застоя 1837—42 гг. — высоким ценам. В 40-х гг. точно так же промышленный кризис приходится в год сильного поднятия цен на пшеницу. Но зато в 50-х гг. очень трудно заметить какую-либо связь между состоянием промышленности и ценой пшеницы. Промышленный кризис 1857 г. приходится в год падения цены пшеницы, которая достигает наименьшего уровня в 1858 г. — в период наибольшего застоя торговли. В 60-х гг. опять наблюдается полное соответствие между движением цены пшеницы и состоянием промышленности; кризис 1866 г. наступает после низких цен на пшеницу, а годы высоких цен — 1867—68 сопровождаются торговым застоем. Но вслед затем, во время высоких цен 1871—73 гг. английская промышленность достигает небывалого процветания. В новейшее время нельзя заметить

¹ «Под знаменем марксизма», № 2, 1928 г.

² «Повышение цены, — говорит Маркс, — приводит к следующим последствиям: 1) сырые материалы (то же относится и к сельскохозяйств. продуктам. *Стектатор*.) начинают подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки производства; 2) производство их расширяется... и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты...». К этому надо прибавить, что вместе с повышением цен сокращается потребление, что, с другой стороны, начавшийся в сельском хозяйстве процесс расширенного воспроизводства не может быть в течение определенного времени прерван, и причина падения цен во время промышленного кризиса, а вместе с этим и наступления сельскохозяйственного кризиса станет совершенно ясной.

никакого соответствия между хлебными ценами и фазисами промышленного кризиса» (Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы», 1923 г., стр. 211).

Правильнее будет, если перевернуть положение Джевонса и сказать, что цена на сельскохозяйственные продукты зависит от движения цен на промышленные продукты, и что, наоборот, слишком высокие цены на сельскохозяйственные продукты, которые являются результатом расширенного воспроизводства в промышленности, вызывают подъем заработной платы, а также подъем цен на сырье (так как цены на сырьевые продукты и цены на другие сельскохозяйственные продукты находятся в определенной взаимной зависимости между собой), и наступление промышленного кризиса после сильного подъема цен на сельскохозяйственные продукты становится совершенно ясным. Указание Туган-Барановского, что промышленный кризис 1857 г. приходится в год падения цены на пшеницу, не опровергает сказанного. Если взять не только цену пшеницы, а цену съестных припасов вообще, то 1857 г. показывает высший пункт движения цен. По данным «Статистического Ежегодника Франции» («Annuaire Statistique» за 1922 г.) движение цен на съестные припасы в Англии было следующим:

	Съестные припасы (в среднем 1901—10 = 100)	Остальные продукты
1853	131	127
1854	145	137
1855	145	133
1856	142	134
1857	146	141
1858	126	123

Мы видим, что 1857 г., который по Туган-Барановскому является уже годом промышленного кризиса, дает еще общее повышение цен как на съестные припасы, так и на сырьевые продукты, и только следующий год вызывает резкое понижение цен, причем характерно, что, начиная с 1853 г., повышение цен на сельскохозяйственные продукты и на сырьевые продукты поднимается одинаково на 10%. Подъем цен на эти продукты и вызвал, вероятно, промышленный кризис, так как надо полагать, что цены на готовые изделия, данных о которых у нас нет, не соответственно поднялись. Затем Туган-Барановский указывает, что кризис 1866 г. наступил после низких цен на пшеницу. Указание это не совсем точно. Цена на пшеницу в 1866 г. успела значительно подняться по сравнению с ценами в предыдущие годы. Общий индекс цен падает уже с 1864 г. Высший уровень продукции железа приходится в Англии на 1864 г., 1865 г. не дает никакого повышения, а 1866 г. дает слабое понижение. В продукции угля мы не замечаем понижения в 1866 г. Высший пункт приходится на 1867 г., и только в 1868 г. наступает некоторое понижение. Мы можем, следовательно, о 1866 г. говорить как о застое, а не о кризисе. Затем в годы 1871—73, последовавшие за франко-прусской войной,

цена на сельскохозяйственные продукты поднялась в соответствии с общим резким подъемом цен на промышленные товары. В новейшее время, говорит Туган-Барановский, нельзя заметить никакого соответствия между хлебными ценами и фазисами промышленного цикла. Выше мы привели сопоставление между движением цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары. Мы нашли полное соответствие между этими колебаниями. На самом деле, если взять движение цен на пшеницу, чугун и общий индекс товарных цен, тогда определенное взаимоотношение между движением общих товарных цен, ценами на чугун и ценами на пшеницу установить можно, как видно из следующей таблицы ¹:

Годы	Цена на пшеницу в Лондоне	Цена на чугун (1900 г. = 100)	Общий индекс товарных цен
1880	164,7	76,1	129,6
1881	168,4	65,8	127,3
1882	167,5	66,8	128,4
1883	154,5	61,8	126,8
1884	132,5	54,7	114,7
1885	122,0	51,3	107,7
1886	115,2	50,6	101,6
1887	120,7	54,9	99,6
1888	118,3	50,4	102,7
1889	110,5	59,5	104,0
1890	118,6	72,6	104,0
1891	137,5	62,4	107,4
1892	112,4	61,2	101,8
1893	97,8	55,7	100,0
1894	84,8	54,6	94,2
1895	85,8	56,9	91,0
1896	97,2	56,7	88,2
1897	112,1	57,3	90,1
1898	126,3	62,5	93,2
1899	95,7	82,6	92,3
1900	100,0	100	100
1901	99,4	74,6	96,9
1902	104,3	77,1	96,5
1903	99,4	75,1	96,9
1904	105,3	69,6	98,3
1905	110,5	75,0	97,6
1906	105,3	83,2	100,5
1907	113,6	88,2	105,7
1908	118,9	75,3	102,8

Цена одного какого-нибудь продукта может меняться под влиянием различных случайных моментов, в особенности, если речь идет о растительных веществах, цена на которые зависит от случайных урожаев. Тем не менее, в приведенной таблице легко заметить определенную правильность в движении цен. Высшая точка общего индекса приходится на 1880 год. Цена на чугун также показывает высший

¹ Statistical Tables and charts, relating to british and foreign trade and industry (1854—1908), London, 1909.

пункт в 1880 г. И на самом деле, 1880 г. является переломным пунктом, после которого цены идут вниз. Между тем цена на пшеницу показывает еще в 1881 г. некоторый подъем, после этого и она падает в общем и целом параллельно общему движению цен, которое, однако, уже с 1887 г. показывает новый поворот ввѣрх, между тем как цены на пшеницу начинают подниматься после 1889 г., что является следствием нового оживления промышленности. 1891 г. был с точки зрения урожаев исключительным вследствие голода в России. Поэтому цены на пшеницу дают резкое повышение, но и общий индекс показывает еще в этом году некоторое повышение, хотя этот год несомненно является уже кризисным. В следующие годы цена на пшеницу падает, как и общий индекс до 1896 г., причем в данном случае мы имеем уже повышение цены на пшеницу, начиная с 1896 г., когда общий индекс не показывает еще повышения. Повидимому, это повышение цены на пшеницу вызвано случайными моментами. Следующее повышение цен идет в общем параллельно с повышением общего индекса цен, хотя поднимается более быстро, чем общий индекс или чем цена на чугун, и только в 1900 г. общий индекс, как и цена на чугун, показывает более резкое повышение. После 1900 г. общий индекс цен падает сильнее, чем цена на хлеб; в особенности резко падает цена на чугун, но, начиная с 1904 г., движение цен, в связи с новым оживлением промышленности, делает новый поворот ввѣрх. И из этих данных можно, следовательно, в общем и целом установить определенную зависимость цен на хлеб от общего развития конъюнктуры хозяйства.

Вопросу о взаимоотношениях между ценами на промышленные продукты, иначе говоря, вопросу о связи между ценами на сельскохозяйственные продукты и промышленными циклами, посвящена статья в журнале «The Agricultural Situation» за июнь 1927 г. К сожалению, здесь приводятся диаграммы, которые мы дали выше без точного цифрового материала, и мы вынуждены отсюда взять только заключение, которое сделано на основе изучения движения цен на сельскохозяйственные продукты в САСШ, начиная с 1875 г.

1. С 1875 г. было шесть периодов сравнительно низких цен на сельскохозяйственные продукты. За каждым из таких периодов следовал период промышленного расцвета.

2. За этот же период (50 лет) наблюдалось пять периодов сравнительно высоких цен на сельскохозяйственные продукты. За каждым из этих периодов высокой сельскохозяйственной конъюнктуры, за исключением одного, следовал период промышленной депрессии.

3. Каждый период повышения промышленной конъюнктуры начинался в период низких цен на сельскохозяйственные продукты и кончался при повышении цен на сельскохозяйственные продукты.

4. Это обратное соотношение между ценами на сельскохозяйственные продукты и общей конъюнктурой более выпукло вы-

ступает в первое двадцатипятилетие исследуемого нами периода, чем в последние 25 лет.

5. Периоды сравнительно низких сельскохозяйственных цен колебались в своей продолжительности от 3½ до 6 лет, а периоды высоких цен—от 3½ до 4½ лет. Продолжительность соответствующих периодов высокой промышленной конъюнктуры и депрессии была менее регулярна.

6. Повышение или понижение цен колебалось между 10% выше и 10% ниже средних цен (за исключением периода войны и послевоенного времени). Промышленная конъюнктура в первую половину рассматриваемого нами периода колебалась приблизительно между 15% выше и 15% ниже среднего уровня и около 10% в ту и другую сторону в последние 25 лет.

Встает вопрос—является ли это соотношение случайным совпадением, или же оно имеет экономическое обоснование? Тот факт, что соотношение между колебанием цен на сельскохозяйственные продукты и промышленной конъюнктурой можно неизменно проследить на протяжении каждого из 11 периодов, за исключением одного, приводит к выводу, что колебания цен на сельскохозяйственные продукты или сами по себе являются факторами общеэкономической конъюнктуры, или же представляют собой факторы, влияющие на промышленное благосостояние. Исследование влияния сельскохозяйственной продукции, цен и доходов на промышленную конъюнктуру приводит к выводу, что соотношение между ними не является случайным совпадением¹.

Таким образом, автор этой статьи, некий Бин, не только признает правильность циклического движения цен на сельскохозяйственные продукты, но и совершенно определенное взаимоотношение между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты¹.

Аграрные кризисы за прошлое столетие

Если мы, таким образом, констатируем не только определенную цикличность, но и зависимость движения цен на сельскохозяйственные продукты от движения цен на промышленные, то почему мы не так часто говорим о сельскохозяйственных кризисах, как мы говорим о промышленных кризисах? Объяснение этому факту лежит несомненно в том, что (на это мы указываем в предисловии к Зерингу) изменение цен на съестные припасы, как основные продукты сельского хозяйства, не настолько значительно, чтобы вызывать те явления, которые обычно характеризуются как кризис, именно—разорение предпринимателей, банкротства и т. д. Так, если взять периоды общего подъема цен,

¹ В мартовском номере того же журнала, анализируя движение цен за 90 лет, он делает меткое замечание, что подъем цен на сельскохозяйственные продукты в периоды 1847—59 и 1907—15 объясняется отставанием сельскохозяйственной продукции от промышленной. Этого, как мы видим, не усвоили и некоторые марксисты.

каким является, например, период с середины 90 гг. до начала войны, то за это время мы имеем 2 кризиса: в 1900 и 1907 г. Общее понижение уровня цен в Англии в 1900 г. составляло приблизительно 4%, цен на сельскохозяйственные продукты—3%. После 1907 г. цена на сельскохозяйственные продукты в общем не показывает уменьшения, в то время как общий индекс цен падает приблизительно на 8%. Но все же эти колебания цен сказываются на положении сельского хозяйства, хотя и относительно слабо. Наоборот, в периоды общего падения цен, т. е. продолжительных застоев в промышленности мы имеем продолжительное и сильное падение цен на сельскохозяйственные продукты, которое, правда, может компенсироваться, так что цены на промышленные продукты падают еще значительно, и производственные расходы могут пасть сильнее, чем цены на сельскохозяйственные продукты, но, тем не менее, вследствие неравномерности падения цен обычно получается расхождение между стоимостью сельскохозяйственных продуктов и ценами на них. Наступает длительный и затяжной кризис и в сельском хозяйстве. В особенности, это бывает в тех случаях, когда в предшествующий период, вследствие расширения продукции сельского хозяйства, без улучшения техники, переходят к производству при более дорогих условиях. Если наступает потом сокращение потребления, то это означает, что общественная стоимость сельскохозяйственной продукции резко понижается, и вместе с этим падают, конечно, и цены на сельскохозяйственные продукты, часто в больших размерах, чем падают производственные расходы. Такие кризисы были отмечены после наполеоновских войн как результат расширения площади обработки земли и перехода к более дорогому производству. После войны наступило перепроизводство, и как следствие этого также понижение стоимости сельскохозяйственной продукции,

Что уже кризис после наполеоновских войн являлся одновременно и результатом общего промышленного кризиса и разорения широких слоев населения, констатируют не только историки, изучавшие этот кризис, но в этом можно убедиться также и из того обстоятельства, что ввоз хлеба в Англию, несмотря на слабое развитие собственной продукции, упал по сравнению с ввозом за 10 лет (1801—10 гг.), и это несмотря на то, что население за это время увеличилось¹. Ввоз в среднем за годы 1801—10 составлял 601 тыс. четвериков, а за следующее десятилетие—1811—20 он выразился в среднем в 459 тыс. четвериков, за годы 1821—30—в 535 тыс. четвериков. Портер вычисляет, что в среднем на каждую душу населения ввоз составлял полтора галлона за все это время. Цены за эти годы резко пали по сравнению с ценами в среднем за десятилетие—1810—1819 гг. Одновременно мы видим некоторое расширение запашек земли, несмотря на понижение цен, следовательно, производственные расходы пали еще ниже, ибо, по всей вероятности, цены на промышленные изделия упали гораздо

¹ Ввоз был запрещен, если цены на пшеницу стояли ниже 80 шилл. за четверик.

сильнее. Так как зарплата не особенно сильно поднялась, то действительное положение сельских хозяев было вовсе не таким тяжелым, как можно было бы судить по бесперывным жалобам, которые раздавались с их стороны. Как бы то ни было, несомненный толчок к падению цен дало сокращение потребления вследствие общего обеднения масс населения. Следующий подъем цен стоит в непосредственной связи, с оживлением промышленности.

Кризис конца 70-х гг. прошлого столетия приводит к относительно слабой падению цен на пшеницу. С 1871—1875 по 1878—80 гг. цена на пшеницу падает с 54 шилл. 8 пенсов до 47 шилл. 6 пенсов, или на 13%. За следующее пятилетие падение цен выражается в 15,6%, а в годы 1886—90 цены падают еще на 21,6%—до 31 шилл. 5 пенсов за четверик. Несмотря на такое резкое падение цен, потребление все-таки не увеличивается. Наоборот, оно падает и составляет в 1880—84 гг. 364 ф. на душу, а в 1885—89 гг.—ф. 356 на душу.

Кризис конца 70-х гг. зависел, как установлено тогдашним английским официальным обследованием этого вопроса, не столько от низких цен на сельскохозяйственные продукты, сколько от того, что, одновременно с тенденцией падения цен, Англия имела неурожайные годы, вследствие чего и общие доходы фермеров сильно понизились. Такое объяснение кризисов мы находим как у Портера, так и Богарта и у других исследователей этой эпохи. Надо к этому еще прибавить, что вместе с ростом индустриализации страны шел процесс отвлечения рабочих сил из деревни в город, вследствие чего росла зарплата. При падающих ценах на сельскохозяйственные продукты—рост зарплат, несмотря на понижение цен на промышленные продукты, должен был вызвать рост расходов на продукцию, и этот рост не мог быть покрыт соответствующим повышением цен. В основе этого кризиса лежит, следовательно, падение цен, которое, как совершенно правильно отмечено также проф. Лященко¹ в его работе «История русского народного хозяйства» на стр. 312, было, «главным образом, вызвано продолжительной депрессией, установившейся в то время в Европе в промышленном капитализме». Именно эта промышленная депрессия, как мы уже показали в предисловии к Зерингу, привела к тому, что потребление хлебов падает. Более того, мы замечаем, что и ввоз в Англию сильно поднимается только за последнее пятилетие 70-х гг. вследствие неурожая в самой Англии. В следующее пятилетие ввоз не показывает особенного роста. Если за годы 1876—1880 ввоз составлял 53 млн. английских центнеров, по сравнению с 44 млн. в предыдущее пятилетие, то в следующее пятилетие—1881—85 ввоз пшеницы возрастает только до 58 млн. центнеров, т. е. повышается менее, чем на 10%. В годы 1886—90 ввоз в Англию падает и составляет всего 56 млн. центнеров. Тем не менее, мы видим, что как раз эти годы, т. е. 1886—90 гг. показывают наиболее резкое падение цен на пшеницу, а именно, если за первое пятилетие 80-х гг. цены понижаются с 47 шилл. 6 пенсов за квартал до 40 шилл. и 1 пенса,

¹ См. также его работу: Русское зерновое хозяйство, 1927, стр. 259.

то в следующее пятилетие они падают до 31 шилл. 5 пенсов. Следовательно, как раз в то время, когда ввоз пшеницы является относительно слабым, падение цен весьма значительное.

Интересно еще установить, откуда Англия преимущественно получала в годы начавшегося сельскохозяйственного кризиса свой хлеб. До кризиса, т. е. в начале 70-х гг., Англия получала 27% ввозимой пшеницы из России. В начале 80-х гг.—всего только 15% из России. Из САСШ за первое пятилетие 70-х гг. она получала 41%, а в первое пятилетие 80-х гг.—49%. Из Германии она получала за первое пятилетие 70-х гг. 8,2%, а за второе пятилетие 3,4%. Таким образом, преобладающим поставщиком в то время являлись САСШ. Цены у них должны были явиться решающими для мирового рынка, а не цены России.

Мюльгаль в своей «Статистической энциклопедии» на стр. 286, 717, 719 дает несколько иной подсчет развития продукции, потребления хлебов и мяса в Англии. По его данным мы имеем следующие цифры производства и потребления хлебов и мясных продуктов за исследуемый нами период:

	Производство		В в о з		Потребление		Потребление на 1 душу	
	хлебов	мяса	хлебов	мяса	хлебов	мяса	хлеб	мясо
	(в м и л л и о н а х т о н н)							
1861—70	9,7	1,04	32,8	0,13	13,0	1,17	358	88
1871—80	8,5	1,05	56,9	0,29	14,2	1,34	380	91
1881—90	7,8	1,08	71,5	0,57	15,0	1,65	385	103
1891—96	7,7	1,10	53,0	0,70	16,5	1,80	390	105

Таким образом, потребление хлебов увеличивается в 80-х гг. по сравнению с 70-ми на 5 фунтов, или на 1%, потребление мяса—на 11% и на 2% в следующее пятилетие. Надо, однако, иметь в виду, что стали потреблять мясо более низкого качества: вместо свежего английского мяса, стали в большом количестве потреблять замороженное заокеанское мясо. Вследствие этого говорить о значительном увеличении потребления мяса не приходится. Если к этому прибавить, что одновременно происходило передвижение населения из деревень в города, из сельского хозяйства в промышленность, и что вместе с этими изменениями социального состава населения изменяется и характер его потребления, так как в городах и в промышленности приходится потреблять больше мяса, чем в деревнях и при работах на свежем воздухе, то мы можем, в общем и целом, констатировать застой потребления мясных продуктов, если даже не уменьшение его для тех слоев, которые его раньше потребляли в более или менее значительных размерах. Да иначе и быть не могло, так как нельзя себе представить, чтобы в годы относительного застоя промышленности, при тенденции зарплат к падению возросло потребление хлебов. Если даже потребление хлопка почти не увеличивается (1880 г.—1,4 ф., 1881—86—1,45 ф. и 1892—96—1,48 ф.), то как можно себе представить, что возрос спрос на мясные продукты за это время? Однако, так как потребление мяса держалось почти на одном и том же уровне по только что указанным причинам, между тем как провоз

мяса был еще затруднен, то цены на мясные, как и вообще на продукты скотоводства, падали относительно меньше, чем на хлеб, провоз которого мог совершаться гораздо легче¹. Однако и получилось, что цены на хлеб упали сильнее, чем цены на мясо; но и последние колебались в зависимости от изменения конъюнктуры. Если, напр., взять цену на воловье мясо в Лондоне, то мы видим, что с 1871 по 1873 гг. цена эта увеличивается (1900 г.—100) до 126,7, или на 14%. В это время общий индекс товарных цен показывает увеличение с 136 до 152,7, или на 12%. В следующие три года цена на воловье мясо держится в общем на одном уровне, показывая еще в 1875 г. некоторое повышение. После 1876 г. цена на воловье мясо идет быстро вниз, понижаясь с 124 до 113,8 в 1879 г. В это время общий индекс товарных цен показывает понижение с 138 до 126,6, или на 8% (цена на воловье мясо упала на 8,3%). 1880 г. дает повышение общего индекса цен до 129,6. Одновременно поднимается также индекс цен на воловье мясо до 122,4, т.е. значительно более резко, чем общий индекс цен. Затем наступает кризис. В 1881 г. цена на воловье мясо падает до 113,8. Следующий—1882 г. дает общий, хотя и слабый подъем цен по сравнению с 1881 г. и довольно резкое повышение цен на мясо, которое и в 1883 г. остается на довольно высоком уровне. После этого цена на мясо идет резко вниз, падая с 1883 г. по 1887 г. с 125,9 до 91,4, или на 27%. Общий индекс цен с 1882 г. по 1887 г. падает с 128,4 до 99,6, что дает несколько меньшее понижение около 15%. 1888 и следующий год характеризуются как годы промышленного подъема, который продолжается до начала 90-х гг. Высший уровень товарных цен приходится на 1891 г., когда общий индекс цен выражается цифрой в 107,4. В этом году индекс цен на мясо выражается цифрой в 101,7, дав увеличение больше, чем на 11%, т.е. немногим только превышает общий подъем цен. В следующие годы промышленного кризиса до 1896 г. общий индекс цен падает до 88,2, а индекс цен на мясо падает до 91,4, вернувшись опять к уровню 1887 г., в то время как общий индекс цен несколько ниже этого уровня. Затем общий индекс цен снова повышается и доходит в 1900 г. до 100, как и индекс цен на мясные продукты, который в 1900 г. составляет 100. Следующий кризисный год—1901 г. понижает общий уровень цен до 96,9, а цену на мясо—до 94,8. Общий индекс цен продолжает падать и в 1902 г., индекс же цен на мясо дает резкое повышение в связи с случайными моментами. После этого цена на мясо, несколько понизившись, держится на одном уровне до 1906 г. В этом году общий индекс цен показывает начало новой повышательной волны, вместе с этим повышаются также и цены на мясо, хотя и с некоторым опозданием и менее, чем общий индекс цен, который успел обогнать последний высший уровень 1900 г. Таким образом, если отвлечься от некоторых случайных моментов, которые всегда могут оказать влияние на движение цен какого-нибудь одного товара, то мы можем констатировать почти полное соответствие между движением общего

¹ При почти стабильном производстве мяса.

индекса цен и индексом цен на мясо, как и, конечно, на другие продукты скотоводства. Таким образом, мы приходим к тому заключению, как и проф. Лященко, что в основе сельскохозяйственных кризисов 70-х и 80-х гг. лежали кризисы в промышленности. И именно понижение потребления вызвало необходимость понижения цен и вместе с тем и подвоз хлеба из тех областей, где он производился по более низким производственным расходам, т.е. ввозить его из стран, которые были в состоянии производить дешевле. Если к этому еще прибавить, что тот же кризис влиял на высоту фрахтов, заставляя понижать их, что далее он выгнал большие массы европейского населения в заокеанские страны и тем самым способствовал усилению сельскохозяйственной продукции в этих новых сельскохозяйственных странах, что он и в сельском хозяйстве, и в промышленности усилил тенденцию к улучшению продукции путем механизации и вообще путем введения различных новых способов производства, то для нас станет совершенно ясным, что коренные причины всей той пертурбации, которую испытывало мировое сельское хозяйство и специально европейское, лежали в промышленном кризисе. Подобно тому, как промышленные кризисы вызывали целые перевороты в способах производства обрабатывающей промышленности и содействовали передвижению центра производства из Англии в Германию, так же они содействовали передвижению центра производства сельскохозяйственных продуктов в Америку и Россию, переходу к новым способам производства в самой Европе.

Резюмируя, мы говорим, что, поскольку под кризисом мы понимаем только падение цен ниже рыночной стоимости или ниже производственной цены, т.е. резкое падение нормы прибыли,—постольку сельское хозяйство, по крайней мере, капиталистическое—так же подвержено циклическим колебаниям, как и промышленность. Однако эти циклические колебания в сельском хозяйстве не сказываются так разрушительно, как в промышленности, вследствие относительно более слабого колебания цен на основные продукты сельского хозяйства чем на промышленные, вследствие чего производственные расходы быстро понижаются и рентабельность сельского хозяйства снова восстанавливается, а отчасти также вследствие большей продолжительности оборота капитала в сельском хозяйстве, так что для разорения широких слоев сельского хозяйства необходимо, чтобы кризис тянулся в продолжение значительного периода времени. Поэтому тот кризис, о котором говорит Зеринг и который «многим землевладельцам грозит потерей всего их имущества, а целым округам—обезлюдением»,—действительно является относительно редким, связанным с продолжительным промышленным кризисом, при том с таким, при котором цены на промышленные изделия и заработная плата понижаются относительно медленнее, чем цены на продукт сельского хозяйства. Такой кризис ведет к полному изменению способов производства и вместе с этим к сокращению доходов сельского хозяйства.

Спектатор.

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ТОМАСА ГОББСА¹

Томас Гоббс, не Гоббс, созданный логическими ухищрениями рафинированной идеалистической истории философии последних десятилетий, не этот «Гоббс» с плохо скрытым клеймом «Made in Germany», претворенный в феноменалиста, «консциенциалиста» или «фикционалиста», не «Гоббс», прошедший выучку эмпириокритической или Марбургской философской школы, а Томас Гоббс из Мальмесбери, каким он был два с половиной века тому назад, каким он вошел в сознание своих современников—друзей и врагов,—каким он оказал влияние на ближайшее философское поколение, этот Гоббс, вопреки всем потугам неокантианцев и махистов,—был последовательным материалистом². Недаром его французский современник и друг, другой выдающийся материалист XVII века—Пьер Гассенди, писал о нем: «Я не знаю никого другого из тех, кто берется свободно философствовать, кто был бы более свободным от всех предрассудков, чем он, или кто рассматривал бы все, о чем он писал, с более глубокой изысканностью и более разумной рассудительностью»³. Недаром вождь французского предреволюционного материализма Поль Гольбах перевел первую часть его «Elements of Law» на французский язык. Недаром Дени Дидро, неоднократно восторженно отзывавшийся о Гоббсе, писал Нэжону в 1772 году после прочтения этой работы: «Я закончил трактат «О человеческой природе». Каким Локк казался мне расплывчатым (diffus) и слабым, Лабрюйер и Ларошфуко—жалкими и маленькими, в сравнении с этим Томасом Гоббсом! Эту книгу стоит читать и разъяснять всю свою жизнь»⁴.

Esse означало для Гоббса corpus esse. «Телом является все то, что независимо от нашего мышления»⁵. «Мир,—писал он,—т. е. не одна земля, называемая человеческим миром, а вся вселенная, т. е. все существующее,—мир этот телесен, так как в нем все—тело, все

¹ Пользуюсь случаем выразить горячую признательность превосходному «Институту Маркса и Энгельса» в Москве за оказанное мне во время работы гостеприимство.

² Разбору идеалистических искажений Гоббса в новейшей западной философии я предполагаю посвятить особую работу.

³ Ph. Damiron. Histoire de la philosophie au 17 siècle. T. I, p. 377.

⁴ D. Diderot. Oeuvres, t. XV, p. 124, note.

⁵ «De corpore», VIII, § 1.

имеет измерение, в длину, ширину и высоту, и каждая часть его также тело и также имеет эти измерения. Что не тело, то не составляет части вселенной, а так как вселенная есть все существующее, то все, что не тело—не существует, есть ничто»¹.

Такая четкая и недвусмысленная постановка вопроса, разумеется, исключает как спиритуализм, так и дуализм. С этой точки зрения неприемлемо ни понимание духа как особой субстанции, ни даже как равнореального телу атрибута. Реально только тело.

Для уяснения взглядов Гоббса на сущность духовного, психического, его места по отношению к действительному миру материальных вещей, необходимо коротко остановиться на его учении об абстрактных именах и об акциденциях.

Все содержание разума, все понятия (или все имена) исчерпываются четырьмя классами: понятиями тел, акциденций, призраков и самих понятий (имена имен). Оставив вне рассмотрения призраки и имена имен, как не относящиеся непосредственно к нашей теме, припомним взгляд Гоббса на различие тел и акциденций и его анализ абстрактных понятий.

Конкретными именами называются имена тел или веществ. Под телами разумеются вещи, сущие вне и независимо от нашего мышления, субъект всяких свойств и деятельности: то, что делимо, подвижно, измеримо и т. д. Свойства же или качества, субъектом которых является тело, называются акциденциями. Таким образом тело есть то, что обладает свойствами, чему акциденции присущи; акциденциями же называется то, чем обладает тело: способность быть делимым, подвижным, измеримым и т. д. Акциденции не являются вещами или частью вещей; частью тела может быть только тело. Акциденции не существуют как нечто самостоятельное, вне тела. С уничтожением тела уничтожатся и его акциденции. Они постоянно сопутствуют вещам и лишь в телах обретают свою реальность. Акциденциями являются те свойства или признаки, которыми тела отличаются друг от друга. Вследствие этого, на основании акциденций, посредством их, образуются конкретные имена, имена тел. Последние именуются нами по присущим им качествам: то, что движется, теплое, высокое.

Вместе с тем акциденции являются источником и абстрактных имен. Это имеет место в том случае, когда они рассматриваются не как специфицирующие тела признаки, а сами по себе. Хотя они и не существуют сами по себе, но могут рассматриваться оторванно от тел, без мысли об их носителях, сами по себе. Такой процесс называется абстракцией. Имена акциденций, рассматриваемые сами по себе, называются абстрактными именами. Они являются не именами веществ, а именами свойств, оторванных от своего субъекта. Таковы, например, следующие имена: движение, количество, теплота. Содержанием их не являются вещи, нечто сущее. Теплота не существует как субъект или вещь. Такое понимание ее было бы заблуждением,

¹ «Левинафан», стр. 392 рус. пер. Автократова и Зайцева. Курсив автора.

основанным на непонимании природы абстрактных имен, заблуждением, порожденным словами, гипостазированием понятий. Гоббс неоднократно предостерегает от смешения этих двоякого рода имен, смешения, влекущего за собой искажение всей картины мира и приводящего к ложной философии.

Следует различать два рода акциденций. Одни из них действительно присущи телам, объективно реальны, другие—лишь присутствующие нам формы восприятия реальных акциденций. В них следует различать субъективную форму, в которой они нам даны, и объективное содержание, подвергшееся субъективному оформлению. Это деление базируется не на феноменализме, как стараются доказать многие буржуазные историки философии (Natorp, Cassirer, Wille и др.), а на механистической критике наивного реализма. Нереальные акциденции не в том смысле, что им не соответствует ничего по ту сторону человеческого сознания, а в том, что они не идентичны с вызывающими их проявлениями тел, что они принимают форму, обусловленную свойствами воспринимающего механизма, переводятся на язык наших органов чувств. Воспринимающий субъект не из себя порождает их, а воспринимает нечто объективно реальное. Нереальные объективно лишь формы, в которых данные в восприятии свойства тел представляются. Различиям восприятий и их изменениям адекватны реальные процессы в объектах восприятия (не тождественным, но соответственным), отражением которых суть восприятия.

Если акциденция свойство тела, есть способность *тела*, благодаря которой оно вызывает в нас представления о себе, то ее не следует отождествлять с той формой, под которой тело нам представляется. Под тем же понятием акциденции Гоббс понимает здесь форму нашего восприятия тела, которая отлична от свойств внешнего тела, обуславливающих это восприятие. Именно в этом смысле следует понимать следующие слова Гоббса: «Сколько бы наши органы чувств ни внушали нам, что в мире существуют акциденции и качества, последних в действительности не существует: они представляют собой лишь мнения и явления. Единственной реальной вещью, существующей вне нас в мире, является то движение, в силу которого эти ощущения возникают»¹. Эти слова нуждаются, очевидно, с точки зрения учения Гоббса, в некоторых уточнениях. Во-первых, как мы выше указывали, движение не является реальной вещью, а лишь свойством или акциденцией вещи, и в таком смысле не раз приводилось в качестве иллюстрации самим Гоббсом, и, следовательно, во-вторых, отрицание реальности акциденций следует понимать условно, по отношению лишь к определенному рода акциденциям, о которых мы выше говорили. В числе иллюстраций последних рассматривается, например, звук. «Язык колокола,—поясняет Гоббс,—не имеет в себе звука, а лишь движение, и он производит движение во внутренних частях колокола. Точно так же и колокол имеет не звук, а движение, и это движение он сообщает воздуху. И воздух имеет движение, а не звук,

¹ «Human Nature», II, § 10.

и это движение он посредством уха и нервов сообщает мозгу»¹. Таким образом реальностью, истиной звука является движение; звука объективно не существует. Он—лишь форма восприятия некоторого рода движения, существующего объективно как свойство тела. То же самое относится к цвету и представлениям, возникающим благодаря остальным чувствам. Они не имеют объективно реального бытия, их реальностью являются движения тел.

Объективно реальными акциденциями, или атрибутами материи, Гоббс считает только протяжение (величину) и движение. Протяженность он считает общим неотъемлемым свойством каждого тела, которого вещь не может лишиться без того, чтобы не быть уничтоженной как вещь. Он, однако, несколько раз предостерегает от смешения тела с протяжением, так как протяжение не есть протяженное тело, а его акциденция. Всякое тело есть нечто протяженное, нет протяжения вне тела, но тело есть субъект, протяжение—предикат, и смешение их—паралогизм, смешение конкретного имени с абстрактным.

Таковы те элементы последовательно-механического материализма Гоббса, на которых нам необходимо было остановиться, прежде чем перейти к изучению его воззрений на психику. Именно эту сторону его учения имел в виду Маркс, говоря, что «явления внешнего мира теряют у него свои цвета и становятся отвлеченными явлениями геометра. Физическое движение приносится в жертву движению механическому, или математическому. Геометрия провозглашается важнейшей наукой»².

Так как «все, что не есть тело, не существует, есть ничто», то для Гоббса бестелесная субстанция есть *nonens*. Субстанция понимается Гоббсом как материя, тело. Поэтому «бестелесная субстанция, или, что то же, бестелесное тело» приводится им в качестве примера бессмысленного имени, в котором сочетаются два слова с несовместимыми значениями, подобного понятию круглый четырехугольник. По его мнению, «тот, кто говорит о сверхестественном духе, говорит о субстанции без измерений, что представляет собой внутреннее противоречие»³.

Гоббс с полным основанием вскрывает тупик, в который заходит всякая дуалистическая философия, допускающая бестелесную душу в телесном человеке. Хотя его слова направлены против схоластических эссенций, они вполне применимы к картезианству, локализирующему душу в шишковидной железе. «Глупая выдумка *отдельных эссенций*,—пишет Гоббс, говоря о «Царстве мрака» и «Ложной философии»,—необходимо влечет за собой разные другие нелепицы. Принимая эссенции за нечто реальное, приходится отвести им какое-нибудь местопребывание. Но, с одной стороны, сами схоласты говорят, что эти эссенции бестелесны и не имеют никаких измерений, а с другой—всем

¹ «Human Nature», § 9.

² Маркс-Энгельс. Святое семейство, VI, § 3д.

³ «Human Nature»; XI; § 4.

известно, что место есть измерение и что оно может быть заполнено только чем-нибудь телесным... Так, насчет эссенции, т. е., как они ее называют, души человека, они утверждают, будто она находится в известной части тела, например в мизинце, а не во всем теле. Кто поверит, что такими глупостями можно угодить богу? А между тем, если допустить существование бестелесной души, отдельной от тела, то придется поверить и во всю остальную чепуху, которая из этого вытекает»¹. Здесь говорится о нахождении души в известной части тела. Какого мнения был Гоббс о допущении местонахождения души *во всем теле*; явствует из следующего его замечания: «Явным противоречием является, когда говорят в непринужденном разговоре о человеческой душе, что она есть *tota in toto et tota in qualibet parte corporis*. Такое мнение не основано ни на разуме, ни на откровении и т. д.»².

В этой проблеме, в самом деле, безысходный тупик дуализма, здесь тот вопрос, который взрывает учение о двух субстанциях, в разрешении которого заключалась задача преодоления философии Декарта. Различные направления философии XVII столетия характеризуются различными решениями этой проблемы в соответствии с социальной природой своей идеологии. Окказионализм Гейлинкса, сохраняя субстанциональный дуализм, пытается избежать противоречия путем апелляции *ad assistentiam dei*, которому (богу) вменяется в обязанность установить и сохранять гармонию между обеими субстанциями. Малебранш ищет разрешения проблемы в спиритуалистической системе, предвосхищающей учение Беркли, низводя материю до степени вторичного, производного, по отношению к божественному миру идей. Третий тип решения, решения механического и последовательно материалистического дает Гоббс, низводя духовное, в противоположность спиритуалистическому монизму Малебранша, до степени вторичного, производного, в системе монизма материалистического.

Но прежде, чем перейти к характеристике положительного психофизического учения Гоббса, рассмотрим еще некоторые аргументы, приводимые им против субстанциональности духа. Бестелесный дух не только *contradictio in se*, несовместим с телесным существом, но и непознаваем, по крайней мере естественными средствами. Такое заключение следует из обоснованного Гоббсом учения о чувственном происхождении сознания. Основной принцип Локка «*Nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu*» был уже четко и недвусмысленно сформулирован Гоббсом на первой странице «Левиафана»: «*Nullam habemus imaginationem, qui non ante fuit in sensatione vel tota, vel per partes*». А ощущения происходят благодаря механическому воздействию тел на наши органы чувств. Поэтому, «предполагая, что духи являются субстанциями, не оказывающими никакого действия на наши органы чувств (в силу своей бестелесности—Б. Б.), мы при-

¹ «Левиафан», стр. 394.

² «Hum. Nat.», XI, § 5.

знаем, что они непознаваемы»¹. В соответствии с этим он в своих возражениях на «*Méditations métaphysiques*» Декарта указывает, что мы вовсе не имеем идеи души, к этому понятию мы приходим лишь путем умозаключения, и притом умозаключения ложного.

В чем ошибочность умозаключения Декарта? Гоббс видит ее в смешении тела с акциденцией, в гипостазировании абстрактного имени. Выше мы изложили учение Гоббса об отвлеченных именах, возникающих благодаря возможности рассматривать свойства тел независимо от тел. Точка зрения Декарта представляется ему ярким случаем злоупотребления этой возможностью. Именно из непонимания сущности процесса абстракции «вытекает одно из основных заблуждений некоторых метафизических систем. Так как мышление можно рассматривать независимо от тела, то отсюда заключали, что для мышления тело не необходимо»². Это не соответствует действительности, так как могущие *рассматриваться* самостоятельно акциденции не *существуют* самостоятельно, а лишь как свойства тел. Декарт злоупотребляет именем, превращая акциденцию в субъект, он овеществляет абстрактное понятие. «Ибо вряд ли можно считать правильным такое умозаключение: я есть нечто мыслящее, следовательно, я есть мышление; или: я есть нечто понимающее, следовательно, я есть разум. Ибо таким же образом я мог бы сказать: я есть нечто прогуливающееся, следовательно, я есть прогулка. Декарт, таким образом, отождествляет понимающую *вещь* с пониманием, которое есть *акт* разума, или понимающую вещь с разумом, который есть *способность* понимающего. Все философы, однако, различают между *субъектом* и его *способностями* или актами, т. е. между свойствами и сущностью... Возможно поэтому, что мыслящая вещь, являясь субъектом по отношению к духу, разуму, рассудку, тем не менее, представляет собой нечто *материальное*»³. Таким образом Декарт неправомерно субстанционализирует акциденцию, воображая абстрактное имя реальной субстанцией, т. е. возвращается «к способу выражения схоластиков, которые всегда говорили так: разум понимает, зрение видит, воля стремится, и, по правильной аналогии, следовало бы им сказать: прогулка (или, по крайней мере, способность совершать прогулку) гуляет»⁴. Разоблачив логический механизм этого ошибочного умозаключения, состоящего в овеществлении свойства, мыслитель считает более *вероятной* материальность субъекта мышления, ибо всякий субъект можно мыслить лишь как нечто материальное, телесное. Во всяком случае, противное Декартом не доказывается. Дальнейшей задачей Гоббса должно быть превращение вероятности в *достоверность*, обоснование материалистической теории сознания, доказательство того, что психическая деятельность есть свойство материи. От различения способности мышления от субъекта этой способности нужно перейти к анализу как этой спо-

¹ «Human Nature», XI, § 5.

² «De corpore», III, § 4.

³ «Objections contre les Méditations de Descartes» II. Курсив мой.

⁴ *Ibid.*, III.

собности, так и ее субъекта, выяснить, каким образом духовные способности суть акциденции не духовной, а материальной субстанции. *Nic Rhodus, hic salta!*

Основным, первичным, элементом всей психической жизни является ощущение и обусловленное им представление. Субъектом ощущения является ощущающее существо, его объектом—то, что ощущается. Из того, что наши представления, или образы ощущающего существа, возникают и уничтожаются, изменяясь благодаря изменениям направленности органов чувств, следует, что ощущения суть изменения ощущающего тела. Органы чувств, к которым Гоббс относит не только органы восприятия (глаз, ухо и т. д.), но и всю нервную систему, мозг и его оболочки, питающие его артерии и сердце,—суть такие части, свойственные ощущающему существу, повреждение которых делает невозможным в той или иной степени возникновение представлений, и всякое изменение которых составляет сущность ощущений. Но так как *всякое изменение есть движение* во внутренних частях изменяющегося тела, и где нет движения, нет и изменения, то ощущение можно определить, как некоторое движение внутренних частей ощущающего тела, точнее его органов чувств. Однако движение не может начинаться самопроизвольно и беспричинно во внутренних частях тела, а должно иметь действующую причину. Такой причиной является объект ощущения, движение во внутренних частях которого (объекта) вызывает, проходя через всю промежуточную среду, движение во внутренних частях ощущающего субъекта. Органы чувств суть проводники этого движения вглубь субъекта до мозга и далее до сердца. Таким образом, все ощущаемые качества суть *«в объекте»* не что иное, как движения материи, которыми объект различным образом влияет на органы чувств. Точно так же и в *самом субъекте* все представления о качествах и свойствах не что иное, как движения, потому что движение производит только движение же¹. В этих словах, на которые мы обращаем внимание читателя, с полной отчетливостью устанавливается тождество содержания психики и психических актов как проявлений движения. Сознание как объект нашего изучения, а равно и объекты сознания—суть движения. В этом тождестве их сущности условие того, что материальные процессы становятся причиной представлений, будучи в то же время и их объектом.

Строгое проведение механистически-материалистической теории восприятий предполагает осуществление следующих требований:

1. однородности объекта и субъекта восприятия и
2. механистического и материалистического объяснения их взаимосвязи.

В самом деле, если ощущение есть движение в ощущающем теле, то причиной его объект ощущения может стать лишь как источник этого движения. Механистическое понимание об'ективного мира здесь неразрывно связывается с таким же пониманием ощущающего субъекта, оно предполагает включение последнего в цепь механического

¹ «Левинафан», стр. 8.

мира, включение субъекта в круг объектов. Тело может воздействовать лишь на тело и может подвергаться действию только тела. Отсюда—телесность объекта и субъекта как непремненное условие их отношения. Далее, тело проявляется лишь в движении и принимает одни только движения, из движения же ничего кроме движения произойти не может. Так замыкается механистический круг этой теории восприятий. Но действие одного тела на другое посредством движения требует либо непосредственного, либо опосредствованного соприкосновения тел. Перед претендующей на цельность механистической теорией восприятия возникает проблема действия на расстоянии, и эта проблема должна быть разрешена механистически.

Гоббс не сразу осуществил эту задачу, а проделал в данном направлении значительную эволюцию. Мы имеем в виду его раннее произведение, известное под названием «*A chort tract on first principles*» и опубликованное Ф. Тэннисом в Лондоне в 1889 году. В этой своей работе, написанной предположительно в 1630 году, мыслитель из Мальмесбери придерживается теории восприятий, очень близкой к схоластической теории видов, или специй (*species*). Мы позволим себе привести здесь основные формулы по этому вопросу, как они изложены Гоббсом, так как «Краткий трактат» не переведен не только на русский, но, насколько нам известно, и на французский и немецкий языки.

«(Часть вторая. Принцип 1.) Каждый агент, действующий на отдаленный объект (*patient*), соприкасается с ним или через посредство среды, или посредством некоторого испускания из себя самого; испускаемую таким образом вещь условимся называть видом (*species*).

(Заключения:) 1. Агент, действующий на объект на расстоянии, действует на него или посредством последовательного воздействия на части телесной среды, или посредством специй.

2. Не все агенты на расстоянии действуют на объект посредством последовательного действия на части среды.

3. Некоторые агенты на расстоянии действуют посредством специй.

4. Чем дальше идут специи от тела, их испускающего, тем они слабее.

5. Агенты посылают вовне свои специи непрерывно.

6. Специи продолжают (*proceede*) бесконечно.

7. Специи, приходящие по одной и той же прямой линии от нескольких объектов, воспринимаются чувствами как нечто единое.

8. Специи движутся в отношении места (*are moved locally*).

9. Между видами существует согласие (*conveniency*) и несогласие, при помощи которых агенты, из коих они истекают, притягиваются и отталкиваются друг другом.

10. Специи суть субстанции».

Эта схоластическая теория, объясняющая восприятие излучением телами телец-видов, проникающих в органы воспринимающего субъекта, конечно, сложилась до оформления механистических воззрений Гоббса и, по всей вероятности, перешла к нему от Бэкона Веруламского, изложившего ее в своей «*Historia Naturalis*», несомненно

известной Гоббсу¹. В данном случае любопытно, что эта домеханистическая теория, имеющаяся и у Гассенди, является, однако, уже материалистической. Таким образом, явно сказывается первенство материалистической тенденции Гоббса по отношению к его механицизму. К материализму он стремился еще до ассимиляции современной ему механики. В схоластических формах здесь излагается явно неудовлетворительная, но материалистическая гипотеза видов как материальных телец. Другой чертой, сказывающейся здесь, является дедуктивно-рационалистический, геометрический метод доказательства, в *противоположность* Бэкону, метод, сложившийся под влиянием изучения Эвклида. В последующих работах Гоббс покидает это явно дефективное учение, дисгармонирующее с механистической методологией. Дефекты этой гипотезы очевидны: допущается неисчерпаемость видов, предполагается эмиссионная способность, вводятся симпатия и антипатия, не выдерживается учение о субъективности качеств и т. д.

Гипотеза видов не встречается ни в одной из работ Гоббса после «Краткого трактата». Напротив, он решительно отвергает ее. Под влиянием «Диоптрики» Декарта и изучения Галилея проблема связи объекта и субъекта восприятия в тех случаях, когда между ними нет ни непосредственного, ни опосредствованного толчка, решается по-новому. Связующим началом и в этом случае являются уже не субстанции, но особого рода тела, а акциденции—движения тел, действия которых на расстоянии объясняются давлением относительно устойчивой среды. Благодаря этой относительной упругости среды, воздействие объекта в одном ее конце вызывает давление на субъекта в другом конце среды. Гоббс пользуется здесь для аналогии с медиумическим влиянием примером пера, давление на один конец которого вызывает движение в другом при сохранении внутренней неподвижности. Таково решение этого вопроса, каким оно вошло в систему философа. Преодолены виды и вместе с тем избегнуты силы и склонности. Механическая форма связи венчает механическое понимание восприятия.

Приведенное нами выше определение ощущения Гоббс не считает полным; это лишь одна сторона процесса. В этом определении ощущающий организм представляется лишь объектом воздействия, пассивным восприимчивым раздражений, в котором лишь запечатлеваются внешние влияния. В действительности, по мнению Гоббса, организм в процессе ощущения противостоит среде не как инертный, а как активно-реагирующий приемник, как деятельный контрагент. Всякое ощущение представляет собою не продукт одностороннего воздействия вещей на органы чувств, а результат двусторонне-направленной активности: внешнего движения, направленного на органы чувств, и внутреннего, органического движения, направленного наружу, про-

¹ См. об этом у М. Köhler. Die Naturphilosophie des Th. Hobbes in ihrer Abhängigkeit von Bacon (Arch. f. Geschichte d. Phil., XV Bd. 1902) и возражен. F. Tönnies. Th. Hobbes. Leben und Lehre. 3 Aufl., 1925. Предисловие и ч. II, гл. I, §16.

тиводействующего первому и отклоняющего его. «Полное определение ощущения, как оно вытекает из объяснения его причин и процесса его возникновения, гласит: ощущение есть образ, возникший благодаря противодействию и направленному вовне импульсу, имеющему место в органе чувства, и вызванным импульсом, исходящим из объекта и направляющимся вовнутрь при условии некоторой продолжительности последнего импульса»¹. Этот внутренний импульс причиняется жизненными духами—носителями самодеятельности организма. Выяснением этих новых понятий нам следует заняться.

Понятие «животные духи», заимствованное из схоластической философии, встречается также и у Бэкона и у Декарта. Гоббс пользуется им уже в «Кратком трактате». Приведем основные положения, относящиеся к этому понятию, как они там изложены: «Животные духи суть духи, служащие орудием ощущения и движения». «Животные духи перемещаются (движутся в отношении места—*are moved locally*)». «Животные духи движутся посредством видов, исходящих от внешних объектов либо непосредственно, либо опосредствованно»².

Понятие животных духов уже здесь носит явно материалистические черты: их деятельность состоит в перемене места, она причиняется тельцами-видами. Но в «Кратком трактате» это понятие еще не раскрыто, оно остается физиологической конструкцией без достаточно определенного содержания, хотя и с выдающимися функциями,—на этом понятии базируются все психические проявления организма. «Акт ощущения есть движение животных духов видами из внешних предметов, предполагаемых присутствующими»³. В короляррии к приведенному заключению формулировка еще более четкая: «Ощущение есть пассивная способность животных духов быть движимыми и т. д.». Далее: «Акт разума есть движение животных духов действием мозга, определяемого активной силой внешнего объекта»⁴. И соответственно в короляррии: «Разум есть пассивная способность и т. д.». Наконец: «Акт стремления (*appetite*) есть движение животных духов в направлении движущего их объекта»⁵.

Таким образом, в своих первых попытках Гоббс, прикрываясь неопределенным термином животных духов, толкует всю психическую жизнь как функцию механически понимаемых физиологических процессов. В дальнейших работах, оформляя свои воззрения, философ сохраняет эту установку, и эволюция его взглядов сводится в этой части к раскрытию туманного гилозоистского понятия животных духов. Посмотрим, какое содержание приобретает это понятие в его зрелых работах⁶.

¹ «De corp.», XXV, § 2.

² «A short tract...», III, Princ. 1, Concl. 1 and Concl. 2.

³ Concl. 5.

⁴ Concl. 6.

⁵ Concl. 8.

⁶ См. об этом у М. Köhler. Studien über Naturphilosophie des Th. Hobbes (Arch. f. Gesch. d. Phil. XVI Bd. 1903).

Животные духи, или, как выражается в одном месте Гоббс, «витальные жизненные духи» ни в малейшей степени не являются представлениями о спиритуальном начале, никоим образом не вносят дуалистического момента в его психофизическое учение. Витальные духи в понимании Гоббса безусловно материальны. В самом деле, мы приводили замечания Гоббса, в которых он решительно отвергает что-либо нематериальное, в которых считает понятие бестелесных духов — бессмыслицей, нематериальную субстанцию — внутренне-противоречивым понятием. Но, отрицая духи как модусы нематериальной субстанции, он допускает духи как модусы материи, «материальные духи». Из того, что не-тело есть ничто, писал он, «вовсе не следует, чтобы духи были непременно ничто; если они имеют измерения и суть тела, то, стало быть, существуют, хотя бы были невидимы и неосязаемы; ибо в просторечии неправильно называют телом только то, что видимо и осязаемо, т.е. что имеет известную степень плотности»¹. «Под словом дух мы понимаем естественное тело, до того тонкое, что оно не действует на наши чувства; но мы себе представляем, что это тело заполняет пространство так, как его заполнило бы изображение какого-нибудь видимого тела. Представление, следовательно, которое мы имеем о духе, есть представление о фигуре, лишенной цвета. В фигуре же мы мыслим пространственные измерения»². Таким образом, отвергнув духовные тела, Гоббс вводит телесных духов. Совершенно ясно, что эта терминология несколько не колеблет строгости материалистического монизма и вводится лишь для создания видимости согласия его материалистических воззрений с церковными догмами. Гоббс уничтожает дух как понятие, влекущее за собой дуализм, и сохраняет его как слово для обозначения некоторых материальных вещей. Он обезвреживает дух, ставит его на службу своему материализму. Если в борьбе со спиритуализмом и дуализмом слово дух сохраняется у Гоббса для создания иллюзии компромисса, то в психофизическом учении он пользуется этим термином как материалистическим *asylum ignorantiae*, долженствующим прикрыть ограниченность современного ему понимания органической жизни. Выясним это путем рассмотрения теории жизненных духов.

В образовании ощущения, как мы видели, участвует противодействие и направленный во вне импульс, *conatus*.

Понятие *conatus*'а, употребляемое в данном случае, также служит одним из проявлений строго-материалистического механицизма, искореняющего все элементы идеализма из своей концепции. *Conatus* определяется как «движение через точку в течение мгновения»³, причем Гоббс тут же оговаривает, что он имеет в виду не идеальное математическое, а материальное физическое понятие точки и мгновения, как бесконечно-малых элементов величины и движения. *Conatus* имеет своим назначением изгнать немеханическое понятие

¹ «Левифан», 392.

² «Hum. Nat.», XI, § 4.

³ «De corp.», XV, § 2.

силы или склонности к движению. Он означает минимальное, но актуально движение. Гоббс не «объясняет» актуального движения пустым словом «сила», он предпочитает исходить из движения, как актуального данного и не нуждающегося в дальнейших пояснениях, имманентного материи. Гоббс изучает причины определенных, единичных движений, но не движения вообще. *Conatus*, таким образом, должен преодолеть непоследовательные с точки зрения механического материализма моменты механики Декарта. Это понятие приближает, с одной стороны, к учению о молекулярном движении в противоположность молярному, с другой — к учению о бесконечно-малых величинах. Однако, как мы отметили, в своем понимании бесконечно-малого Гоббс не покидает материалистической трактовки этого понятия, не придает ему бесплотно-логического только значения, не превращает его в бессубстратное отношение. Но возвратимся к интересующему нас вопросу.

Гоббс следующим образом поясняет возникновение этого импульса: «Так как во всем органе, в силу его собственного естественного движения, возникает сопротивление или противодействие движению, идущему от объекта ко внутренним частям органа, то этот же орган обладает импульсом, противоположным импульсу объекта»¹. Основой интересующего нас импульса, или *conatus*'а, является, следовательно, естественное движение органов чувств. «Если жизненное движение встречает поддержку в каком-нибудь процессе восприятия, то этим создается предрасположение к такому распределению жизненных духов, что это движение при помощи нервов по-возможности сохраняется и усиливается. Так возникает первый импульс животного движения»². Жизненным движением объясняются не только ощущения, но и животные движения, вождление и отвращение. Что же такое это жизненное движение? Не что иное, как кровообращение, открытое современником и компатриотом Гоббса, Гарвеем. «Жизненное движение есть беспрестанное круговое движение крови по венам и артериям, как это доказано первым наблюдателем этого факта, моим земляком, доктором Гарвеем»³. Движения же крови и сердца обусловлены какими-то невидимыми частями воздуха, возможно каким-нибудь видом щелочной соли, проникающей благодаря дыханию в кровь. «Следовательно, жизнь, т.е. движение сердца, зависит от воздуха»⁴. Центром жизни он считал сердце, а вождление и отвращение — движениями сердца, пробуждающими в мозгу образ, отклоняющими внешние импульсы и распределяющими жизненных духов. Нас здесь не интересует, в какой мере соответствуют физиологические представления Гоббса воззрениям современной нам науки, а методология этих воззрений. Для нас важно за *формой* материализма Гоббса, обусловленной уровнем современного ему естествознания, на высоте которого несомненно

¹ «De corp.», XXV, § 2.

² *Ibid.*, § 12.

³ *Ibid.*

⁴ «De Homine», I, § 2.

стояло его учение, формой, кажущейся нам наивной, не упустить *типа* его учения, его последовательного, и для своего времени прогрессивного, материализма.

Утверждение Гоббса, что так же, как вождление и отвращение могут быть порождены образами воображения, и последние могут быть порождены вождлением и отвращением,—не знаменует признания внутриспсихической причинности или психофизического взаимодействия, а служит лишь выражением физического, точнее механического взаимодействия между двумя родами движения материи: образа, т.е. движения в мозгу внешнего происхождения, и аффектов, т.е. внутриорганического движения сердца. Например, поясняет Гоббс, гнев и ссора вызывают в сердце теплоту, а всякая теплота в сердце—гнев и образ врага. Здесь, несомненно, мы имеем дело с материалистическим объяснением, хотя и весьма наивным. Памятуя, однако, что воззрения Гоббса сформировались три сотни лет тому назад, приходится не столько отмечать их относительную примитивность, сколько удивляться их глубокой последовательности и, во многих случаях, научной проницательности.

Нам остается еще уточнить понятие животных духов, распределяемых жизненным движением или кровообращением и являющихся носителем жизнедеятельности организма. Жизненных духов Гоббс не отождествляет с кровью. Эти «материальные духи», по его мнению, «суть не что иное, как очищенные в сердце и распространенные при помощи артерий витальные жизненные духи»¹. Повидимому, так называл Гоббс неизвестные ему химические ингредиенты крови, в которых предполагал субстрат жизнедеятельности. Мы назвали это понятие материалистическим *asylum ignorantiae*. Если бы Гоббс жил в наше время, он писал бы, вероятно, в данном случае о секреции эндокринных желез.

В этом понятии заметны уже признаки недостаточности строго-механистической концепции для объяснения физиологических процессов. Жизненные духи сохраняются, в отличие от видов, в поздних работах Гоббса. Ему не удается без остатка растворить это понятие с качественным, химическим оттенком в чисто-механических количественных понятиях.

В данной связи уместным будет познакомиться с воззрениями философа на сущность жизни и неразрывно связанную с нею проблему происхождения жизни. Не высказываясь категорически по этому вопросу и стараясь смягчить свое несогласие с мифологическими церковными представлениями, Гоббс все же с заметным сочувствием относится к гипотезе, объясняющей возникновение жизни из обтянутых кожей пузырьков, образовавшихся под влиянием действия солнца на поверхности мягкой массы первобытной земли². В данном случае он находится под впечатлением аналогии с произрастанием растений, материей которых он считал самую землю, а действующую

¹ «De corp.», XXV, § 10.

² «De Homine», I, § 1.

причиной—солнечные лучи. Возникновение человеческой особи объясняется аналогичным образом: материя зародыша—материнская кровь, движущая и формирующая сила—оплодотворяющие соки, проникающие благодаря движению и расширению сосудов¹.

Для нас важно в данном случае отметить последовательную механистичность материализма Гоббса, материализма дохимического века. Сложнейшие качественные образования—жизнь растения, человеческий зародыш—объясняются непосредственно механическими причинами, они, *минуя все посредствующие звенья*, сводятся к пространственным перемещениям материи. Качественное своеобразие закономерностей в надмеханических областях не учтено. Жизнь объясняется механическим движением не в конечном счете через ряд узлов, усложняющих и модифицирующих формы и типы изменения, а путем непосредственного сведения, прямого разложения на механические факторы. Конечно, Гоббс не выдерживает своих принципов до конца, он берет качественно-различные виды материи как составные элементы: кровь, солнце, землю и т. д., но эти сложные образования продолжают существовать и проявляться лишь в простых механических формах движения, новых особых родов изменения они не приобрили.

В полном соответствии с этой методологией и вытекающими из нее взглядами на происхождение жизни находится и понимание Гоббсом сущности жизни. Приведем дословно это выразительное определение: «Жизнь есть не что иное, как движение членов, главное начало которого находится внутри, в какой-нибудь главной части тела; если это так, то разве нельзя сказать, что искусственную жизнью обладают все автоматы или все машины, приводимые в движение посредством пружин и колес, расположенных в их внутренности? Что такое сердце, как не пружина; нервы—как не проволоки; суставы—как не колеса?»². Между механизмом и организмом ставится знак равенства. Живое—не организм, даже не химическая машина, а механизм, все закономерности которого могут быть сведены к законам механики, это лишь комплекс рычагов, трансмиссий, колес и ничего более. Спецификация на основе качественного своеобразия не имеет места при последовательном проведении такого понимания.

Мы, анализируя понимание Гоббсом ощущения, перешли к вопросу о роли органического противодействия в образовании ощущения, от него—к проблеме жизненного движения и витальных духов, подойдя, таким образом, к вопросу о сущности жизни. Уяснив эту сторону учения, возвратимся к исходному пункту, к ощущению.

Понятие ощущения является у Гоббса основным психологическим понятием. Ощущение—синтез внешнего и внутреннего импульса—центральное и элементарное понятие его психологического учения, которое и в этом смысле должно быть названо сенсуалистическим. Поэтому, именно на анализе данного понятия должно быть выяснено

¹ «De Homine», I, § 4.

² «Левинафан», I.

разрешение, данное Гоббсом психофизической проблеме. Разложение ощущения выводит нас по ту сторону психологии. С другой стороны, все остальные психологические понятия приводят нас к ощущению, будучи производными по отношению к нему, его осложнениями, комбинациями и разновидностями. Для нашей цели нет необходимости излагать всю психологическую систему, как она представлялась философу. Вопрос о взаимоотношении психического и физического в данном случае исчерпывается вопросом о взаимоотношении материального движения и ощущения, так как никаких явлений сознания, не сводимых к ощущению, психология Гоббса не допускает: ни врожденных идей, ни спонтанной воли и пр. Все многообразие психических форм выводится из варьирующихся сочетаний раздражения и жизненного движения, взаимопроникновения движения извне и изнутри, разыгрывающихся на территории органов чувств в широком смысле этого слова, придаваемого ему Гоббсом¹.

Представления суть внутренние движения, продолжающиеся от движений, сообщенных при ощущении. Воспоминания, образы воображения, сновидения, мысли—дальнейшие проявления и разновидности того же рода². Эта часть системы Гоббса справедливо считается началом английской ассоциационной психологии³, имея перед последующим эмпирическим ассоциационизмом преимущество материалистического обоснования этого процесса, так как реальную основу его он видит в ассоциации движений; в механически понимаемых физиологических процессах⁴. Пожалуй, с еще большим правом Гоббса следовало бы считать ранним пророком рефлексологии с ее объективно-физиологическим пониманием ассоциаций.

Другая группа психических феноменов—чувства и страсти. Под ними Гоббс разумеет движения мозга, т.е. представления, продолженные дальше к сердцу. Все чувства—не что иное, как движения сердца. К этой группе принадлежат аффекты, наслаждение, неудовольствие и т. п.⁵.

¹ О психологическом монизме Гоббса см. К. Kröner. Th. Hobbes. Die Lehre vom Menschen. S. 23 f., где ему дается идеалистическая оценка.

² Я хотел бы в этой связи отметить лишь имеющуюся у Гоббса идею, представляющую некоторое предвосхищение одного из плодотворнейших принципов современной психологии—учения о конкуренции в психическом поле. По мнению Гоббса, сильное наличное возбуждение препятствует новым восприятиям, так как существующее движение не допускает новых движений. С другой стороны, не все импульсы органов реализуются в ощущениях, так как они подавляются более сильными импульсами, оттесняющими их и превалирующими над ними («De Corp.», XXV, § 6).

³ См., напр., G. Sortais. La philosophie moderne depuis Bacon jusqu'à Leibniz. T. I. P. 1922, p. 408.

⁴ См., напр., В. Н. Ивановский. Очерк истории ассоциационизма, стр. 63. «Общее обоснование процессов «сцепления или следования образов» у Гоббса определяется его метафизическими воззрениями: обоснование это материалистическое».

⁵ Ограничусь по этому вопросу лишь замечанием о том, что представляют собою у нашего автора духовные удовольствия. Об этого рода удовольствиях Гоббс замечает, что они не связаны ни с какой частью нашего тела, что может вызвать недоумение. Однако он поясняет в дальнейшем, что под духовными

Различие способностей также есть не что иное, как различие в подвижности животных духов, которою обуславливается различие как в интенсивности, так и в объеме психической деятельности. Духовная способность отличается от телесной. Последняя есть способность одного тела приводить в движение другие; духовная же—способность духа воздействовать на тело, результатом которого являются аффекты и страсти. Разумеется, духовную способность мы должны понимать как разновидность телесной, а не усматривать в приведенной характеристике дуалистическое взаимодействие. Под физическими способностями Гоббс разумеет питание, движение и размножение. Под духовными—способность представления или воображения и способность к волевым движениям. И та и другая, как мы знаем, суть в действительности телесные свойства органов чувств.

Волевые акты, как и все остальные, строго детерминированы:

G. Lyon совершенно прав, когда утверждает, что «пожалуй не было писателя, если исключить Спинозу, который провозгласил бы столь энергичным языком закон всеобщей и вечной необходимости»¹. Волевые акты также продуцируются внутренними движениями, противостоящими внешним. Поэтому «представление есть первое внутреннее начало всех произвольных движений»², побуждение—тончайшее неуловимое движение в человеческом теле, *conatus*³.

удовольствиями он понимает не непосредственно данные чувственные наслаждения, а ожидание, предвидение их, предвкушение результатов, приятных для чувств, на основании сознания наличия их причин («Левиаф.», 35; «Hum. Nat.», VIII). Это сильно напоминает позднейшие мотивы Гельвеция в «De l'homme», с его сведением всех удовольствий к физическим и их делением на действительные и предвидимые наслаждения (См. об этом: Плеханов. Сочинения, т. 8, стр. 85). Такое ожидание удовольствия имеет место, по мнению Гоббса, благодаря сознанию избытка своих сил или способностей в сравнении с силами другого человека. В этом понимании выражается убеждение Гоббса в том, что возможность наслаждения достигается постоянной конкуренцией с другими людьми, почему и предвидение его может быть основано на сознании своей конкурентоспособности. Таким образом, духовные удовольствия складываются на основе двух явлений: способности предвидения или воображения и взаимного соревнования людей в борьбе за жизненные блага.

¹ G. Lyon. La philosophie de Hobbes. P. 72—3.

² «Левиафан», 33.

³ Тем не менее, с той безоговорочной формулировкой по вопросу о взаимоотношении у Гоббса ощущения и мышления, с одной стороны, и волевых проявлений—с другой, которую дает Виндельбанд, согласиться нельзя в силу ее односторонности. «У Гоббса,—пишет он,—теоретическая жизнь представляется более активной и поэтому относительно свободной, а практическая, наоборот, более пассивной и вполне зависимой от первой. Преобладание мышления над волей составляет одну из основных черт этого века... Необходимым следствием этого является в воззрениях на волевою деятельность склонность к детерминизму (склонность, которой Виндельбанд, как известно, не подвержен.—Б. Б.), которой одинаково отмечены оба века (XVII—XVIII.—Б. Б.). И для нее служит Гоббс типичным представителем. Для него волевое решение человека—не самостоятельное действие, а лишь пассивное приведение в движение» («Ист. новой фил.», т. I, стр. 125, рус. пер. Курс. авт.). В действительности, будучи последовательным детерминистом, Гоббс, однако, вовсе не считал поведение пассивным приведением человека в движение. Во-первых, одним из образующих ощущение факторов является имманентное самостоятельное движение в организме, противостоящее раздражению; во вто-

Таким образом вся система психических актов есть система движений мозговых и сердечных, направленных вовнутрь или наружу. Для выяснения решения Гоббсом психофизической проблемы их рассмотрение не дает ничего принципиально нового по сравнению с ощущением.

*В изложенном нами учении Гоббса собственно психофизическая проблема еще не поставлена. В этой концепции мы нигде не выходим за пределы об'ективных физических, точнее—механических, процессов. Ощущение, стремление и т. д. суть понятия, обозначающие известные комплексы об'ективных материальных движений. Вопрос о соотношении психического и физического, об увязке об'ективных процессов с суб'ективными не возникал. Мы не выходили из рамок об'ективности, за пределы взаимоотношений физиологических процессов. Вся «психология» до сих пор вращалась в замкнутом кругу не психического, а физического мира. Задача заключалась в познании того, что мы называем психологическими терминами как звеньев механической цепи об'ективных процессов. Когда Гоббс говорит о суб'ективности качеств, когда он считает цвет, звук и т. д. присутствующими не об'екту, а суб'екту ощущения, то суб'ективность употребляется здесь не в смысле «онтологического» противопоставления об'ективному, не как явление сознания; суб'ектом называется здесь воспринимающее тело, ощущающий об'ект. Когда Гоббс говорит в «Tractatus Opticus» о том, что «нужно различать между воспринимаемой вещью и самим восприятием», он добавляет: «В восприятии нет ничего реального, помимо движения, т.е. реакции духов в ощущающем»¹.

Как может быть поставлена, с принятой Гоббсом точки зрения, проблема сознания суб'ективного? Как возможен переход к ней от об'ективного познания? Воспринимаемое и воспринимающее суть тела, обладающие только величиной и движением. Взаимоотношения их не могут принести ничего сверх движения. Воздействие об'екта на суб'ект может произвести лишь двигательную реакцию в последнем. «Восприятие» об'екта не может быть ничем, кроме восприятия движения, т.е. реактивного движения в «суб'екте». Отсюда нет и не может быть перехода к представлению об об'екте, к отображению об'ектов, ибо такое представление было бы чем-то сверх двигательной реакции, сверх механического отражения движения, привнесло бы нечто, не заключающееся в механической концепции материи—суб'ективное, сознание. Так как движение порождает лишь движение, так как причина не может заключать в себе менее того, что заключает в себе действие, так как переход возможен лишь к подобному,

рых, порядок и характер ассоциирования он считает результатом не только порядка раздражений, но и состояния организма, его чувств и жизненных стремлений; в-третьих, и мышление является строго детерминированным ощущениями и волевыми импульсами, а отнюдь не свободным. Точно так же и в этике Гоббса нет односторонней гегемонии мышления над волей.

¹ «Elements of law...», App. II, p. 219.

то выхода из об'ективного круга механических представлений как будто быть не может. Ни на какой стадии движения, с точки зрения изложенного учения Гоббса, оно не может стать чем-либо большим, нежели движение. Допущение, что об'екту присуще свойство быть суб'ектом, что сознание—одно из качеств материи, что об'екту присуща способность интроспекции,—признание этого означало бы гибель строгого механистического мировоззрения, означало бы внедрение качеств в понятие субстанции, означало бы, что материи присущи в реальности не только величина и движение, поддающиеся геометрическому, чисто количественному изучению. Итак, от материалистического механицизма Гоббса нет перехода к сознанию, к суб'екту, он не может перейти за черту об'ективного и механического. Но, с другой стороны, включение сознания в систему необходимо, так как без него психология не может стать основанием теории познания, ибо нет перехода от двигательных реакций к образам об'ектов, к «фантазмам». Сознание есть, оно дано. Гоббс это прекрасно знает и стремится об'яснить его, не нарушая стройности механистической философии.

Но прежде чем изложить эту оригинальную тенденцию психофизических воззрений Гоббса, постараемся выяснить, насколько обоснован довольно распространенный в историко-философской литературе взгляд, будто этой проблемы для Гоббса еще не существовало. Так, например, Ланге утверждал, что для нашего мыслителя «ощущение тождественно с образом ощущения (phantasma), а этот последний в свою очередь тождествен с движением conatus'a по направлению к об'ектам, а не то, что он лишь вызывается этим движением». Таким образом, Гоббс голословным утверждением рассекает гордиев узел вопроса о том, в каком отношении ощущение, в качестве суб'ективного состояния, находится к движению; но дело несколько не становится от этого яснее¹. Верно ли, будто отчетливое различие между физическими явлениями и явлениями сознания и возникающая отсюда психофизическая проблема, проблема увязки и взаимосвязи обоих начал в материи еще не существовала для Гоббса? Насколько неверно утверждение Ланге, доказывает уже окончательное определение Гоббсом ощущения: «Ощущение есть образ, возникший благодаря противодействию и направленному вовне импульсу, имеющим место в органе чувства, и вызванным импульсом, исходящим из об'екта...» (Sentio est ab organi sensorii conatu ad extra, qui generatur a conatu ab objecto versus interna eoque aliquando manente per reactionem factum phantasma)². Но неправильность рассматриваемого взгляда становится совершенно явной из рассмотрения нижеследующих соображений Гоббса о панпсихизме. «Хотя, как сказано, всякое ощущение возникает в силу противодействия, все же отсюда не вытекает, что все, что оказывает противодействие, должно также ощущать. Я знаю, что были ученые и философы, которые полагали, что

¹ Ф. Ланге. История материализма, т. I, стр. 150, рус. пер.

² «De corpore», XXV, § 2.

все тела одарены способностью ощущать. И я не вижу, как можно было бы доказать обратное, *если бы сущность ощущения коренилась в одном противодействии*¹. Таким образом Гоббс неповинен в приписываемом ему полном отождествлении, он не считает движение исчерпывающей характеристикой ощущения, для него существовала проблема неразложимого на явления движения остатка в ощущении—проблема сознания. Более того, он не только понимал наличие этой проблемы, он понимал ее огромное значение и трудность ее разрешения. «Из всех знакомых нам феноменов или явлений самым замечательным является самый факт существования явлений, самый факт этого *τὸ φαίνεσθαι*, т.е. то обстоятельство, что из тел, существующих в природе, некоторые обладают представлениями почти обо всех вещах, другие же не обладают никакими»². Итак, проблема поставлена. Либо ее возможно разрешить механистическими средствами, либо она разрушит универсальность механистического миропонимания. Гоббс делает своеобразную попытку пойти по первому пути. Назревшее противоречие между пониманием того, что движение не исчерпывает ощущения, и тем, что познание психических процессов сводится к познанию движений, между тем, что движения, будучи субстратом ощущения, не характеризуют последнего во всей полноте, и тем, что механистическое понимание материи не только не заключает, но и исключает возможность объяснения ощущения как более—чем движения, требует разрешения. Гоббс делает попытку найти разрешение этой антиномии в своей теории познания.

Гоббсова теория сознания может быть понята лишь в тесной и неразрывной связи с его теорией познания. В разрешении им психофизической проблемы связаны в крепкий узел его теория абстракции с механическим пониманием природы и так называемым «феноменализмом». Его теория сознания базируется на остальных элементах его философии и падает вместе с ними.

В чем заключается эта непосредственная связь?

Проблема сознания есть вопрос не об объектах психики, а о психике, как об объекте. Задача состоит в уяснении сущности психики, как об объективной реальности и ее места в ряду других реальностей, ее связи с телом, с материей. Связь берется здесь не в смысле взаимоотношения субъекта восприятий к материальным объектам восприятий, а сознание рассматривается, поскольку оно *есть* как объект в ряду других объектов. Гоббс, рассматривая сознание, психику как объект познания, применяет при этом те же самые гносеологические принципы, которые он употребляет при анализе всех других объектов познания. Познание сознания должно вестись в том же плане, как и познание всех остальных явлений. К сознанию, как оно воспринимается самим собой, применяются те же теоретико-познавательные критерии, что и к другим объектам сознания. Сознание должно быть включено в теорию познания наряду с остальными феноменами.

¹ «De corpore», § 5.

² Ibid., § 1.

Гоббсова теория абстракции, учащая, что все есть тело или его акциденция, его учение об именах, выясняющее природу абстрактных понятий как гипостазированных понятий акциденций, его критика наивного реализма (неправильно называемая феноменализмом), оборотной стороной которой является механистическое миропонимание—все эти принципы, будучи приложены к проблеме сознания, дают то решение психофизической проблемы, которое назревает в учении Гоббса.

Сознание—либо тело, либо его акциденция. Это значит, что понятие сознания может быть либо именем тела, либо гипостазированным понятием телесной акциденции, акциденции, отрываемой мышлением от своего субстрата и мыслимой независимо от него. Если сознание—акциденция, то форма, в которой она воспринимается, не есть объективно присущая ей, а форма восприятия, обусловленная субъектом восприятия. Качественная характеристика сознания, каким оно дано нам в самосознании—продукт субъективной трансформации некоторой акциденции, а не идентична этой акциденции в ее объективности. Подобно всем другим акциденциям, *объективно* сознание есть лишь некоторое проявление протяженного тела, некоторое движение. Точно так же, как объективной реальностью всех объектов сознания являются различные материальные движения, и объективную реальность сознания как объекта самосознания, как своего собственного объекта, представляет движение материи. Согласно учению Гоббса, психика—одна из акциденций. К ней, следовательно, должно быть применено отмеченное в начале статьи различие между акциденцией в субъективном и объективном смысле. В полном соответствии с гоббсовой теорией познания, сознание должно быть понято как некоторое телесное движение. «Единственной реальной вещью, существующей вне нас в мире, является то движение, в силу которого эти ощущения возникают»¹. Но и мы сами—часть этого внешнего мира и наше сознание,—не такое, каким оно является, каким оно нами воспринимается,—а как объективное проявление в нас как части объективного мира, и само это сознание является лишь движением. «Представления и явления не реальны *сами по себе*, а являются лишь движением в каком-то внутреннем веществе головы... Чувства в действительности суть не что иное, как движения сердца, подобно тому как представления суть не что иное, как движения внутри головы»². Движение материи—истина сознания, как оно является истиной и всех остальных акциденций. Если движение материи—род психики, то ее видовое отличие—внутрителесность, оно есть движение внутри организма, точнее, движение его органов чувств: мозга и сердца. Эти внутренние движения рассматриваются в том же теоретико-познавательном аспекте, как и движения внешние.

То, что известно под именем эпифеноменалистической теории сознания, приобретает у Гоббса форму феноменалистической теории.

¹ «Hum. Nat.», I, § 10.

² Ibid., VII, § 1.

Суб'ективно-психическое и об'ективно-физическое—не два разных процесса, а один и тот же процесс. Но, несмотря на свое единство, эти процессы различаются как об'ективное и суб'ективное, как сущность и явление. Последние термины наиболее точно характеризуют методологию рассматриваемой теории. «Представления ощущений не есть нечто в себе сущее, они *mera phantasmata, imaginanti interne accidentia*—формы, в которых мы воспринимаем внутренние движения, существование которых постигается только разумом. По отношению к самим этим движениям они в том же смысле феноменальны, какими они являются по отношению к об'ектам, свойствами которых мы их считаем, так как от них берет начало движение, лежащее в основе чувственного представления»¹.

Излагаемые нами воззрения отличны как от механицизма, замкнутого в пределах об'ективных процессов и исключаящего выход в сферу суб'ективного, так и от противоречивого вида материализма, придерживающегося диалектического понятия об'екта—суб'екта. Единство об'екта и суб'екта достигается у Гоббса не в плоскости «онтологической», а в плоскости «гносеологической». Учение о мире «в себе» не знает единства суб'екта и об'екта, оно утверждает единственность механического об'екта. Лишь в учении о познании появляется сознание, как явление, как акциденция, как один из феноменов *td faivovdai*. Сам Гоббс не дал в развернутом и систематическом виде этого построения, но оно целиком содержится в его системе, необходимо вытекает в процессе развития последней (системы).

Последовательное развитие учения о сознании как акциденции, понимание его по аналогии с остальными акциденциями приводит Гоббса к представлению о сознании ощущения, как шестом чувстве. Различие между сознанием и остальными группами феноменов не принципиальное, а видовое. Пять чувств определяют феномены, сущностью которых являются внешние движения вещей, шестое—сознание—форма восприятия внутренних движений организма, ощущений в об'ективном значении понятия. Содержание восприятия и акт восприятия субординируются едиными теоретико-познавательными критериями. Различие между содержанием и актом восприятия, о котором мы выше говорили, проводится Гоббсом здесь с полной четкостью. Причем это различие несколько не разрывает единства того и другого как родов явлений. Вот этот достопримечательный текст: «При помощи чувств, которых мы в соответствии с их органами насчитываем пять, мы познаем (как уже было сказано) об'екты, существующие вне нас, и этим знанием являются наши представления о них. Но мы познаем также, так или иначе, и наши представления. Ибо, когда представление о той же самой вещи у нас возникает снова, мы знаем, что это—«снова», т.е. что мы это же представление уже имели раньше. Это то же самое, что представить себе вещь, имевшую в прошлом, что не может быть сделано при помощи чувств, так как эти последние нам дают лишь восприятия *наличных* вещей. Эту спо-

¹ G. Brandt. Grundlinien der Phil. von Th. Hobbes. S. 28.

собность можно поэтому считать *шестым чувством*, но внутренним (не внешним, как остальные), ее обыкновенно называют памятью»¹. Ощущение самих ощущений уподобляется ощущениям внешних вещей, самосознание—сознанию. При этом, весьма любопытно, самосознание отождествляется с памятью. Отметим здесь, что это не постановка совершенно иной проблемы, проблемы сознания сознания, проблемы *ideae idearum*, по терминологии Спинозы. Если у Гоббса имеет место указанное нами различие двух аспектов сознания, то сознание и узвание сознания он недвусмысленно считает необходимым отождествлять. Ведь с рассматриваемой точки зрения ощущение, как нечто отличное от движения, только и может быть формой восприятия, гносеологической категорией. Сознание тождественно с осознанием.

Так как психический акт есть внутреннее движение, подвергающееся раздражению внешним движением,—он есть и сознание внешних об'ектов и вместе с тем самосознание. Самосознание—не отдельный акт, отличный от сознания, а всякое сознание, по указанной причине, есть вместе с тем и сознание сознания. «Но вовсе не следует,—писал Гоббс в своих возражениях Декарту,—что я только посредством особого мышления могу мыслить. Ибо если я и могу мыслить тот факт, что я мылил (что является, однако, простым воспоминанием), то во всяком случае так же невозможно мыслить мышление, как познать познание. Это повело бы к бесконечному ряду вопросов: откуда ты знаешь, что ты знаешь, что ты знаешь, что знаешь?»². Воспоминание есть воскрешение ощущения, ощущение же не есть особый акт ощущения акт, а единый с ним акт, воспоминание о котором представляет собою воспоминание о том, что ты ощущал, и вместе с тем о том, что ты ощущал. «Исследование причин ощущения,—пишет Гоббс в другом месте,—не может иметь своим отправным пунктом никакое другое явление, кроме самого чувственного ощущения. Однако нас, пожалуй, спросят, при помощи какого чувства мы воспринимаем само ощущение. На это я отвечаю: при помощи того же чувственного ощущения, а именно воспоминания. Ибо ощущать, что мы ощущали, называется вспоминать»³. Гоббс, не различая ощущения и его содержания, ясно различает эти два аспекта. Он, как мы уже показали выше, понимает всю важность проблемы сознания.

«Вещи,—писал он, говоря в данном случае об образах нашего воображения, о представляемых вещах,—могут двойным образом становиться предметом нашего научного исследования. Они могут стать таковыми или в качестве внутренних состояний нашего духа, как это бывает в том случае, когда речь идет об исследовании наших духовных способностей, или в качестве образов внешних вещей...»⁴. При отождествлении сознания с памятью это различие аспектов

¹ «Hum. Nat.», III, § 6.

² «Objections», II. В сколии к 21-й теореме 2 ч. «Этики» Спинозы почти дословно повторяется эта постановка проблемы.

³ «De corp.», XXV, § 1.

⁴ Ibid., VII, § 1.

сохраняется. В едином воспоминании заключается и *то*, что ты снова ощущаешь, и *то*, что ты *снова* ощущаешь. Как раз последнее и является восприятием акта сознания. К проблеме памяти мы, впрочем, еще вернемся в другой связи.

Однако чрезмерная борьба с наивным реализмом, во имя механистического мировоззрения, развитие учения о суб'ективности качеств ведет иногда к затушевыванию этого важнейшего различения. Она влечет Гоббса к пониманию содержания ощущений не как отражений внешних вещей, а лишь как восприятий внутренних движений, причиненных внешними вещами. Внешний мир выступает не как объект, а только как действующая причина. Это понимание порою затушевывает четкость различения Гоббсом двух аспектов ощущения — как акта, и как приемника. Если в ощущении рефлектируется лишь *внутреннее* движение, то стирается всякая грань между ощущением и ощущением ощущения¹.

На вопрос о том, реально ли сознание, следует, таким образом, ответ: да, реально, как некоторый род движения. Точно такой же ответ он дает и на вопрос о том, реален ли, например, звук. Они имеют свою реальность в движении, они реальны как роды движения. Но звук, мыслимый как не-движение, а как нечто отличное от него, сознание, мыслимое не как движение, а как что-то иное — представляют собой лишь мнения и явления. Сознание не особое свойство материи *наряду* с протяженностью и движением и не что-либо выводимое из движения, а *само* протяжение и движение в одном из его проявлений.

Об'ективно, психология — часть дедуктивно-конструктивной механики, рассматриваемая суб'ективно-эмпирически, она — часть физики. Физику Гоббс понимает, как науку о явлениях, о содержании опыта, слагающегося из восприятий, т.е. об акциденциях в их суб'ективности, в их качественной данности. Важнейшей отличительной чертой этой психофизической теории является радикальная новизна понимания соотношения сознания как объекта и объектов сознания. Вместо традиционного стремления свести вопрос о данных сознания к вопросу о сущности сознания, он, наоборот, включает самосознание в круг суб'ективных акциденций и тем сводит вопрос о сущности сознания к вопросу о суб'ективности данных сознания и их отношении к материальному миру. Теория сознания превращается у Гоббса в проблему теории познания. Гоббс не считал, таким образом, сознание одним из атрибутов материи *наряду* с протяжением. Сознание, в отличие от протяжения, не атрибут материи, не ее об'ективное свойство, а акциденция, суб'ективная форма восприятия некоторых движений. Такое психофизическое учение, будучи последовательным материализмом, отлично от материализма марксистского своей механистичностью, но оно далеко превосходит не только идеалистические учения, но и многие материалистические не только учения

¹ Cp. K. Grau. Die Entwicklung des Bewusstseinsbegriffes in XVII und XVIII Jahrhundert. (Halle, 1916). S. 88.

предшественников Гоббса, но и многие последующие учения своей глубокой последовательностью и монолитной цельностью. Дидро справедливо писал в «Энциклопедии», что «никто не отличается такой решительностью и смелостью, как он, и не превосходит его своей последовательностью. Берегитесь, не соглашайтесь с его основными принципами, если вы не хотите следовать за ним всюду, куда ему угодно будет повести вас»¹.

Нетрудно, однако, заметить, что раскрытая выше тенденция Гоббса преодолеть проблему суб'ективности, не выходя из рамок механицизма, при помощи учения об акциденциях отнюдь не разрешает трудностей, стоящих перед Гоббсом, а лишь воспроизводит их на новой основе. Пропасть между физическим и психическим не уничтожается, а сохраняется и при этой постановке вопроса.

Геффдинг, полемизируя с F. Tönnies, P. Natorp и Edv. Larsen, не понявшими строгой материалистичности учения Гоббса, останавливается на выясненной нами оригинальной постановке Гоббсом проблемы сознания. Он пишет: «Явление, восприятие, чувство, сознание для Гоббса, когда он пользуется строго дедуктивным методом, лишь видимость (appareance). Но, следует добавить, видимость, ставящая большую проблему: движение может, согласно Гоббсу, производить только лишь движение. Таким образом, необ'яснимое чудо, что в известных пунктах сверх движения рождается также видимость, «являемость» (apparition), называемая нами сознанием. Значение Гоббса велико тем, что у него ясно показаны границы материалистических гипотез. Энергия его дедуктивной мысли заставила его обнаружить здесь критический пункт. Ни одна последующая материалистическая попытка не проведена с такой ясностью и беспристрастностью, как у Гоббса»². Ланге, с полной убедительностью в двух томах доказавший свое непонимание материализма, также, хотя и не без оговорок, признает материалистичность учения Гоббса. И он, в приведенной уже нами цитате, считает, что Гоббс «голословным утверждением рассекает гордиев узел вопроса о том, в каком отношении ощущение в качестве суб'ективного состояния находится в движении; но дело нисколько не становится от этого яснее». Гоббс, конечно, предпочел расцезь гордиев узел вместо того, чтобы запутывать его, и не пошел по чреватому бесконечными противоречиями пути вульгарного материализма, *выводящего* ощущение из движения. Его утверждения не являются, как мы старались доказать, голословными, а опираются на всю его теорию познания. Но, конечно, его последовательно-механистическое понимание об'ективного мира, воззрение, другим полюсом которого является его так называемый «феноменализм», лишило его возможности дать окончательное решение проблемы. При всей последовательности и остроумии его замысла рассматривать проблему сознания как проблему познания, проблема суб'ективности как факта ускользает от него. Суб'ективность отрывается от об'ектив-

¹ «Hobbisme» («Encyclopédie...», v. VII).

² H. Höffding. La philosophie moderne. T. I, p. 283.

ности. Лишение материи качественности, полное отрицание атрибутивности сознания наряду с протяжением, превращение его в суб'ективную форму восприятия движения приводит Гоббса к уклонению от решения проблемы, к формуле: ощущение есть одно из ощущений, факт восприятия сам есть восприятие. Это, конечно, не тавтология, но и не решение вопроса. Ошибка Геффдинга в том, что он считает решение Гоббса *последним* словом материализма, пределом материалистических возможностей, как будто материализм исчерпывается механическим материализмом, zenитом которого, несомненно, был гоббизм.

Постараемся выяснить, в чем состоит тупик, к которому приводит рассмотренная концепция. Из механистического об'яснения воздействия внешних вещей на осязающее тело следует, что внешние тела суть причины внутренних движений. Ничего, кроме движений, в организме эти причины обусловить не могут, ими об'яснимы только механические реакции. Но каким образом внешние вещи из механических причин становятся об'ектами? Каким образом происходит то, что организму не только причиняется движение, но им воспринимаются и причины этих движений? Механицизм об'ясняет, почему в теле А происходят пространственные перемещения благодаря телу В, но он бессилён ответить на вопрос о том, каким образом действие внешних тел не исчерпывается их двигательной силой, каким образом сверх нее в движимом возникает образ двигателя, как механические факты перерастают в факты познания, как на основе механистической психологии возвести гносеологию. Вопрос о том, как вместе с движением возникает и идея причины движения, легко об'ясняемый спинозизмом, здесь неразрешим. Перехода от внешнего тела как причины к внешнему телу как к об'екту познания нет. У тела есть способность к приятию движения, но не к восприятию его.

Далее. Чувственные качества суб'ективны в том смысле, что они продуцируются не вызывающим ощущение телом, а телом, осязающим, они порождаются органами чувств. Но устраняется ли проблема благодаря перенесению их с механического об'екта на механический суб'ект? Ни в какой степени. Движения жизненных духов или движения органов чувств могут породить лишь новые движения же, но не более того, не качества. Все шесть органов чувств не могут породить ни одного качества, а только новые серии бескачественных движений. Качества не суть свойства воспринимаемого об'екта, но они не могут возникнуть и в воспринимающем суб'екте, поскольку таковой сам не более, чем механический об'ект, одно из тел. Если бы сознание и было об'яснено учением о качествах, то учение о качествах необ'яснимо, если не допустить... сознания как особого свойства материи, способного создавать качественность. Учение о суб'ективных качествах мыслимо лишь при немеханическом понимании суб'екта, т.е. при прорыве замкнутой механистической системы.

Понимание сознания как явления, как феномена упирается в вопрос о сущности и возникновении явления, феноменальности. Гоббс это отлично понимает. «Из всех знакомых нам феноменов или

явлений самым замечательным является самый факт существования явлений, самый факт этого *то факт*. Если мы познаем принципы вещей только благодаря явлениям, то в конце концов принципом познания этих принципов является ощущение»¹. Последующее сведение проблемы сознания к воспоминанию создаст лишь *circulus vitiosus*. Сознание—одно из чувственных качеств, а чувственные качества—проявления сознания.

Тупик, к которому приводит учение Гоббса о «суб'ективности» сознания, выражает собою разрыв между сущностью и явлением. Монизм сохраняется благодаря пониманию единства физического и психического, как единства сущности и явления; но это единство недостаточно прочно. Явление должно быть выводимым из сущности. «Существование есть только проявление сущности, или мир явлений»². У Гоббса же явление исключается его сущностью. Механическая сущность тел не заключает в себе возможности своего обнаружения в качественных явлениях. От тел нет перехода к их обнаружению в форме явлений. Сама сущность должна дать своему проявлению существование, в ней должно иметь явление основание своего бытия. «Явление обнаруживает только то, что есть в сущности, и в сущности нет ничего, что бы не обнаруживалось»³. У Гоббса антиномия неразрешима, так как явление противопоставляется сущности, но не может быть определяемо ею (своей сущностью). Попытка такого решения проблемы сознания грозит дуализмом сущности и явления, формы и содержания. Явление грозит превратиться в беспочвенный призрак, которому нет места в реальном, физическом мире.

Это сказывается у философа в разрыве, существующем между механикой и физикой, между наукой о сущности вещей и наукой о явлениях. Гоббс в состоянии в физике раскрыть явления, сводя их к движению, он в состоянии разоблачить ощущение этого носителя качеств, обнаружив его истину в движении, он умеет об'яснить качества и сознание как явления, сущность которых лежит вне физики. Но он не может совершить обратного перехода—от механики к физике. Он не в состоянии вывести из механической сущности вещей их явления, об'яснить, в силу чего сущности являются. Констатируя данность сознания, понимая его зависимость, вторичность, он не в силах вывести его из мира об'ективной реальности. Истина физики в механике, но механика должна об'яснить возможность физики. Гоббс этого не сделал. Его дедуктивная цепь разрывается при переходе к физике. Вступает в свои права индукция⁴. Он отправляется от данных сознания, но не может в соответствии со своей методологией обосновать дедуктивно не только необходимость, но и возможность этой данности, как факта немеханического порядка.

Как ни кажутся учения современных рефлексологов воскрешением учения Гоббса на более высокой естественно-научной основе, все же

¹ «De corp.», XXV, § 1.

² Гегель. Энциклопедия. Логика, § 131.

³ Ibid., § 139.

⁴ Cp. G. Sortais. Op. cit., p. 401 sqq.

нужно отметить, что изложенное понимание психической жизни не влечет, однако, за собой отрицания значения суб'ективно-эмпирических данных для психологии, не влечет за собой отвержения пользования интроспективным материалом в научной психологии. Материализм Гоббса не только не исключает такой метод, но и не заслуживает упрека в недооценке его, пренебрежении им. Ощущение есть явление, один из феноменов, самый замечательный из феноменов. Наука, изучающая феномены, есть физика, ее об'ект—содержание нашего опыта и само сознание в том числе. Эмпирическая психология, таким образом—часть физики, подобно тому как об'ективно-физиологический субстрат психических явлений—часть механики. Здесь не двойственность предмета, а методологическая двойственность¹. Наука о бытии идет конструктивно-дедуктивным путем от определенных к явлениям или аналитическим путем, исходя из эмпирических данных, из явлений, подвергая содержание непосредственного опыта рациональной обработке, вычитанию. Допустимо ли с точки зрения Гоббса элиминировать в научной работе суб'ективные данные? Ни коим образом. Во-первых, они являются об'ектом изучения целой научной отрасли—физики, включающей психологию; отвлечься от них значит отвлечься от этой науки, от об'екта ее изучения, от об'яснения явлений как явлений. Во-вторых, они не только об'ект изучения, но и исходный пункт и притом единственный для продвижения к познанию метэмпирического, об'ективного мира. Духовные явления—лишь явления, реальностью которых суть некоторые физические процессы. Но из учения Гоббса, которое не было феноменализмом (что достаточно четко выяснено А. М. Дебориным в его «Введении в философию»), не только не следует, что различия восприятий ни в какой степени не характеризуют реальных различий их об'ектов, но, наоборот, из критического материализма Гоббса следует прямо противоположное, т. е., что хотя формы восприятия обусловлены суб'ектом восприятия, но они на суб'ективном языке воспроизводят реальные различия в вещах, что специфические восприятия не идентичны, но соответствуют специфическим механическим материальным процессам, их вызывающим. Восприятия суб'ективны не в том смысле, что они не отражают внесуб'ективных процессов, а в том, что отражают их не тождественно, а в чувственно-определенных преломлениях. Если истина света, звука и т. д. не дана в непосредственном восприятии, то путь к ней возможен через это восприятие, через его анализ и критику, при помощи его рациональной обработки, путем отвлечения от преломляющей суб'ективной обработки. То же самое относится и к сознанию сознания. Непосредственное самосознание не дает истины сознания. Но отсюда вовсе не следует отрицание значения самосознания в научном исследовании. Путь науки ведет через критический анализ суб'ективно-эмпирических данных самосознания

¹ О взаимоотношении рационализма и эмпиризма в учении Гоббса см. ст. А. Деборина в рус. пер. «Избр. соч.» Гоббса. См. также М. Frischeisen-Köhler, Zur Erkenntnislehre und Metaphysik des Th. Hobbes (Zeitschrift für A. Riehl, Halle, 1914).

к познанию об'ективной реальности его, к познанию его как движения. Этот метод не противопоставляется об'ективно-физиологическому изучению, а дополняет его. Высказанное мною соображение не дедуцировано из основоположений психофизического учения Гоббса, а воспроизводит его подлинные взгляды. «Ведь причины душевных движений мы познаем не только путем научных исследований (под последними здесь разумеются геометрия и механика.—Б. Б.), но также из собственного опыта, когда мы даем себе труд наблюдать наши собственные чувства»¹. Главу XXV «De corpore», посвященную психологии, он начинает с указания, что наряду с рациональным методом, которым он пользовался при изложении основ философии, правомерен и эмпирический метод, исходным пунктом которого является «явление и действие природы, данное нам в чувственном созерцании». Таким именно путем идет он к пониманию того, что ощущение есть движение. Одно об'ективное исследование, исследование *другого*, было бы недоступным без предварительного суб'ективного наблюдения. Последнее как бы дает алфавит для прочтения неизвестного наречия². Понять суб'ективное в его об'ективности, разумеется нельзя, минуя наблюдение суб'ективного. Задача состоит не в отказе от суб'ективных данных сознания, а в рациональном преодолении их суб'ективности, в познании их об'ективного субстрата, отправляясь от них. Мы остановились на этом вопросе, имея в виду актуальность аналогичной проблемы в современной науке. При всей своей материалистической последовательности, при всей своей механичности, несмотря на неумение постичь диалектику суб'екта-об'екта, учение Гоббса отнюдь не грешило тем, чем грешит ныне эмпиризм и, отчасти, рефлексология. Гоббс не был их предтечей.

Точно так же не применим по отношению к учению нашего философа и термин вульгарный материализм. Если этим термином желают выразить недialeктичность гоббсова материализма, то эта совершенно правильная по существу оценка с успехом может быть выражена понятиями механический и метафизический материализм. Термина вульгарный или наивный материализм употреблять по отношению к гоббизму не следовало бы, чтобы не смешивать его учения с материализмом совершенно иного типа, с материализмом Кабаниса и особенно Фогта.

Гоббс не только ушел далеко вперед от психологических основоположений атомистического материализма, с его материальной душой, состоящей из круглых, гладких и подвижных атомов, к бессубстанциональной психологии, психологии безо всякой души, но учение Гоббса о психике радикально отличается и от названных вульгаризаторов материализма, для которых мысль является секрецией мозга (Кабанис), относится к нему, как желчь к печени или моча к почкам (Фогт). Для Гоббса неприемлемо понимание мысли как особого тела, особого вещества наряду с другими физическими веществами. Мысль

¹ «De corp.», VI, § 7.

² «Левифан», 3.

не тело, не одно из тел, а акциденция тела, притом акциденция в ее суб'ективности; а в своей об'ективности она не *вещество* и не мысль, а сложная форма движения вещества, механическая акциденция тела. Смешение вульгарного материализма с механическим и критическим материализмом Гоббса есть непонимание различия между двумя видами материализма. Вульгарный материализм, с точки зрения Гоббса, базируется на логической ошибке, он является «ложным предложением первого вида», когда абстрактные имена связываются с конкретными, имена тел—с именами акциденций.

Итак, для Гоббса душа не только не тело, но и не об'ективное свойство тела. Он исходит из сделанного им в возражении Декарту вывода о материальности суб'екта мышления. Но вопрос о взаимоотношении материального суб'екта и его акциденции—мышления—не получил у него решительного и определенного ответа. Вызревшему в недрах его системы и изложенному нами заключению о суб'ективной акциденциальности сознания он не дает окончательной санкции, так как понимает, что тайна акциденциальности в свою очередь сводится к проблеме сознания, что психологии, понимаемой как глава физики, противостоит физика, мыслимая лишь как надстройка над психологией. Но Гоббс не становится и на противоположную точку зрения, так как это поставило бы перед ним неразрешимую проблему выведения психологии во всей ее суб'ективности непосредственно из механики, что исключается последней. Не давая окончательного однозначного решения проблемы, философ, однако, ограничил пределы, в которых следует искать ее решение, ограничил последнее непреложными условиями. Этими условиями являются, во-первых, *единство* ощущения как материального процесса с ощущением как суб'ективным состоянием. Ощущение *есть* движение. Во-вторых—*различие* ощущения, как об'ективного материального процесса и ощущения как суб'ективного состояния. Величайшей заслугой Гоббса является приведение им психофизической проблемы к этой антиномии, к пониманию ощущения как тождества, содержащего различия. Искажением учения Гоббса являются утверждения о том, что он элиминирует психику, суб'ективность, что ощущение для него есть абсолютное тождество в движении. Мы полагаем доказанным, что Гоббс, понимая тождество, не упускал из виду и различия. Имеющиеся у него тенденции решения психофизической проблемы представляют собою варианты решения ее в пределах указанной антиномии.

Не дав окончательного решения проблемы, об'яснения сознания, он, однако, считает сознание непреложным фактом и исходит из него во всей его специфичности в ряде своих построений, никогда не забывая, однако, о материальном субстрате процессов. Мы остановимся здесь на одном из таких построений, в котором Гоббс остается в сфере суб'ективности—на проблеме взаимоотношения сознания и памяти. Выше мы указывали уже, что философ усматривает теснейшую связь между этими двумя явлениями: он сводит проблему самосознания к проблеме сознания, а самосознание отождествляет с памятью—тим шестым чувством. Рассмотрим ближе это соотношение.

Когда Гоббс после доказательства тождества ощущения с противодействием устанавливает различие между противодействием и ощущением, различие, на котором покоится деление тел на одушевленные и неодушевленные, он дает специфическое определение ощущения, в отличие от реакций неодушевленных тел. «Если бы даже противодействии неодушевленных тел и порождало у последних впечатление...»—начинает он свое рассуждение, указывая этим на наличие впечатления как на первую *differentia specifica* ощущения. Но только на первую, так как противодействие, сопровождающееся впечатлением, еще «не имеет решительно ничего общего с тем ощущением, о котором я сейчас говорю»¹. «Ничего общего»—это, конечно, сильное преувеличение, но оно характеризует стремление философа отделить существенное отличие духа от материи. Каков же искомый признак ощущения? «Под ощущением,—раз'ясняет Гоббс,—мы обыкновенно понимаем суждение об об'ектах на основании представления о них, т.е. суждение, основанное на сравнении и различии впечатлений»². Здесь Гоббс пользуется понятием ощущения, содержащего отображение об'екта, понятием, которое, как мы показали выше, необ'яснимо из его анализа ощущения. Специфический признак ощущения, устанавливаемый им,—сравнение и различие впечатлений. «Чувственное ощущение поэтому предполагает всегда известное разнообразие впечатлений, при котором можно отличить одно от другого... Ибо ощущать неизменно одно и то же и ничего не ощущать означает в сущности то же самое»³. Таким образом, ощущение становится ощущением через свое отношение к другим ощущениям, множественность ощущений как условие их сравнения и различия дает единичному ощущению его определенность. Ощущение становится самим собой благодаря своей причастности к связи ощущений, к их совокупности. Само по себе, без этой совокупности, оно неспособно быть ощущением. Комплекс ощущений является условием единичных ощущений. Целое определяет свои части⁴. Нельзя не вспомнить в этой связи следующих строк из гегелевской «Логики»: «Содержание есть целое и существует только благодаря своему противоположному—частям. Части различаются и образуют самостоятельные элементы. И при всем том они таковы только благодаря тождеству соотношения, соединяющего их, или потому, что их совокупность образует целое... Все, что существует, находится в соотношении с другими, и эта связь существеннее, или истиннее всех предыдущих определений предмета»⁵.

¹ «De corp.», XXV, § 5.

² Ibidem.

³ Ibid. См. об этом у Grau. Op. cit., S. 91.

⁴ Этот вопрос тщательно освещен у R. Hönlwald. *Hobbes und die Staatsphilosophie* (München, 1924). Однако, руководствуясь стремлением превратить Гоббса в предтечу Лейбница и Канта, он искажает механическую сторону его учения, логицирует ее; на основании учения о памяти Hönlwald заключает об автономности сознания, а жонглируя с замечанием Гоббса о являемости, превращает последнего в суб'ективного идеалиста.

⁵ Гегель. Энциклопедия. Логика, § 135.

Таким образом Гоббс утверждает, что ощущение приобретает свою определенность лишь благодаря принадлежности к совокупности ощущений, делающей возможным сравнение и различие. Но «сущность ощущения не позволяет, чтобы многие вещи были одновременно ощущаемы». Возможность этой множественности должна быть об'яснена памятью, «дающей нам возможность сравнивать предыдущее с позднейшим и отличать одно от другого». Память же об'ясняется сохранением следов движений в ощущающих органах. Отсутствие памяти, характеризующее неодушевленные тела, об'ясняет отсутствие у них ощущений в собственном смысле слова. Не только память есть наслоение ощущений, но и, наоборот, ощущение есть детище памяти¹. Память—этот шестой орган чувств—условие сознания. Если, как мы указывали раньше, память через сознание сознания сводилась к сознанию, то здесь сознание сводится к памяти. Но, конечно, и это не дает решения психофизической проблемы, так как отношение «ощущение—память» остается в пределах суб'ективности, имея своим субстратом отношение «движение—следы». Вопрос о соотношении между тем и другим рядом здесь не ставится по-новому. Сохраняется неразрешимое для Гоббса тождество, содержащее различие—материальные следы движений тождественны с суб'ективным процессом—памятью, обуславливающей сравнение впечатлений. Память—условие сознания, но память есть уже и явление сознания. Без сравнения ощущений нет ощущений, но без ощущений нет и их сравнения.

Изложенное учение Гоббса о памяти нельзя недооценивать при определении его места в истории ассоциационизма. Традиционная оценка его ассоциационизма, как строго-номиналистического, как учения об эмпирическом и механическом следовании и сцеплении отдельных ощущений нуждается в существенном коррективе. У Гоббса, как мы видели, не только отдельные ощущения, сцепляясь, образуют комплексы, не только ассоциационные принципы «из регуляторов следования друг за другом отдельных, представляющих самостоятельные целые, духовных состояний становятся конститутивными принципами синтеза новых высших более сложных состояний, из которых каждое, несмотря на сложность своего состава, представляет некоторое единое целое»², но и обратно—эта связь является конститутивным моментом по отношению к своим составным частям, через эту связь единичное ощущение получает свою определенность, становится самим собой³. Не только единичные ощущения определяют более сложные психические образования, но и сами определяются благодаря своей принадлежности к совокупности. Здесь мы

¹ Отметим попутно, что сведение сознания к памяти сохраняется и в некоторых современных психологических теориях. См., напр., Х. Инженерос. Введение в психологию, гл. VII, § 2.

² Проф. В. Н. Ивановский. Очерк истории ассоциационизма, стр. 55.

³ В главе о Гоббсе цитированного обстоятельного исследования проф. В. Н. Иванова, любезно предоставленного мне уважаемым автором, эта сторона вопроса осталась незамеченной.

имеем у Гоббса взлет мысли, возносящей его над чистым механицизмом и номинализмом. По отношению к этой мысли учения многих представителей последующего классического ассоциационизма были шагом назад. Даже нынешним рефлексологам с их механическим суммированием рефлексов есть чему здесь поучиться у Гоббса.

Ощущение в его специфическом отличии от простого механического противодействия является водоразделом между одушевленными и неодушевленными телами, т.е. представляет собою *differentiam specificam* животных. Остановимся в нескольких словах на вопросе о том, как понимал мыслитель различие между психической жизнью животных и человека. А priori можно, конечно, сказать, что никаких следов картезианской пропасти между животным и человеком здесь быть не может: ощущения, сознание, равно присущи им. Человек определяется Гоббсом как животное, одаренное разумом. Разум же—«не что иное, как понимание, порожденное речью». Поэтому, если речь, как кажется, составляет исключительную принадлежность человека, то и разум свойственен ему одному»¹. К этой мысли, предвосхищающей концепцию современного бихевиоризма о том, что разум есть лишь функция речи, и что наличием последней обуславливаются все отличия человека от остальных животных—Гоббс неоднократно возвращается. «В человеке нет иного движения, кроме ощущения, представления и последовательности мыслей. Но при помощи благодетельного дара слова и правильного пользования этими способностями они могут быть развиты до того, что человек посредством их может отличаться от всех прочих животных»². Утверждение и отрицание, суждение, умозаключение, понятие истинного и ложного—следствие этого не свойственны животным, так как все эти проявления рассудка возможны благодаря именам, будучи восприятиями и комбинациями имен. Несвязанные же с речью духовные способности присущи в равной мере и животным. Впрочем, есть и одна страсть, отличающая человека от животных, это страсть—любопытство. Но и это отличие возникло благодаря способности накапливать знания при посредстве опыта, находящейся в тесной зависимости от способности именовать вещи, образовывать понятия и предложения. Итак, об'яснение разума сводится к об'яснению происхождения имен (меток и знаков вещей) и речи. Но сколько-нибудь вразумительного об'яснения происхождения речи Гоббс не дает. В тех случаях, когда он не уклоняется от ответа кивком на бога, он ограничивается указанием, что имена не могли возникнуть как нечто естественное, что вещи получили обозначение не из соответствия с природой, а также не из договора, а могли возникнуть лишь как результат произвола первых людей. Это об'яснение, очевидно, неудовлетворительно. Воля к именам предшествует именам, а следовательно и разуму. Отсутствие этой воли у других животных не об'яснено. Конструкция эволюции духовных способностей является последовательной и стройной, но

¹ «De Homine», X §§ 1 и 2. Ср. «Левифан», стр. 25—6.

² «Левифан», стр. 18.

не до конца обоснованной; в этом пункте она имеет значительный пробел. Гефдинг правильно замечает по этому поводу¹, что гоббсов ассоциационизм содержит в себе зародыш более совершенной гипотезы, нежели высказанная им. Однако произвольность и условность наименования имеют большое значение для его теории познания. В этом пункте системы Гоббса поворотный пункт от эмпиризма к рационализму. Здесь мы у порога новой большой проблемы, требующей особого исследования.

Учение Гоббса—каковы бы ни были его недостатки—было учением последовательно-материалистическим. Но материализм его был последовательно-механистическим.

Материализм Гоббса «делается аскетом», мир «теряет у него свои цвета, он выступает в виде рассудочного существа, *но зато* он последовательно развивает все выводы рассудка» (Маркс).

Будучи последовательным материализмом, учение Гоббса не было последним словом материализма. Чтобы развенчать дух, Гоббс лишает мир его качественной многоцветности, превращает все явления в «абстрактные явления геометра». Но обескровленный мир мстит за себя. Изгнанная из мира качественная многогранность переносится на суб'ект. Человеческие чувства становятся носителем и творцом всего качественного многообразия природы. Они из умерщвленной плоти формируют вселенную по образу и подобию своему. Вновь обретший свою творческую мощь суб'ект проявляет стремления к безграничному расширению своего могущества. Он склонен и последнее об'ективное качество—протяженность—превратить в форму созерцания; он хочет поглотить самую телесную субстанцию, растворив ее в деятельности сознания. Материю, лишенную качественного многообразия, грозит превращение в одно из качеств духовного многообразия, носителем которого является суб'ект. Таков грозящий механическому материализму путь перерождения, превращения в собственную противоположность, в суб'ективный идеализм. Иммунизировать материализм от этой опасности можно лишь путем прививки ему диалектического метода.

Б. Быховский.

¹ Н. Höfding. Op. cit., p. 289.

О ДУХЕ МАРКСИЗМА И О БУКВЕ ЕГО

Тов. Франкфурт выступил в сборнике «Проблемы современной психологии» со статьей «В защиту революционно-марксистского взгляда на психику» против брошюры проф. Челпанова «Психология и марксизм», в коей Карл Маркс был изобличен во всех «изма», как существовавших древле, так и ныне здравствующих (преимущественно за границей), а именно: в идеализме, спиритуализме, эмпирическом дуализме, суб'ективизме, позитивизме и спинозизме-гилозоизме. Франкфурт легко разбил все эти обвинения, легко разоблачил челпановские извращения марксизма, кроме обвинения в спинозизме-гилозоизме. Утверждение проф. Челпанова, что основоположники марксизма, последовательные диалектики-материалисты во всех областях знания, допустили в психологии спинозистский уклон вполне справедливо. И вместо того, чтоб признать: 1) что действительно в психологии взгляды основоположников марксизма являются спинозизмом-гилозоизмом, что противоречит как основным принципам диалектического материализма, так и твердо установленным анатомо-физиологическим фактам; 2) что, если в свое время психологические воззрения Маркса, Энгельса и Дицгена имели почву под собой, то в настоящее время этого нет,—Франкфурт защищал традиционномарксистские взгляды на психику во что бы то ни стало, т. е. защищал букву марксизма во вред духу его, во вред основным его принципам.

Действительно ли психологические воззрения марксизма—спинозизм? Плеханов утверждает: «никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознание к движению и не об'яснял одного другим. Если материалисты утверждали, что материя способна ощущать и мыслить, то эта способность материи им казалась таким же основным, а потому и необ'яснимым ее свойством, как и движение. Сознание, следовательно, так же изначально, как и движение материи; оно отличается от этого последнего и не может быть сводимо к нему». «Психологические состояния есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление» (психофизический параллелизм, об'единяющий в одной субстанции и психические и физические свойства).

«Для этого (диалектического) материализма дух—собирательное слово для духовных явлений, как материя—собирательное слово для

материальных явлений, а то и другое вместе фигурируют под названием явлений природы» (Дицген).

Ленин признает, что «в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением».

Яснее же всего выявляется справедливость разбираемого утверждения Челпанова из оригинальной защиты невинности и чистоты марксизма от спинозизма тов. Франкфуртом: «Итак, по Плеханову, Маркс не тип спинозиста, а род спинозиста, но ведь род и тип не одно и то же. Тип включает в себе все характерное, типичное, а род отличается от других родов, будучи им и родственным». «Марксизм освободился от *целой половины спинозизма—от бога* в природе». Но разве самое важное в спинозизме было обожествление природы? Разве самым важным не было утверждение о существовании некоей об'ективной реальности, обладающей психическими свойствами, с одной стороны, и материальными свойствами, принципиально отличными от психических,—с другой, причем эти два ряда свойств совершенно не зависели друг от друга? Стало быть и Франкфурт признает, что половина спинозизма в психологических воззрениях Маркса сохранилось. В чем же суть этой половины. Франкфурт разъясняет: «Дух, духовные, психические явления—есть явления природы *наряду с явлениями материальными; сознание* есть такое же *основное, изначальное, необ'яснимое* свойство материи, как и движение; сознание есть такое же естественное природное свойство материи, как и движение, но свойство, отличающееся от движения, не об'яснимое движением и поэтому не сводящееся к движению».

Какое же здесь отличие от спинозизма? Только одно—отсутствии обожествления природы, суть же спинозизма—признание двух независимых друг от друга рядов явлений, являющихся атрибутами единой субстанции, сохранена полностью. Плеханов также не указывает других отличий.

Столь же ретиво и столь же неудачно защищал Франкфурт Маркса от обвинения в гилозоизме, т. е. в одушевлении всякой материи. Франкфурт доказывает цитатами из Ленина, что марксизм считает одушевленной только организованную, органическую материю. «Ощущение есть функция определенным образом организованной материи» (Ленин, т. X, стр. 46). Однако на стр. 30 того же тома Ленин пишет: «В фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование способности, *сходной* с ощущением. В *ясно* выраженной форме ощущение—функция организованной материи». «Следовательно», заключает Франкфурт, «не всякая материя одушевлена, у неорганической материи имеется только *сходное* свойство». Каково же это «сходное» свойство? Нужно понимать, что это наиболее элементарное, «неясное» психическое свойство, все-таки не сводимое к движению, иначе в чем было его сходство с ощущением. Но как бы ни было оно элементарно и неясно, оно все же психическое явление. Следовательно, Челпанов прав, марксизм в своих психологических воззрениях—гилозоистичен, т. е. наделяет материю до самых ее

элементов психическими явлениями, пусть самыми элементарными. Тем не менее остается неразрешимым вопрос: какое психическое явление или сходное с ним может быть элементарнее ощущения? Ведь ощущение самое *простое, простейшее* психическое явление. Очевидно, что на основании упомянутых цитат Ленина отвергать гилозоизм в психологических воззрениях марксизма—невозможно, тем более, что все марксисты считают сознание основным, изначальным и первичным свойством материи. «Сознание так же изначальное, как и движение материи» (Плеханов). «Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение. Не одно только механическое движение, но и движение как *жизненный дух, как стремление*. Первичные формы материи суть неотъемлемо ей присущие живые силы» (Маркс). Как совместить, что психика, сознание—основное, изначальное, первичное свойство материи с тем, что ощущение—функция определенным образом организованной материи, а не всякой, как это должно было бы быть, если сознание—действительно основное изначальное свойство материи? Между этими словами Ленина и воззрением его предшественников существует явное противоречие. Ленин начал отходить от гилозоизма, так как анатомия и физиология нервной системы выяснили связь психики с мозгом и выявили тем ненаучность гилозоизма.

Итак, психологические воззрения основоположников марксизма являются спинозизмом-гилозоизмом. Совместимо ли это учение с основными принципами диалектического материализма? Задача настоящей статьи—доказать, что спинозизм и гилозоизм с марксизмом не совместимы.

Во времена Маркса и Энгельса анатомия и физиология центральной нервной системы только начинали свое шествие по пути побед, а психология находилась в состоянии еще более печальном, чем ныне. Естественно, что Маркс, в противовес упрощенческим тенденциям наивных материалистов, должен был ограничиться внешним монизмом—так как никаких естественно-научных оснований для сведения и об'яснения сознания движением у него не было. Возможно, что здесь было влияние идеализма Гегеля, вследствие коего в молодости Маркс был идеалистом (его диссертация была строго идеалистична). Иное положение теперь. Мы имеем ионную теорию возбуждения, а возбуждение очень близко к ощущению. Мы имеем теорию Эйнштейна, которая, как показал проф. Семковский, есть математическое изложение и доказательство основных принципов диалектического материализма (хотя и была встречена марксистами недостаточно доброжелательно и до сих пор недостаточно использована философией марксизма). В наши дни достигло максимального развития учение Павлова, об'яснившее механизм нервных явлений и некоторые условия возникновения психических. Наконец имеется теория Джемса-Ланге, подкрепленная ныне психоневрологией и дающая при синтезировании с учениями Павлова и Лазарева возможность решить основные проблемы психологии (см. мою статью «Попытка обобщения теории Джемса-Ланге»).

Ведь марксизм не есть нечто застывшее, неподвижное. Он развивается, перестраивается, совершенствуется. «Материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием в естествознании». Перечисленные выше великие открытия Эйнштейна, Лазарева и Павлова еще недостаточно использованы марксизмом и должны совершенно перестроить психологические воззрения марксизма, так как пока эти воззрения находятся в противоречии с его основными принципами.

Из приведенных же слов Энгельса явствует, что надо охранять не букву марксизма, не каждую фразу его классиков, не отдельные их теории, когда таковые приходят в противоречие с научными фактами, а дух марксизма, его основы, перестраивая их в соответствии с достижениями науки.

В чем противоречие спинозизма-гилозоизма с марксизмом?

1. В настоящее время можно считать твердо установленным, что психические явления—функция нервной системы, что они появляются с появлением нервной системы и развиваются параллельно с ее развитием. Совершенно определено, что низшие организмы, не имеющие нервной системы, лишены психических способностей, и их реакции на раздражения являются физико-химическими (коллоидными) реакциями, лишенными всякого смысла и всякой сознательности. Даже имеющие хорошо развитую нервную систему насекомые (муравьи и пчелы) большинство своих самых важных действий совершают по типу безусловных рефлексов, т. е. бессознательно, и потому часто во вред себе. Больше того, даже высшие животные и человек совершают свои действия в большинстве случаев рефлекторно, т. е. бессознательно, не получая при этом никаких ощущений (бессознательное мышление; бессознательные, автоматизированные движения и т. д.). Итак, даже низшие живые организмы лишены психики. Каким же образом неорганическая материя может быть наделена способностью хотя бы только «сходной» с ощущением? Психические явления, происходящие в человеке и в животном, если не непосредственно, то косвенно поддаются наблюдению и изучению; почему же в неорганической материи до сих пор никто, кроме философов, не заметил сознания или хотя бы элементарнейшего ощущения, или хотя бы только «сходной» способности. Совершенно необъяснимо, почему психические явления, являющиеся якобы изначальными и первичными свойствами материи, часто отсутствуют даже в процессах такого высокого порядка, как мышление (бессознательное мышление является заторможенной речью, т. е. цепью заторможенных условных рефлексов в двигательных областях коры мозга).

Говорить о том, что существует бессознательная или подсознательная психика после Рибо не приходится, так как основная разница между психическими и материальными явлениями заключается в том, что первые поддаются «непосредственному» интроспективному изучению, тогда как вторые не поддаются, подсознательные же явления, как это ясно из самого термина, интроспекции не поддаются (иначе они не были бы бессознательными), что вполне понятно, так как бес-

сознательное мышление, бессознательное движение, бессознательное пение и т. д.—не психические явления, а нервные, т. е. физико-химические явления, протекающие в нервной системе и могущие стать сознаваемыми при некоторых условиях (торможение условных рефлексов).

Формулу Ленина «психика есть функция организованной материи» надо рассматривать как попытку встать в соответствие с физиологией и отойти от гилозоизма первых марксистов. В самом деле, организованная материя отличается от неорганизованной только сложностью строения и количеством движений и изменений, которые в ней происходят и которые обуславливают все ее свойства—и физические, и химические, и биологические. Следовательно, появление изначальных психических свойств, а также многих вторичных—физических и химических—в организованной материи связано и обусловлено усложнением и увеличением движений в такой организованной материи. Чем сложнее по своему строению материальное тело (электрон→атом→молекула неорганического вещества→молекула органического вещества→молекула белковая), тем сложнее движения, в нем происходящие, тем их больше, тем точнее реагирует данное тело на изменение среды и т. д. Все явления природы сводятся к движению: теплоты—беспорядочное движение молекул, электрический ток—упорядоченное движение электронов, возбуждение—движение ионов по нерву, свет—движение в эфире и т. д. А вот психические явления движением материальных частиц якобы не объяснимы. И в то же время Франкфурт уверяет, что «марксизм рассматривает одушевленность как своеобразие, но естественное, природное свойство материи, ничем принципиально не отличающееся от других физических или химических свойств материи». Но все химические и физические свойства материи Франкфурт согласен объяснять движением, согласен считать результатом усложнения строения материального тела и усложнения движений, в нем происходящих, тогда как психические явления он отказывается объяснить движением. Неужели твердокаменный марксист Франкфурт не видит здесь никакой принципиальной разницы? Не видит, что противоречит самому себе, становясь на точку зрения не-марксистскую, по его мнению, приравнивая психические явления к материальным явлениям, сводимым к движению.

Оригинально, что в то время как марксисты наделяют психическими функциями даже «фундамент здания материи», рефлексологи протестуют против перенесения на животных человеческих свойств, т. е. психики, и объясняют все поведение животных только рефлексами.

2. По теории Эйнштейна материя обладает одним только основным и неотъемлемым свойством—движением, а формами движения являются время и пространство. «Движущееся материальное тело создает свою геометрию и свое время». Это вполне согласуется с основным пунктом диалектического материализма, что время и пространство—формы бытия материи, а не категории нашего мышления, как утверждал Кант. Так как нет материи без движения и нет движения без времени и пространства, то вполне понятным явилось учение Эйн-

штейна о четырехмерном пространственно-временном континууме, т. е. о необходимости постоянно учитывать неразрывную связь пространства и времени, исходя из чего Эйнштейн получил блестящие практические результаты в астрономии. В это же время марксисты (в частности Бухарин и Франкфурт), которые, по мнению проф. Семковского, должны признать теорию Эйнштейна в ее основе, утверждают, что психические явления протекают во времени, но они не протяженны, не занимают места в пространстве, в отличие от физических явлений, т. е. разрывают неразрывную связь между пространством и временем. Как указано, марксисты согласны, что психические явления протекают во времени, но время—одна из основных и неотъемлемых форм движения, следовательно, психические явления обладают по крайней мере одной из форм движения, а потому должны быть сводимы и объясняемы движением. Но психические явления обладают и второй основной формой движения—они пространственны, хотя Бухарин и Франкфурт утверждают, в согласии с идеалистической психологией, обратное, что психические явления непространственны (точнее—непротяженны) в отличие от материальных. «Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве... (материальные явления). Другие не занимают места в пространстве. Такова, напр., человеческая мысль или ощущение» (Бухарин—«Исторический материализм», стр. 52). Однако твердо установлено, что психические явления происходят в мозгу, занимающем определенное место в пространстве, следовательно, они пространственны. Но, по Франкфурту, быть пространственным—это еще не значит занимать место в пространстве, т. е. быть протяженным, и хотя психические явления и пространственны, но они не занимают места в пространстве в отличие от материальных явлений. Доказывает он это тем, что колесо от станка (т. е. вращающееся около неподвижной оси) занимает одинаковое место и в неподвижном состоянии и в движении, следовательно, заявляет Франкфурт, движение колеса не занимает места в пространстве, но происходит в пространстве. То же и с психическими явлениями—они пространственны, но места в пространстве не занимают. К чему же пришел Франкфурт? Он начал доказывать отличие материальных явлений от психических и пришел к тому, что материальные явления, движения колеса, так же, как и психические явления, совершаются в пространстве, но протяжения не имеют. И это вполне понятно, так как занимает место в пространстве движущееся материальное тело, т. е. движущееся колесо, или атомы, перемещающиеся при психической деятельности в нервной клетке, а не само движение, не явление, какое бы материальное оно ни было, так как движение, явление, как таковое, без движущегося тела есть абстракция, не существующая в реальности, а стало быть и не обладающая реальными свойствами. Итак, место в пространстве занимает объективная реальность—движущаяся материя, а явление, как таковое, происходит в пространстве, а протяжения не имеет. Следовательно, психические явления и в этом от материальных не отличаются, т. е.

они происходят в пространстве и во времени, а так как время и пространство—формы движения материи, то психические явления являются особым видом материальных движений, происходящих в нервных клетках. Следовательно, «диалектика» Франкфурта, доказывающего, что быть пространственным и иметь протяжение—не одно и то же, привела к тому выводу, что материальные явления не имеют отличия от психических. Принципиальное же различие, принимаемое Бухариным, есть прямое следствие априорного утверждения идеалистической психологии об абсолютном различии между психикой и материей, какое утверждение основано исключительно на безусловном доверии и некритическом отношении к интроспекции,—методу, ценность которого считается, по меньшей мере, весьма сомнительной.

3. Наиболее современная теория физики, создавшая более точные формулы небесной механики, нежели формулы Ньютона и Кеплера (формулы коих являются ее частными следствиями), теория Эйнштейна, дающая возможность предвидеть и объяснить непонятные с иных точек зрения астрономические явления, являющаяся «математическим доказательством основных положений марксизма» (Семковский),—утверждает, что единственным основным изначальным свойством материи является движение во времени и пространстве. А марксизм, долженствующий базироваться на данных естествознания, утверждает совокупно со Спинозой, что материя обладает двумя основными изначальными свойствами—движением и сознанием. Если сознание или сходное свойство присуще всем материальным телам, то почему оно никак не проявляется и совершенно никакого влияния не оказывает на изучаемые физикой, химией и астрономией явления? Почему психические явления начинают оказывать свое влияние, изменяют течение материальных процессов только в высоко-организованных живых телах? Мы знаем, что психическая деятельность есть не только внутреннее переживание движущейся материи, но имеет свою цель—установление правильных взаимоотношений данного материального живого тела с внешней средой (недаром психические явления именуются теперь соотносительной и сочetalной деятельностью); психические явления помогают организму выработать адекватную реакцию, т. е. психические явления проявляются в изменениях материальной деятельности организма. Следовательно, если какое-либо материальное тело обладает психикой или ее подобием, то, конечно, самое психику мы не видим, но ее деятельность, приводящую к изменению материальной деятельности организма, мы должны бы видеть и учитывать. Однако никаких изменений, которые заставляли бы физиков и химиков объяснять вмешательством сознания явления в атомах и электронах, до сего времени подмечено не было. Следовательно, достаточно вместе с Эйнштейном признать за материей только одно изначальное свойство—движение.

4. Еще одним доказательством ошибочности традиционно-марксистской точки зрения является то, что психология, исходящая из несводимости психических явлений к движению, как неприкрыто-идеалистическая, так и якобы марксистская—обнаружила свое полное

бесплодие и непригодность: до сих пор нет определений основных психических явлений (сознания, воли и эмоции), благодаря чему между ними нельзя установить границ; до сих пор идет спор о том, что первичнее, чувственный тон или ощущение, и не установлены границы между этими явлениями; подмечен факт, что бессознательное мышление сильнее сознательного, однако об'яснить это явление психология не может; опыты академика Павлова с иррадиацией и концентрацией торможения совершенно непонятны с психологической точки зрения; совершенно невозможно отграничить психологически психические явления от нервных; вопрос о бессознательной психике до сих пор вызывает споры психологов; и психологи и рефлексологи признают важную роль торможения для возникновения психических явлений, однако об'яснить это они не могут, и т. д.

Психологические воззрения классиков марксизма и не могут не быть бесплодными, так как они ведут к агностицизму («Мы никогда не будем знать, каким образом возникают ощущения» (Плеханов)¹. Мы можем познать только то, что оказывает воздействие на наши органы чувств, т. е. то, что сводимо к движению, так как органы чувств— вещи вполне материальные и могут изменяться только от материальных воздействий; эти изменения органов чувств вызывают в нервной системе возбуждение (нервный процесс, электродинамическое явление), и тогда появляется ощущение (психическое явление); но психическое явление возникает, по мнению марксистов, не потому, что оно вызывается нервным явлением, а потому, что психическое явление есть неотделимая внутренняя сторона об'ективного мозгового процесса, следовательно, физические явления не влияют на психические, и обратно; эти явления только сопутствуют друг другу во времени. Но психические явления другого индивида непосредственно на наши органы чувств не влияют и посредством физических явлений влиять не могут, так как они во взаимодействии с физическими явлениями не состоят. Психическое состояние наблюдаемого на психическое состояние наблюдателя также не оказывает никакого воздействия, т. е. это была бы телепатия, передача мыслей на расстояние, которая и марксистами также отрицается. Выходит, что психические состояния можно познать только на самом себе. Но такое интроспективное познание не может дать ничего, кроме более или менее художественного описания внутренних переживаний, об'ективной проверке не поддающегося. Следовательно, законно сделать попытку об'ективного изучения психических состояний путем сведения их к движению. Это тем более законно, что *единственной причиной*, по мнению проф. Корнилова (см. его «Наивный и диалектический материализм»), мешающей марксистам сводить психику к движению, является то, что «это значило бы—отождествить психику с другими свойствами материи, т. е. отождествить сознание и бытие, что стоит в противоречии с основной теоретико-познавательной предпосылкой марксизма «единство суб'екта и об'екта, но не тождество их». Но разве сознание не

¹ Предисловие Плеханова к «Введению в диалект. материализм» Деборина.

является частью бытия? И разве отождествляются физические и химические явления друг с другом, хотя те и другие сводятся к движению? Не отождествляются, так как это *разные* движения. Так же и суб'ект не будет отождествлен с об'ектом, если мы сведем его к движению (так как это будет движение отличное хотя бы только количественно и по среде, в которой оно происходит, от всех других движений), подобно тому как движения, лежащие в основе физических явлений, отличны от движений, лежащих в основе химических явлений. Наконец, эта предпосылка совершенно априорное и необоснованное обобщение данных интроспекции, а потому к ней необходимо отнестись весьма критически и осторожно, а не ставить исходным пунктом для целой теории.

Когда мы сделали попытку изучать психику как движение, мы увидели, что все перечисленные вопросы и многие другие легко разрешить, если встать на противоположную спинозистско-гиллозистскому уклону традиционного марксизма точку зрения, если признать психические явления наравне с физическими и химическими следствием усложнения строения материи и усложнения движений такой материи; если сводить психику к движению, если считать ее не основным изначальным свойством материи, а процессом высокоорганизованной живой нервной ткани, возникающим только при определенных условиях, весьма сложных; если считать ощущения не способностью, хотя бы в слабой степени присущей фундаменту здания материи, а процессом сложной высшей нервной деятельности, возникающим при большем или меньшем торможении условных рефлексов (возможно, высших порядков); если считать нашу психику не неотделимым свойством об'ективных мозговых процессов, а самостоятельными, особого вида, об'ективными мозговыми процессами, так как имеется очень много высших мозговых процессов, протекающих бессознательно, т. е. без психики.

Изложенная точка зрения является последовательным диалектическим материализмом, так как она монистична, диалектична и материалистична.

Наши воззрения более монистичны, чем традиционно-марксистские (в психологии), так как они монистичны не только внешне (психика— свойство материи), но и по существу (единственное основное свойство материи— движение, а психические явления есть результат усложнения строения материи и движений ее). Мы признаем, что психические явления не только временны, но и пространственны, так же, как и физические, а протяжения ни те, ни другие не имеют.

Наша точка зрения более диалектична, нежели традиционно марксистская, так как марксисты, не желая об'яснять психику движением, вынуждены наделять психическими или «сходными» свойствами и неорганическую материю, т. е. отказаться от применения триады к развитию психики у высоко организованных существ. Мы же рассматриваем психические явления в процессе их появления и исчезновения в зависимости от торможения рефлексов (один рефлекс тормозится другим, вследствие чего энергия возбуждения, не находя

выхода на периферию, напр. в двигательный акт, попадает в ассоциативный центр Флексига, где трансформируется в психическое явление). Мы отрицаем наличие каких-либо психических явлений или им подобных у неорганической материи и считаем, что первое появление психических явлений было скачкообразным у существ, имеющих хорошо развитую нервную систему и способных к образованию условных рефлексов.

Наши воззрения более материалистичны, нежели традиционно-марксистские (в психологии), так как мы считаем психические явления пространственными и временными наравне с физическими и сводим их к движению, тогда как традиционно-марксистский взгляд хотя и признает психические явления свойством материи, тем не менее считает их в корне отличными от материальных явлений, так как они не сводимы к движению и не имеют протяжения в отличие от материальных явлений.

Из вышеизложенного явствует, как нам кажется, что психологические воззрения классиков марксизма, будучи спинозизмом-гилозоизмом, противоречат его основным принципам и что возможны психологические воззрения, вполне совместные как с основными принципами марксизма, так и с современными научными данными.

В заключение необходимо отметить еще одно явление, которое совершенно недвусмысленно указывает на необходимость пересмотра психологических воззрений классиков марксизма. Дело в том, что при практической экспериментально-психологической работе марксисты впадают в противоречие с своими философскими взглядами. В 1927 г. вышла в свет книга проф. Корнилова «Учение о реакциях». Проф. Корнилов придерживается традиционно-марксистских взглядов; однако в своей книге он употребляет такие выражения: «психическая работа», «физический эквивалент затраты энергии при усложнении психических реакций», «траты энергии при психической деятельности», «высоко-развитая мыслительная деятельность, требующая значительной затраты механической энергии». Но это — не главное. В результате 15-тилетней экспериментальной работы Корнилов установил «принцип однополюсной траты энергии»: «центральная (при психической деятельности. — М. О.) и периферическая (при рефлекторной деятельности. — М. О.) траты энергии находятся в обратном отношении друг к другу; чем более усложняется и становится интенсивной центральная затрата энергии, тем менее интенсивным становится внешнее выявление, движение, и обратно». Установив этот принцип, проф. Корнилов воздержался от его трактовки с точки зрения хотя бы закона о сохранении энергии и взаимоотношения с основными принципами марксизма. (Мы не знаем причины такого воздержания, но несомненно, что сотрудники-марксисты проф. Корнилова по руководимому им Государственному институту экспериментальной психологии, напр. Франкфурт, нещадно покрыли бы проф. Корнилова примерно в таком стиле: вы марксист, и вам непозволительно устанавливать принципы, которые могут быть истолкованы только при допущении, что психические явления сводятся к движению, что они —

не внутренняя неотделимая сторона об'ективных процессов, а самостоятельные своеобразные мозговые процессы.) Несомненно одно: дела проф. Корнилова — экспериментально-доказанный принцип однополюсной траты энергии — противоречат его философским убеждениям.

Принцип проф. Корнилова — частный случай закона сохранения энергии. Когда в орган чувства, напр. глаз, попадает раздражение, в нем освобождается некоторое, строго определенное, в зависимости от силы раздражителя, количество энергии, которое в виде движения ионов, по теории Лазарева, направляется по нервам в мозг, попадает в двигательный центр и переключается на двигательный нерв, — в результате — определенной силы сокращение мускула. Если же эта энергия возбуждения, вследствие непроходимости двигательного нерва (торможение рефлекса) остается в мозгу, она трансформируется в психическое явление (по всей вероятности, попадание иона в нервную клетку коры мозга вызывает в ней перегруппировку молекул). Если, как это делал Корнилов, предложить испытуемому одновременно производить и психическую и физическую работу, то физическая работа будет весьма ослаблена, и тем больше, чем сложнее психическая работа. Это происходит таким образом: задание экспериментатора воспринимается определенным участком мозга, вызывая в нем освобождение из скрытого потенциального состояния определенного количества энергии в виде движения ионов по нервным стволам. Если вся эта энергия пойдет только на физическую работу, таковая будет иметь одну величину, если же одновременно производится и психическая работа, напр. выбор рисунков, или мышление, то освободившаяся из возбужденного мозгового центра энергия будет распределена между зрительными или ассоциативными центрами и двигательными, вследствие чего величина физической работы сразу понизится. Только так можно истолковать принцип однополюсной траты энергии.

Но так как указанный принцип есть частный случай закона сохранения энергии, устанавливающего, что энергия не уничтожается и не образуется, а лишь один ее вид трансформируется в другой, — значит психические явления есть результат какой-то трансформации в нервных клетках коры мозга электродинамической энергии движения ионов, следовательно, они сводятся к движению и об'ясняются им.

Итак, экспериментальная работа проф. Корнилова, доказывая применимость закона сохранения энергии и к психическим явлениям, вызывает необходимость пересмотреть воззрения классиков марксизма. К этому же ведут работы сотрудников Государственного института экспериментальной психологии (см. Сборник «Проблемы современной психологии» под ред. Корнилова). В статье «Методика рефлексологического и психологического исследования» Выготский приходит к утверждению самостоятельного, об'ективного бытия психических явлений: «Сознание — только рефлекс рефлексов, т. е. рефлекс на раздражитель в виде заторможенного рефлекса. Но рефлекс, хотя бы и на другой рефлекс, в качестве раздражителя, — не внутренняя сторона об'ективного процесса, а об'ективный мозговой процесс высшего

порядка. Удивительно только то, что первая статья этого сборника, принадлежащая редактору его, проф. Корнилову, доказывает, что сводить психические явления к движению—наивный материализм, а ведь Выготский именно это и делает, сводя сознание к рефлексу.

* * *

Итак, чтоб избежать гилозоизма-спинозизма, надо отбросить пережитки идеалистической психологии, результат не критического отношения к интроспекции, показывающей нам, что психические явления абсолютно отличны от физических, и заставляющей сделать из этого необоснованный вывод, что и объективно психические явления к движению не сводимы. Только тогда наука разгадает тайну психической жизни, когда она будет базироваться и при изучении психики на законе сохранения энергии.

М. Окунь.

МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ «ДУХ» РЕВИЗУЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА

Статья т. Окуня интересна в трех отношениях:

Во-первых, и это самое важное, она представляет собой храбрый, мужественный наскок, поход с открытым забралом против «традиционного» марксизма Маркса-Энгельса, Ленина, Плеханова в области психологии, четкий, ясный призыв отказаться от их «старых», «отживших», «ненаучных», «идеалистических», «дуалистических», «противоречивых» диалектическому материализму взглядов.

Во-вторых, с формальной стороны, она представляет собой антикритику, ответ на нашу критику Челпанова, защиту «нетрадиционным марксистом» Окунем идеалиста Челпанова.

В-третьих, в идеологической борьбе на психологическом фронте, она открывает собой новую страницу, новую стадию.

Борьба в области психологии идет по трем линиям: 1) материализм—идеализм, 2) социология—биология и 3) диалектика—механизм.

Статья т. Окуня находится на стыке первой и третьей линии, т. е. борьбы марксизма с субъективной эмпирической психологией, с одной стороны, и механическим материализмом, с другой.

В этой борьбе мы можем наметить в грубых чертах следующие стадии.

Первая стадия—до революции, когда идеологическое господство принадлежало субъективной эмпирической психологии и когда объективное направление в психологии—школы Павлова и Бехтерева—находилось в тени, на задворках общественности.

Вторая стадия—первые годы революции, примерно до 1920/21 г., когда субъективная эмпирическая психология продолжала занимать командные высоты, и когда параллельно с этим пышно расцвели школы Павлова и Бехтерева.

Третья стадия—1920—1923 гг., когда вышли на широкую общественность со своими работами обе рефлексологические школы, неся в себе, однако, элементы эклектизма и механистического материализма¹, когда появились у нас сторонники другого механистического направ-

¹ См. критику этих течений в книгах К. Н. Корнилова «Современная психология и марксизм» и Франкфурта: «Рефлексология и марксизм», чч. I и II.

вления—американского бихевиоризма, когда в среде самой эмпирической психологии начался раскол и из нее выделились К. Н. Корнилов и Блонский, когда появилась и марксистская группа, хотя и не однородная по существу.

На этой третьей стадии *против* марксизма *открыто* выступали *идеалист Челпанов*, с одной стороны, и *вульгарный механический материалист Энчмен*, с другой стороны.

С 1924 г. начинается четвертая стадия борьбы. Механисты, как и эмпирики, меняют свою тактику и пытаются сохранить и укрепить свои позиции *формальным признанием, но фактическим извращением* марксизма. Эмпирик Челпанов интерпретирует марксизм *так*, что превращает его в *идеалистическую, эмпирическую, дуалистическую теорию*¹, а механист Струмминский интерпретирует марксизм *так*, что превращает его в *механический материализм*².

С 1925 г. начинается пятая стадия борьбы. Добровольно или вопреки своему желанию (потому что такова об'ективная общественная обстановка), но психологи начинают подходить к марксизму.

Наиболее ярким выражением этого процесса является безусловно искренняя, хотя и половинчатая попытка В. М. Бехтерева перевести рефлексологию на высшую ступень, на рельсы марксизма.

И вот т. Окунь открывает своей статьей шестую стадию борьбы.

Он *понимает, точнее извращает* марксизм в том же идеалистическом, дуалистическом духе, как и Челпанов. Но в то время как Челпанов *фактически извращает* марксизм, чтобы *формально его признать*, т. Окунь *извращает* марксизм с тем, чтобы призвать к *отказу от марксизма*.

Эмпирик Челпанов *формально не смеет* отвергать марксизм, а механист Окунь позволяет себе такую роскошь и возвращает нас к стадии энчменизма своей *открытой борьбой против* основоположников марксизма.

Тов. Окунь, как и Энчмен, утверждает, что во взглядах последних «есть» элементы идеализма, объясняемые возможным влиянием *идеализма* Гегеля на Маркса, что *не надо* во что бы то ни стало *защитить букву* марксизма *во вред его духу*, что надо иметь *мужество и смелость* отказаться от «традиционного» марксизма и стать на «истинно» марксистскую, «последовательно» диалектико-материалистическую точку зрения. Вся разница между т. Окунем и Энчменом состоит в том, что последний «базируется» на биологии, точнее на физиологии, а т. Окунь «базируется» на ионной теории, на теории условных рефлексов и на теории... относительности Эйнштейна³.

Недурна картина! Картина: тов. Окунь обучает основоположников марксизма *основным* принципам диалектического материализма с помощью теории относительности.

¹ См. ст. Корнилова в сб. «Психология и марксизм» и ст. Франкфурта в сб. «Пробл. совр. псих.» и в «Кр. нови», май, 1925 г.

² См. ст. Корнилова в «Под зн. маркс.». 1926 № 4—5.

³ Критику Энчмена см. в ст. Н. И. Бухарина «Энчмениада».

Теперь к существу. Речь идет о двух проблемах: 1) гилозоизме и 2) дуализме.

Совершенно неверно, что мы в своей критике, извращающей марксизм интерпретации Челпанова, доказали *только* одно, что основоположники марксизма отказались от спинозовского понятия «Бог», а не от гилозоизма и дуализма.

Неужели т. Окунь *не прочел* в нашей статье параграфа «извращение пятое: «Маркс—материалист типа спинозист-гилозоист?!» Там ведь говорится *не только* об отсечении марксистами половинки—«Бог», но и о том, что «марксизм не солидаризуется с учением об одушевленности *всякой* материи», что «марксизм считает сознание свойством *только* высокоорганизованной материи» (стр. 225), что «Маркс и Энгельс видят в одушевленности *неот'емлемое* свойство материи» (стр. 226). Все это означает, что марксизм, как род спинозизма, *не признает ни* гилозоизма, *ни* дуализма.

Тов. Окунь безусловно это читал, но дело в том, что он считает наше утверждение о взглядах основоположников марксизма неверным, не соответствующим действительным взглядам последних, что он сам, через свои механистические, в конечном счете, бессознательно-идеалистические очки, вычитывает у них, видит у них не то, что мы.

Что же видит и чего не видит т. Окунь? Начнем с гилозоизма.

«Обвинение» т. Окунем *всех* основоположников марксизма в гилозоизме, точнее—вся *выдумка* т. Окуня об их гилозоизме висит в воздухе и построена на песке. Впустую т. Окунь обращается к основоположникам марксизма с вопросами-ламентациями, почему в неорганической материи никто не заметил до сих пор сознания или хотя бы элементарнейшего ощущения, или хотя бы только «сходной способности». Курьезно «откровение» т. Окуня о том, что органическая материя с ее усложненными и увеличенными движениями отличается своими свойствами от неорганической материи. Напрасно т. Окунь приписывает себе эту мысль, ибо она списана им у основоположников марксизма, третируемых им как невыдержанные материалисты-диалектики. Жалки «попытки» т. Окуня доказать творцам диалектического материализма ссылками на теорию Эйнштейна, что единственным изначальным свойством материи является только движение.

Разве т. Окунь не читал «Анти-Дюринга», где Энгельс устанавливает *качественную* разницу между *небелковой неорганической* материей и *белковой органической* материей, где он констатирует, что одним из новых свойств, *впервые появляющихся* у последних, характерных *только* для нее, является *возбудимость, раздражимость?*

Неужели ему неизвестно также утверждение Энгельса в «Диалектике природы» о том, что «из присущей живой *органической* материи *раздражимости* и *вытекает ощущение*, связанное с известными, доселе не установленными более точно, белковыми телами», что мыслящий дух вырастает только из возбудимости органической материи, в органическом мире по необходимому закону, следовательно, не повсюду и не всегда, а только там и тогда, где для этого есть необходи-

мые условия. Ведь все это не гилозоизм и сказано *заведомо* до евангелия т. Окуня—теории относительности.

Может быть, т. Окунь *не знает* этих мыслей Энгельса и *не привел их потому*, что *единственным* источником его познаний является Челпанов, а последний *не привел* этих мыслей потому, что ему это *невыгодно*? Тогда совет наш: чтобы не попасть в тяжелое, неприятное положение, надо учиться марксизму *не по брошюре* Челпанова.

Или т. Окунь *знает* эти мысли, но *игнорирует* их по собственной инициативе? Тем хуже!

Как бы там ни было, но когда т. Окунь хочет доказать *основоположникам марксизма неверность* таких мыслей, которых они не излагали, и предлагает им *принять* как «откровения» из чужих рук те мысли, которые принадлежат им, основоположникам марксизма, то это не только курьезная, но и недопустимая, вредная фальсификация.

Проследим же, однако, за логикой т. Окуня, чтобы вскрыть ее сущность.

Желая доказать гилозоизм Маркса, т. Окунь цитирует его очень «своеобразно». «Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение, не одно только *механическое*, но и движение как *стремление*, как *жизненный дух*. Первичные формы материи суть неотъемлемо ей присущие *живые* силы». Почему т. Окунь *не докончил* первой фразы и *опустил* в ней конец, т. е. слова «как напряжение, как мучение материи, *выражаясь* языком Якова Бема».

Разве можно *так* цитировать вообще, а тем более разве «традиционному» марксисту допустимо *так* обращаться с основоположниками марксизма?!

Ведь опущенные слова имеют колоссальное значение. Маркс в них подчеркивает, что он здесь выражается словами Якова Бема. А это значит, что надо хорошенько вдуматься в самую *мысль* Маркса, в ее *содержание*, дабы не проглядеть их за выражениями, за терминологией, за буквами. Или т. Окунь *опустил* это замечание Маркса для того, чтобы иметь возможность *проглядеть* мысль творца диалектического материализма?!

Далее, для того чтобы по буквам узнавать «дух» учения, надо быть исторически-конкретным, надо знать, с кем Маркс спорит, против кого он здесь выступает. Ведь это требование «духа» диалектического материализма, за который как будто так ратует т. Окунь.

А, ведь, мысль Маркса сводится к тому, что он *не удовлетворяется* *математическим*, т. е. *абстрактным*, и *механическим*, т. е. *пассивным*, движением.

В противоположность *этому абстрактному и пассивному* взгляду на движение, Маркс говорит о *движении* как *живой* силе, т. е. как об *активном* начале, о движении как внутренней движущей силе материи, о движении внутренне-противоречивом и, в силу этой внутренней противоречивости, являющемся *самодвижущим* активным *живым* началом материи.

Вот смысл той живой силы, того стремления, того «жизненного духа», напряжения, «мучения материи», о которых говорит Маркс. Никакого гилозоизма тут нет!

Вывод: 1) Не зная броду, т. Окунь сунулся в воду.

2) Тов. Окунь, как и Челпанов, *не видит* у Маркса того, что *есть*, но *видит* то, чего *нет*. Почему?

Да *потому*, что Челпанов как *идеалист* ищет этот идеализм всюду и, завидя слово «жизненный дух» и не разобрав смысла этих слов, приходит в восторг, трактует их как гилозоизм, а т. Окунь, в своем качестве *механиста*, чурается, формально, по крайней мере, всякого упоминания о «духе», о субъективном и, проглядев смысл сказанного Марксом, также понял, истолковал его гилозоистически, т. е. извратил его, как и Челпанов.

Попытку же т. Окуня объяснить *приписываемый* им Марксу гилозоизм *возможным* влиянием Гегеля мы считаем недопустимым *извращением* исторического *факта*, состоящего в том, что Маркс полностью *отверг* идеализм Гегеля, взяв только его *диалектику*, да и ту на свой материалистический лад. Или учитель Челпанов скрыл от ученика Окуня этот факт? Но это может смягчить вину, но не оправдать т. Окуня.

Далее о Плеханове. Тов. Окунь приводит утверждение его о том, что психика является таким же основным и изначальным свойством материи, как и движение.

Тов. Окунь, как и Челпанов, взял эту мысль только в аспекте гилозоизма и проглядел (очевидно, так выгоднее т. Окуню), что она имеет еще и *другое* значение, ибо она высказана Плехановым в его борьбе против идеалистического и дуалистического взгляда на психику, как мы это увидим ниже.

Далее, т. Окунь не может не знать, должен знать, что Плеханов колеблется в вопросе о гилозоизме, и в целом ряде мест высказывается *против* одушевленности *всякой* материи, видя в психике свойство *только* известным образом организованной материи.

Нельзя же, из-за желания поддержать Челпанова, превратить Плеханова, *колеблющегося* в вопросе о гилозоизме, в *безоговорочного* сторонника его. Не выйдет!

Наконец, о В. И. Ленине, которого т. Окунь использует *вовсю*.

Ленин заявляет, что «ощущение—свойство *только* определенным образом организованной материи мозга», что *в ясно* выраженной форме ощущение—*функция* *организованной* материи», а «в фундаменте самого здания материи можно лишь *предполагать* существование способности, *сходной* с ощущением». Тов. Окунь подходит к этим мыслям Ленина с той же механической логикой, с которой он подошел к Марксу, и рисует *сногшибательную* картину. Прежде всего он совершенно *необоснованно*, как мы это увидим ниже, утверждает, что то «сходное» в неорганической материи, о котором говорит В. И. Ленин, *нужно понимать так*, что «это наиболее элементарное «неясное» психическое свойство, все же не сводимое к движению». После такого истолкования понятия «сходное», т. Окунь легко делает «вывод» о том, что Ленин

был гилозоистом и «наделял материю до самых ее элементов, до самого ее фундамента психическими явлениями, пусть самыми элементарными».

Превратив, таким образом, Ленина и Маркса в гилозоистов и игнорируя, по незнанию или сознательно, взгляды Энгельса, т. Окунь открывает Америку, а именно, что Ленин видит в ощущении «свойство только определенным образом организованной материи мозга».

А так как приписанный т. Окунем Марксу-Энгельсу-Ленину гилозоизм нельзя действительно совместить с их настоящими взглядами на психику как свойство только органической материи, то т. Окунь, упоенный успехом «открытия» им истинного взгляда Ленина, получает возможность сделать целый ряд утверждений. Утверждение первое гласит: так как «все марксисты считают психику, сознание—основным, изначальным, первичным свойством материи», меж тем как Ленин видит в «ощущении функцию определенным образом организованной материи, а не всякой, то между словами Ленина и воззрением его предшественников существует, мол, явное противоречие». Второе утверждение т. Окуня состоит в том, что Ленин, мол, начал отходить от гилозоизма, т. е. анатомия и физиология нервной системы выяснили связь психики с мозгом и выявили тем ненаучность гилозоизма». Третье утверждение т. Окуня гласит: так как Ленин только начал отходить от гилозоизма, сделал только «попытку отойти от гилозоизма первых марксистов», то, по существу, Ленин якобы противоречит не только Марксу-Энгельсу, но и самому себе, когда он, с одной стороны, пытается отойти от гилозоизма и видит в ощущении, в психике, в сознании свойство только определенным образом организованной материи мозга, а с другой стороны, наделяет материю до самых ее элементов, до самого ее фундамента психическими свойствами, пусть самыми элементарными.

Но все это здание, построенное т. Окунем, стоит на песке.

Ленин сопоставляет «ощущение в ясно выраженной форме» у организованной материи и «сходную способность», да и то «лишь предполагаемую», у неорганизованной, а т. Окунь, во-первых, не видит этой предположительной формы и, во-вторых, а это самое главное, заменяет умозаключение Ленина от ясно выраженного ощущения к «сходной способности» другим умозаключением, от ясно выраженного ощущения к неясно выраженному ощущению.

Ленин умозаключает от ясного ощущения не к неясному ощущению, а к сходной способности, а т. Окунь умозаключает от одного вида ощущения к другому виду, пусть более простому, но виду ощущения, т. е. к тождественному явлению.

На каком основании сходная способность у Ленина заменена т. Окунем тождественным «неясным ощущением»?

Ведь у Ленина такого умозаключения нет. Замена т. Окуня, имея глубокий смысл, основана на словесной формальной логике, на игре слов, на словесном умозаключении.

Сопоставим мысль Ленина о том, что «в ясно выраженной форме ощущение—функция организованной материи», с его мыслью о том, что

«ощущение—функция определенным образом организованной материи мозга».

Придерживаясь метафизически-механистической, формально-словесной логики т. Окуня, надо было бы умозаключить: «так как, по Ленину, организованной материи присуще ощущение в ясно выраженной форме, а определенным образом организованной материи мозга присуще только ощущение, то, следовательно, материи мозга присуще не ясное ощущение, а более простое, более элементарное ощущение».

Вот до какого абсурда доводит формальная, словесная логика, не вдумывающаяся в содержание!

Надо, т. Окунь, изучать, сопоставлять, сравнивать, анализировать содержание, а не слова только: для этого, ведь, мы и обладаем мыслительным аппаратом, хотя не все, очевидно, умеют им пользоваться.

Что значит ясно выраженное ощущение? Может ли быть неясное ощущение? Мысль Ленина о ясности означает только одно, а именно: как определенная форма наших субъективных переживаний, как определенное качественно-своеобразное свойство материи, оно представляет собой ясно воспринимаемое нами субъективное состояние. Характерная особенность того качества, которое мы называем «ощущением», состоит в его «ясности». Ощущение—это простейшее ясное, т. е. сознательное, переживание.

Нет неясных и ясных ощущений, ибо всякое ощущение ясно, ибо такова его качественная характеристика.

Логически-формальное различение т. Окунем ясных и неясных ощущений и приводит к абсурду, как мы это видели выше при сопоставлении мыслей Ленина.

Но этот абсурдный вывод разрешается, уничтожается при правильном марксистско-ленинском представлении о том, что нет ясных и неясных ощущений, что всякое ощущение—ясно. В этом смысле обе мысли Ленина означают только одно: особым образом организованная материя мозга обладает качественно своеобразным свойством ощущать, характеристика коего заключается в его ясности, простейшей сознательности.

Спрашивается теперь, к чему можно умозаключать от ощущения, т. е. ясного, примитивного сознания, как свойства определенным образом организованной материи мозга?

Тов. Окунь умозаключает, во-первых, к неясному ощущению, и во-вторых, к неорганизованной материи, но эти умозаключения совершенно неправильны.

Тов. Окунь признает, что ощущение очень близко к возбудимости. Вдумался ли сам т. Окунь в свою мысль. Что значит близко? Если тождественное, то как он мог заявить, что ощущение есть самое простое, простейшее сознательное психическое явление. Ведь в этом случае возбудимость была бы более простым ощущением, более простым, но все же ощущением, т. е. сознательным психическим явлением.

А если не тождественное, то спрашивается, в чем состоит близость возбудимости с ощущением. Ведь ощущение т. Окунь рассматривает не с точки зрения его материального субстрата, а как внутреннее субъ-

ективное состояние. Следовательно, возбудимость близка к ощущению с этой стороны. А если так, то и возбудимость представляет собой некое, внутреннее состояние. Как внутреннее состояние возбудимость близка ощущению, но качественно отлична от него: она не осознается, не обладает свойством ясности, присущим ощущению. Возбудимость—это бессознательное внутреннее состояние.

А так как, по Энгельсу, ощущение вырастает из возбудимости, то мы можем сказать, что ощущение как такое качество, для которого характерна ясность, т. е. примитивная сознательность, вытекает из другого более простого качества, из раздражимости, возбудимости, которая представляет собой бессознательное, не воспринимаемое сознанием внутреннее состояние.

Поскольку Ленин все это знал, постольку, следовательно, можно и должно от его ясно выраженного ощущения, т. е. от качества, характерное своеобразии коего составляет ясность, умозаключать только к другому, близкому качеству—бессознательной, не воспринимаемой сознанием возбудимости, раздражительности.

Но т. Окунь этого не понимает. Находясь в плену у эмпирика-субъективиста Челпанова и понимая вместе с последним под психикой только сознательное, воспринимаемое интроспекцией, он, как механист-метафизик, не понимающий качественных скачков, не может себе представить качественно другого внутреннего состояния материи—бессознательной возбудимости.

Эта идеалистическая и механистическая установка т. Окуня и составляет его рассуждать: «так как психическое—это сознательное, так как качественных скачков нет и так как Ленин признает в фундаменте материи способность «сходную» с ощущением, то, следовательно, «сходное» может быть только неясным, элементарным, но сознательным психическим явлением.

Таким образом, «сходное» у Ленина превращается в «неясное ощущение», в гилозоизм у т. Окуня. Но ведь это рассуждение последнего, и он не имел никакого основания и права приписать его В. И. Ленину. Нельзя с больной головы сваливать на здоровую. Так обстоит дело с первой половиной умозаключения т. Окуня.

Теперь перейдем ко второй половине его умозаключения.

Поскольку умозаключение от ясного ощущения к неясной возбудимости есть умозаключение в пределах органического мира, органической материи, постольку т. Окунь не имел никакого права, никакого основания умозаключать от ясного ощущения, как свойства органической материи к неясному ощущению как свойству неорганической материи.

Остается разъяснить механисту-метафизику т. Окуню, что значит «сходное» у В. И. Ленина. Может быть, и Окунь поймет это, вопреки механистической логике.

Энгельс пишет: «механическая, физическая реакция (теплота и т. д.) исчерпывается вместе с каждым актом реакции. Химическая реакция изменяет состав входящего в реакцию тела и возобновляется лишь тогда, когда прибавляется новое количество его. Только органи-

ческое тело реагирует самостоятельным образом—разумеется, в пределах его сил (сон) и при допущении притока пищи,—но эта притекающая пища действует лишь после того, как она ассимилирована, а не непосредственным образом, как на низших ступенях, так что здесь органическое тело обладает самостоятельной силой реакции: новая реакция должна происходить через посредство его».

Подумайте, т. Окунь. Энгельс различает реакции: 1) механические, 2) физические, 3) химические и 4) органические. Каждый из этих видов реакций, как особая качественная категория, обладает своими особыми свойствами.

В этом вся разгадка той «сходной» способности, о которой говорит В. И. Ленин.

Реакции определенным образом организованной материи мозга обладают особым свойством, способностью ощущать и мыслить, т. е. сознательными внутренними состояниями. Реакции всей остальной органической материи обладают другим, качественно-своеобразным свойством—бессознательной неясной возбудимостью.

Реакции же неорганической материи, механические, физические и химические различаются между собой, но, в отличие от реакций органической материи, не обладают не только способностью мыслить и ощущать, но даже более простой способностью внутреннего возбуждения.

Реакции неорганической материи, отличаясь, таким образом, качественно от реакций органической материи, обладают, однако, способностью сходной, а именно самой реактивностью.

Общая всей и всякой материи способность реагировать—вот то «сходное» с органической материей, что присуще неорганической материи.

Но сходство не есть тождество, говорит диалектика, чего, к сожалению, не понимают механисты, и т. Окунь в том числе.

Если гилозоистическое толкование т. Окунем Маркса мы объяснили механистической боязнью субъективного, то гилозоистическое толкование им Ленина объясняется, во-первых, механистическим непониманием качества, единства многообразия и единства противоречий и, во-вторых, явно идеалистическим пониманием психики.

Резюмируем сказанное о гилозоизме.

Нет противоречия у Ленина, как нет его между Лениным и Марксом-Энгельсом. Мысли Ленина совместимы меж собой, как совместимы они со взглядами Маркса-Энгельса.

Надо знать смысл читаемого и изучаемого, а не пробегать по буквам, надо вдумываться в читаемое помощью субъективного свойства наших рефлекторных механизмов, а не только приводить в движение физиологические механизмы в мозгу.

Напрасны эти потуги найти противоречие у Ленина, с одной стороны, и между Лениным и Марксом,—с другой, тщетны эти попытки найти у основоположников марксизма гилозоизм.

«Обвинение» т. Окунем основоположников марксизма в гилозоизме,—точнее извращение им их учения, ни на чем не основано. Оно представляет собой вредный результат 1) извращения или незнания исторических фактов (характер влияния Гегеля на Маркса),

2) неумения или нежелания подходить конкретно-исторически к психологическим взглядам основоположников марксизма, 3) не критического отношения т. Окуня к идеалисту Челпанову, 4) механистической боязни слов, упоминающих о субъективном, и, наконец, 5) психологической аберрации, переноса т. Окунем его собственных *идеалистических и метафизически-механистических* взглядов на основоположников марксизма.

Теперь перейдем ко второму «обвинению» т. Окуня, точнее ко второму его извращению марксизма, к его утверждению о том, что марксизм как род спинозизма есть *внешний только монизм*, а на самом деле прикрытый идеализм и дуализм (психофизический параллелизм).

Понимает ли т. Окунь, так ратующий за «дух», смысл, «дух» произносимых им слов, начертанных им букв.

Ведь идеализм в решении психофизической проблемы означает, что психика есть явление *внематериальное*, меж тем как для марксизма психика есть *только* свойство *материи*.

Далее, идеализм может принять дуализм, психофизический параллелизм, т. е. признание *независимости*, раздельного от материи существования психических явлений, марксизм как монистический материализм, видящий в психике *неотделимое* свойство материи, не может принять дуализм, психофизический параллелизм. Но этих простых истин не охватит механистический мозг т. Окуня.

Или это «непонимание» выгодно т. Окуню, ибо оно дает ему возможность фальсифицировать марксизм?!

Почему же т. Окунь извращает марксизм или так извращенно его понимает?

Да потому, что т. Окунь, с одной стороны, находясь в плену у дуалиста Челпанова, бессознательный идеалист и дуалист, а с другой—механический метафизический материалист.

Еще Плеханов указал, что материалисты, отождествляющие психику с движением (а такова, ведь, точка зрения и т. Окуня), суть бессознательные идеалисты, и эта мысль полностью подтверждается и на т. Окуне, как мы и постараемся это доказать.

Начнем с его бессознательного идеалистического дуализма.

О чем говорит приводимая т. Окунем, вслед за Челпановым, цитата Дицгена о том, что «дух есть собирательное имя для духовных явлений, материя—собирательное имя для материальных явлений, а то и другое вместе образуют явления природы»?

Она означает *только одно*, что духовные и материальные явления представляют собой *разные, различные явления единой природы*.

Далее, каков смысл приводимой т. Окунем мысли Плеханова о том, что «психологическое состояние есть *только одна сторона* процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление»?

Смысл этой мысли *один*: психика есть внутренняя сторона, внутреннее состояние материи как особое свойство, *отличное* от движения, от физиологического явления, но *неотделимое* от них.

Наконец, что означает приводимая т. Окунем мысль Плеханова о том, что «способность ощущать и мыслить есть такое же основное, изначальное, необъяснимое свойство материи, как и движение»?

Взята не с ее гилозоистической стороны, о чем мы уже говорили выше, а в аспекте отношения психического к физическому, она означает *только одно*, а именно: *противопоставление* идеалистически-дуалистическому понятию о «психике», как отдельном, раздельном, нематериальном явлении, материалистически-монистического понятия о психике, как таком же свойстве, что и движение, т. е. о свойстве, которое, как и движение, не существует отдельно, раздельно от материи, а составляет *такое же неотделимое* свойство материи, как и движение, свойство особое, своеобразное, отличное от движения, но неотделимое, нераздельное от материи, как и движение.

Таким образом, во всех приводимых т. Окунем цитатах говорится *только о различии* психического от физиологического, а не о *раздельном* существовании психического и физического. Наоборот, они все направлены *против* представления о психике, как раздельно существующем явлении.

Почему же т. Окунь увидел то, чего *никто* из марксистов не говорил? Где он вычитал признание *раздельного* от физиологии существования психики? Чем объяснить ту метаморфозу, что в читаемых им у марксистов буквах он видит другой смысл, другой «дух»?

Объясняется это тем, что, находясь бессознательно в плену у Челпанова, т. Окунь считает, что психика есть *такое* явление, которое *не может быть неотделимым* свойством материи. Поэтому он рассуждает следующим образом: «марксизм признает *различие* психического от физиологического, а так как психика *не может быть неотделимым* свойством материи, то, следовательно, психика есть отдельное, раздельное от материи явление».

Но ведь, марксисты так не рассуждают. Так рассуждает, вслед за идеалистом дуалистом Челпановым, т. Окунь. Ясно, что т. Окунь не имеет никакого основания приписывать основоположникам марксизма его собственный, пусть и бессознательный, идеалистический дуализм.

Марксизм *не есть* *внешний* монизм, не есть дуализм, психофизический параллелизм.

Марксизм есть строго выдержанный монистический материализм, который *борется* против дуализма, но т. Окунь этого *не* понимает, ибо он смотрит в читаемые буквы сквозь идеалистически-дуалистические очки Челпанова, что приводит его к извращению марксизма, к клевете на основоположников марксизма.

Теперь перейдем ко второй половине «духа» т. Окуня, к его механистической метафизике, которая выявляется в его отношении к двум вопросам: 1) о пространственности и протяженности психики и 2) об объяснении психики движением, о сведении психики к движению.

Критикуя идеалистически-дуалистическую интерпретацию Челпановым марксизма и отвергая идеализм и дуализм *Челпанова*, мы указали на то, что психика принципиально такое же *естественное* свойство ма-

терии, как и движение, но свойство принципиально *отличное* от движения, ибо движение объективно, а психика субъективна, и что психика, как внутреннее состояние материи не занимает места в пространстве, непротяженна, хотя и совершается в пространстве.

Как *механист* т. Окунь не понимает сущности *качества* и сущности материи мозга как *единства противоречий*, поскольку она обладает принципиально противоположными—объективными и субъективными—свойствами. Как *механист и бессознательный идеалист*, т. Окунь не понимает, как эта материя может вообще обладать субъективными свойствами. Поэтому т. Окунь ловит нас на противоречии: т. Франкфурт видит в психике принципиально такое же естественное свойство материи, как и другие свойства, и в то же время он, вслед за Бухариным, точнее вслед за основоположниками марксизма, указывает на то, что психические явления протекают во времени, но они не протяженны, не занимают места в пространстве, в отличие от физических явлений. Франкфурт *разрывает* неразрывную связь между пространством и временем».

Во-первых, откуда т. Окунь вычитал, что психика протекает *только* во времени, а не и в пространстве. Речь ведь идет не о том, что психика не протекает в пространстве, а о том, что она, как и все свойства, не занимает места, непротяженна, как это знает и т. Окунь, когда он заявляет, что по Бухарину и Франкфурту «психическое явление непространственно, *точнее* непротяженно». Зачем же приписывать явно неверную вещь?

Но это смешение понятий нужно т. Окуню для того, чтобы легче протолкнуть свой механистический материализм.

Во-вторых, т. Окунь классифицирует признание в материи не занимающих места, не протяженных качеств, как разрыв времени, пространства, потому что он сам механистически отождествляет всякое свойство материи с движением.

Поймав нас на «противоречии», отвергая это «противоречие», т. Окунь предлагает свое «истинно» марксистское решение проблемы: так как психика, как и движение, совершается и во времени и в пространстве, так как время и пространство связаны, т. е., по мнению т. Окуня, тождественны, то «... надо психику свести к движению», то психика представляет собой «не неотделимое свойство объективных мозговых процессов, а самостоятельные, *особого вида мозговые процессы*», «*особый вид материальных движений в нервных клетках*».

Итак, логика т. Окуня состоит в следующем: если уже преодолеть в себе бессознательную идеалистически-дуалистическую мысль о том, что психика не является принципиально таким же естественным свойством материи, как и движение, если уже признать в психике принципиально такое же естественное свойство материи, как и движение, то... то надо, согласно механистической логике, признать, что психика есть не особое свойство, внутреннее состояние, присущее особым образом организованной материи, а особый вид движения. Механист, не понимающий качества, единства многообразия и противоречий, может представить себе свойства только в форме движения. Если

свойство, так уже самое настоящее свойство, т. е. движение. «Психика есть движение, психика сводится к движению»—вот логика т. Окуня.

К тому же механистическому выводу т. Окунь приходит и другим очень оригинальным путем, за которым мы и последуем.

Он видит противоречие в том, что, с одной стороны, психика принципиально такое же естественное свойство, как и движение, а с другой—она, в отличие от всех физических и химических свойств, не объясняется движением и не сводится к движению.

Есть ли тут противоречие? Нет, ибо из того, что *материя мозга* есть единство многообразия противоречивых свойств, вытекает, что поскольку психика является свойством этого единства, постольку она представляет собой принципиально такое же естественное свойство этой материи, как и движение, поскольку же она, во-первых, появляется одновременно с движением и, во-вторых, в *своем* свойстве принципиально отлична от последнего, постольку она не объясняется и не сводится к движению.

Тов. Окунь, как и все механисты, этой диалектики не понимает, и потому он видит здесь «противоречие». Ясно, что это «противоречие» есть плод его досужего механистического ума.

Но этого мало. Тов. Окунь ткет свою «логику» дальше: раз марксизм отказывается от объяснения психики движением, от сведения психики к движению, то он, следовательно (ох это следовательно!), считает психику непознаваемой и является видом агностицизма.

Марксизм, диалектический материализм, одним из основных принципов которого является безусловное признание познаваемости мира, оказывается вдруг агностицизмом?!

Смешное, фальсифицирующее, чудовищно-странное заявление т. Окуня об агностицизме базируется, во-первых, на его механистической установке, мешающей ему понять вышеуказанную диалектику и, во-вторых, на злоупотреблении словом «объяснить». Марксизм отказывается от сведения психики к движению, от объяснения психики движением. Но это означает только одно: движение и психика как два свойства организованной материи потому не сводятся и не объясняются одно другим, что это два одновременно появляющихся, принципиально различных свойства. Однако отсюда еще не вытекает отказ от объяснения психики вообще. Марксизм признает возможность и необходимость познания психики. Больше того, марксизм требует познания структуры той материи, которая обладает свойством «психичности» и тех условий, при которых она это свойство приобретает или теряет.

Это объяснение марксизм приемлет, *этого* объяснения он требует, *больше того, это* объяснение и есть *единственное истинное объяснение*, к тому же доступное *только* ему одному, потому что он приемлет материю во всем ее качественном многообразии, со всеми ее цветами, как Маркс выражается, характеризуя Гоббса.

Но *этого* объяснения механист Окунь не понимает, и *поэтому* он, на основе теории относительности, делает свое абсолютно неверное «открытие» об агностицизме марксизма, предлагая свое *механистиче-*

ское объяснение, в смысле «сведения психики к движению», к особому виду движения, тов. Окунь *предлагает* как раз *то* объяснение, которое марксизм *отвергает*.

Таким образом, в вопросе об объяснении психики, как и раньше в вопросе о пространственности-протяженности, т. Окунь полностью выявляет, что вся его «критика» «традиционного» марксизма основана на непонимании диалектико-материалистического взгляда на психику, и что его собственный взгляд есть не «истинный» марксизм, а чистейший механистический материализм.

Напрасно т. Окунь вопрошает: «разве сознание не является частью бытия?».

Нет, сознание не есть часть бытия, в механистическом смысле особого вида движения, сознание есть неотделимое своеобразное субъективное свойство высшей формы движущейся органической материи.

Энгельс заявляет: «мы, несомненно, *«сведем»* когда-нибудь экспериментальным образом мышление к *молекулярным и химическим движениям* в мозгу; но *исчерпывается* ли этим сущность мышления».

Физико-химические процессы не исчерпывают мышления *потому*, что оно есть особое свойство, внутреннее состояние.

Но этого-то механисты не понимают. Они приемлют простое движение, не понимая, что есть качественно более сложные движения, включающие в себя, как говорит Энгельс, эти более простые виды движения в снятом виде и обладающие своими новыми, не присущими снятым, более простым движениям, свойствами.

Марксизм отвергает сведение психики к физиологии потому, что это есть неверное отождествление субъективного с физиологическим, неверное отождествление сложного с простым, смазывание специфического характера высших форм движения.

Однако т. Окунь все же пугается обвинения в отождествлении психического с физическим и он вопрошает: «Разве отождествляются физические и химические явления друг с другом, хотя те и другие сводятся к движению. Не отождествляются, т. к. это разные движения. Также и субъект не будет отождествлен с объектом, если мы сведем его к движению, так как это будет движение *отличное*, хотя бы только *количественно* и по среде, в которой оно происходит, от всех других движений».

Да, если признавать не только *связь* различных видов движений, но и их *различие*, то это *не* есть их *отождествление*, но беда-то т. Окуня состоит в том, что он теряет эту логику при анализе психофизической проблемы.

В последнем случае перед нами не два различных *движения*, не два количества, как полагает т. Окунь, а два качества, два качественно различных *свойства* одной и той же материи. И эти два свойства надо взять в их связи, т. е. как два *неотделимых* свойства (отсюда диалектическое единство многообразия) и в их различии, одно как *объективное* свойство, а другое как *субъективное* (в этом диалектическое единство противоречия). Механисты этого не понимают, не приемлют, и поэтому они превращают психическое в особый вид движения, что приводит

или к *выдумыванию* реально не существующей раздельности, пусть и материальной, или вернее и точнее к *признанию только* того физико-химического процесса, который реально протекает в мозгу, и к *смазыванию* субъективного свойства. Ясно, что оба эти «или» неприемлемы, неверны.

Тов. Окунь, гордый сознанием «правильности» своей «теории», позволяет себе утверждать, что его «теория» «более» материалистична, «более» диалектична, «более» монистична, чем «традиционный» марксизм!?

Да, *большая* нужна смелость для того, чтобы теорию, смазывающую субъективное, отрезающую один из членов антиномии: физическое-психическое, не умеющую, в силу бессознательного дуализма, связать психическое с физическим и представляющую собой в силу этого фальсифицированный монизм, назвать «большим» монизмом, чем марксизм!

Большая нужна храбрость для того, чтобы антидиалектическую теорию, не понимающую качества и единства многообразия и противоречий, назвать «более» диалектичной, чем марксизм!

Много мужества надо иметь, чтобы теорию, критикующую марксизм, на основе бессознательного, а частью и сознательного, *идеалистического* представления о психике, назвать «большим» материализмом, чем марксизм!

Какие же выводы можно сделать из статьи т. Окуня, представляющей по существу логически-последовательную механико-материалистическую точку зрения в психологии?

Вывод первый: механистический материализм, когда он логичен в проведении своей точки зрения, извращает марксизм, ибо он есть бессознательный идеализм и дуализм.

Второй вывод: логически-продуманный механический материализм приводит в необходимости *открыто ревизовать, открыто отвергать* марксизм.

Есть над чем призадуматься *тем* механистам, которые *искренне* хотят *быть и остаться* марксистами!

Ю. Франкфурт.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИЙ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА¹

При изучении функций коры головного мозга физиология пользовалась до последнего времени двумя основными методами. Первый метод—исторически появившийся в более позднее время—заключается в непосредственном раздражении коры головного мозга электрическим током. *Фрич и Гитциг* в своих знаменитых опытах 1870 г. установили, что путем раздражения электрическим током тех или других участков коры головного мозга можно вызвать строго определенные двигательные эффекты. Открытие это в свое время наделало очень много шума. Целый ряд исследователей на самых разнообразных объектах стали использовать эту методику. Вся кора головного мозга была разделена на две части, на так называемую психо-моторную и психо-сензорную. Однако, несмотря на довольно крупные результаты, достигнутые благодаря применению метода *Фрича и Гитцига*, не следует закрывать глаз и на многие трудности и неудобства, связанные с применением этого метода. Несомненно, что электрическое раздражение не связано с такой травматизацией нервной ткани, которая неизбежна при применении сильного термического или механического раздражения.

Однако это совершенно не означает, что электрический ток не оставляет после его применения никаких изменений в нервной ткани, связанных не с процессом возбуждения, а с действием самого электрического тока. Несмотря на многие усовершенствования, в методике электрического раздражения мозга необходимо отметить значительную разницу в смысле получения тех или других эффектов от адекватного раздражения и раздражения электрическим током. Так, например, нами неоднократно наблюдалось исчезновение условного оборонительного рефлекса при кокаинизации моторной зоны. В то же самое время раздражение этой же зоны электрическим током дает вполне отчетливый двигательный эффект. Очень быстрое появление общих судорог при раздражении коры мозга электрическим током

¹ Статья проф. *Фурсикова*, как и печатаемая ниже проф. *Гуревича*, являются докладами на объединенном заседании Института высшей нервной деятельности и психоневрологического отдела секции естественных и точных наук Комкадемии.

от индукционной катушки *Дюбуа Реймонда* также, повидимому, свидетельствует о грубом воздействии этого раздражения на мозговую ткань. За последнее время среди физиологов начинает все более и более пользоваться вниманием другой метод раздражения—метод локального отравления коры головного мозга различными возбуждающими или наркотизирующими веществами. Метод этот имеет уже порядочную давность. *Ландуа*, прикладывая различные экстрактивные вещества мяса к обнаженной коре мозга получал у животных приступы судорог. Этот метод более детально был разработан итальянским физиологом *Бальони*. В настоящее время им широко пользуется ученик *Бальони* итальянский физиолог *Амантеа*, а в Голландии—*Дюссер де Баренн*. Метод *Амантеа* заключается в том, что на тот или другой участок мозга накладывается кусок фильтровальной бумаги, смоченный в растворе стрихнина, фенола или в каком-либо другом веществе. *Дюссер де Баренн* прикладывает раствор на кусочке ваты. Раздражение моторной зоны стрихнином вызывает локальные сокращения в той или другой конечности в зависимости от места наложения стрихнина, причем этот эффект может продолжаться в течение очень долгого промежутка времени. Собака ритмически одергивает лапу. В любой момент вы можете стрихнин снять и отмыть раздражавшийся участок мозга. Через несколько минут возбудимость этого участка возвращается к исходному положению.

Нас эта методика интересовала не только с точки зрения установления различных двигательных корковых центров, но и по другим причинам. Перед нами так же, как и перед более ранними исследователями, возник вопрос, каким образом отражается искусственно вызванный отравлением стрихнина очаг повышенной возбудимости на двигательном оборонительном условном рефлексе. Опыты в этом направлении были выполнены *А. Н. Залманзоном*. У собаки предварительно выработывался условный двигательный оборонительный рефлекс на стук метронома определенной частоты. Когда рефлекс упрочивается, под наркозом в асептических условиях обнажается кора головного мозга. К опытам мы приступаем после того, как собака окончательно оправится от наркоза, о чем заключаем по восстановлению рефлексов и в частности пищевого рефлекса. Затем у собаки снимается повязка, раскрывается мозг и к определенному участку мозга прикладывается кусочек фильтровальной бумаги, смоченный в растворе стрихнина. Так как у собаки условная реакция проявлялась в одергивании задней лапы, то стрихнин прикладывался к центру передней лапы соответственного полушария. Через несколько минут после накладывания стрихнина применялся условный раздражитель—стук метронома, вызывающий до наложения стрихнина одергивание задней лапы. После же наложения стрихнина на центр передней лапы реакция извращается: теперь собака начинает одергивать уже не заднюю, а переднюю лапу. Мне кажется, что эти опыты ближе всего подходят к опытам *Ухтомского* и могут быть истолкованы с точки зрения развиваемого им принципа доминанты. Хотя не исключается возможность и других объяснений.

С еще большими трудностями связан другой метод изучения функций коры головного мозга—метод экстирпаций. Начало этому методу было положено знаменитыми французскими физиологами *Лонже* и *Флурансом*. Трудности этого метода заключались главным образом в том, что исследователи могли довольно точно изучать только моторные расстройства в связи с удалением того или другого участка мозга. Судить о расстройствах рецепторной функции у животного было делом гораздо более трудным. Поэтому, несмотря на громадный наблюдательный материал, собранный в этом направлении первоклассными исследователями, мы далеки еще от настоящего понимания расстройств в рецепторной функции, вызванных удалением различных участков коры головного мозга. И только объективные методы изучения, предложенные американскими психологами и акад. *Павловым*, дали возможность изучать у животных самые незначительные нарушения в рецепторной функции вследствие того или другого мозгового повреждения. Наиболее ценные результаты были получены школой акад. *И. П. Павлова*. В настоящее время можно считать установленным участие тех или других долей полушарий в рецепторной функции. Когда же вопрос возникает относительно более ограниченных участков, то здесь еще остается много неясностей. Недостаточность знаний в этой области, мне кажется, объясняется тем обстоятельством, что физиологи при изучении функций коры головного мозга исходили из грубых анатомических признаков.

В настоящее время возникла новая наука о тонком строении мозга—цитеоархитектоника. Цитеоархитектонические данные изучения мозгов различных животных и послужили в настоящее время исходной точкой для целого ряда физиологических исследований, производящихся нами совместно с анатомо-гистологическим отделом нашего института.

Я начну с того, где нет разногласий, где все идет гладко. Когда вопрос был поставлен относительно локализации зрительных условных рефлексов в коре головного мозга обезьяны, здесь никаких недоразумений не встретилось. Данные цитеоархитектоники более или менее совпадают с результатами физиологических исследований. Удаление 17—18 зоны ведет к полному исчезновению условных рефлексов. Часть этих опытов уже опубликована. В настоящее время мы получили еще более яркое подтверждение этих опытов, и я надеюсь, что в скором времени результаты этой работы будут сообщены в более подробном виде.

Гораздо труднее дело стало, когда мы перешли к изучению функций мозговой коры у собаки. Трудности здесь увеличиваются еще благодаря тому обстоятельству, что цитеоархитектоника мозга собаки, повидимому, изучена не так тщательно, как это сделано с мозгом обезьяны. Имеющиеся цитеоархитектонические карты мозга собаки *Клемпн'а*, *Гуревича* и *Быховской* в деталях отличаются друг от друга. Таким образом перед нами возникла задача выяснить имеющиеся разногласия физиологическими методами. Первые опыты, проведенные *Быховской* с удалением участка моторной зоны по *Клемпину*,

привели нас к заключению, что пункт, отнесенный *Клемпиным* к моторной зоне, на самом деле нужно считать рецепторным для тактильной чувствительности. Результат физиологических исследований в данном случае целиком совпадает с цитеоархитектоническими данными, полученными *Гуревичем* и *Быховской*, хотя нужно признать, что в этом направлении необходимы дальнейшие исследования.

Кроме этого участка, мы занимались выяснением роли участков отмеченных *Клемпиным* как зоны 4а и 4б.

За последнее время, кроме метода экстирпации, мы применяем в своей лаборатории и другой метод выключения тех или других участков мозга: метод наркотизации.

У собаки предварительно вырабатывается условный рефлекс или целая серия двигательных условных рефлексов. Затем обнажается кора головного мозга и на определенный участок обнаженной коры накладывается кусочек фильтровальной бумажки, смоченной в растворе кокаина. Опыт опять-таки ставится только при том условии, если собака находится в хорошем состоянии, когда она может есть, когда налицо все предварительно выработанные рефлексы.

Метод наркотизации оправдал все возлагающиеся на него надежды. Предварительно действие кокаина было проверено на моторной зоне. Убедившись, что путем приложения раствора кокаина можно выключить тот или другой участок мозга, мы приступили к отравлению кокаином зон 4а и 4б. У собак был предварительно выработан условный рефлекс на тактильное раздражение. Тактильное раздражение определенного участка кожи вызывало отдергивание лапы. Наркотизация зон 4а и 4б, однако, не привела к исчезновению условных рефлексов на тактильное раздражение. Правда, произошло уменьшение рефлекса, но полного исчезновения ни разу не наблюдалось. И только дополнительное смачивание кокаином *g. g. ectosylvius* и *coronarius* приводит к полному исчезновению условных рефлексов на тактильное раздражение.

Некоторое несоответствие в результатах цитеоархитектонических исследований *Клемпина* и данных физиологического эксперимента лишний раз убеждает нас в том, что плодотворное изучение может быть осуществлено только благодаря постоянному взаимному контролю, постоянной взаимной помощи физиологического и цитеоархитектонического методов изучения коры головного мозга.

Проф. Д. Фурсиков.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ МОРФОЛОГИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЕЙ МОЗГА

При изучении мозга и его функций приходится считаться с тем обстоятельством, что, с одной стороны, имеется ряд анатомических данных с неясным физиологическим значением, с другой — ряд физиологических фактов с невыясненным анатомическим субстратом. Таким образом, создается необходимость связывать анатомические и физиологические данные, устанавливая соотношения, относящиеся в конечном счете к проблеме локализации функций, к проблеме, которая может быть разрешаема лишь совместными усилиями физиологов и анатомов, что и осуществляется в нашем Ин-те (см. доклад проф. Д. С. Фурсикова). В настоящем докладе я имею в виду коснуться лишь некоторых вопросов, имеющих отношение к установлению связи между анатомическими структурами и физиологическими данными, причем ограничусь преимущественно тем фактическим материалом, который разрабатывается в настоящее время в анатомо-гистологическом отделении Ин-та.

При выяснении физиологического значения той или иной структуры мы можем базироваться на фактах двоякого рода: 1) на величине соответствующих органов и элементов и 2) на их сложности, на структурных вариациях. Что касается величины тех морфологических элементов, с которыми нам приходится иметь дело, то соответствующие данные, конечно, имеют лишь весьма относительное значение, и мы на них должны остановиться только в силу того обстоятельства, что на их изучении уже давно строились те или иные выводы. Всем хорошо известно, что по пути филогенетического развития величина мозга все время увеличивается, причем это увеличение идет неравномерно в тех или иных частях, например, очень бросается в глаза развитие лобных долей у приматов и особенно у человека. Известны также факты, что у выдающихся людей обычно констатируется больший вес мозга сравнительно со средними величинами. Однако эти факты имеют лишь относительное значение и не всегда подтверждаются. Оказывается у целого ряда гениальных людей не было обнаружено особенно большого веса мозга, и, наоборот, нередко приходится констатировать очень высокий вес мозга не только у людей со средним интеллектом, но даже у слабоумных, эпилептиков и т. п. Известен далее целый ряд фактов, касающийся увеличения отдельных частей мозга, например, у музыкантов — височной извилины, затем второй фронталь-

ной извилины, имеющей отношение к специальным движениям (у виртуозов-музыкантов), двигательноречевых центров у ораторов и т. д. Но все эти данные отмечаются лишь в отдельных случаях, и их значение может быть учтено с большими оговорками, так как структурные особенности мозга не всегда выявляются в форме заметных на глаз увеличений отдельных участков.

В последнее время было обращено также внимание на величину самих нервных клеток, но соответствующие толкования тоже не вполне ясны и определены. Так, О. Фохт несколько лет назад указывал на то обстоятельство, что особенно крупные клетки в коре мозга свойственны имбециллам; следовательно получается, что величина клеток может считаться как бы отрицательным признаком. Однако позднее тот же Фохт стал утверждать совершенно обратное положение, а именно, что будто бы большая величина клеток может являться субстратом высоких дарований. Конечно, возможно, что здесь лишь кажущееся противоречие: в первом случае у имбециллов величина клеток связана с уменьшением их количества, во втором случае — у одаренных — увеличение клеток может зависеть от их функционального богатства, связанного с увеличением количества отростков, устанавливающих связи данных элементов с другими частями мозга. Так или иначе мы видим, что констатирование большей или меньшей величины клеток не может само по себе служить доказательством их большей или меньшей функциональной ценности. Действительно, мы знаем, что у крупных животных клетки крупнее, чем у мелких, у одного и того же животного клетки, дающие отростки к большим расстояниям, крупнее и наоборот. В связи с этим у человека наиболее крупными являются моторные клетки передних рогов спинного мозга, некоторые клетки подкорковых узлов, а также двигательные клетки центральных извилин, но эта величина клеток вовсе не является доказательством особенно высоких функций соответствующих участков мозга. Мало того, среди двигательных гигантских клеток мозговой коры наиболее крупными являются те, которые имеют отношение к ногам, а меньшие клетки относятся к рукам, но это не доказывает, конечно, большей сложности функции ног сравнительно с руками. С другой стороны, клетки лобных извилин, evidentemente, имеющих наиболее близкое отношение к высшей нервной деятельности, в общем незначительны по величине. Таким образом вопрос о величине клеток не может быть просто разрешаем в том смысле, что большая величина является признаком более высоких функций.

Гораздо большее значение имеет вопрос о сложности мозгового строения. В этом отношении очень важны те данные, которые получились благодаря цитоархитектонике. Совершенно ясно установлено, что, чем выше животное в смысле своего развития, тем сложнее архитектурное строение его мозга, особенно определенных мест коры. Если в отношении к Isocortex¹ и особенно к лобным долям мы

¹ Наиболее дифференцированная кора, филогенетически более позднего происхождения.

имеем непрерывное усложнение по направлению к приматам и среди приматов у человека, то обратно в отношении к Allocortex¹, в частности к тем частям, которые имеют отношение к обонянию, мы имеем несколько иные данные, которые указывают, что обоняние развито сильнее у некоторых животных, чем у человека (это подтверждается и физиологически). Впрочем, некоторые данные в последнее время указывают, что даже в обонятельных центрах у человека имеется несколько большая анатомическая дифференцировка, чем у такого животного, как собака, с гораздо лучше развитым обонянием; это указывает вероятно на то, что, несмотря на меньшие способности, на меньшую тонкость обоняния, человек даже в этой области обладает несколько большей физиологической дифференцировкой данного органа чувств. Во всяком случае при рассмотрении разных животных пород в цитоархитектоническом отношении мы видим весьма большое разнообразие и несомненно можно установить с достаточной степенью ясности преобладание развития отдельных участков мозга, причем морфологическая сложность соответствует физиологически устанавливаемой высоте соответствующих функций. Так, например, у кошек, по нашим данным, имеется преимущественное развитие двигательных частей и зрительных, что как раз соответствует способностям данного животного; у собак и крыс имеется чрезвычайно большое развитие обонятельных центров и т. п.

Таким образом мы видим, что цитоархитектонические особенности так или иначе представляют из себя базу для физиологического исследования, а с другой стороны, они дают нам возможность ориентировки в смысле установления соответствия между особенностями деятельности животного и анатомическими данными. Это заставляет нас уточнять метод цитоархитектонического изучения, причем такое уточнение может идти по разным путям: с целью возможно более точного разграничения полей, с одной стороны, и с целью установления величины определенных полей и их частей у разных животных—с другой. Методов полного измерения архитектурных полей до сих пор, можно сказать, не существовало, так как те способы, которые до сих пор были известны (с наложением отрезков бумажки на мозг и их измерением, или способ, который употребляется в Институте Фохта), применимы до сих пор только для измерения отдельных полей и притом лишь таких, у которых имеются макроскопически-заметные особенности. Так измерялось зрительное поле (в котором ясно видна полоска Женнари), Allocortex, некоторые части моторной зоны и т. д. Для одновременного же измерения всех полей прежние методы не пригодны.

В нашем отделении разработан² метод измерения полей, при котором производится разворачивание всей поверхности мозговой коры

¹ Более примитивная, филогенетически старая кора.

² Метод разработан д-ром А. Хачатурьян и инженером Хачатуровым при моем участии и написаны в Zeitschr. f. die ges. Neurologie. Bd. 114, N. 14.

таким образом, что получают математически точные данные. Соответствующая карта дает точные количественные соотношения отдельных полей, которые могут быть измерены. Наш способ разработан в настоящее время лишь методологически; мы пока взяли только одно животное—кошку, которая имеет не слишком большой мозг, но в то же самое время с достаточным количеством борозд и извилин и, следовательно, может служить для таких методологических целей. Все трудности измерения полей и разворачивания поверхности мозга на определенной площади зависят от того обстоятельства, что мозг представляет из себя неправильную поверхность и, кроме того, имеет борозды, которые должны быть развернуты и учтены. Для разворачивания мы употребляли непрерывную серию срезов, причем для того, чтобы их измерять, мы отдельные фронтальные срезы отбрасывали путем проекции на экран с увеличением в 30 раз и на таком увеличенном срезе устанавливали границы полей, которые проверялись под микроскопом с применением объектмикромметра. После установления границ полей на отдельных срезах, получается возможность прежде всего начертить так называемую ортогональную карту, на которой проецированы по принципу параллельных лучей границы полей и борозды; на такой карте можно ориентироваться во взаимном расположении полей, но она еще недостаточна для измерения, которое возможно лишь после полного разворачивания мозговой поверхности. Разворачивание это состоит в том, что контур увеличенных в 30 раз фронтальных срезов переносится на определенную линию, на которой откладываются при помощи курвиметра все признаки, имеющие для нас значение: границы полей, борозды и пр. Расположив эти линии (развернутые контуры срезов) в определенном порядке и на определенном расстоянии и соединив их концы, мы получаем развернутую площадь мозга, увеличенную в 30 раз; соединяя же отмеченные на линиях границы полей, борозд и пр., получаем развернутые на плоскости отдельные поля, включая их участки, находящиеся в глубине борозд. Практически для упрощения мы уменьшаем все размеры таким образом, что получаем развернутую карту в десятикратном увеличении (а не в 30 раз); на этой карте видны в виде плоскостных фигур отдельные поля; путем анализа или же при помощи планиметра возможно измерение отдельных участков (поверхность полей, поверхность коры, заключенной в глубине той или другой борозды, и др. данные). Таким образом мы имеем метод, дающий возможность сразу установить на определенной плоскости данные, которые касаются взаимоотношений полей и которые позволяют нам детально вычислить площади этих полей и др. участков мозга, нанесенных на карту. Благодаря этому способу получается возможность значительно уточнить те данные, которые относятся к количественному распределению и к процентному соотношению отдельных полей у различных животных. В настоящее время мы приступили к составлению таких развернутых карт у разных животных; имеем в виду в дальнейшем составить соответствующую карту человеческого мозга, что, впрочем, представит огромные затруднения ввиду крайней его сложности.

и большой величины. Такое разветвление коры мозга человека и точное измерение отдельных участков открывает интересные перспективы в смысле возможности изучения вариаций архитектурных полей у различных людей, вариаций, связанных с расой, полом, возрастом и индивидуальными особенностями. Изучение поверхности мозга при помощи нашего метода и сопоставление получаемых данных с соответствующими физиологическими особенностями несомненно будет представлять большой интерес и значение.

Переходим к другим вопросам, которые мы изучаем в нашем отделе с целью выяснения морфологических структур и их соотношений с физиологическими данными. В этом отношении мы считаем весьма интересным тот принцип, который за последнее время начал применяться по отношению к мозгу и который в сущности давно известен биологам,—это принцип конвергенции морфологических структур и их дивергенции. Еще со времен Дарвина известно, что форма тела любого животного зависит не только от его генетических свойств, от его принадлежности к тому или иному виду, но и от той среды, в которой животное находится, от внешних факторов, действующих формирующую на морфологическую структуру. Что касается мозга, то к нему этот принцип до последнего времени почти не применялся. Впрочем, *Kanpers* (*Karpers*) несколько лет тому назад указывал на то обстоятельство, что у рыб и у плавающих млекопитающих имеется некоторое сходство в строении их мозга (особенно мозжечка); мы имеем здесь, следовательно, конвергенцию животных, очень далеких друг от друга, зависящую от тех аналогичных условий, в которых данные животные находятся. Подробнее на этом обстоятельстве останавливается *Греббельс* (*Groebbels*), который указывает на то, что у летучей мыши и у птиц имеется целый ряд особенностей строения мозга, обнаруживающих некоторое сходство, зависящее несомненно от функциональных особенностей этих животных, столь отдаленных друг от друга по происхождению. Аналогичные данные мы находим также у *Puze* (*Riese*) по отношению к плавающим животным. Нужно сказать, что в этих работах очень мало указаний в смысле цитоархитектонических особенностей и вообще все эти имеющиеся в литературе данные пока довольно отрывочны и немногочисленны. Поэтому представляется чрезвычайно важным сопоставление мозга различных животных именно с цитоархитектонической точки зрения с тем, чтобы установить, с одной стороны, дивергенцию видов, филогенетически близких между собой, в зависимости от образа жизни и вообще физиологических особенностей, а с другой стороны, конвергенцию более далеких видов, но живущих при одинаковых условиях. Занимаясь изучением цитоархитектоники различных животных с целью установления соответствующих карт коры, что само по себе имеет значение и для анатомов и для физиологов, мы имеем возможность вести в то же время сравнительное исследование цитоархитектонических особенностей этих животных и в частности изучать данные, имеющие отношение к конвергенции и дивергенции. Эта большая и сложная работа нами еще только начата, и здесь мы укажем лишь на некоторые данные более

общего характера, которые уже имеются в нашем распоряжении. Возьмем, например, таких животных, как белка и морская свинка, сравнительно близких друг к другу, в то же время почти одинаковых по величине, но ведущих совершенно различный образ жизни, имеющих различные физиологические особенности. Сравнительное цитоархитектоническое изучение мозга этих животных дает целый ряд различий, связанных с образом жизни этих животных, в частности с чрезвычайными двигательными способностями белки, сравнительно с морской свинкой. Здесь мы имеем явления дивергенции у животных, близких друг к другу. В других случаях можно отметить, наоборот, конвергенцию гистологических признаков далеких по происхождению животных, но находящихся при одинаковых жизненных условиях. Здесь нужно оговориться, что такое приспособление структур происходит, конечно, в течение огромных промежутков времени, что здесь нужно иметь в виду видовое приспособление, а не индивидуальное. Особенный интерес представляет изменение более тонких структур, которые связаны с так называемой доместикацией животных. У *Бродмана* (*Brodmann*) имеются указания на недостаточную окраску нервных клеток кошки и собаки, сравнительно с их дикими собратьями, что указанный автор объясняет доместикацией этих животных. Это указание Бродмана осталось почти никем не замеченным; мы сами сначала отнеслись к нему скептически, но при дальнейшем изучении оказалось, что и мы могли установить совершенно ясную зависимость окраски клеток у различных животных и притом на значительно большем материале, чем это было у Бродмана. Несомненно, что у диких животных окраска клеток интенсивнее, чем у близких им по происхождению домашних животных. Так, среди грызунов такие доместикационные особенности мы отмечаем у кролика и морской свинки, не отмечаем у зайца и белки. Среди фелидов соответствующие различия имеются между кошкой и львом, среди канидов—между собакой и лисцей. Здесь получается таким образом, с одной стороны, дивергенция гистологических особенностей таких близких друг к другу видов, как кролик и заяц, а с другой стороны, конвергенция доместичированных животных—таких, как кошка, собака и морская свинка, филогенетически далеких друг от друга. Кстати сказать, мы не можем найти какой-либо разницы в окраске нервных клеток между обезьянами и человеческими мозгами. Вопрос о том, в чем здесь дело, не совсем ясен. Быть может, термин доместикация здесь слишком узок и не совсем правилен, во всяком случае образ жизни диких животных, затрачивающих столько энергии на борьбу за свое существование, совсем иной сравнительно с домашним и, повидимому, это отчасти находит себе выражение в химических свойствах мозговых клеток, выявляющихся при окраске; имеется ряд данных, по которым можно предполагать, что состоянием нисслевской субстанции (которая главным образом и окрашивается в клетках) в значительной мере определяется интенсивность, энергия совершающихся в клетках процессов. Во всяком случае приходится считаться с этим интересным фактом, который до некоторой степени дает нам возможность устанавливать

известного рода связь между морфологическими и физиологическими особенностями в смысле явлений конвергенции и дивергенции.

Таким образом уже на примере указанных выше работ нашего отделения можно видеть, что анатомическое, в частности цитоархитектоническое, изучение особенностей мозга отдельных животных дает нам целый ряд возможностей и открывает перспективы в смысле их сопоставления с физиологическими данными. Необходимо однако все же установить известного рода предел того, что достижимо в ближайшее время при изучении мертвых структур. В этом отношении следует указать прежде всего на то обстоятельство, что не всякое функциональное усложнение непременно сопровождается стойкими структурными изменениями как таковыми, причем в смысле структурных изменений нужно понимать такие, которые доступны анатомическому определению. Конечно, любой процесс, происходящий в мозгу, несомненно связан с какими-то тончайшими структурными изменениями в каждый данный момент, однако эти тончайшие изменения, являясь структурными в широком смысле этого слова, не настолько стойки и не столь ясно выражены, чтобы возможно было их анатомическое определение, поэтому мы здесь подразумеваем под структурами лишь более или менее стойкие морфологические особенности, которые доступны изучению на мертвом анатомическом материале. С этой точки зрения мы и подчеркиваем, что не всякое усложнение функции сопровождается структурными изменениями в указанном выше смысле. При сопоставлении мозга людей различных рас и различной культуры и даже различных исторических периодов оказывается, что с точки зрения анатомической очень трудно установить сколько-нибудь резкие различия, и получается впечатление, что высокая культура, связанная с усложнением функции мозга, как будто мало отразилась на его структурных особенностях; во всяком случае эти различия не таковы, чтобы в настоящее время самый компетентный анатом мог на основании анатомического исследования отметить существенную разницу между мозгом примитивного и высоко образованного субъекта, обладающего колоссальным количеством разного рода знаний. Конечно, более подробное изучение мозговых структур, в частности архитектоники, можно надеяться, в дальнейшем даст больше опорных пунктов для установления морфологических вариаций, о чем уже упоминалось. Однако без изучения динамических соотношений трудно подойти к выяснению функциональных возможностей данного мозга. Дело в том, что в течение жизни количество клеток, имеющих при рождении, не изменяется, нервные клетки не способны к размножению, может увеличиться лишь количество коллатералей нервных волокон и то лишь в молодом возрасте, а между тем новые знания, новые достижения, как известно, доступны и старческому возрасту, когда мозг скорее деградирует и когда уж во всяком случае не может быть и речи об образовании новых структур. Такие данные, правда, косвенного характера, должны привести нас к заключению, что те огромные различия, те вариации, которые доступны человеческому мозгу в смысле его функциональных достижений, не

покрываются целиком структурными особенностями, присущими данному субъекту, и что, повидимому, здесь приходится иметь в виду также особенности динамических соотношений отдельных частей. Между отдельными морфологическими элементами может быть установлено любое количество различных связей по законам комбинаций. Совершенно ясно, что подобно тому как из нескольких десятков звуков составляется один язык и затем при изучении другого языка из того же количества звуков, но в других комбинациях, составляется другой язык и т. д., подобным же образом из отдельных структур нашего мозга, из отдельных его элементов, которые являются более или менее постоянными, может получаться различное количество комбинаций в зависимости от тех жизненных условий, в которых находится данный субъект. Иными словами, при данной структуре мозга получается возможность различных индивидуальных достижений в зависимости от большего или меньшего количества динамических комбинаций между отдельными частями, комбинаций, примером которых можно считать условные рефлексы¹.

Итак, функциональные особенности мозга зависят, нужно думать, не только от его морфологической структуры, но и от тех динамических комбинаций, которые возможны в данном мозгу при данной его структуре. Конечно, человеческий мозг, как и мозг других животных, постепенно в ряде поколений изменяется также и структурно. Совершенно ясно, что те или иные функции в дальнейшем развитии человечества так или иначе должны создавать соответственные им стойкие структурные особенности. Но все же значительная часть тех функциональных усложнений, которые мы видим у человека, зависит также и от динамического соотношения наличных структурных элементов. Во всяком случае мы видим, что анатомические данные могут и должны иметь огромное значение, главным образом при их сопоставлении с физиологическими особенностями, при возможности комбинирования тех достижений, которые имеет та и другая наука, с целью установления определенных соотношений, причем анатомия, как таковая, получает особый смысл при ее динамическом рассмотрении.

Проф. М. Гуревич.

¹ Во время прений по моему докладу д-р Урановский очень кстати привел выражение Маркса, который, имея в виду биологические различия, в связи с выросшим из экономических условий разделением труда, писал: «В принципе носильщик в меньшей степени отличается от философа, чем цепная собака от борзой». Конечно, при данных структурных основах динамическое развертывание функциональных возможностей зависит от констеллятивных факторов в жизни данного субъекта.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОТЕРАПИИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСАХ

I

Очерк развития психотерапии как новой врачебной дисциплины

Психотерапия как наука о психических методах лечения является одной из наиболее молодых врачебных дисциплин, но корни ее как грубого эмпирического искусства уходят в глубь далекого прошлого.

Целительная сила мистических обрядов, молитв и амулетов, благотворное влияние исповеди—представляют собою примитивную психотерапию, окутанную магическим ореолом сверхъестественных сил. Знахари, заклинатели, шаманы, тибетские доктора, чудодеи—это примитивные, архаические психотерапевты, использующие религиозные предрассудки и суеверия народа.

У греческих и египетских жрецов, у индийских браминов врачебная и психотерапевтическая деятельность тесно сплеталась с религиозными процедурами и эзотерическими таинствами. По мере освобождения медицины от теологии можно было ожидать того же и для психотерапии. Однако эта область довольно прочно удерживалась представителями мистики, оккультизма и знахарства, эксплуатировалась темными личностями и шарлатанами. В медицине же в течение долгого времени игнорируется проблема психического лечения. Лишь со второй половины XIX века начинается научная разработка психотерапии как особой врачебной дисциплины. Ее зарождение и развитие находятся в тесной связи с изменением взглядов на сущность функциональных нервных болезней, или неврозов. Этим термином вначале обозначались все те заболевания, при которых не удавалось обнаружить каких-нибудь анатомических, структурных нарушений. Но уже во второй половине XIX века, благодаря блестящим анатомическим исследованиям *Гольджи*, *Рамон-Кахала*, *Нисля* и др., целый ряд заболеваний был выделен из группы неврозов как органические повреждения. Тогда возникло предположение, что в конце концов будут открыты органические изменения и в оставшейся группе, объединяемой понятием невроза. Так, *Раймонд* определил неврозы как «страдания нервной системы без органических поражений, открываемых современными методами исследования».

При таком статически-анатомическом взгляде на сущность неврозов не могло быть речи о применении психического лечения. Особое внимание в терапии неврозов уделялось физиотерапии: электричеству, водолечению и т. д. Поворотным пунктом во взглядах на сущность неврозов являются исследования *Шарко* по гипнотизму и истерии. Огромное значение имели также работы Нансийской школы (*Льебо*, *Бернгейм* и др.).

Сходство явлений, вызываемых путем гипнотического внушения, с истерическими симптомами, возможность устранять последние путем внушения привели к новому взгляду на природу неврозов. В них стали видеть заболевания психического происхождения; этот психологический характер заболевания резко отличает их от органических заболеваний и дает им общий положительный признак. Было предложено называть их психоневрозами. При таком понимании функциональных расстройств главное внимание начинает уделяться психическим методам лечения—психотерапии. Она становится особой врачебной дисциплиной. Дальнейшее ее развитие, различие методов находится в связи с тем, какому именно психологическому фактору приписывается главное значение в происхождении неврозов, внушению, интеллектуальной или эмоциональной сфере, воле, «подсознательному» и т. д. Одно из основных направлений, наиболее ранних, видит ядро неврозов во внушении и самовнушении; соответственно этому развивается гипно-суггестивный метод психотерапии. Внушение в различных модификациях: *hypnose agité*, внушение в бодром и гипнотическом состоянии начинает применяться при неврозах. Развитию суггестивной психотерапии содействовали труды Нансийской школы (*Льебо*, *Бернгейм*), а также *Форель*, *Моль*, *Фохт* и *Левенфельд*, у нас в России—*Бехтерев*, *Рыбалкин* и др. Исходя из других соображений, создается направление, применяющее метод убеждения,—рациональная или диалектическая психотерапия (*Дюбуа*, *Дежерен*). Повышенная внушаемость, эмотивность невротиков, ложные ассоциации выдвигают задачу укрепления интеллектуальной сферы их. Поэтому *Дюбуа* отказывается не только от гипноза, но и вообще от внушения. Он обращается к разуму больного, стремится разрушить ложные точки зрения, укрепить его волю и самообладание и таким путем привести к победе над своей болезнью. *Леви* придает главное значение воспитанию воли, *Марциновский*—изменению мирозерцания.

Признавая положительные стороны и преимущества диалектической психотерапии, критика (*Форель*, *Джонс*) справедливо указывает на примесь в ней эмоционального момента и внушения.

Убеждающая сила и терапевтическое действие врачебной диалектики основаны не только на логической безупречности ее, но и на доверии, вере в авторитет врача. Конечно, здесь нет слепой веры и полной пассивности загипнотизированного, но все же тут на первый план выступает не то, что говорится, а кем говорится, т. е. момент веры и авторитета. Поэтому рациональную психотерапию справедливо причисляют к суггестивной, как и наиболее сложную и утонченную форму (*Джонс*).

Методы внушения и убеждения имеют ту общую черту, что здесь на первый план выступает активная роль врача, в рациональной психотерапии некоторая степень самостоятельности предоставляется больному.

Теперь мы обратимся к тем методам, в которых этой самостоятельности больного в процессе лечения предоставляется главная роль, а врач занимает более наблюдательную, пассивную позицию. Это катартический метод и психоанализ.

Основание катартического методу лечения было положено *Брейером и Фрейдом*. Они наблюдали больную с сумеречными состояниями. Ее состояние значительно улучшилось после того, как она, впадая в гипноидное состояние, переживала давние психотравматические сцены. Ее тогда начали подвергать нарочито гипнозу. Если в таком состоянии она вспоминала и отреагировала давние тяжелые переживания, симптомы исчезали и наблюдалось улучшение.

Исходя из подобных наблюдений, создалась новая психологическая теория неврозов. Следы психических травм, «ущемленные аффекты» или вытесненные комплексы, оставаясь существовать в сфере бессознательного, являются основой болезненных симптомов. Для того чтобы уничтожить симптомы, необходимо извлечь из сферы бессознательного вытесненные комплексы. После отреагирования ущемленных аффектов исчезают порожденные ими симптомы.

В таком виде представляется психологический механизм катартической терапии. Для выявления вытесненных комплексов, подвергшихся амнезии психических травм, Фрейд и Брейер пользовались гипнозом, так как в этом состоянии повышается способность воспоминания. Многие психотерапевты и теперь пользуются гипнозом для катартической терапии (*Франк, Гретер, де-Монтэ*). В нескольких случаях и нам приходилось наблюдать хорошие результаты от применения гипно-катарсиса. Фрейд отказался от гипноза и открывает другие пути для проникновения в область бессознательного и скрытых там комплексов: это метод свободных ассоциаций и анализ сновидений. Фрейд создает теорию психоанализа, имеющую две стороны: одна из них касается механизма возникновения невротических симптомов, формальная сторона, другая касается вопроса об этиологии невроза. В возникновении невротических симптомов и невроза в целом огромное значение имеют процессы вытеснения комплексов и замещения. Симптом есть заместитель вытесненного комплекса. Те же механизмы действуют в образовании сновидений и в «психопатологии обыденной жизни». По своему содержанию вытесненные комплексы суть остатки инфантильной сексуальности (аутоэротизм, нарцизм, оральная эротика, анальная, садизм, комплекс Эдипа) и т. д.

Задачей психоаналитической терапии является при помощи метода ассоциаций и анализа сновидений открыть эти инфантильно-сексуальные комплексы, перевести их из сферы бессознательного в область сознания. В психологических конструкциях, касающихся механизма неврозов, имеются весьма ценные интуиции, приближающиеся, как мы увидим позже, к некоторым положениям новой физиологии мозга.

Весьма ценным является также та сторона учения Фрейда, которой подчеркивается социальная природа невроза, значение воспитательных факторов, роль инстинктов и их нарушений в эволюции личности. К сожалению, эти стороны учения Фрейда окутаны густым туманом субъективной схоластики, а в последних произведениях («Я и оно», «По ту сторону принципа удовольствия») Фрейд совершенно оставляет почву науки, погружаясь в туманную область трансцендентной метафизики.

Сам по себе психоаналитический метод не стоит в неперенной связи с теорией психоанализа, а в особенности с взглядом на исключительное значение сексуального момента в этиологии неврозов.

Односторонность этой точки зрения привела к расколу в психоаналитической школе и к отделению видных последователей ее (*Юнг, Адлер, Штекель* и др.). Юнг и Адлер подходят к проблеме неврозов с иной точки зрения. Невротические симптомы могут быть расшифрованы не только исходя из прошлых переживаний, но и с точки зрения их значения для настоящего и будущего. Особенно эту мысль развивает Адлер. По его мнению не только симптомы, но и все поведение невротика проникнуто какой-то внутренней единой целью, субъективной телеологией. Основным ядром невроза он считает борьбу с чувством малоценности путем стремления к превосходству и власти.

Средством для осуществления этой цели и являются невротические симптомы, они являются оружием невротика, возникая, когда это необходимо. Форма заболевания и характер симптомов зависят как от предрасположения, так и от внешней ситуации. Задачей психотерапии является обнаружение основной цели превосходства, пропозывающей жизненную политику невротика, и его перевоспитание. В этом заключается индивидуально-психологический метод *Адлера*. Он пользуется для этой цели психоаналитической методикой, анализом сновидений, свободным собеседованием и т. д. Как видно, один психоанализ сам по себе не является достаточным, и психоаналитики комбинируют его с другими методами. *Юнг* сочетает его с воспитанием воли, *Зимель* присоединяет внушение к краткому психоанализу, *Медер* дополняет анализ «динамогенным» воздействием врача, *Бецола* противопоставляет психоанализу «психосинтез» и, как мы видели, *Адлер* на первый план ставит психопедагогическое воздействие врача с целью выправления основной линии невротического поведения. По мнению *Кронфельда* психопедагогика начинается только там, где кончается психоанализ. Психотерапия есть педагогика нервнобольного. Для своей цели психотерапия может использовать различные методы, ни один из них не может считаться единственно ценным. Так создается «универсальная» психотерапия, пользующаяся в нужных случаях и гипнозом и внушением, психоанализом и психопедагогикой (*Кронфельд, Шульце* и др.).

Однако и эта «универсальная» психотерапия, стремящаяся занять объективную позицию по отношению к враждующим направлениям, представляет пока лишь эклектическое здание без определенного

плана. Описанные нами психотерапевтические методы бесспорно обла- дают огромной терапевтической ценностью, но, как мы видим, теории этих методов построены на изучении субъективного мира невротиков, эти теории базируются на психологических и философских понятиях. Шаткость субъективного подхода делает понятным и догматизм этих теорий, что особенно чувствуется в ортодоксальном фрейдизме. Можно сказать, что, несмотря на огромные практические достижения психотерапии, ее теоретический фундамент находится в хаотическом состоянии. Объясняется это несостоятельностью субъективного метода. Он имел в свое время оправдание как реакция против грубо-анатомического подхода к пониманию неврозов. Однако в настоящее время разрабатывается новая, объективная наука о поведении, что открывает новые перспективы для понимания механизма неврозов и их психологического лечения. Блестящие достижения метода условных рефлексов, затрагивающие и проблемы функциональной нервной патологии, представляют тот истинно научный фундамент, на котором должно строиться здание психотерапии. С новой, объективной точки зрения должны быть пересмотрены и освещены основные методы ее, учтены ценные факты и наблюдения, выключены остатки субъективной схоластики и метафизики. Только таким путем будет построена настоящая научная психотерапия на объективном, физиологическом фундаменте. Нашей задачей является показать, насколько уже в настоящее время является плодотворной объективная точка зрения для выяснения теоретических основ психотерапии.

III

Проблема психического лечения в свете естественно-научного монизма

Проблема психического лечения неизбежно сталкивается со старым вопросом о взаимоотношении психики и соматики, психологии и физиологии. Обосновывая свой взгляд на неврозы как на психогенные заболевания, Дюбуа приводит следующие соображения: «Печаль может быть вызвана и умственными представлениями и идеями, происхождение ее в таком случае идеогенное. В случае же, когда она вызвана действием яда из нервного центра, мы говорим о соматическом ее происхождении». «Самое ощущение боли еще ничего не говорит об ее причине. Отыскать ее причину сам больной не всегда в состоянии. Это боль— вполне реальная и как факт сознания и как факт соответствующего состояния мозга, эта боль может произойти и от повреждения тканей и от раздражения нейрона где-нибудь на его протяжении, но она может возникнуть и под влиянием исключительно умственного представления, навязчивой идеи или самовнушения, т. е. психическим путем». Он заключает: «Очень важно поэтому знать, что одни и те же физиологические проявления, а в патологии одни и те же расстройства могут происходить из причин разнородных: либо психических, либо физических, а также от тех и других вместе». Итак, физиологические процессы, по мнению Дюбуа,

могут находиться в причинной зависимости от психических процессов, душа воздействует на тело и обратно. Такой взгляд является еще в настоящее время распространенным среди не только психологов, но и психиатров и невропатологов. Этот психофизический дуализм однако стоит в полном противоречии с основами научного миропонимания. Что такое психическое? Если оно нечто совершенно отличное от материального мира, не имеющее протяженности, то как оно может сдвинуть хотя бы один атом с места. Не возникла ли бы тогда энергия из ничего? Прибегая к объяснению физиологических процессов имматериальными психическими силами, мы тем самым удаляемся от науки, раскрывая двери умозрению и мистике. Настоящий научный подход должен быть монистичен и материалистичен; при исследовании механизма поведения человека мы должны подходить к нему, как к объекту телесного мира, избегая экскурсий в нетелесную, психическую область. Но традиционная психология оставалась и остается дуалистичной.

Занимая отрицательную позицию в отношении субъективной психологии, А. Ланге¹ следующим образом рисует дуалистический подход к механизму человеческого поведения: к купцу принесли телеграмму делового характера, вызвавшую целый ряд поступков. «Он вскакивает. Почему он вскакивает? Его мышцы сократились соответствующим образом. А это почему? Они получили импульс нервной деятельности, который освободил скопившийся запас потенциальных сил. Откуда исходит этот импульс? Из центра нервной системы. Как возник он там? Благодаря «душе». Занавес опускается, сальто-мортале из науки в мифологию совершен».

Но такое положение вещей и в настоящее время сохраняет силу не только в философских, но и в медицинских кругах. Пока дело касается элементарных функций организма, работы низших нервных центров— до тех пор оперируют данными физиологии, физики, химии, понятиями временно-пространственного материального мира, но если вопрос касается более сложных функций организма, его приспособления к окружающей среде, т. е. поведения, то сейчас же прибегают к таким терминам, как «чувство», «настроение», «воля» и т. д., т. е. совершают «сальто-мортале» из науки в мифологию. «Объективный метод исследования высшей нервной деятельности открывает физиологические механизмы поведения животного и человека и тем делает совершенно излишними экскурсии в область «души». Изучение поведения становится на путь естественно-научного монизма. Помимо метода условных рефлексов, открытого акад. И. П. Павловым, объективного метода придерживается особое течение «бихевиоризма» в американской психологии и школа В. М. Бехтерева. При изучении поведения метод условных рефлексов стоит на строго объективной позиции, рассматривая организм и его деятельность исключительно как объект телесного мира и не прибегая к понятиям субъективного, психологического свойства. Интроспективный же метод

¹ История материализма.

представляет собою особый вид познания, резко отличающийся от обычного научного. Слабость интроспективного метода заключается в том, что здесь субъект и объект изучения слиты воедино. Знание же субъективных переживаний других лиц возможно лишь по аналогии и представляет собою скорее область художественной интуиции, чем научного исследования. Субъективные переживания с научной точки зрения не могут ничего объяснить: они сами являются чем-то, что должно быть объяснено. Поэтому изучение поведения с объективной точки зрения в свете материалистического мировоззрения является единственно ценным и плодотворным как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Что же представляют собою «психогенные» реакции, нормальные и патологические, с объективно-физиологической точки зрения?

Животное выделяет слюну не только в том случае, когда ему попадает в рот пища, но и при виде ее. Выделение слюны при виде пищи считалось «психическим». С физиологической точки зрения здесь в качестве возбудителя слюноотделительного процесса является зрительное и обонятельное раздражение, идущее от пищи к соответствующим рецепторным аппаратам. По существу здесь тот же рефлекторный акт, но этот акт не является врожденным, а вырабатывается в течение индивидуального развития, он называется условным рефлексом. Его можно выработать экспериментально на любой индифферентный раздражитель. Для этого необходимо, чтобы последний в течение некоторого времени сочетался с действием врожденного безусловного рефлекса. Итак, «психическое» слюноотделение есть условно-рефлекторный процесс, протекающий с определенной закономерностью во временно-пространственном мире. Нет никакой нужды прибегать к имматериальному, субъективно-психологическому фактору. Но не только слюна, любая реакция организма, двигательная, секреторная (в том числе и внутренняя секреция) может быть вызвана как адекватным безусловным раздражителем, так и условным раздражителем. Вот эти условные реакции и представляют собой то, что раньше понималось как «психогенные» реакции. Условные реакции могут вызываться не только раздражителями, действующими в данный момент, но и следами прежних раздражений (условные следовые рефлексы). Если воздействовать на кожу животного каким-нибудь болевым раздражителем (фарадическим током), то оно реагирует на это оборонительной реакцией. Это будет безусловный рефлекс. Если мы одновременно с фарадическим током будем применять какой-нибудь индифферентный раздражитель, например удар метронома, 140 ударов в минуту, то через некоторое время животное при звуке метронома будет реагировать оборонительным движением таким же, как и при действии фарадического тока. Это будет условный оборонительный рефлекс. С субъективной точки зрения здесь бы шла речь о боли «психического» происхождения. На самом деле здесь условно-рефлекторный процесс оборонительного характера, протекающий во временно-пространственном мире, его субъективным отражением является «чувство боли», как и в большинстве разрушительных,

деструктивных процессов. Но если любая функция организма может быть приведена в условную связь с различными раздражителями, то при нарушении этих связей или при неправильных их образованиях возможны патологические отклонения этих функций. При этом как рабочий орган, так и обслуживающий его нервно-анатомический аппарат могут быть в полной сохранности. Нарушается лишь образование условных связей.

В этом случае мы будем иметь расстройство функции условного происхождения. Прежде считали такое расстройство «психогенным». Но такое понимание сущности невротических расстройств встречало несогласие даже и среди психологов. Так, Жанэ¹ стремится построить биологическую теорию неврозов. Он различает в каждой функции две стороны: одну древнюю, филогенетически унаследованную, другую высшую часть, которая заключается в приспособлении функции к новым, меняющимся обстоятельствам внешней среды. «Неврозы представляют собою болезни, поражающие различные функции организма, характеризующиеся изменением высших частей этих функций, остановившихся в своем развитии, в своем приспособлении к данному моменту, к данному состоянию внешнего мира и индивидуума и характеризующиеся отсутствием разрушения древних частей этих функций, которые могут еще хорошо совершаться отвлеченным образом, независимо от данных обстоятельств».

Переводя эти мысли на язык учения об условных рефлексах, мы скажем, что при неврозах поражается функция коры, благодаря которой вырабатываются новые временные связи, условные рефлексы, тогда как безусловные рефлексы не поражаются. Этим устанавливается граница между функциональными и органическими заболеваниями. При неврозе поражается способность образования новых временных связей, старые же условные рефлексы, привычки, навыки не затрагиваются. Последнее имеет место при душевных болезнях, что приводит к полному отрыву от действительности. Итак, с объективной точки зрения невроз есть заболевание, характеризующееся нарушением в образовании новых временных связей, условных рефлексов. Невротические симптомы суть inadequate реакции, патологические условные рефлексы, положительные или тормозные. Но так как всякая условная реакция, всякая временная связь есть особое функциональное состояние коры, не имеющее стойкого анатомического субстрата, есть явление динамического характера, то оно может быть таким же чисто динамическим путем изменено.

Нарушения в сфере временных связей могут быть также устранены динамическим путем. С объективной точки зрения психотерапия есть функционально-динамическая терапия, имеющая своей задачей выправление рефлексотворческой деятельности. Ее объект—кора головного мозга. Ее орудия—условные раздражители. В таком виде представляется сущность психотерапии при объективном подходе в свете естественно-научного монизма.

¹ «Неврозы».

Мы оставляем слово: «психотерапия», понимая под этим термином терапию поведения при помощи динамического воздействия на сферу условных рефлексов. Таким образом физиология высшей нервной деятельности делает возможным объективный подход к пониманию неврозов и их терапии, дает возможность отказаться от дуалистической точки зрения, как противоречащей глубочайшим основам естественнo-научного мышления. Для дальнейшего объективного анализа методов и задач психотерапии, тесно связанных с объективным анализом невротического поведения, необходимо остановиться на некоторых основных положениях учения об условных рефлексах.

[III]

Основные механизмы высшей нервной деятельности

Элементарной единицей высшей нервной деятельности является условный рефлекс. В его образовании принимают участие два противоположных состояния нервных клеток, два процесса: раздражительный и тормозный. Эти процессы одинаково активны и относятся друг к другу как плюс и минус, положительное и отрицательное электричество.

Значение этих процессов в выработке временных связей одинаково велико. Если одновременно с кормлением животного действовать каким-нибудь индифферентным раздражителем, то при этом образуются два фокуса возбуждения в головном мозгу. Один, более интенсивный, в пищевом центре, другой в коре—менее интенсивный, вызванный действием индифферентного раздражителя. Сильный очаг возбуждения становится как бы центром притяжения, куда притекает возбуждение из другого пункта. Таким образом устанавливается временная связь между двумя пунктами, образуется условный рефлекс. Как видно, в этой фазе образования временной связи главная роль принадлежит раздражительному процессу. Так как в связи с очагом возбуждения (пищевым центром) может вступить целый ряд раздражителей, то происходит иррадиация раздражительного процесса. Соответственно этому условный рефлекс имеет вначале генерализованный характер. Для того чтобы получить рефлекс только на определенный раздражитель, например звук метронома, мы подкрепляем его подкармливанием, другие же раздражители не подкрепляем. Благодаря этому соответствующая первому временная связь укрепляется, а остальные, наоборот, ослабляются и как бы уничтожаются. Раздражительный процесс концентрируется, условный рефлекс становится специализированным. Вот в этом угашении ненужных временных связей, в специализации условных рефлексов выступает другая функция коры, другой основной механизм—процесс торможения, точнее, внутреннего торможения. Итак, раздражительный процесс является условием для образования временных связей вообще, но лишь благодаря внутреннему торможению отпадают ненужные и сохраняются лишь те, которые имеют для организма

жизненное значение. Этот механизм напоминает собою процесс естественного отбора в борьбе за существование. Размножение организмов, пыльное обсеменение жизни соответствует процессу иррадиации. Но не всякий организм (который является результатом ассоциации отцовской и материнской клетки) имеет шансы укрепиться; особи, немогущие установить равновесие в отношении к внешней среде, обречены на гибель, остаются жить лишь наиболее приспособленные. Итак, внутреннее торможение служит для корригирования временных связей, оно предохраняет рабочие органы от излишней траты энергии и стоит как бы на страже экономии сил организма. Различают несколько видов внутреннего торможения. Если у животного имеется условный рефлекс на метроном, то мы можем его угасить. Для этого мы, действуя метрономом, не подкрепляем его. Постепенно величина рефлекса становится меньше, и наконец получается нуль. Это есть результат угасательного торможения. Последнее играет большую роль в нашей жизни. Как много приходится терять и от многого отказываться. Особенно трудной задачей для нервной системы является угашение условных рефлексов детства, что, как мы увидим далее, может отразиться на всей последующей эволюции личности. Помимо угасательного существуют еще другие виды внутреннего торможения: дифференцировочное, запаздывающее, условное. При выработке дифференцировки из двух близких друг к другу раздражителей (например тон в 256 и 420 колебаний) один сопровождается подкармливанием, другой нет, при «запаздывании» подкармливание начинается не одновременно с началом действия раздражителя, а присоединяется лишь в известный момент, например на 2 или 3 минуте. При выработке условного тормоза к условному раздражителю присоединяется новый раздражитель, и эта комбинация не подкрепляется. Так как во всех этих случаях вначале бывает слюноотделение, а затем постепенно прекращается, то все виды внутреннего торможения являются по существу угасательным торможением. Необходимо отметить, что угашенные, заторможенные рефлексы при некоторых условиях могут вновь вывиться, растормозиться.

Помимо внутреннего торможения различается еще так называемое внешнее торможение условных рефлексов. Это тот случай, когда один рефлекс угнетает, тормозит другой. Например, если посредством какого-нибудь нового раздражителя вызвать у собаки ориентировочную реакцию, то наблюдается торможение пищевого условного рефлекса. Но постепенно новый раздражитель перестает вызывать ориентировочную реакцию, в связи с этим восстанавливается условный рефлекс.

Внешнее торможение рефлексов свойственно также работе низших нервных центров («рефлексы-антагонисты» *Шеррингтона*), внутреннее же торможение представляет собою специфическую функцию коры. У животных, кора которых еще не развита, эти процессы могут быть и в низших отделах. Так, *Фролов* экспериментально доказал возможность выработки условных рефлексов у рыб. Явления иррадиации и концентрации свойственны и процессам внутреннего тор-

можения. При концентрации внутреннего торможения выступает противодействующий процесс возбуждения, при концентрации возбуждения—противодействующий процесс торможения. Из этого следует, что раздражительный и тормозный процессы обладают свойством взаимно ограничивать друг друга.

Экспериментальным исследованием (Фурсиков)¹ установлено, что возбуждение одного пункта коры вызывает торможение других, и наоборот, торможение одного сопровождается повышением возбудимости других участков. Первое представляет собою отрицательную индукцию, второе—положительную. Процессы индукции принимают существенное участие в выработке условных рефлексов как положительных, так и тормозных, благодаря ей осуществляется специализация условных рефлексов, она же находится в основе внешнего торможения условных рефлексов (отрицательная индукция). Наконец к явлениям индукции может быть сведен и механизм переключения рефлексов.

Опытами Ерофеевой установлены следующие факты. Если действовать на кожу собаки фарадическим током, вызывающим обычно оборонительную реакцию, и одновременно с этим кормить, то наблюдается следующее: оборонительная реакция начинает ослабевать, и в конце концов на раздражение фарадическим током собака отвечает как на условный пищевой раздражитель, выделяет слюну, облизывается, поворачивает голову в направлении к кормушке. Фарадический ток сделался условным раздражителем пищевой реакции. Это объясняется тем, что пищевой центр сильнее оборонительного при известных условиях, вследствие этого он притягивает к себе те раздражители, которые обычно идут к оборонительному центру, последний находится как бы в состоянии торможения.

Здесь мы сталкиваемся с явлением переключения рефлексов, зависящим от различной заряженности центров. Более заряженный центр оказывает тормозящее влияние на менее заряженный, что сводится к процессу отрицательной индукции. Описанные явления борьбы центральных нервных механизмов обнаружены Ухтомским и в спинном мозгу; повышенная возбудимость какого-либо центра приводит к торможению другие центры, поэтому на различные раздражители получается реакция главным образом со стороны наиболее заряженного центра—«доминанты».

Опыт Ерофеевой и является искусственным созданием такой «доминанты». Явление переключения рефлексов имеет огромное значение в воспитании натуральных условных рефлексов, особенно велико оно в эволюции личности, образовании высших рефлексов. Нарушения в переключении рефлексов являются одним из главных моментов в развитии неврозов. Благодаря работе описанных механизмов—процессов возбуждения и торможения, их иррадиации и концентрации, взаимной индукции—осуществляется анализ и синтез раздражений, идущих от внешнего мира. Работающий мозг предста-

¹ «Явления индукции в коре головного мозга».

вляет собою как бы мозаику возбудимых и заторможенных пунктов. Падающие на кору головного мозга раздражители приводят в движение, подобно пальцам виртуоза, всю эту грандиозную клавиатуру, извлекая сложные аккорды, сотканые из положительных и отрицательных рефлексов. В каждый данный момент выработкой новых условных рефлексов заняты участки коры с оптимальной возбудимостью.

Это и является, повидимому, физиологическим субстратом сознания. «В участке больших полушарий с оптимальной возбудимостью легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки. Это есть, таким образом, в данный момент, так сказать, творческий отдел больших полушарий. Другие же отделы их, с пониженной возбудимостью, на это неспособны, и их функции при этом, самое большее, составляют ранее выработанные рефлексы, стереотипно возникающие при наличии соответствующих раздражителей. Деятельность этих отделов есть то, что мы субъективно называем бессознательной автоматической деятельностью (И. П. Павлов).

Нарушение нормальной мозаики бодрого, работающего мозга может идти в двух направлениях: или в сторону иррадиации возбуждения, или в сторону преобладания торможения. В последнем случае наступает угасание условно-рефлекторной деятельности, развивается сон. Сон есть, таким образом, иррадированное торможение, а торможение—концентрированный сон. Между этими двумя крайними состояниями существуют переходы в виде сонливости, гипноза и т. д.

Рассмотренные нами основные нервные механизмы: возбуждение, торможение, иррадиация, концентрация их и взаимная индукция при правильной работе обуславливают более точное приспособление организма к меняющимся условиям внешней среды, выработку новых условных рефлексов и торможение старых, потерявших жизненное значение. Естественно, что нарушение в работе этих механизмов ведет к нарушениям в образовании временных связей, в сфере условных рефлексов, вследствие чего поведение принимает неадекватный действительности характер.

С этой точки зрения открывается путь для объективного, физиологического подхода к проблеме неврозов и механизму «психического» лечения.

IV

О физиологическом механизме невротических реакций

Несмотря на преобладание в психоневрологии субъективного метода, отдельными авторами делаются попытки подойти к проблеме неврозов с биологической, объективной точки зрения (Кларк, Стенли-Гол, Жанэ, Кречмер). Последний полагает, что необходимо изучать истерию так, «как изучали бы жизнь паука или формы реакций у какого-нибудь рака, т. е. пользуясь методом чистого наблюдения»¹.

¹ Кречмер. «Об истерии».

Однако биологические теории неврозов, находившиеся под влиянием учения *Дарвина* об аффектах, не имели какой-либо экспериментальной основы. Вопрос о физиологическом механизме невротических реакций оставался совершенно открытым. Развитие учения об условных рефлексах, а в особенности последние достижения его открывают путь для физиологического анализа неврозов. На этот путь становится проф. *Л. Б. Блуменау* в недавно вышедшей книге: «Истерия и ее патогенез».

Невроз—представляет собою инадекватную форму поведения, а невротические симптомы суть патологические условные рефлексы. В основе их должны быть какие-то нарушения в главнейших механизмах высшей нервной деятельности. Каков же характер этих нарушений и благодаря каким факторам они вызываются? Невротические реакции отличаются от нормальных как 1) в качественном, так и 2) в количественном отношении.

1. Качественное несоответствие невротических реакций заключается в том, что они как бы не находятся в рациональной связи с вызывающим их наличным раздражителем. Связь между внешним раздражителем и вызываемой реакцией представляется как бы лишней всякого жизненного значения. Особенно это бросается в глаза при различных навязчивых страхах (напр. боязнь закрытых помещений, или клаустрофобия). Такие реакции придают поведению невротика непонятный, странный характер. Однако анализ этих реакций выясняет, что они являются ответом не только на данный актуальный раздражитель, но обусловлены следами от прежних раздражителей, с которыми настоящий находится в ассоциативной связи. Этот механизм «смещения» или «переноса» является характерным для неврозов психическим механизмом, наблюдающимся во всех жизненных положениях и лежащим в основе большинства болезненных проявлений» (*Ферензи*)¹.

Как представить себе этот механизм с физиологической точки зрения? При лабораторной выработке условных рефлексов отмечаются две фазы. В первой фазе животное реагирует не только на определенный условный раздражитель, но и на все сходные с ним, а также и на раздражения, исходящие из окружающей обстановки (ассоциация по «сходству» и по «смежности»). Это фаза генерализованного рефлекса. Во второй фазе животное реагирует лишь на определенный условный раздражитель. Рефлекс становится специализированным. С объективно-физиологической точки зрения описанные реакции «переноса» являются генерализованными условными рефлексами. Чем объясняется преобладание таких реакций у невротиков? Необходимо отметить, что этот тип реакций представляет собою предварительную, примитивную фазу в выработке условных рефлексов, не только искусственных, но и натуральных. На заре индивидуальной эволюции этот тип реакций является доминирующим. *Минковский* на

¹ Ферензи. «Интроекция и перенесение».

основании эмбриологических исследований отмечает чрезвычайно иррадированный характер зародышевых рефлексов. В течение дальнейшего развития «нервные реакции, рефлексы, движения, становятся все более точными, они все более сосредоточиваются в раздражаемых сегментах тела, не мобилизуя всех остальных» (*Минковский*)¹.

Детские реакции имеют в первые годы преимущественно генерализованный характер. Но затем постепенно развивается высший тип концентрированных, специализированных условных рефлексов. Однако мозговая кора сохраняет инфантильные черты в том смысле, что способность к генерализованным, иррадированным реакциям не исчезает, а переходит как бы в латентное состояние. Они обнаруживаются в особых случаях при сильной заряженности какого-либо нервного центра (защитного, пищевого, полового), при образовании временной «доминанты».

С потуханием очагов возбуждения реакции приобретают нормальный характер. Как видно из вышеизложенного, два момента имеют значение в образовании генерализованных рефлексов: слабость дифференцирующей деятельности коры (в детстве) и повышение возбудимости нервных центров. Генерализованные рефлексы невротиков также объясняются образованием стойких очагов возбуждения или торможения в коре. Эти очаги «сторожевые энграммы», или условные доминанты, являются как бы сферой притяжения для падающих на мозг раздражений, благодаря чему образуются всевозможные аномальные временные связи. Благодаря этому происходит переключение рефлексов, и реакции невротика не соответствуют действительности. Чем же объясняется образование стойких очагов, «условных доминант»², в коре головного мозга, нарушающих нормальную творческую работу и придающих поведению невротика неадекватный действительности характер? Причину следует искать в ряде факторов, нарушающих нормальную эволюцию индивидуума. Наибольшую роль играет, с одной стороны, недостаточная тренировка дифференцирующей функции коры больших полушарий (слабость внутреннего торможения), с другой стороны,—препятствия для разрешения «условных доминант», путем разрешения их ассоциативным путем. И то и другое зависит не столько от конституциональных моментов, сколько от социальной среды, в которой протекает жизнь и развитие личности.

2. Количественная инадекватность невротических реакций проявляется в том, что на слабый раздражитель получается сильная реакция, и на сильный—слабая или совсем не замечается реакции. При неврозе часто приходится наблюдать возбуждающее действие слабых и угнетающее действие сильных раздражителей: невротики часто бурно реагируют по незначительному поводу и, наоборот, действительная серьезная ситуация, напр. опасность, приводит его в состояние полной неподвижности, торможения. Чем объясняется такая

¹ Юбилейный сборник, посвященный И. П. Павлову.

² Иванов-Смоленский. «Учение об условных рефлексах».

извращенная реакция нервных клеток на раздражители различной силы? Физиологические основы такого рода реакций выясняются благодаря новейшим исследованиям «экспериментального невроза» у животных (опыты *Разенкова, Петровой, Крепса, Сирятского*). Если животному дается трудная задача для уравнивания раздражительного и тормозного процессов (трудная дифференцировка, отставление, угашение условн. рефлекса), то может наступить нарушение высшей нервной деятельности—«нервный срыв».

Последний выражается в двоякой форме: или ослабевает тормозный процесс, и тогда животное обнаруживает признаки возбуждения, или же ослабевает раздражительный процесс, и тогда наступает более или менее полное торможение условных рефлексов, длящееся недели или месяцы. Такое невротическое состояние постепенно проходит, обнаруживая ряд фаз. Вначале происходит торможение всех условных рефлексов, затем наступают фазы, при которых слабые условные раздражители вызывают сильный рефлекс, а сильные почти или совсем не вызывают. Это парадоксальная фаза.

Уравнительная фаза характеризуется одинаковым действием сильных и слабых условных раздражителей. Обнаружены и другие фазы, которые проходит нервная клетка на пути от возбуждения к полному торможению и обратно. Некоторые из упомянутых фаз (парадоксальная и уравнительная) были обнаружены *Введенским* на нерве при действии на него какими-нибудь травмирующими агентами (механическими, электрическими или химическими). Вызываемое таким путем торможение представляет собою, по мнению *Введенского*, парабнотическое состояние. Изложенные данные проливают свет на вышепоставленный вопрос о количественном несоответствии невротических реакций. Если невротическое состояние имеет в своей основе преобладание раздражительного процесса, то вполне понятно, что незначительной силы раздражитель может вызвать сильную реакцию. Это подтверждается и новейшими экспериментальными исследованиями. Тот же эффект получится и при парадоксальной фазе торможения. Но при этом обнаружится не только сильное действие слабых условных раздражителей, но и угнетающее действие сильных. Наиболее тяжелые неврозы имеют в своей основе, по видимому, различные фазы коркового торможения. В частности, уравнительная и парадоксальная фазы объясняют многие черты невротического поведения. Например, общезвестна мечтательность невротиков, их бегство от действительности в мир грез. Это можно объяснить тем, что их нервные клетки сильнее возбуждаются следами прежних раздражений, воздействия же, идущие из реальной действительности, их угнетают. Жизнь для невротика имеет как бы значение яда, который в слабой дозе возбуждает, а в сильной угнетает. Таким образом парадоксальная фаза торможения является физиологическим субстратом той власти, которую имеют над невротиком «представления»—следы прежних раздражений—энграммы.

Этим же объясняется и повышенная внушаемость невротиков. Если без всякого гипноза удается внушить субъекту, что перед ним

не женщина, а мужчина, то это значит, что падающие на его нервные клетки звуковые условные раздражители (слова) оказывают большее действие, чем непосредственное комплексное световое раздражение, идущее от реального объекта (безусловный раздражитель). Такую реакцию можно объяснить парабнотическим состоянием нервных клеток, а именно парадоксальной фазой торможения.

Явления «нервного срыва» могут вызываться экспериментальным путем при предъявлении животному трудной жизненной задачи. Очевидно, что невротические состояния человека, с преобладанием возбуждения или торможения, могут быть также результатом срыва на какой-нибудь трудной жизненной задаче, например—потеря любимого человека (угашение условн. рефлекса), а также и другие виды психических травм.

Весьма близко к этому взгляду подходит и *Фрейд*: «травматическим мы называем такое переживание, которое в течение короткого времени вносит в душевную жизнь настолько огромное увеличение раздражений, что их изживание и переработка их не удаются обычным путем, вследствие чего наступает длительное нарушение в распределении энергии». Не только острые невротические состояния, но и тяжелые неврозы длительного характера, берущие свое начало с отрочества и юности, могут быть результатом нервного срыва. Как известно, при переходе из детского возраста к периоду зрелости возникает задача переприспособления и реорганизации: целый ряд инфантильных условных рефлексов подлежит угашению, взамен чего должны быть выработаны новые реакции социального характера. Вот эта задача для некоторых оказывается не под силу, наступает крах высшей нервной деятельности—«нервный срыв». В результате старые рефлексy остаются неугашенными, новые не могут выработаться, образуются «эмоциональные комплексы», поведение становится неадекватным, словом, развивается невроз.

Чем же объясняется то, что период реорганизации личности является для некоторых непосильной задачей и приводит к неврозу?

Раньше приписывали главное значение неполноценной конституции, наследственному фактору. Теперь мы знаем о громадном значении воспитательных воздействий в этиологии неврозов. Эти воздействия могут иметь патогенное значение в двух отношениях: 1. многие примитивные реакции и инстинкты остаются недостаточно заторможенными или переключенными, 2. происходит недостаточная тренировка высших нервных механизмов (в смысле уравнивания процессов возбуждения и торможения).

Эти моменты создают предрасположение к нервному срыву длительного характера, к неврозу. Последний и обнаруживается в период реорганизации (переприспособления) личности, когда необходимо затормозить старые и выработать новые условные рефлексy. Невротик поэтому приносит с собою в жизнь целый ряд инфантильных реакций, недостаточно заторможенных, целый ряд «условных доминант», для жизни ненужных. *Неправильная рефлекторная установка является главной основной для конфликтов и острых «нервных срывов».*

Необходимо остановиться еще на одном моменте, благодаря которому невротические симптомы приобретают особую прочность и самостоятельность. Каждому психотерапевту известно, что, несмотря на свои страдания, невротик упорно сопротивляется лечению. Как понять, что «болезнь становится настолько приятным бременем, что невротик явно или замаскированно сопротивляется снятию его».

Мы упоминали в прошлой главе об опытах Ерофеевой у которой собака вначале реагировала на фарадический ток резкой оборонительной реакцией, но после того как ее одновременно с этим несколько раз подкармливали, фарадический ток вызывал уже не оборонительную, а пищевую реакцию, двигательную и секреторную: животное облизывалось, виляло хвостом, и т. д. Здесь произошло переключение рефлексов.

Не таков ли механизм, например при рентной истерии? Невротический симптом, подкрепляемый рентой, постепенно становится условным раздражителем пищевого рефлекса. В этом причина его прочности и сопротивляемости. Невроз представляет, следовательно, особую форму приспособления индивидуума к социальной среде.

Как речь есть условный рефлекс для говорящего и условный раздражитель для слушающего, так и невротические симптомы—это особый язык, посредством которого невротик объясняется с жизнью. Этим путем он защищается, угрожает, мстит, нападает. Невротические симптомы *поступают* как бы в услужение к главнейшим инстинктам жизни. Если закладка здания невроза происходит в детстве, то окончательное укрепление его является следствием всей дальнейшей жизни. Невротический лепет детства превращается затем в энергичный язык невротических реакций взрослого.

Мы не ставили себе задачей дать исчерпывающую физиологическую теорию невроза, а затронули основные черты невротического поведения в той мере, в какой это кажется необходимым для уяснения задач психотерапии.

V

Задачи и методы психотерапии с объективно-физиологической точки зрения

В связи с физиологической структурой невроза выясняются основные задачи психотерапии. 1. Одна из них, наиболее элементарная, есть непосредственное динамическое воздействие на кору больших полушарий, имеющее целью устранение патологических условных рефлексов. Это достигается различными *методами внушения*. Но этим путем изменяется лишь фасад невропатического здания, не затрагиваются те механизмы, благодаря которым образуются патологические условные рефлексы—невротические симптомы. 2. Как мы выяснили в прошлой главе, многие черты невротического поведения объясняются существованием в коре головного мозга стойких очагов возбуждения или торможения, «условных доминант». Эти очаги возбуждения должны быть разгружены, что достигается *психокатартическим методом*. Последний, создавая условия для отреагирования, способствует разре-

шению условных доминант. 3. Другой путь, более важный, это—разрешение патологических доминант посредством образования новых здоровых переключений (*сублимация*). Однако последний путь (сублимации) тесно связан с исследованием всей невротической установки и не может быть выполнен без предварительного психоанализа (рефлексо-генетического анализа личности). С другой стороны, сублимационная терапия тесно связана с конечной задачей психотерапии, с реорганизацией патологического поведения, задачей воспитательного переобразования личности.

Описанные задачи психотерапии могут быть осуществлены, следовательно, с помощью особых методов: *суггестивного, катартического и аналитически-воспитательного*.

Элементарная задача психотерапии,—борьба с невротическими симптомами—осуществляется с помощью внушения. Механизм внушения принадлежит к элементарным формам корковой деятельности и возможен у животных, где особенно выступает его физиологическая, рефлекторная основа. Опытами *Крылова*¹ установлено, что, после нескольких впрыскиваний собаке препаратов морфия, последняя обнаруживает признаки морфийного отравления при впрыскивании дистиллированной воды или даже при виде шприца или экспериментатора. Последние сделались, таким образом, условными возбудителями явлений морфийного отравления. С субъективной точки зрения здесь можно было бы говорить о внушении, но с физиологической—здесь имеется корковый условный рефлекс. Можно думать, что огромное число лекарственных веществ оказывают благотворное действие скорее в качестве условных раздражителей, чем безусловных. Все возможные физиотерапевтические процедуры, применяемые при неврозе, действуют как условные раздражители. Сюда же относятся всевозможные виды «косвенного внушения». Наиболее благоприятным фоном для действия условных раздражителей является гипнотическое состояние. Подробнее на этом вопросе мы останавливались в предшествовавшей нашей работе². Посредством гипнотического внушения можно воздействовать условным путем на любую функцию организма как в смысле возбуждения, так и ее торможения. Границы такого воздействия могут быть выяснены экспериментальным путем. В этом отношении заслуживают упоминания опыты *Гейера*. Ему совместно с *Ланггейнрихом* удалось наблюдать следующие факты. Субъекту, находившемуся в гипнотическом состоянии, внушалось, что он ест мясо, в другой раз внушалось, что он ест хлеб с маслом. Извлеченный зондом желудочный сок обнаружил в связи с различием внушений различный состав. Из этого следует, что не только желудочная секреция в целом, но и отдельные ее компоненты могут вызываться условным путем. Можно думать о той поистине грандиозной надстройке условных связей, которые образуются в те-

¹ Крылов. «Условный рефлекс на автоматический раздражитель».

² Гипнотизм в свете учения об усл. рефлексах. «Вестник Комм. Академии», то XV, 1926 г.

чение онтогенетической эволюции организма и благодаря которым любой рабочий орган (в том числе и эндокринные железы) может быть заторможен или возбужден условным раздражителем. Особенно показательным в этом отношении является вызывание различных вегетативных реакций путем гипнотического внушения (напр. вызывание внушением ожогов). В связи с вышеизложенным становится понятной физиологическая основа суггестивной гипнотерапии. Гипнотическое состояние используется также и для осуществления второй из намеченных нами задач, для катарсиса. Его задачей является разрешение условной доминанты путем отреагирования.

Гипноз создает для этого благоприятный фон. Обычная деятельность бодрого мозга тормозит эти очаги возбуждения (внешнее торможение). В гипнозе это внешнее торможение отпадает, благодаря чему повышается возбудимость патологических доминант. Происходит процесс отреагирования, благодаря которому восстанавливается равновесие в процессах возбуждения и торможения. Однако катартический эффект может быть достигнут не только применением гипноза. Растворение скрытых иррадированных (эмоциональных) реакций возможно также путем аналитической методики: метода словесной реакции, изучения и анализа сновидений. Особое значение психоаналитическая школа придает анализу сновидений. Представитель объективной психологии (бихевиоризма) Дж. Уатсон («Психология как наука о поведении») высказывается по этому поводу: «Сны являются частью суммы реакций личности. Они в такой же мере являются показателями природы личности, ее стремлений, склонностей и эмоциональной жизни вообще, как и всякая другая деятельность человека. Сны являются речевыми реакциями и притом не изолированными реакциями вроде мускульного сокращения. Они являются связанной и ассоциированной деятельностью, столь же полной, как, напр., постройка дома, чтение лекций или ведение крупного дела. При анализе сновидений можно воспользоваться методом словесной реакции. Испытуемому даются из содержания сновидения слова-раздражители, на которые он должен медленно отвечать. Если при этом происходит задержка, то это означает, что слово-раздражитель затронул «условную доминанту» или эмоциональный комплекс.

С физиологической точки зрения мы здесь имеем условный тормозный рефлекс—условное торможение речевой реакции. Необходимо отметить, что создаваемые этой методикой психоанализа условия для отреагирования—катарсиса—имеют то преимущество перед гипнозом, что могут быть применены на более широком круге лиц. Однако сам по себе катартический метод является симптоматической терапией.

Разрешение патологической доминанты путем отреагирования не предохраняет от образования новой. С другой стороны, не всякая условная доминанта может быть разрешена путем отреагирования. Тогда является необходимость ее разрешения путем переключения. Этот путь переключения рефлексов (сублимации) находится в тесной связи с задачей реорганизации невротического поведения, что осуществляется

комбинированным аналитически-воспитательным методом. Последний является настоящей каузальной терапией невроза, как формы поведения. Анализ и воспитательное («психологическое») воздействие не представляют собою две фазы, хронологически следующие одна за другой, а две стороны, взаимно переплетающиеся в процессе терапевтической работы. Общая задача ее вытекает из вышеизложенного нами взгляда на механизм невротического поведения. Невроз является длительным состоянием «нервного срыва», вызванного неудачной реорганизацией личности в переходный период жизни (от детства и юности к взрослому периоду).

Рефлексологический анализ поведения невротика (реактивный эксперимент, анализ сновидений и т. д.) имеет своей задачей как бы восстановить первоначальное положение вещей, выявить те неугашенные инфантильные реакции, которые придают поведению невротика хаотический, неадекватный действительности характер. В процессе анализа больному указываются настоящие причины его патологических реакций, их адекватные раздражители. Такая методика аналогична выработке дифференцировок, при которой один раздражитель подкрепляется, а схожие с ним и все остальные угашаются. Эта методика приводит к тому, что реакция становится все менее иррадированной и генерализованной, поведение принимает характер более организованный, рациональный. «По мере выработки дифференцировки на известный раздражитель, по мере того, как вызываемое им возбуждение перестает иррадиировать по коре головного мозга, утрачивается эмоциональный характер раздражителя, реакция на него становится привычной, связанный с ним психический процесс приобретает так называемый интеллектуальный или познавательный характер» (Осипов)¹.

Одной из причин, предрасполагающих к неврозу, является недостаточная тренировка нервных клеток в разрешении жизненных задач, благодаря чему плохо удается уравнивание раздражительного и тормозного процессов: дифференцировка, угашение рефлексов и т. д. В связи с этим кроме аналитической терапии необходима еще практическая тренировка высших нервных механизмов. Ее значение установлено экспериментальным путем. Изучая «экспериментальные неврозы» у животных, Разенков² нашел, что «применение задачи в первый раз ведет к длительному нарушению деятельности полушарий головного мозга, исчисляемому не минутами, а часами, неделями и месяцами. Тренировка или упражнение нервных клеток ведет к тому, что при предъявлении нервной системе одной и той же задачи с каждым последующим разом нарушение в деятельности полушарий головного мозга сказывается менее глубоко и протекает в более короткое время, а в конце-концов эта же самая задача уже проходит бесследно, не вызывая в нервной системе никаких нарушений».

¹ Осипов. «О физиологическом происхождении эмоций».

² Труды физиологических лабораторий академика И. П. Павлова, т. I, вып. I.

Выявив инфантильные реакции, патологические «условные доминанты» и укрепив высшие нервные механизмы, психотерапия стремится вновь разрешить нерешенную большую задачу жизни, задачу реорганизации поведения, довоспитания личности. Существенным условием для этой рационально-педагогической терапии является «психотерапевтический раппорт», динамогенное влияние врача (*Медер*), аффективная связь (*Кронфельд*), перенесение (*Фрейд*). Здесь имеет место особая реакция больного на личность врача. Физиологическая сущность ее, повидимому, та же, что и в гипнозе по отношению к гипнотизеру. Врач становится сильным раздражителем, соответственно чему образуется в мозговой коре невротика «сторожевой пункт», или «условная доминанта». В образовании их можно усмотреть явление переноса скрытых, инфантильных эмоциональных реакций (перенос аффективных отношений с родителей и воспитателей) на врача.

Здесь имеет место, повидимому, генерализация инфантильных условных рефлексов покорности. Благодаря такому значению врача последний может стать динамогенным фактором, затормаживающим аномальные условные связи и воспитывающим новые, результатом чего является выработка здоровых, нормальных реакций. Невротические реакции—хаотические реакции, задача психотерапии сделать их организованными. В каком направлении должна идти реорганизация поведения?

Невроз представляет собою как бы конвульсии первобытно-индивидуальной стихии, не могущей войти в рамки культурно-социальных ограничений, при неврозе ослабляются *условные социальные рефлексы*. Этим указывается направление, в котором должна идти терапия поведения, или *тропотерапия*. Асоциальный невротик должен быть перевоспитан в гармоничную, социально-полноценную личность. В этом конечная задача психотерапии. Ее выполнение во многом зависит от искусства врача, его индивидуальных особенностей. Однако наибольших результатов можно ожидать лишь от развития настоящей научной психотерапии, построенной на данных объективного метода изучения высшей нервной деятельности.

Б. Бирман.

ОТ РЕДАКЦИИ

Автор пытается дать материалистическую теорию психоневрозов и психотерапии. Эта попытка заслуживает полного признания как потому, что она направлена против реакционно-идеалистических взглядов и методов в психоневрологии, так и потому, что она становится на путь систематизации и увязки массы разрозненных фактов и отношений. Вместе с тем необходимо, однако, указать и на некоторые методологические дефекты, мешающие автору дать действительно правильное решение поставленной задачи. В построениях автора нет методологически верного учета субъективной стороны объективного нервного процесса. По автору выходит, что всякая ссылка на связь психоневроза с субъективными переживаниями коренится обязательно в признании души как некоей нематериальной субстанции, в чем действительно и повинно большинство теоретиков современной психоневрологии (Джемс, Фрейд и друг.). Однако такое толкование субъек-

тивных переживаний давно преодолено диалектическим материализмом, который, настаивая на реальности психических явлений, научно утверждает их неразрывное единство с объективно-нервными процессами. При таком единственно правильном понимании дела «психобязнь» становится совершенно необоснованной, и даже самонаблюдение, при всех его частных методологических недостатках, включается в число путей, ведущих к овладению психоневрологическими закономерностями.

Еще один момент является очень существенным. Строить материалистическую теорию психоневрозов и психотерапии отнюдь не означает обязательно сводить все дело в последнем счете к условным рефлексам, ибо условно-рефлекторная деятельность исчерпывает собою лишь сравнительно примитивные функции высшей нервной деятельности. На базе условных рефлексов вырастают более сложные и качественно своеобразные нервно-психические функции, которые еще ждут своего последовательно-материалистического изучения. Между тем нарушение именно этих сложных функций имеет немалое значение для происхождения психоневроза и отдельных его симптомов (*часть* симптомов может быть, действительно, непосредственно объяснена условно-рефлекторными недочетами).

«Ущемленные комплексы», играющие столь важную роль в развитии психоневроза, отнюдь не складываются механически из ряда реакций, просто совпадающих друг с другом во времени, а *синтезируются* из этих реакций путем сложной мозговой работы, длящейся немало времени вслед за исходным травмирующим раздражением. Такая же сложная предварительная работа лежит и в основе болезненной «стратегической установки» невротика. Называть и эти реактивные механизмы условно-рефлекторными—значит затушевывать разницу между ними и теми процессами непосредственного и короткого замыкания, которые определяют природу изученных школой И. П. Павлова простых реакций.

ХИМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЫХАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Только при беглом поверхностном взгляде живой организм представляется нам чем-то неизменным, незыблемым. На самом деле он постоянно меняется, через него непрерывным потоком пронесется материя и связанная с нею энергия. В этом отношении организм можно уподобить струе воды. При постоянных условиях температуры, давления и т. д. струя сохраняет постоянной свою внешнюю форму, и, однако, частицы воды в ней непрерывно меняются. Но тогда как эти частицы в струе воды остаются неизменными, вещество, поступающее из внешней среды в живой организм, подвергается ряду весьма сложных химических превращений. Эти превращения, непрерывно совершающиеся в течение всей жизни организма, лежат в основе тех явлений, которые мы называем «жизненными». Питание, рост, дыхание, движение и пр. имеют в своей основе химическую реакцию—процесс превращения вещества и связанное с этим процессом превращение энергии.

В настоящей статье нас главным образом будут интересовать только те реакции, которые связаны с большим энергетическим эффектом. Среди них на первое место нужно поставить окислительно-восстановительные процессы, те процессы, которые лежат в основе дыхания и химически родственного ему брожения.

Из всех проявлений жизни дыхание является наиболее распространенным, наиболее общим. При этом оно отнюдь не может быть нами расцениваемо, как чисто внешний признак жизни. Напротив, дыхание и брожение представляют собой центральные процессы, на которых основывается весь сложный механизм жизненных явлений. Целый ряд превращений, совершающихся в живом теле,—рост, движение и пр.—требуют затраты энергии. Источником этой энергии и являются указанные процессы.

Еще в конце XVIII века Лавуазье указал на то сходство, которое существует между явлениями дыхания и горения. Он показал, что как там, так и тут происходит окисление углеродистых, органических веществ на счет газообразного кислорода воздуха. При этом и в случае дыхания и в случае горения образуются одни и те же конечные продукты—углекислота и вода. Мало того, Лавуазье удалось показать, что в обоих указанных случаях на каждый пай выделившейся углекислоты образуется равное количество энергии.

Аналогия, данная Лавуазье, является настолько простой и наглядной, настолько эффективной, что она удержалась и до настоящего времени. Даже в современных учебниках и популярных руководствах мы можем найти ссылку на эту аналогию. Однако к ней нужно подходить с очень большой осторожностью. Уже давно пришлось признать, что установленное Лавуазье сходство между дыханием и горением может быть принято только с некоторыми оговорками, только как известная приближенная схема. На самом деле сходство между этими процессами далеко не такое полное, как это может показаться с первого взгляда. Ведь горение идет только при очень высокой температуре. Для того чтобы сжечь дрова, мы должны их, хотя бы отчасти, нагреть до «красного каления». При обычных условиях дрова или уголь сами по себе не загораются, не окисляются кислородом воздуха. Они в этих условиях совершенно инертно относятся к газообразному кислороду.

Точно так же ведут себя и те вещества, которые сгорают в процессе дыхания в нашем теле. Сахар, крахмал и другие углеводы, являющиеся главнейшими дыхательными материалами, вне организма при обыкновенной температуре совершенно не окисляются кислородом воздуха. Кусок сахара может лежать на воздухе неограниченно долго, не испытывая никаких изменений. Точно так же ведет себя и раствор сахара. В одном опыте такой раствор был стерильно запаян в стеклянную ампулу вместе с газообразным кислородом. По истечении одиннадцати лет газ, находящийся над раствором, был исследован при помощи спектроскопа. В нем не удалось обнаружить даже следов углекислоты. Следовательно, практически раствор сахара совершенно не окисляется газообразным кислородом. И вместе с тем тот же раствор в живом организме окисляется чрезвычайно быстро в углекислоту и воду. Получается какая-то невязка, какое-то несоответствие между тем, что мы наблюдаем в мертвой и живой природе. Это первое затруднение, которое стоит на пути понимания нами механизма жизни.

Другое не менее важное затруднение состоит в следующем: при горении топлива вся скрытая в нем энергия выделяется в виде тепла. Правда, используя это тепло, мы можем нагреть котел паровой машины и таким образом получить известное количество механической работы. Но это уже будет вторичное явление: непосредственно в процессе горения мы получаем только тепло.

Напротив, в живом теле, например, в нашей мышце, химическая энергия превращается в работу непосредственно, без предварительного перехода в теплоту. Различие это крайне существенно, крайне важно.

Для того, чтобы превратить тепло в механическую форму энергии при помощи паровой машины, мы должны создать большую разность потенциалов, мы должны получить значительное различие температур в котле и холодильнике. Иначе мы не справимся с поставленной задачей. Если бы в мышце происходило то же самое, то она должна была бы нагреваться до такой высокой температуры, при которой абсолютно невозможно существование живой клетки.

Таким образом, аналогия *Лавуазье* совершенно не объясняет нам, как на самом деле происходит в живом теле окисление дыхательного материала и каким образом используется организмом та энергия, которая при этом получается.

Две намеченных нами проблемы, причина большой скорости окисления органического вещества при низкой температуре и способ перехода энергии окисления в работу, являются центральными проблемами современного учения о механизме жизни. Над их разрешением работал и работает целый ряд выдающихся умов прошлого и настоящего столетия. И, несмотря на это, мы только теперь начинаем подходить к разрешению этих сложнейших вопросов биологии.

В настоящей статье мы сосредоточим свое внимание, главным образом, на первом вопросе, на первой проблеме. Прежде всего потому, что эта проблема стоит на пути понимания всего явления, и, во-вторых, потому, что в настоящее время она в значительной своей части более или менее удовлетворительно разрешена. Вторая проблема в целом остается еще загадочной. Только в некоторых частных случаях мы подошли здесь к разрешению вопроса.

Уже давно было известно, что целый ряд химических реакций протекает в живом организме с гораздо большей скоростью, чем это имеет место в пробирке или колбе химика. Гидролиз крахмала, жиров, белков и пр. осуществляется живой клеткой при обычной температуре весьма быстро, тогда как *in vitro*, вне организма указанные тела являются весьма стойкими и, если и разлагаются, то очень медленно. Известно, что это явление обусловлено присутствием в живой клетке особых веществ—ферментов, обладающих каталитическими свойствами. Целый ряд ферментов можно сравнительно легко выделить из живой клетки, при этом они не теряют своих каталитических свойств. Действуя раствором ферментов на соответствующие вещества (субстраты), мы легко можем в простых лабораторных условиях воспроизводить те реакции, которые осуществляются живой клеткой. Это, конечно, значительно облегчает исследование превращения веществ в организме. Отсюда понятно то исключительное внимание, которое биохимики обращают на изучение ферментов.

В то время, когда в умах ученых составилось ясное представление о вышеуказанном несоответствии между дыханием и горением, был уже известен целый ряд ферментов. Весьма соблазнительной казалась мысль объяснить способность организма быстро окислять газообразным кислородом разнообразные органические вещества наличием в организме особых дыхательных ферментов.

Таким образом мысль о дыхательных, окислительных ферментах возникла раньше, чем эти ферменты были в действительности открыты. Их усиленно искали. Поэтому понятен тот восторг, с которым было встречено открытие японским ученым Иошидой первого окислительного фермента, впоследствии названного лакказой. Лакказа была получена из японского лакового дерева, сок которого на воздухе чернеет, образуя всем хорошо известный превосходный китайский лак. Детальное изучение процесса лакообразования по-

казало, что в этом случае мы имеем дело с окислением многоатомных фенолов, находящихся в соке лакового дерева, кислородом воздуха. Однако это окисление само по себе не идет, оно осуществляется только при наличии окислительного фермента—лакказы.

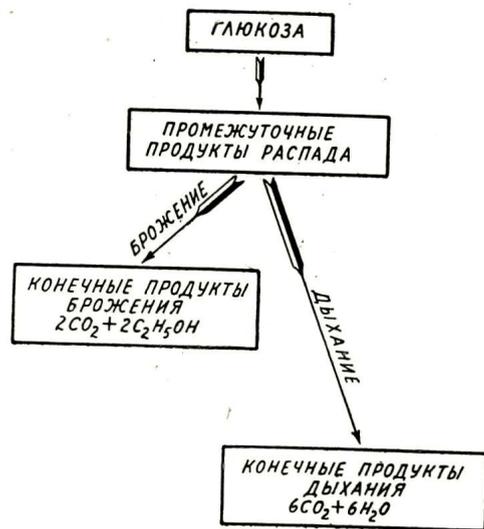
Лакказу рассматривали как представителя очень обширной группы окислительных ферментов, оксидаз, аналогичным образом способствующих окислению разнообразных органических веществ в живой клетке. Но вскоре это мнение пришлось оставить. Исследования ряда ученых, главным образом, *Баха* и *Шода*, показали, что оксидазы способствуют окислению кислородом воздуха только вполне определенных веществ. А именно, они окисляют иодисто-водородную кислоту, ароматические амины и многоатомные фенолы. Все эти вещества отнюдь не являются тем материалом, который окисляется в процессе дыхания. Дыхательным материалом, как известно, служат углеводы, жиры и отчасти белки. Но ни на одну из указанных категорий веществ оксидазы не действуют.

Таким образом выяснилось с полной очевидностью, что химизм дыхания не может быть объяснен действием одних только оксидаз. Разочарование было настолько сильно, что некоторые ученые стали вообще отрицать всякое значение оксидаз в деле витального окисления; так, например, *Портье* указывал, что роль оксидаз ограничивается исключительно защитным действием. При поранении растений из раны вытекают содержащие фенолы соки. Вследствие окисления эти фенолы образуют как бы защитную замазку для раны.

Мысль исследователей пошла по иному направлению. Еще *Пфеффер* указал на следующий интересный факт. Проросшие семена, как известно, весьма энергично дышат, поглощают кислород и выделяют углекислоту. Если эти семена поместить в бескислородное пространство, то выделение углекислоты не прекратится. Одновременно с этим в ростках начинает накапливаться винный спирт. *Пфеффер* назвал это явление интермолекулярным дыханием. По существу оно, конечно, вполне сходно со спиртовым брожением. Следовательно, способные к дыханию проросшие семена в анаэробных условиях (без кислорода) обнаруживают способность к брожению. Аналогичное явление можно наблюдать и в ряде других случаев. *Пфеффер* высказал предположение, что брожение является первой стадией нормального дыхания. Но тогда является вопрос, почему же спирт не накапливается у высших растений и при доступе кислорода. Предполагалось, что спирт является легко окисляемым веществом, что в условиях аэробных он нацело окисляется кислородом воздуха. Сахар, как таковой, не может быть окислен газообразным кислородом, он должен быть предварительно разложен в процессе брожения. Образующийся при этом спирт может непосредственно окисляться воздухом до углекислоты и воды. Последнее предположение оказалось в корне неправильным. Спирт окисляется вообще гораздо труднее, чем сахар. Однако общее положение о связи между брожением и дыханием было в дальнейшем подтверждено. Исследованиями ряда ученых, в частности исследованиями *Паллади́на* и *Котычева* было

с несомненностью доказано, что первая стадия дыхания есть стадия анаэробного (бескислородного) распада сахара.

В общей сложности весь процесс идет по прилагаемой схеме:

Вначале сахар (глюкоза) распадается анаэробно на промежуточные продукты брожения. В отсутствие кислорода или при отсутствии соответствующих окислительных механизмов эти промежуточные продукты переходят в типичные конечные продукты брожения—в углекислоту и спирт. В том же случае, когда мы имеем дело с организмом, способным к дыханию, находящимся на воздухе, мы получим углекислоту и воду. В этом случае промежуточные продукты окислятся нацело. Костычев предполагал, что такого рода окисление возможно благодаря нестойкости, аутооксидабельности промежуточных продуктов. Таким образом, в представлениях Костычева указанные промежуточные продукты играли ту же роль, какую играл спирт в представлениях Пфеффера.

Но, чем ближе мы знакомимся с этими промежуточными продуктами, тем больше сомнений возникает в правильности теории Костычева. Выделенные и изученные в настоящее время промежуточные продукты брожения—глицериновый альдегид, пировиноградная кислота и пр.—отнодь не являются аутооксидабельными. Они не способны окисляться кислородом воздуха ни сами по себе, ни при воздействии оксидаз.

Следовательно, приведенное нами представление, согласно которому предварительная переработка, разложение сахара брожением, делает возможным прямое его окисление кислородом воздуха, вряд ли соответствует действительности. И, однако, мы находим в этом представлении много ценного. Между процессом дыхания и брожения существует весьма тесная связь, которая не ограничивается только тем, что тот и другой процесс имеют одинаковые промежуточные продукты. Разбираемые нами явления весьма сходны между собой даже в отношении основного механизма отдельных процессов.

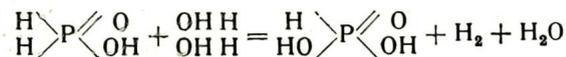
Чтобы это понять, мы должны несколько отступить назад, мы должны вернуться к тем положениям, которые еще в конце прошлого века были развиты *М. Траубе*.

М. Траубе исходил из экспериментально обоснованного положения, что в отсутствии воды, повидимому, никакой окислительный процесс не идет. Так, например, в совершенно сухом кислороде металлический натрий сохраняет свой блеск. Пламя окиси углерода медленно потухает, если внести его в атмосферу кислорода, вполне лишенного водяных паров. Это привело *Траубе* к убеждению, что окисляемые вещества в первую очередь окисляются не свободным газообразным кислородом воздуха, а связанным кислородом воды.

Простейшим случаем гидролитического окисления является разложение воды щелочными металлами, т.е. окисление их на счет гидроксидов воды с выделением соответствующего количества водорода:

Соображения термодинамического порядка доказывают нам, что разлагать воду с выделением газообразного водорода могут только тела, обладающие сравнительно большим запасом свободной энергии, выражающейся в сильном сродстве к гидроксиду воды. Такие случаи сравнительно редки. Гораздо более часты случаи разложения воды совместным действием двух тел, из которых одно окисляется гидроксидом воды, а другое поглощает, акцептирует водород. Это можно пояснить на примере реакции, впервые описанной *Энгле*м и затем подробно изученной *Бахом*. Фосфорноватистые кислоты сами по себе не разлагают воду с измеримой скоростью. Точно так же не разлагает ее и металлический палладий. Но если в водный раствор указанной соли внести ничтожное количество палладия в виде палладиевой черни, немедленно фосфорноватистая кислота начнет окисляться в фосфористую и вместе с тем на палладию будет выделяться свободный водород:

Схематически эту реакцию можно объяснить следующим образом. Как известно, вода в очень небольшой своей части распадается на гидроксил- и водород-ионы. Гидроксил-ион является весьма мощным и универсальным окислителем, в частности он легко окисляет

фосфорноватистую кислоту. Но если из раствора будет исчезать только один гидроксил-ион, то дальнейшего разложения воды не будет происходить. Реакция окисления остановится в самом начале. Иначе будет обстоять дело, когда одновременно удаляются и гидроксил-ионы и водородные ионы, тогда нарушается равновесие между этими ионами и неразложившимися частицами воды. На место исчезнувших ионов путем расщепления новых частиц воды возникают новые гидроксилы и водороды. Вследствие этого реакция может идти все дальше и дальше. Таким образом окисление фосфорноватистой кислоты на счет гидроксила воды будет идти гладко только в том случае, когда тем или другим способом мы удаляем водород воды. В описанном нами случае это осуществляется палладиевой чернью.

Как мы уже указали, гидроксил воды является весьма универсальным окислителем. Он может окислять самые разнообразные тела, в частности им легко окисляются альдегиды. Так, например, муравьиный альдегид в присутствии платины (которая играет здесь роль катализатора) легко окисляется гидроксидом воды в том случае, когда водород воды улавливается, акцептируется метиленовой синью. Последняя при этом восстанавливается в бесцветную лейкодазу.

Интересным примером подобного рода окислительно-восстановительных реакций, идущих на счет элементов воды, является реакция *Каннишаро*. Эта реакция состоит в одновременном восстановлении и окислении альдегидов в присутствии щелочей:

Здесь одна молекула альдегида окисляется гидроксидом воды в соответствующую кислоту, в то время как другая восстанавливается водородом в спирт.

In vitro эта реакция может идти только в присутствии щелочи, в живой клетке она осуществляется и в нейтральной среде благодаря присутствию особого окислительно-восстановительного фермента, так называемой оксидо-редуктазы.

Оксидо-редуктаза крайне широко распространена в животном и растительном мире. Есть основание предполагать, что она присутствует во всех без исключения живых клетках. Она ускоряет, катализирует целый ряд разнообразных окислительно-восстановительных реакций. Окисление альдегидов при одновременном восстановлении нитратов в нитриты, окисление пуриновых оснований, связанное с аналогичным восстановлением азотистых соединений, одновременное восстановление и окисление ряда сернистых соединений, окисление разнообразных органических веществ в присутствии метиленовой сини и т. д. и т. д., все эти реакции катализируются оксидо-редуктазой. Основным пунктом брожения также является окислительно-восстановительный процесс, идущий при участии оксидо-редуктазы. Здесь один из промежуточных продуктов распада сахара (метил-глиоксаль) окисляется в соответствующую (пировиноградную) кислоту, в то время

как другой альдегид восстанавливается в винный спирт. Таким образом, возникновение спирта в процессе брожения обусловлено тем, что один из продуктов распада выступает в роли уловителя; акцептора водорода воды, в то время как другие продукты подвергаются окислению гидроксидом воды.

Гидроксил является чрезвычайно мощным и универсальным окислителем. Им мы можем окислять самые разнообразные органические соединения. Такого рода окисление мы можем получить в электролитической ванне на аноде. *Фихтер* окислял на аноде целый ряд самых разнообразных соединений как жирного, так и ароматического ряда. При этом интересно отметить, что он получал те же промежуточные продукты окисления, какие можно выделить при известных условиях и из живого организма.

В живой клетке гидроксидом воды легко окисляются самые разнообразные дыхательные материалы. Весь вопрос сводится только к тому, чтобы удалить освобождающийся при этом водород. При брожении, как мы видели, это удаление водорода осуществляется альдегидом. При дыхании дело обстоит несколько иначе. Здесь на первый план выступают выше указанные нами оксидазы.

Как мы уже говорили, оксидазы не могут ускорять процесс окисления углеводов, жиров и белков атмосферным кислородом. Они способствуют только окислению многоатомных фенолов. Такие фенолы весьма распространены в растительном и животном царстве. При их окислении кислородом воздуха получаются хиноно-подобные вещества, которые Палладин назвал дыхательными пигментами. Дыхательные пигменты весьма энергично, весьма жадно акцептируют водород, при этом они вновь восстанавливаются в свое первоначальное состояние многоатомных фенолов. Но при такого рода удалении водорода освобождается гидроксил воды, который, как мы уже говорили, может окислять разнообразные дыхательные материалы.

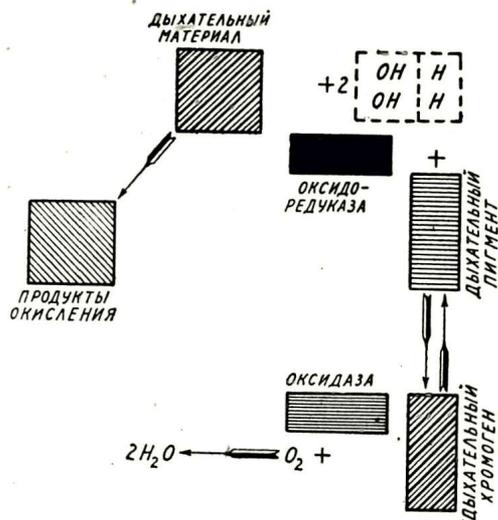
Весь процесс витального окисления осуществляется по следующей схеме:

Многоатомный фенол (дыхательный хромоген) при содействии оксидазы окисляется кислородом воздуха в дыхательный пигмент. Последний акцептирует водород воды и восстанавливается обратно в хромоген, в то время как гидроксил воды идет на окисление разнообразных органических веществ (углеводов, аминокислот и пр.). Восстановление пигмента в хромоген (а следовательно, и сопряженное с ним окисление органических веществ) идет с достаточной скоростью благодаря наличию в живой клетке оксидо-редуктазы.

Итак, согласно описанной схеме в процессе витального окисления участвуют: дыхательный хромоген, оксидаза, окисляющая кислородом воздуха этот хромоген в пигмент, и, наконец, оксидо-редуктаза. Эта последняя ускоряет сопряженную реакцию восстановления пигмента и окисления дыхательного материала, идущую на счет элементов воды.

Таково современное представление о химизме дыхания. Это представление весьма полно объясняет целый ряд фактов, примыкающих

к вопросу о витальном окислении. Однако и оно наталкивается на затруднение, в общих чертах состоящее в следующем. Если мы механически разрушим живую клетку, разотрем, например, ту или другую растительную или животную ткань в ступе, то в той каше,

которую мы при этом получим, должны содержаться и фактически содержатся все необходимые части вышеописанного окислительного механизма. Здесь мы будем иметь и оксидазу, и оксидо-редуктазу, и дыхательные хромогены, и вместе с тем в такой каше не будет происходить процесса дыхания.

Уже давно было известно, что с нарушением клеточной структуры процесс дыхания прерывается. Еще *Клод Бернар* в своих лекциях о жизненных явлениях весьма определенно указывал на прекращение дыхания, наступающего вслед за механическим разрушением клетки. Последующие исследователи, работавшие как с животными, так и с растительными объектами, всецело подтвердили это положение. При этом было установлено, что от разрушения клеточной структуры наиболее сильно страдает именно процесс аэробного окисления, процесс, связанный с поглощением кислорода. Отсюда вполне естественно было сделать заключение; что витальное окисление органических веществ газообразным кислородом как-то зависит от наличия определенной структуры, присущей протоплазме клетки. Такое заключение и было сделано в свое время рядом авторов, построивших на этом основании свои теории дыхания. Я не буду здесь описывать этих теорий, тем более, что большинство из них имеют только исто-

рический интерес. Мы остановимся здесь только на теории *Варбурга*, которая в настоящее время пользуется особой популярностью.

Варбург на основании своих исследований над эритроцитами птиц пришел к тому убеждению, что в явлениях витального окисления очень существенную роль играет адсорбция окисляемых веществ пористыми структурами внутриклеточных структур.

Поясним это положение на примере, взятом из неорганической химии. Если мы при обыкновенной температуре смешаем между собой газообразный кислород и газообразный водород, то эти газы не будут реагировать между собой или, точнее, они будут реагировать настолько медленно, что потребовались бы десятки лет для того, чтобы образовалось ничтожное, едва обнаруживаемое химическим анализом количество воды. Но если мы в указанную смесь газов внесем какое-либо пористое тело, уголь, пористый фарфор, металлические черни и пр., мы получим взрыв—наши газы прореагируют между собой с очень большой скоростью. Описанное явление объясняется тем, что поверхности пористых тел адсорбируют молекулы кислорода и водорода. Концентрация этих газов на указанных поверхностях очень сильно увеличивается, и, так как скорость реакции пропорциональна концентрации реагирующих веществ, то в связи с этим увеличивается и скорость окисления водорода кислородом. Тот же самый эффект мы можем получить и без всякого пористого тела в том случае, когда мы сильно сожмем нашу гремучую смесь.

Мы легко можем доказать, что в случае внесения пористого тела в гремучий газ мы имеем дело с поверхностными явлениями, с явлениями адсорбции. На самом деле внесение в гремучую смесь паров эфира или какого-либо другого наркотика предупредит взрыв. В этом случае реакция окисления не пойдет потому, что эфир, являясь чрезвычайно поверхностно активным телом, занял поверхность пористого тела. В результате этого газы уже не могут концентрироваться на поверхности.

Точно так же, по мнению Варбурга, различные органические вещества в любой клетке могут окисляться газообразным кислородом только благодаря наличию в этой клетке особых активных поверхностей. При механическом разрушении клетки изменяются свойства этих поверхностей и дыхание прерывается. Точно так же прекращается дыхание и при действии на живую клетку наркотиков. Это зависит от того, что наркотики удаляют с поверхности клеточных структур соединения, подлежащие окислению и сами становятся на их место.

Для подтверждения своей теории Варбург построил так называемую угольную модель. Для этого он размешивал кровяной уголь в водном растворе какой-либо аминокислоты и затем взбалтывал этот раствор на воздухе. При этом происходило окисление аминокислот газообразным кислородом, чего в однородной, гомогенной среде не происходит. Прибавление к реакционной смеси разнообразных наркотиков останавливало окислительный процесс. При этом наркотик действовал тем сильнее, чем он был более поверхностно активен.

Вряд ли, конечно, можно сомневаться в том, что в угольной модели поверхностные силы играют очень важную роль. Но является ли вопрос, соответствуют ли процессы, совершающиеся в этой модели, тем процессам, которые протекают в живой клетке.

Существенный недостаток модели Варбурга состоит в том, что она построена из чуждой живой клетке материала. Это признает и сам автор теории. Для того, чтобы получить угольную модель, нужно сжечь гемоглобин, — нужно превратить это естественное соединение в уголь — вещество, совершенно чуждое живой клетке, и только тогда получится явление окисления аминокислот.

Уже одно это обстоятельство заставляет сомневаться в том, что угольная модель дает правильное представление об окислительных процессах клетки, что она действительно их повторяет, а не является только более или менее случайной аналогией этих процессов. Указанное сомнение значительно усугубляется при более детальном знакомстве с влиянием наркотиков на процесс дыхания. Согласно вышеизложенной теории Варбурга наркотики удаляют с поверхности клеточных структур вещества, подлежащие окислению. Поэтому наркотики могут действовать только в одном направлении. Они могут только угнетать, задерживать процесс дыхания. В действительности это не так. Целым рядом авторов было показано, что при слабом наркозе дыхание не только не ослабевает, но даже значительно усиливается и может довольно долгое время находиться в повышенном состоянии. При более сильных дозах наркотика получается ослабление дыхания, но почти всегда этому ослаблению предшествует период усиления процесса. Это явление усиления дыхания стоит в полном противоречии с вышеизложенными представлениями Варбурга.

Такие не укладываются в рамки разбираемой теории и явления «стимуляции» дыхания механическими повреждениями. При нарушении клеточной структуры мы прежде всего получаем весьма значительное повышение окислительных процессов, и только затем энергия дыхания более или менее круто падает.

Наконец, совершенно не поддается объяснению с точки зрения варбурговской теории факт ослабления дыхания при увеличении парциального давления кислорода. Как известно, в чистом кислороде, в особенности при повышенном давлении, высшие растения сперва начинают дышать очень интенсивно, но затем дыхание падает, и растения погибают. В общем картина явления получается та же самая, что и при отравлении наркотиками или механическом повреждении.

Все описанные явления так называемой «стимуляции» дыхания остаются совершенно непонятными с точки зрения адсорбционной теории Варбурга.

Мне еще в 1921 году удалось выделить в химически чистом виде весьма распространенный в растительном царстве дыхательный хромоген, так называемую хлорогеновую кислоту (сложное соединение, содержащее в своей молекуле группировку многоатомного фенола). В известных условиях это соединение легко окислялось кислородом воздуха, причем оно давало дыхательный пигмент. Последний являлся

весьма энергичным акцептором водорода. Если смешать раствор пигмента с раствором какого-нибудь органического вещества, например с аминокислотой, то последняя будет окисляться гидроксидом воды, в то время как пигмент будет акцептировать водород и восстанавливаться в свое первоначальное состояние — в хлорогеновую кислоту. Указанный окислительно-восстановительный процесс может быть весьма значительно ускорен при воздействии оксидо-редуктазы. Последняя в большом количестве находится в соке, выжатом из проростков подсолнечника. Из этого же сока мне удалось выделить и другой фермент оксидазу. Таким образом, я располагал всеми частями окислительного механизма клетки.

При прибавлении оксидазы к раствору хлорогеновой кислоты происходит весьма энергичное окисление последней атмосферным кислородом. В результате этого получается дыхательный пигмент, но на этом дело не останавливается. Указанный пигмент может окисляться и дальше. При этом он темнеет, приобретает коричневый цвет и теряет свойство акцептировать водород. Этот пигмент является весьма стойким и в силу этого абсолютно недеятельным. В процессе дыхания он уже не может играть никакой роли.

Итак, дыхательный пигмент, получающийся при окислении хлорогеновой кислоты кислородом воздуха, может изменяться в двух направлениях. Он или акцептирует водород и восстанавливается при этом обратно в хлорогеновую кислоту. Тогда он вновь может принимать участие в процессах окисления. Или он может окисляться кислородом воздуха дальше, при этом он переходит в коричневый недеятельный пигмент. В этом случае его роль в процессе окисления окончена. Окисление органических веществ кислородом воздуха в присутствии хлорогеновой кислоты идет с равномерной скоростью только в таких условиях, где процесс восстановления вполне уравнивает окислительные процессы. В обратном же случае, в случае, если окисление хлорогеновой кислоты идет скорее, чем ее восстановление, всегда часть кислоты будет переходить в бездеятельный коричневый пигмент и таким образом выходить из игры. При этих условиях окисление дыхательных материалов должно постепенно падать, и это падение будет тем круче, чем больше разница между скоростью окисления и восстановлением дыхательного хромогена.

Можно искусственно подобрать такие количества оксидазы и оксидо-редуктазы, при которых окислительные и восстановительные процессы, идущие в растворе, будут уравновешены. При этом дыхательные материалы (в моих опытах аминокислоты) окисляются весьма равномерно. Иначе будет обстоять дело, если мы вместо смеси ферментов к раствору хлорогеновой кислоты и дыхательного материала прибавим просто сок проростков подсолнечника, содержащий в себе интересующие нас ферменты в том же соотношении, как это имеет место в клетке. В этом случае процессы окисления хлорогеновой кислоты будут значительно превалировать над восстановлением ее. Мы получим вначале бурное окисление дыхательного материала, но уже вскоре этот подъем сменится падением окислительного процесса и,

наконец, его полным прекращением вследствие перехода хлорогеновой кислоты в недействительный коричневый пигмент.

Нет никаких оснований предполагать, что в живой неповрежденной клетке существуют иные количественные соотношения между оксидазой и оксидо-редуказой, чем те, которые мы имели в соке, выжатом из проростков подсолнечника. Однако окислительные процессы в живой клетке протекают весьма равномерно, и никакого коричневого пигмента в нормальных условиях в ней не образуется. Следовательно, несмотря ни на что, внутри живой клетки окислительные и восстановительные процессы взаимно уравновешены. Это достигается скорей всего путем регулирования притока свободного кислорода в клетку. Указанное регулирование, конечно, может осуществляться только при наличии определенной структуры, определенного строения и проницаемости протоплазмы.

При нарушении целостности клетки, например, при механическом повреждении ее, при разрушении структуры указанное регулирование нарушается, процессы окислительные берут перевес над восстановительными процессами. В результате этого происходит то же самое явление, которое наблюдается в описанных выше смесях. Как там, так и тут окисление дает некоторый подъем, «вспышку», но затем оно ослабевает и прекращается. Одновременно с этим, как в смеси, так и в поврежденной клетке появляется коричневый пигмент. Образование этого пигмента все мы, конечно, наблюдали в том, например, случае, когда разрезанное яблоко оставалось лежать на воздухе.

Это образование пигмента тесно связано с явлением прекращения дыхания. Палладин в связи с своими опытами над замораживанием ростков и листьев указывал, что появление коричневой окраски служит наиболее надежным признаком того, что растение убито. Можно быть заранее уверенным, что такие потемневшие растения уже не могут нормально дышать.

Точно так же будет обстоять дело и при увеличении парциального давления кислорода в атмосфере, окружающей растение. После некоторого периода подъема дыхание прекращается, при этом образуется коричневый пигмент.

Под влиянием наркотиков структура протоплазмы и ее проницаемость, как известно, изменяются самым коренным образом. В этом смысле наркотики действуют почти так же, как замораживание или механическое разрушение клетки. Поэтому и результат воздействия наркотиков получается тот же, что и при указанных явлениях. Клетка начинает сперва энергично дышать, затем в ней появляются коричневые пигменты, и дыхание обрывается.

Все описанные явления «стимуляции» дыхания сходны между собой именно потому, что они все имеют одну и ту же основную причину—избыточный приток кислорода в клетку. В результате этого нарушается равновесие между окислительными и восстановительными процессами. Вначале это приводит к усилению дыхания, но затем дыхание прекращается в силу разрушения дыхательного механизма.

Итак, структура протоплазмы играет весьма существенную роль в явлении дыхания, так как от этой структуры зависит установление внутри клетки должного равновесия между окислительными и восстановительными процессами.

Но этим, конечно, роль структуры далеко не исчерпывается. Только благодаря наличию этой структуры, только благодаря неоднородности, гетерогенности протоплазмы создается возможность того непосредственного перехода химической энергии в другие формы энергии, о котором мы говорили в начале этой статьи.

Если мы будем в гомогенном растворе окислять хлористое железо хлором, то вся энергия, образующаяся при этом, выделится в форме тепла. В указанных условиях, как и в случае сжигания угля, невозможно получить непосредственного перехода химической энергии в иную форму энергии, кроме как тепловую. Иначе будет обстоять дело в случае так называемого «химического действия на расстоянии». Нальем в один стакан раствор хлористого железа, а в другой стакан раствор хлористого калия, насыщенный газообразным хлором, соединим эти растворы сифоном, наполненным хлористым калием. Опустим в стаканы платиновые электроды. Если теперь соединить эти электроды проволокой, то начнется в одном стакане окисление хлористого железа в хлорное, в то время как в другом стакане газообразный хлор будет восстанавливаться в хлор-ион. Вместе с тем в проволоке, соединяющей электроды, возникнет электрический ток.

В описанном примере мы имеем случай пространственного разделения реакции окисления и восстановления. И мы видим, что в этом случае химическая энергия может непосредственно переходить в электрическую.

Разобранная выше схема химизма дыхания дает возможность того же пространственного разделения окислительных и восстановительных процессов. При наличии той или другой протоплазменной структуры это разделение фактически может быть осуществлено и таким образом в живой клетке может происходить переход химической энергии в электрическую.

Возникновение в процессе дыхания разнообразных промежуточных продуктов открывает перед клеткой и другие возможности. Как мы уже говорили выше, первой стадией дыхания является анаэробный распад дыхательного материала (углеводов), при этом возникают разнообразные промежуточные продукты, которые существеннейшим образом изменяют осмотические свойства растворов, пропитывающих протоплазму. Благодаря этому происходит частичное сжатие или, наоборот, разбухание протоплазменных элементов. При наличии тех или других структур это приводит к явлению движения клетки или ткани. В дальнейшем промежуточные продукты удаляются, окисляются и клетка приходит в свое первоначальное осмотическое состояние. Таким образом, может происходить переход химической энергии в осмотическую и механическую форму.

Мы не можем здесь более подробно останавливаться на разборе энергетических изменений, происходящих внутри живой клетки, тем более, что эти явления еще очень плохо изучены. Но уже на основании всего сказанного можно судить, какое выдающееся значение имеет изучение химизма дыхания в деле понимания этих энергетических изменений.

Прсф. А. И. Опарин.

III.—КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Герценштейн. «Теория капиталистического рынка». Под редакцией и с предисловием А. Мендельсона. Из-во Коммунистической академии. Москва. 1928 год.

Теория рынка до сих пор продолжает оставаться наименее разработанным местом марксистской политической экономии. И это, конечно, не случайно. Законы рынка в своем узком значении законов реализации капиталистического продукта неизбежно включают в себя все основные закономерности капиталистической экономики, проявляющиеся на рынке в модифицированном, опосредствованном самим рынком виде и притом в самом оригинальном взаимосплетении. Отсутствие отчетливости в понимании любого закона экономики капитализма неизбежно скажется при конструировании теории рынка. Однако, с другой стороны, вовсе недостаточно для понимания проблемы рынка знания, хотя бы и самого отчетливого, основных закономерностей капитализма,—необходимо понять еще сложнейший механизм рыночного опосредствования этих закономерностей. Без обоих этих элементов совершенно безнадежной будет всякая попытка понять сложнейший переплет капиталистического рынка. Другим условием, затрудняющим марксистскую разработку проблемы капиталистического рынка, является отсутствие детальной разработки проблемы самим Марксом. Он дал прекрасную разработанную методологию проблемы, дал общее разрешение проблемы во II томе «Капитала» и целый ряд гениальных штрихов по отдельным вопросам теории рынка, разбросанных во всех его экономических работах, но он не успел штрихи слить воедино и отшлифовать теорию в целом. Туган-Барановский и Роза Люксембург, два столь диаметрально противоположных учения, претендуют на марксистские корни и уже во всяком случае на марксистскую методологию! Ортодоксальный критик Тугана К. Каутский на глазах у всех скатывается к сисмондистской концепции, а наши критики Розы зачастую идут фактически под знаменем Тугана.

Нельзя поэтому не приветствовать появления всякой новой работы по теории рынка, если она обещает хотя бы гарантировать нас от сползания в лагерь ревизии, с какой бы стороны эта ревизия ни производилась в том случае. Даже если автор и не откроет теоретической Америки и не выдумает пороха. Такой попыткой дать изложение основ марксовой теории капиталистического рынка и является рецензируемая нами книга А. Герценштейна. Наиболее четкое выражение марксистская теория получает в критическом разборе исторически повторявшихся заблуждений по двум диаметрально противоположным линиям: Сисмонди-Люксембург и Рикардо-Туган. А. Герценштейн умело воспользовался критическими возможностями, чтобы дать более отчетливые формулировки.

Теория капиталистического рынка отчетливо разделяется на две различные части: прежде всего необходимо выяснить движение материальных товарных масс, которое в конечном счете и представляет объективное рациональное осно-

вание всего пестрящего разнообразия бесконечного ряда рыночных явлений. Это выясняет теория воспроизводства, теория накопления капитала. С другой стороны, нужно установить, как, каким образом, при помощи какого рода аппарата совершается в капиталистическом обществе это движение потребительских благ, следует, стало быть, понять и научно объяснить механизм рынка. Здесь речь идет, очевидно о явлениях конъюнктуры и всей совокупности факторов, которые ее определяют. Теория капиталистического рынка в целом должна неизбежно охватывать обе указанные стороны.

Автор рецензируемой книги однако сознательно ограничивает круг своего исследования первой половиной научного анализа: в основном книжка «Теория капиталистического рынка» дает нам теорию накопления капитала *без анализа* того рыночного механизма, который должен осуществить и осуществляет этот процесс накопления (если не считать последней главы о внешнем рынке, где автору поневоле приходится обращаться к конкретному выявлению общих закономерностей). Такое самоограничение вряд ли можно порицать, так как без него задача исследования капиталистического рынка становится слишком уж широкой и тем самым рискует превратиться в необъятную, — а, как известно, «нельзя объять необъятного».

В этих ограниченных рамках следует признать за книгой А. Герценштейна целый ряд несомненных достоинств. Здесь мы впервые имеем систематическое изложение взглядов Маркса на проблему накопления, связанное с критикой противостоящих марксизму теорий. Выше мы указали, сколь трудно в разбираемом вопросе удержаться на незапятнанных ревизией позициях марксизма, и все же нашему молодому автору, нам кажется, этого достигнуть удалось. Основным достоинством книги мы считаем именно эту марксистскую выдержанность в основных теоретических вопросах. Критическое опровержение противостоящих марксизму точек зрения предпринято автором на совершенно правильной основе. Вместо того, чтобы (как это нередко у нас случается) взять выводы и малосущественную часть аргументации, — напр., цифры в схемах Тугана — и доказывать их малодоказательность и противоречивость, автор подвергает критике методологические основы и общие отправные точки той или иной теории. Этим достигаются действительно плодотворные результаты, выясняющие пороки основы критикующей точки зрения.

Систематичность изложения делает материал книги доступным широким кругам учащейся молодежи, чему способствует также легкое, подчас яркое изложение, хотя в языке (построение фраз, латинизмы) и встречаются довольно значительные дефекты.

Особо следует отметить как достижение анализ неравномерности капиталистического развития, данный автором в связи с теорией внешнего рынка. Включенные доложения о неравномерности развития капитализма в общую теорию рынка, ряд блестящих формулировок, связанных с этим, все это составляет достоинство книги А. Герценштейна.

Наряду с такой, в целом положительной, характеристикой рецензируемой книги следует отметить ряд более или менее частных недостатков ее. Уже редактор издания т. А. Мендельсон отметил неточность определения взаимоотношений Кенэ и Маркса; по А. Герценштейну получается, будто Маркс лишь развил и углубил учение о воспроизводстве капитала, оставаясь на почве общих принципов, развитых Кенэ. Вряд ли надо доказывать, что это неверно. Кенэ сделал гениаль-

ную попытку изобразить движение всего общественного продукта, независимо от денежной формы, но он не мог, конечно, пойти в анализе дальше простой попытки, поскольку ему мешали принципиально неверные отправные пункты анализа. А это отлично знает и А. Герценштейн.

В анализе взглядов Сэя-Рикардо, наряду с указанием совершенно точно подмеченных недостатков, автор незаслуженно, нам кажется, упустил критику характеристики роли денег как посредников в акте воспроизводства. Непонимание роли денег как самостоятельного завершающего звена обмена, игнорирование денег в их качестве абсолютной ценности — всеобщего эквивалента, сведение денег исключительно к роли средства обращения приводили Сэя и в значительной степени Рикардо к плоскому положению о том, что всякий продукт представляет спрос и пр. На этом вполне резонном противопоставлении сэвской вульгарщины подлинной роли денег в обращении капиталистического продукта, как известно, Роза Люксембург в значительной мере пытается обосновать свой тезис о нереализуемом излишке. И, странным образом, как раз этот пункт аргументации Розы (откуда берутся дополнительные деньги?) автором случайно обойден. Нельзя, конечно, сомневаться, что А. Герценштейн смог бы ответить на каверзный вопрос Розы, это, конечно, не представляет существа вопроса, но для доказательности необходимо было аргументацию противника разобрать целиком.

Равным образом не можем мы не присоединиться к редактору издания в его мнению о трактовке автором проблемы внешнего рынка. Собственно не о трактовке вопроса целиком, а лишь об определении внешнего рынка и обще-схематическом его разрешении. Глава о внешнем рынке, как мы уже отмечали, содержит много верных мыслей и блестящих формулировок, которые иногда вынуждены теоретической правдой встать в противоречие с собственными общими формулами автора. Необходимость внешних рынков для капитализма и всю борьбу, которая на этой основе разворачивается, А. Герценштейн склонен вывести из отсутствия балансового равновесия внутри отдельных капиталистических организмов, из так называемой «диспропорции» капиталистического накопления. Такой взгляд, конечно, шире и перекрывает теорию Розы Люксембург о необходимости внешних рынков для реализации накапливаемой доли прибавочной ценности, но еще недостаточен для объяснения такого сложного комплекса явлений, как борьба за внешние рынки. Он не объясняет еще ничего из того, почему же капиталистический национальный организм не может сбалансировать производства внутри своих границ. Естественное мировое разделение труда, с одной стороны, и играющий здесь важнейшую роль своеобразный регулятор распределения производительных сил капитализма — норма прибыли — с другой, не могут быть игнорированы как самостоятельные, не сводимые факторы, определяющие непреодолимое стремление капитализма к внешним рынкам. В связи с таким решением проблемы внешнего рынка стоит и его определение. А. Герценштейн в понятие внешнего рынка капитализма включает не только отгороженный национально-государственными границами рынок, но и докапиталистических производителей внутри данной страны. Все дальнейшее изложение свидетельствует против такого определения, т. е. автор превосходно показывает нам, что для капитализма проблема внешнего рынка есть исключительно проблема международных связей. Поэтому книжка осталась бы лишь в выигрыше, если бы автор попросту выбросил это люксембургское определение внешнего рынка.

Книга в целом должна сыграть свою положительную роль в качестве недурного итога марксистских воззрений на проблему капиталистического рынка в ее общей формулировке теории капиталистического воспроизводства, дальнейшие усилия марксистской мысли могут быть уже целиком направлены на разрешение «конъюнктурного» момента теории капиталистического рынка.

И. Капитонов.

Митчелль. «Хозяйственные циклы». «Business Cycles.» The Problem and its Settling by Wesley C. Mitchell. With a Foreword by Edwin F. Gay. New-York. National Bureau of Economic Research. 1927, p.p. 489+XXII.

Митчелль (род. 1874 г.) считается крупным экономистом нашего времени не только в Америке, но и за ее пределами. Нельзя не согласиться с Альтшулем¹, что основная работа Митчелля «Хозяйственные циклы», служит исходным пунктом для исследований в Америке (Гарвардская школа), в Германии (Ледерер, Альтшуль). Митчелль имеет сторонников в Англии (Пигу, А. К.) и в СССР (Первушин)².

Митчелль мало известен русскому читателю. Мы считаем поэтому необходимым дать хотя бы самые краткие сведения о важнейших работах Митчелля и его взглядах.

Митчелль начал свою литературно-исследовательскую деятельность еще с 1903 г. работами в области денежной теории³.

Работа над проблемами денег и цен привела его к мысли заняться конъюнктурной проблемой. В 1913 г. Митчелль выпускает большую работу «Business Cycles», в которой, помимо большого конкретного материала, дает теорию хозяйственных циклов (X—XIII главы—Ритм хозяйственной деятельности). «Настоящая теория хозяйственных циклов,—писал в этой книге Митчелль,—имеет дело почти исключительно (almost wholly) с денежными фазами экономической деятельности», и на след. стр.: «Современная экономическая деятельность непосредственно воодушевляется и руководится не поисками удовлетворения, но поисками прибыли. Отсюда ясно, что хозяйственные циклы есть денежные явления, противоположные явлениям индустриального характера»⁴.

В 1914 г. Митчелль продолжает работать над теорией. Его интересовала связь экономики с психологией. В результате проработки ряда трудов по психологии, Митчелль пишет статью: «Human Behavior and Economics: A Survey of Recent Literature»⁵.

С этого времени Митчелль употребляет термины: «Human Behavior», «Economic Behavior». Проблему денег он стремится теперь увязать с теорией эконо-

¹ «Magazin der Wirtschaft», 1925, SS. 1512—1515.

² «Наиболее законченным, простым и ясным, на наш взгляд, является понятие конъюнктуры, сложившееся у американцев, в частности—у Гарвардской школы» (Митчелль, Copeland). См. «Хоз. конъюнкт.», стр. 9.

³ «A History of the Greenbacks» (Chicago, 1903). «Gold Prices and Wages under the Greenback Standard» (California, 1908). «The Backward Art of Spending Money» («Amer. Economic Rev.», June, 1912).

⁴ «Business Cycles», 1913, SS. 596—597.

⁵ «Quart. Jour. Econ.», XXIX, 1914.

номического поведения. Это заметно в статье «The Role of Money in Economic Theory»¹.

В этой статье он полностью приемлет взгляд Маршалля («Деньги—центр, вокруг которого группируются экономические знания»). Одновременно Митчелль отмечает, что определение цены у Маршалля совпадает с тем определением, которое сделал еще Курно в 1838 г. (ibid. 155). Стремясь увязать психологию с денежной проблемой, Митчелль говорит, что поведение людей стандартизируется и это стандартизированное поведение проявляется в последовательно повторяющейся хозяйственной ситуации. По мнению Митчелля, превращение денег в центральную проблему политэкономии обещает сделать экономическую теорию более ясной, полезной, интересной и глубокой. «Только поставив деньги центром наших занятий, мы сможем успешно исследовать стандартизированное поведение людей, так как (как утверждал еще Маршалль) деньги являются самым удобным средством измерения человеческих мотивов»². Дальнейшее развитие концепция Митчелля получила в статье «Making Good and Making Money»³.

В 1924 г. в статье «The Prospect of Economics», помещенной в сборнике «The Trend of Economics» (New-York), Митчелль дает оценку прошлого экономической теории и намечает ближайшие перспективы ее развития.

Наконец, свое завершение концепция Митчелля получила в рецензируемой нами книге. Перед изданием указанной книги Митчелль написал большое введение к книге W. L. Thorp'a под заглавием «Business Annals» (New-York, 1926). Это введение почти без изменения включено в рецензируемую книгу.

Книга представляет значительно переработанную первую часть труда того же названия, выпущенного автором в 1913 г.⁴

Формулировка прежних положений и расположения отдельных вопросов приняло более четкий вид. Можно сказать, что стремления автора изложить предмет более ясно (чем в 1913 г.) достигнуты.

Книга распадается на пять глав. Первая глава посвящена методу работы, характеристике отдельных теорий конъюнктуры и плану данной работы. Вторая глава дает характеристику современного экономического поведения людей, оформленного в особой экономической организации—«business economy», и касается вопроса о происхождении хозяйственных циклов. Начало третьей главы («The Contribution of Statistics») отведено выяснению различия между теоретической и статистической работами. Затем дается история статистического исследования хозяйственных циклов. Далее дается анализ временных статистических рядов. Потом автор переходит к разбору и критике приводимых им различных индексов хозяйственных условий. В конце главы автор говорит о необходимости комбинирования теории, статистики и истории. Это рассуждение должно служить, по мнению автора, основанием для перехода к четвертой главе («The Contribution of Business Annals»). Эта глава представляет перепечатанное почти без изменений введение к вышеупомянутой книге Торпа.

Наконец, в пятой главе автор делает ряд заключений и дает окончательное объяснение термина «хозяйственные циклы». В конце главы дан подробный план

¹ «Amer. Econ. Review», Supp. March 1916, pp. 140—161.

² «Amer. Econ. Rev.», March 1916, p. 161 (Suppl.).

³ «Economics and Engineering, Proceeding of the Joint session held on Dec. 6, 1922.

⁴ «Business Cycles», «University of California Press», 1913.

предполагаемого к выпуску II тома «Хозяйственных циклов» — «Ритм хозяйственной деятельности».

В конце книги имеется дополнение, в котором дается обзор важнейших работ по конъюнктуре за последние годы (главным образом, 1926 и 1927).

Как видно, рецензируемый первый том посвящен в большей части вопросам методологического порядка, причем в первых двух и в четвертой главах речь идет о материальной стороне методологии (предмет и метод политэкономии и конъюнктуры). В 3-й главе автор разбирает вопросы, относящиеся к формальной стороне методологии (значение статистической техники, формы статистической техники, значение и пределы пользования математическим методом).

I

Для более ясного представления о концепсии Митчелля, мы считаем необходимым остановиться кратко на его предшественниках.

Теория австрийской школы, перенесенная в Англию, страну классиков, не могла развиваться здесь в своем чистом виде. Рядом с субъективной ценностью, как фактором цен, признавалась объективная меновая ценность. Так возникла концепсия ценности Маршалля.

Виднейший американский экономист Дж. Б. Кларк принял в основе эту концепсию ценности. Одновременно он пришел к выводу, что все отличительные особенности капитализма могут быть выявлены только в динамике. Отсюда ошибки всех предшественников (включая Маркса), по мнению Кларка, заключались в том, что их теории были слишком статичны, а потому не могли выявить отличительных сторон капиталистического хозяйства. «Я осмеливаюсь, — говорил Кларк, — утверждать, что грядущее великое развитие экономической теории произойдет путем установления и разрешения динамических проблем»¹.

Вместе с Маршаллем и Кларком на Митчелля оказало, безусловно, влияние англо-американская философия (прагматизм). Основные идеи этой философии сводятся к следующему:

1) Вся природа человека должна служить предпосылкой, которую философия ни на минуту не должна упускать.

2) Отсюда действительность, рассматриваемая в связи с человеком, есть «поток наших ощущений и чувств в их непрерывной смене» (Джемс).

3) Содержание действительности и поведение человека зависят от его воли.

4) Познание тождественно с волей. Понятия и абстрактные положения — продукт нашей воли.

5) Факты — материал и обстановка, побуждающая к действию, идеи — орудие и план этого действия.

6) Удобные идеи (годные для определенной цели) есть истинные идеи.

7) Критерий истины — практика. Критерий практики — вера. Знание — лишь поверхностная оболочка веры.

8) Всякая теория есть форма оценки фактов с точки зрения практического интереса. Сколько интересов, столько истинных учений. Истина многозначна.

9) Вывод: мы не можем ничего познавать, кроме поверхности действительности. Наша теория может быть лишь теорией конкретно-динамической формы

¹ «Quart. Jour. of Econ.», XIII, p. 2.

действительности. И так, если Кларк призвал сосредоточить внимание на конкретно-динамической форме экономической действительности, — прагматизм обосновал то положение, что только конкретная действительность может быть предметом науки.

По Митчеллю экономические факты — продукт экономического поведения. Экономическое поведение (Economic Behavior) есть часть поведения вообще, являющегося предметом психологии. Поскольку критерием практики является вера, постольку экономическое поведение людей зависит от того, насколько твердо они убеждены в благополучном исходе затеваемых ими операций, являются ли они оптимистами или пессимистами своего будущего. Отсюда всякое промышленное оживление основано на изменении в общем уровне доверия¹.

«Business economy» по Митчеллю есть современное капиталистическое хозяйство, подверженное циклическим изменениям. Это экономическое поведение людей, вызванное стремлением получить денежный доход. Это современный период развития «money economy». Экономическое поведение проявляется в форме движения денег. Всякая недооценка денежной формы поведения людей влечет к тому, что экономисты забывают о специфических особенностях «business economy», об институте «money economy». Этот институт не только вызывается определенным поведением людей на определенном уровне их развития, но «money economy» является условием дальнейшего поведения людей. Поэтому, если выше мы говорили, что экономическое поведение людей зависит от их оценки будущего, то теперь необходимо добавить, что в условиях «business economy» только изменение в перспективе «making money» приводит к изменению экономического поведения².

Критерием практики (экон. поведения) в данном случае является личное убеждение в осуществлении тех или иных индивидуальных целей в ближайшем будущем. Экономическое поведение — объект количественного анализа. Убеждение — логический вывод из будущего экономического поведения. Но будущее экономическое поведение может быть мыслимо лишь, как предсказание³.

Прибыль, как цель экономического поведения и как денежный доход, есть клубок (the clue) хозяйственных флуктуаций. Суть колебаний в колебании денежного дохода, которое совершается в форме колебания цен. От дифференциации покупных и продажных цен и физического объема торговли зависят перспективы прибыли. От перспектив прибыли зависит экономическая деятельность, а от последних — цены, и так без конца. Ибо экономическая деятельность есть бесконечный поток повторяющихся в своей основе явлений.

Динамика экономического поведения есть предмет политэкономии. Динамика подчиняется принципу не причинности, а взаимодействия. Исходным пунктом

¹ Такой концепсии, кроме Митчелля, держатся Маршалль, Пигу, Лавингтон и др.

² Они забывают, что «вместо изготовленных благ, необходимых для своей семьи, люди «делают» деньги и при помощи своего денежного дохода они пользуются товарами, изготовленными неизвестными руками» (Mitchell, «Bus. Cycl.», 63).

³ «Business Cycles», p. 183. «Индустрия подчинена хозяйствованию, изготовление товаров — изготовлению денег».

⁴ «Когда человек выступает промышленником, он вступает на путь предсказаний... Он может предсказывать хорошо, плохо, но он должен предсказывать» (Persons).

исследования должна быть динамика определенного хозяйства¹. Деньги и кредит (как развитая денежная форма)—центральная проблема политэкономии и средство наиболее удобного выражения экономического поведения. Полезность товара определяется максимумом того, что может за него дать данный субъект (максимальная цена, как выражение полезности). Этот максимум ограничен получаемым данным субъектом доходом. Колебание денежного дохода всего населения создает циклические колебания хозяйства. Каждый цикл начинается с дополнительного спроса. Последний вызывает применение при данном техническом уровне дополнительной рабочей силы (неквалифицированных рабочих) и усиленного использования существующих средств производства. Это ведет к поднятию цен спроса и цен предложения. Одновременно растет уверенность в будущих больших прибылях (оптимизм). Взаимодействие цен, объема торговли и оптимизма порождает фазу подъема.

II

Митчелль утверждает, что поведение людей зависит от их свободной воли, которая поэтому и должна быть критерием практики. Но в то же время критерием практики, по его мнению, является вера, ибо экономическое поведение зависит от того, является ли человек оптимистом или пессимистом своего будущего. Это противоречие прагматизма. Затем Митчелль признает свободу воли в экономическом поведении и в то же время говорит о зависимости поведения людей от института «топеу есопоту», как условия дальнейшего поведения людей. В-третьих, он утверждает, что критерием практики является вера и в то же время условием веры является окружающая обстановка, т. е. практика. Получается порочный круг без всякого намека на ведущее начало.

Поток денежного дохода является по Митчеллю предпосылкой циклических колебаний. Но Митчелль не говорит, чем вызываются колебания денежного дохода. Ведь денежный доход может быть не только предпосылкой, но и следствием хозяйственных циклов. Остается неясным, почему же: 1) именно денежный доход и 2) на известной стадии развития капитализма (чего не отрицает Митчелль) порождает хозяйственные циклы? Поэтому необходимо отыскать такие предпосылки, которые давали бы объяснение того, почему та или иная конкретная причина (о которой по существу говорит Митчелль) рождает конкретный результат, т. е. необходимо отыскать *общие* предпосылки. Эти предпосылки как раз отсутствуют в изложении Митчелля. «Каждый хозяйственный цикл,—говорит Митчелль,—включает фазу упадка (recession). Этот упадок может или не может быть отмечен кризисом; кризис, если он имеется, может или не может выродиться в панику».

Итак, есть *возможность* такого-то циклического движения. Но благодаря чему эта *возможность* превращается в *действительность*?

По Митчеллю, в каждой фазе цикла содержится достаточно условий, чтобы вызвать следующую фазу. Отсюда каждый предшествующий цикл вызывается предыдущим. Ну, а чем был вызван первый цикл? На этот вопрос нельзя ответить, не выяснив предпосылок ритма, предпосылок «циклического узора» в динамике хозяйства.

Перейдем теперь к формам «хозяйственных циклов». Конкретизированное противоречие, например, недостаток денег, с новым этапом развития (цикличе-

¹ Попытка дать качественное определение изучаемого хозяйства.

ским) усложняется новым моментом—перепроизводством. В этом новом периоде развития настоящим кризисом будет сужение производства (общая форма *капиталистического* кризиса). Недостаток денег (как кризис в потенции) только тогда будет действительно *капиталистическим* кризисом, когда будет налицо предпосылка, превращающая кризис из потенциального в действительный. Такой предпосылкой может быть лишь перепроизводство средств производства.

Несмотря на то, что сущность кризиса (на новом этапе развития) изменилась, одной из форм проявления этой сущности остаются попрежнему деньги. Но именно потому, что сущность кризиса изменилась, денежная форма его проявления становится совершенно не характерной для сущности. Она (денежная форма проявления кризиса) становится самой общей, самой абстрактной формой кризиса. Эта форма становится очень далекой от действительной сущности капиталистического кризиса. Простое противоречие (имевшееся еще в до-циклический период) становится теперь абстрактной формой более развитого противоречия, а потому нехарактерной для всего содержания данного противоречия и непригодной для объяснения капиталистического кризиса. Отрица факт *развития* противоречий, Митчелль отождествляет развитое противоречие, скрывающееся в денежном обращении, с простым противоречием денежной формы. Митчелль принимает всякий денежный кризис, как содержание действительного кризиса. Такое смешение он допускает потому, что, игнорируя предпосылки циклического движения, он тем самым игнорирует те факторы, которые превращают эту возможность в действительность. Упустив из вида условия перехода из возможности в действительность, Митчелль уподобляется человеку, разглядывающему предметы в сумерки. Белый и серый цвет в это время одинаково серы. Так и для Митчелля возможность и действительность—однозначны. Поскольку сумерки (т. е. отсутствие предпосылок у кризиса) Митчелль принимает за естественное положение, постольку он спокойно пропускает пятна на предметах белого цвета. Относя этот пример к хозяйству, нужно сказать, что Митчелль проходит мимо совокупности тех обстоятельств, через которые проявляется действительный кризис, т. е. проходит мимо общей формы кризиса (сужение процесса производства).

О методе, при помощи которого Митчелль изучает экономическое поведение людей, он говорит следующее:

«... Первая глава разбирает теории хозяйственных циклов, но эти теории используются для того, чтобы раскрыть известные факты, т. е. показать, как многие процессы переходят в циклические флуктуации. В свете этих результатов я подхожу ко второй главе, чтобы объяснить современную экономическую организацию, к третьей главе, чтобы обсудить статистическую проблему, и к четвертой главе, чтобы сделать заключение из хозяйственной летописи; в конце я даю пятую главу, чтобы формулировать определенное понятие хозяйственных циклов... Этот порядок кажется мне более подходящим для того, чтобы вести к раскрытию новой истины, чем способ действия (treatment), когда начинают с теории и затем обращаются к фактам»¹.

Митчелль рекомендует подходить к фактам не в свете самостоятельныхлогических умозаключений, а исключительно в свете результатов, полученных от изучения фактов.

¹ Bus. Cycl. 1927 p. 59.

Возникает вопрос: какое число и каких фактов необходимо изучить, чтобы в свете результатов (полученных от изучения этих фактов) можно было бы приступить к успешному изучению других фактов. В таблице № 32 (стр. 425) Митчелль помещает среди сведений о капиталистических странах сведения о «России»:

- 1917—кризис, упадок,
- 1918—1921—депрессия,
- 1922—депрессия, начало оживления,
- 1923—оживление, упадок,
- 1924—средняя депрессия,
- 1925—неровный расцвет, упадок.

т. е. Митчелль хочет доказать, что в СССР существует «business ecomoty». Орудия только с цифрами и притом такими, которые характеризуют только количественную сторону вопроса, Митчелль совершенно не видит качественных различий. Различия между капиталистической системой и советской Митчелль не видит, потому что он берет конкретно-динамическую форму этих систем. Качественное же различие может быть установлено между этими системами только в том случае, если они будут взяты в абстрактно-статической форме, изучение которой должно предшествовать фактам.

Такой метод Митчелль называет в одном месте «Fact theory blend» (факто-теоретическая смесь). Этот метод—единственно правильная форма исследования (по мнению Митчелля).

«Что ясно, это то, что в научной работе эта двойная смесь, знание фактов и теоретическая концепция стимулируют, расширяют и обогащают друг друга. Позднейшие работники отправляются от «fact theory blend», улучшенной новыми выводами» (60).

Выше мы видим, что политическая экономия по Митчеллю есть наука о стандартизированном экономическом поведении. От качества учета стандартизированного поведения, от уровня статистической техники зависит качество выводов, их точность¹. Всякое исследование должно начинаться со статистики, причем анализ, базирующийся на неколичественных наблюдениях, фигурирует, как дополнительный материал (205).

Митчелль совершенно не знает и не занимается тем, что называется методологической обработкой. Методологическая обработка состоит в том, чтобы сделанный общий вывод исследования поместить в качестве исходного пункта изложения. Митчелль оставляет свою работу о циклах в том виде, в каком она оказалась в результате исследования. Изложения, как возврата от абстрактного к конкретному, у него нет. Отождествляя представление с понятием, Митчелль не видит разницы между исходным пунктом в мышлении и исходным пунктом в действости. В том и другом случае он берет конкретную данность.

Критические замечания, относящиеся к анализу цикла, мы сделаем после выхода в свет второго тома «Хозяйственные циклы» под заглавием «Ритм хозяйственной деятельности». Тогда же мы надеемся дать более полную критику первого тома «Хозяйственных циклов Митчелля».

В. Д. Черменский.

¹ «Позднейший исследователь имеет чисто механическое преимущество над его предшественниками плюс преимущество от полезных (profiting) идей его предшественников». (Mitchell. «Business Cycles», 1927, p. 54).

А. К. Топорков. «Элементы диалектической логики». Изд. «Работник просвещения», Москва, 1927 г. 135 стр.

Всесторонняя разработка и популяризация диалектико-материалистической логики—такова одна из кардинальных задач, которые выдвигаются всем ходом критически-теоретической и практической классовой борьбы пролетариата и интересами победоносного социалистического строительства в СССР. Нечего и говорить, что успешное решение этой задачи может быть осуществлено лишь общими усилиями марксистов-ленинцев, работающих в самых разнообразных отраслях теоретико-практической деятельности. Поэтому необходимо приветствовать всякую серьезную попытку помочь этому нашему общему делу.

Именно такого рода работу представляет разбираемая брошюра А. К. Топоркова. «Элементы диалектической логики» есть попытка изложить в связанном виде диалектическое учение о противоречии, понятии и умозаключении и осветить на этой основе некоторые черты марксистской методологии, характеризующие ее с революционно-практической точки зрения.

Прежде всего заслуживает одобрения общий прием А. К. Топоркова, состоящий в том, что дающееся вначале метафизическое (формально-логическое) понимание проблем критикуется с точки зрения гегелевской логики, а затем от Гегеля совершается переход к диалектическому материализму.

Не меньшего внимания заслуживает также попытка диалектического развертывания рассматриваемых вопросов, при котором вопросы революционной практики обнаруживаются как необходимый результат развития теории.

Переходя к содержанию брошюры, прежде всего надо остановиться на главе о противоречии. Здесь показывается, что «формальная мысль остается при... отдельных несвязанных между собою отношениях, она утверждает их вне связи их между собой, эти отношения в формальной логике являются изолированными». «Тождество формальной логики не ставится ни в какую связь с различием», «формальная логика отождествляет вещи, поскольку она отвлекается от различия, и различает вещи, поскольку отвлекается от тождества».

Этому взгляду противопоставляется далее учение Гегеля о тождестве и различии. На самом деле тождество совершенно немыслимо без различия. Тождество и различие связаны между собою неразрывно, без тождества нет различия, без различия нет тождества. Поэтому Гегель настаивает на единстве тождества и различия. Эти положения могут быть установлены только в том случае, если мысль берется не как застывшая, а как движущаяся, как процесс, как развитие. В этом случае содержание мысли не остается абсолютно тождественным, а изменяется и притом изменяется также не абсолютно, а лишь относительно, становится иным (различие), сохраняя в то же время некоторые черты прежнего (тождество). Далее в противоположность формальной логике Гегель устанавливает не только «непосредственное», формальное, но и «определенное», существенное различие, переходящее в противоположение. Это различие и противоположение А. К. Топорков правильно связывает с определенностью отрицания у Гегеля. Здесь дается ключ к пониманию закономерности явлений, возникновения нового, перехода в противоположность, скачка, основных тенденций развития.

Наконец, переходя к противоречию в материалистической диалектике, автор указывает, что гегелевское учение о единстве противоположностей становится действительно научным только на основе диалектико-материалистического мировоззрения. Диалектика мысли есть диалектика мысли человека, человеческой

головы, а «диалектика головы—только определенная форма движения реального мира как природы, так и истории. Противоречия действительности порождают требование мыслить диалектически». Таким образом, истиной и необходимым следствием наивысшей формы идеализма—объективного диалектического идеализма Гегеля—является наивысшая форма материализма—диалектический материализм.

Во второй главе («Понятие») сначала дается учение о понятии в формальной логике.

«Сущность формалистической теории состоит в том, что понятие берется как некоторое умственное построение, которое, в силу общности принадлежащих ему признаков, относится к ряду сходных в каком-либо отношении индивидуальных предметов». «Конкретные предметы живого мира подвергаются логическому оскотлению, общее возникает как пустая абстракция».

Наоборот, с точки зрения Гегеля, понятие не есть только общее. Оно есть единство общего, особенного и единичного. Особенное входит во всеобщее, единичное—в особенное. И наоборот. Следовательно, они проникают друг друга. «Различные определения понятия суть собственно выражения единой природы по существу единого понятия, они вовсе не распадаются и не независимы одно от другого: они суть диалектические моменты понятия, которое есть конкретная целость их».

У Гегеля движение логических определений, категорий, понятий является основой материальной действительности. Маркс отбрасывает эту идеалистическую иллюзию. С точки зрения диалектического материализма понятие есть отражение бытия. Но вместе с тем марксизм усваивает основное завоевание гегелевской философии: мышление не есть лишь пассивный результат созерцания и представления, оно деятельно, оно имеет свою внутреннюю закономерность. Задача мышления—«переработка содержания представлений в понятие». Понятие, как живое конкретное единство общего, особенного и единичного, как мыслимое целое, есть результат исследования, усвоения и понимания реальной конкретности, притом такой результат, который в самом себе сохраняет свой собственный генезис.

Переходя к рассмотрению теории вывода, А. К. Топорков критикует догматизм, односторонность, недостаточность и потому неистинность дедукции и индукции как самостоятельных методов. В противоположность их односторонности выступает диалектико-материалистическое учение о выводе, которое представляет собою рациональную обработку чувственных данных, такую обработку, результаты которой соответствуют законам самой действительности и проверяются последней.

Теория вывода имеет своим следствием тот результат, что законы, устанавливаемые различными науками, носят исторический характер.

Понятие диалектико-материалистического историзма, с одной стороны, исключает скептицизм, абсолютный релятивизм, субъективизм наших знаний, с другой стороны, отвергает абсолютизирование конкретных законов материального мира. Далее история природы переходит в историю общества. Понимание историчности законов общества ведет к революционно-практическому его преобразованию. В связи с этим встает вопрос об отношении действительности и разумности, необходимости и свободы в общественно-историческом развитии. Все действительное разумно, но лишь постольку, поскольку оно покоится на внутренней необходимости. На определенной ступени своего развития, в силу внутренних противоречий, действительность становится простым внешним существованием, становится «ни-

мой» и, следовательно, неразумной. Данная действительность ведет к самоуничтожению:

Только на основе такого понимания истории можно было создать научный социализм, и только «диалектический подход к исторической действительности позволил показать действительность социализма как результат неизбежного крушения буржуазного общества».

В следующей главе «Конкретная мысль» автор подвергает критике односторонность аналитического метода и вообще одностороннее, абстрактное рассмотрение живой действительности. Помимо теоретических, основным недостатком этого метода является невозможность перейти с его помощью к конкретной действительности. Лишь диалектический материализм до конца конкретен, и это постольку, поскольку для него конкретная действительность есть не только предмет всестороннего понимания, но вместе с тем и предмет всестороннего практического преобразования, практического изменения. Таким образом, диалектико-материалистическая логика является одновременно и методологией наук и научным руководством к действию, к революционной практике—критической деятельности.

Завершается брошюра кратким рассмотрением некоторых черт диалектического материализма как руководства для действия, особенно «максимальной последовательности» и «максимальной гибкости» ленинской тактики.

Наш обзор не исчерпывает всех достоинств брошюры А. К. Топоркова. Но и перечисленных вполне достаточно, чтобы вызвать к ней живейший интерес. Вместе с тем необходимо указать и некоторые недостатки брошюры.

Коренным недостатком, следовательно таким, из которого и на основе которого вырастают все прочие, является *отсутствие* у автора четкого и глубокого понимания того, как разрешается в диалектическом материализме коренной философский вопрос, и какие из этого решения вытекают последствия для диалектической логики.

А. К. Топорков говорит: «диалектика головы—только определенная форма движения реального мира как природы, так и истории».—Абсолютно верно. Но не означает ли это, что движение мысли, в конечном счете, определяется движением предмета мысли? Несомненно означает. Впрочем, проверим по «Элементам диалектической логики»: «Разве моя мысль, работая над одним и тем же предметом, сама не становится другой?»—Бывает, что становится.—«Ведь есть прогресс в познании, есть изменения и движения в мысли...»—Согласны, есть.—«...новые связи, новые отношения, в которых я рассматриваю предмет, освещают его всякий раз с новой стороны...».—И это верно.—«...и потому и сам предмет мысли становится иным, он существенно меняется» (курсив наш. В. Р.).

— А это уж извините! У Канта—так, у махистов и прочих субъективных идеалистов—тоже, но уже у Гегеля не совсем так, а у диалектических материалистов вовсе ничего подобного! Предмет мысли меняется совсем не потому, что вы изменяете свою точку зрения на него. Он сам изменяется. Вот суть диалектико-материалистического взгляда на мир, на природу и общество, словом на материю.

Таких формулировок у Топоркова не одна. Но в брошюре в целом они все же не являются решающими, и потому мы употребили выражение «отсутствие четкости». Внести четкость нужно, можно и нетрудно.

Гораздо труднее обстоит дело с «углублением». Какое последствие вытекает из взгляда на мир как на самодвижущуюся, самоизменяющуюся, саморазвиваю-

щуюся материю? То, что субъективная, теоретическая диалектика есть отражение диалектики объективной, материальной. Как называются те общие логические формы, в которых отражаются общие формы объективной реальности? Понятиями, суждениями, умозаключениями. Возможно ли правильное понимание логических категорий *вне* понимания категорий объективной реальности? Невозможно. Следовательно... нужно было первоначально, хотя бы бегло, но систематически рассмотреть эти последние. А. К. Топорков этого не делает. Но совсем не рассматривать объективных категорий невозможно. И вот эти категории—и притом решительно все—вводятся снова, но лишь случайно, мимоходом, между прочим, как нечто побочное и вне их внутренней связи друг с другом. Отсюда второй грубейший недостаток брошюры и притом настолько глубокий, что для его исправления требуется, пожалуй, коренная переработка брошюры.

В самом деле, нищенски мало сказать, что диалектическое движение есть движение от абстрактного к конкретному. Нужно показать внутреннюю логику переходов, нужно иметь единый цельный план работы, такое целое, части которого не были бы лишь простыми «элементами» «сложного», а ступенями, прогрессивными формами развития этого целого.

С этой точки зрения, непосредственное обращение Топоркова к категории тождества различий не обосновано. Далее, понятие выходит у автора из сущности, как Минерва из головы Юпитера. Конкретное понятие есть ведь отражение не только сущности, но и многообразных форм ее проявления, есть отражение единства необходимости и случайности, есть, словом, отражение объективной действительности. Поэтому скачок от сущности к понятию логически не правомерен. Существенным недостатком является далее полный отказ от рассмотрения суждения. Разбор понятия и умозаключения *вне* суждения есть грубейшее непонимание образования и понятий, и умозаключений, такое непонимание, которое способно вести лишь к путанице. Затем в брошюре имеется *отрыв* критики «Анализа и отвлечения» от критики умозаключения, да и вообще глава «Конкретная мысль» неправоммерно рассматривается *после* главы «Историзм».

Глава «Историзм», недурная сама по себе, есть по существу часть заключения «Диалектики и практики», так как ведь в этой главе материалистическая диалектика рассматривается как методология, как руководство для революционной общественной деятельности.

Таковы общие последствия невнимания к объективной диалектике. Поэтому надо признать, что автор не страдает слишком большой скромностью, когда уверяет, что его изложение не могло быть недиалектическим. Диалектика изложения в брошюре довольно-таки поверхностная.

Переходя к главе «Противоречие», нужно прежде всего отметить изрядную элементарность трактовки категории «единства противоречий». Мы не удивились бы, если бы кто-нибудь усумнился в наличии в «Элементах» этого самого единства противоречий. О нем говорится, автор на него смотрит как на основу самодвижения предмета, и вместе с тем вы видите это противоречие лишь на грани перехода от одного предмета к другому. Летящая стрела Зенона, различие предметов в комнате, при постепенно-усиливающемся освещении, процесс ограничения закона Мариотта, различие двух человек по месту их в пространстве, по росту и т. п.,—все это примеры отнюдь не «самодвижения» предмета. Все это сфера механики или, в широком смысле, непосредственности, внешности. Стрела остается безразличной к процессу своего полета, комнатные предметы безразличны друг

к другу так же, как и различаемые мною люди, необходимость ограничения закона Мариотта не вытекала из формулировки этого закона. Во всех этих примерах господствует или случайность различия, или только внешняя необходимость. Поэтому хотя автор и подчеркивает определенность отрицания, но он явно не проникает в существо дела, и потому остается лишь в сфере внешних отношений или, в гегелевском смысле, в сфере качества.

Между тем закон качественных изменений путем скачка еще не *объясняет* ни необходимости скачка, ни определенности этих изменений. Все это можно (и нужно) понять, вскрывая *сущность*, основу, внутреннее содержание этого процесса. Чем вызывается переход этого данного качества в это другое качество? Внутренними противоречиями, действующими в первом качестве (конечно, в связи со всеми внешними относящимися к нему условиями). Это качество есть живое целое; единство взаимо-проникающих и взаимо-исключающих, противоборствующих противоположностей. Единство противоречий не есть *только* в точке С перехода от А к не-А, причем С якобы является основанием. Наоборот, в этой «точке С» единство разрывается.

Ламентации автора против категории «основания» есть сущие в себе и для себя пустяки. Маркс против Гегеля притянут за волосы—без всякого логического основания. Достаточно хотя бы бегло прочитать хотя бы первый том «Капитала», чтобы убедиться, что Маркс неоднократно употребляет эту важнейшую материальную категорию. А экономика как «реальное основание» общественной надстройки—в бессмертном предисловии «К критике политической экономии»? А общепринятое в марксизме выражение «развитие, борьба и т. д. на новой основе»? Если, как полагает Топорков, «сводя противоречие к основанию, Гегель дает логической теории *идеалистическое* истолкование», и потому категория основания должна быть выброшена, то почему бы не выбросить и категории сущности, которая ведь тоже есть единство противоречий и тоже истолковывается Гегелем идеалистически? Указание на то, что основание понималось идеалистически Лейбницем, есть совершенно не относящийся к делу довод¹.

В вопросе о понятии А. К. Топорков делает также ряд ошибок. Указывая, что Маркс в «Капитале» идет от абстрактного к конкретному, автор пишет: «В известном смысле (с присовокуплением необходимых оговорок) вполне справедливо комментаторы Маркса говорят, что Маркс свой анализ начинает отрицанием непосредственно данного» (стр. 43). Дальше приводится цитата из Бауэра, полагающего, что ценность, по Марксу, есть лишь чисто количественное определение. Бауэр—механист. Поэтому не мешало бы в работе об «Элементах диалектической логики» более критически относиться к возможности использования бауэровских изречений. А, кроме того,—и в этом суть—«комментаторы Маркса» ни в «известном смысле», ни с присовокуплением необходимых оговорок) и вообще никак не правы, утверждая, будто Маркс начинает «Капитал» отрицанием непосредственно данного. Именно с «непосредственно данного», с поверхности, внешности, с грубо бросаю-

¹ Кстати сказать, Топоркову не мешало бы, когда он кивает на Лейбница, не забывать, что «достаточное основание» имеет у последнего не только логический, но реальный характер. Об этом Топорков мог прочесть хотя бы на 457 стр. I тома «Логики» упоминаемого им. Зигварта: «В пятом письме к Clarke'у, напротив, снова появляется полная формула (принципа достаточного основания. В.Р.)... *Se principe est celui du besoin d'une raison suffisante, pour qu'une chose existe, qu'un événement arrive, qu'une vérité ait lieu*» (СПБ, 1908. Перевод Давыдова с 3 изд.).

шегоса в глаза, с массивного, по выражению Ленина, — с *товара* и начинает Маркс свое исследование и изложение законов капиталистического производства.

Далее не мешает разъяснить «недоразумения» и «неясность», которые совершенно неосновательно возникают у автора по поводу следующих слов Маркса: «Реальный субъект (изучаемое капиталистическое общество. В. Р.) остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, теоретически». Откуда эта неясность у автора, из чего она растет? Не следует ли ее поставить в связь с теми «недоразумениями», на которые мы указали с самого начала? В приведенном положении Маркс возражает Гегелю, у которого процесс мышления есть процесс порождения материальных явлений: идеальный, конкретный субъект создается головой, но реальный субъект существует вне головы, вне сознания, вне мышления. Следовательно, Гегель неправ. Маркс проводит здесь, в вопросе познания, теории, в философии резкую грань между материей и мышлением. Верно ли это? Абсолютно верно. И к тому же совершенно ясно. Есть ли в таком противопоставлении материи и мышления хоть намек на дуализм «познаваемого и познающего»? По Бернштейну, это, пожалуй, самый настоящий дуализм. А по-нашему, все эти слова о «дуализме» — плод долгой позитивистской науки.

На следующих соображениях — относительно критики Марксом феербаховского материализма — мы считаем необходимым остановиться подробнее. Автор опасается, что кто-нибудь привлечет для обоснования «современного прагматизма» II тезис Маркса о Фейербахе. Он считает в то же время, что в первом тезисе необходимо делать ударение не на «конкретной человеческой деятельности», а на слове «субъективно». Мы думаем, что здесь автор основательно (хоть и не оригинально) путает.

Но прежде несколько слов о Гегеле. Что субъект, человеческая личность у Гегеля является «обостренной верхушкой» действительности — это верно. Но истолковывать это положение в смысле субъективного идеализма совершенно неправильно. Единичная личность, по Гегелю, не есть нечто самодовлеющее. Таковым является только род «человек», следовательно, человеческое общество, человечество. Поэтому жизнь, безграничное развитие самосознания осуществляется не в отдельной личности, а в человеческом роде. Это положение Гегеля Маркс ни в какой мере не отбросил, а лишь по-иному обосновал. Это во-первых.

Во-вторых, вопрос о том, как Маркс преобразовал понятие единства суб'екта и об'екта, решается вовсе не так просто, как это показано в «Элементе». Фейербах, как и всякий диалектический материалист, в процессе познания человеком мира, считает активной стороной — в последнем счете — мир, а понятия результатом, отображениями этого саморазвивающегося мира. Следовательно, с этой точки зрения суб'ект — это мир, природа, общество, а человек, материальное единство его органов познания — об'ект. Маркс согласен со всяким материалистом, что в том органическом единстве об'екта и суб'екта, которое представляет собой живой человек, его суб'ективная, психическая, логическая сторона есть подчиненный момент, предикат. Далее Фейербах сохранил деятельную сторону логического суб'екта, но обосновал ее *деятельной* стороной человеческого тела. Следовательно, Фейербах поднялся над абстрактной практикой идеализма, развил положение о материальной практике человека. Эта материальная практика была направлена Фейербахом против философского агностицизма (существование пудинга доказывается, когда его едят, — употребляя эту поговорку, Энгельс целиком становится

на точку зрения Фейербаха). Но Маркс (и, конечно, Энгельс) поднялись над этой точкой зрения. Грубо выражаясь, практика Маркса выше или глубже практики Фейербаха на столько, на сколько процесс материального производства выше или глубже процесса потребления. И буржуазия потребляет, непосредственно использует продукты пролетарского труда. Но их непосредственный производитель — пролетариат. Пролетариат — последний двигатель исторического процесса. Он истинный материальный суб'ект истории, осознает ли он это, или нет, все равно. Следовательно, с этой точки зрения, капитал, буржуазный строй, буржуазия есть продукт пролетариата, господствующий над ним.

Поэтому первая задача заключается в том, чтобы пролетариат *осознал* свою об'ективную роль. Следующая задача — и притом высшая — заключается в революционном преобразовании общества, в изменении мира. Именно при решении этой задачи должна выступить высшая материально-активная практическая, критическая сторона или сущность пролетариата. Считать теоретическое рассмотрение реальности схоластическим — это сверх'естественная путаница, это именно «в духе современного прагматизма». Теория и практика не могут и не должны отождествляться.

По Марксу, рассматривать современное общество суб'ективно, это значит рассматривать его с точки зрения интересов классово-пролетарской революционной борьбы. Но эта *суб'ективность*, в свою очередь, *основывается* на понимании, на *теории* об'ективного хода условий и результатов классовой борьбы, ведущейся в современном обществе, на об'ективном понимании причин и тенденций этой борьбы. Рассматривать мир суб'ективно, это значит рассматривать его с точки зрения революционной практики, деятельности, изменения.

Понятие «суб'ективности» у Маркса в точности соответствует понятию партийности у Ленина. Понятие суб'ективности и партийности включает в себя, конечно, в качестве моментов, понятие волюнтаризма и телеологии. Где есть практика, там есть практические интересы и задачи, следовательно, практические цели, а потому и желание, стремление достигнуть этих целей. Но — еще раз — на чем покоится *этой* суб'ективизм? На теоретическом, об'ективном, научном рассмотрении исторического процесса.

Таким образом, задача Маркса заключалась не в отмене учения Фейербаха о единстве суб'екта и об'екта, а в развитии этого учения. До-фейербаховский материализм рассматривал мир только, вернее, по преимуществу, как об'ект познания. Фейербах уже стал его рассматривать, как об'ект практики, но лишь потребительской. Маркс признал и первую и вторую точку зрения, но поднялся еще выше и взглянул на мир, как на об'ект критически-практической, творческой деятельности. Этот шаг от Фейербаха к Марксу был скачком в противоположность. Именно, и у французских материалистов, и у Фейербаха человек оставался *только* продуктом, воспитанным природой и историей, среды, обстоятельств. Следовательно, истинным суб'ектом оставались природа и история. У Маркса, наоборот, активным началом, деятелем, суб'ектом истории является человек, класс и еще точнее — пролетариат. Таким образом, действие и об'ект действия истории — человек превращается в причину и суб'екта исторического процесса. Это превращение происходит в осознанном свою историческую революционную роль пролетариате.

Далее, замечание Топоркова по поводу «исторической правды» идеализма вообще — неверно. Тем, что идеализм отказывался и отказывается рассматривать мир как об'ект познания, он доказывает свою абсолютную философскую ложь.

Идеализм, как таковой—и притом какой бы то ни было—это «пустоцвет», «растущий на живом дереве жизни».

Переходя к главе «Умозаключение», мы прежде всего должны пожалеть об отсутствии в «Элементах» критики суждения. Правда, по всей видимости, форма суждения все время витала в представлении автора при рассмотрении им формы умозаключения. Но это для читателей «Элементов» и не убедительно и мало-утешительно. Поэтому глава «Умозаключение» далеко не оправдывает тех надежд, которые на нее возлагает сам автор.

Так, что касается дедукции и индукции, А. К. Топорков правильно ссылается на следующие слова Энгельса: «Вместо того, чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой и их взаимное дополнение друг друга». Но одно дело словесное признание принципов, другое дело—их применение. Здесь у автора не всегда выходит кругло. Пример. В средние века считали, что истина человеку дана, и задача науки сводилась к раскрытию (?) этой истины. А «в настоящее время»,—говорит автор,—мы рассуждаем иначе: истина не дана, а задана нам. Мы постепенно приходим к высшим обобщениям, они являются результатом научных исследований, а не их исходным пунктом. Это—рассуждение не диалектика-материалиста, а ползучего эмпирика. Истина—на современном уровне теоретического развития—нам и дана и задана, высшие обобщения—и результат и исходный пункт науки. В этом наше коренное отличие и от дедуктивистов и от индуктивистов.

Не мешает здесь же сказать несколько слов по поводу критики силлогизма. Не всякий силлогизм есть глупость, пустая тавтология. Умный силлогизм входит в диалектическую логику. Критика Миллем силлогизма не только не «во всяком случае глубоко пронизательна и права», но, наоборот, лишена и проблемская абстрактной мысли (это не помешало или, вернее, это помогло Миллю построить свои знаменитые методы установления причинной связи на довольно-таки бытовых силлогизмах).—Возьмем избитый силлогизм: 1) Все люди—смертны, 2) Иван—человек, 3) следовательно, Иван—смертен. Автор вместе с Миллем считает, что мы не можем быть уверены в смертности всех людей, пока не уверились в смертности каждого отдельного человека. Современные чистые эмпирики, так развязно воюющие против «схоластики» диалектических материалистов, оказываются в пикантном родстве с позитивистом Миллем. Придется-таки им отрицать смертность всех людей до той самой поры, пока все люди не перемерут.

Вот вам и «борьба» со схоластикой, чудесами, витализмом, богами и прочей чертовщиной.

Приведенный силлогизм верен и не является пустой тавтологией. Гегель, правда, назвал бы его умозаключением всячества. Но это лишь формальная сторона дела. Сказал ли: «все люди» или просто «человек» по существу одно и то же. Это умозаключение есть умозаключение необходимости. Оно покоится на первойсылке—категорическом суждении. В нем индивидуальное соединяется с предикатом через свой род, через свою субстанцию. С тех пор, как было установлено, что смерть есть неотделимая сторона жизни, уже больше не требуется никакой проверки этой истины новыми фактами. Эта истина—абсолютно неопровержима.

Далее, критика Топорковым миллевских методов мало удовлетворительна. Здесь не сведены концы с концами. Надо было показать, что самое понятие причинности у Милля механистично. Повидимому, автор согласен с определением

причины, как необходимо предшествующего. Возьмем обычный пример: ночь необходимо предшествует дню и обратно. Значит, по Миллю, между ними причинная связь. Это, конечно, пустяки. А. К. Топоркову нужно было бы, во-первых, показать разницу между категориями закономерности, необходимости и причинности, а во-вторых—что важнее—вскрыть качественный характер этих категорий в различных сферах материальной действительности.

Затем отнюдь не раз'яснено умозаключение необходимости у Гегеля. Кроме того, здесь имеется и формальное противоречие. Так, сначала говорится, что «учение Гегеля об умозаключении... для современной научной мысли неприемлемо», потом оказывается, что это учение не должно быть просто отринуту, а должно быть поставлено с головы на ноги. И, наконец, утверждается, что Гегель «в основном правильно определил развитие мысли в процессе умозаключения». Таким образом, «снова мы возвращаемся к Гегелю, теперь его формулы, которые раньше могли казаться (кому? В. Р.) неприемлемыми, становятся весьма поучительными». А вот и весьма поучительный вывод из критики гегелевских умозаключений. «Подобная теория (вывода В. Р.) может быть создана путем некоторой замены (только и всего. В. Р.) идеалистических предпосылок этой (гегелевской. В. Р.) теории соответствующими материалистическими». Вот вам и «неприемлемость учения Гегеля об умозаключении... для современной научной мысли».

Укажем еще на отдельные промахи.

На стр. стр. 117—118 трактовка категорий единства целого и частей недостаточна, механистична. Автор забывает категории существенного и несущественного, необходимого и случайного (а также важного и неважного). Целостность живого организма есть более высокая форма целостности, нежели целостность машины. «Человеку достаточно отрубить голову, чтобы он умер».—Абсолютная истина: вполне достаточно! Ну, а отрезать волосы? Ведь они тоже часть живого организма.—Словом, нельзя рассматривать категорию целого и частей вне остальных категорий сущности.

На стр. 118 представление о категории взаимодействия совершенно поверхностно.

Неправильно подменять понятие диалектического исследования понятием конкретного анализа. Анализ по существу односторонен и есть противоположность синтеза. В обычной речи мы механически употребляем слово анализ для обозначения всякого теоретического исследования. Но если слова должны выражать определенные понятия, как это требуется в научных трудах, особенно же в трудах по логике, да еще диалектической, надо постараться различать слова. Диалектика не есть сумма анализа и синтеза и не равна ни анализу, ни синтезу. В понятии анализа, хотя бы и конкретного, не заключено требование возврата к синтезу.

На стр. 121 сказано: «С точки зрения диалектики можно показать, что всякая отвлеченная мысль, с одной стороны, *нереальна и противоречива*, а с другой—*пуста и бессодержательна* (курсив наш. В. Р.). Это положение неверно. Лишь формальная отвлеченная мысль пуста. Но зато она и не противоречива или, если угодно, наоборот. В диалектической же логике высшая отвлеченность есть высшая содержательность и, следовательно, высшее единство противоречий.

Так, материя есть вся и всякая реальность, существующая вне какого бы то ни было сознания. Следовательно, понятие материи есть высшее конкретное, но и высшее абстрактное понятие.

На стр. 122 понятие материи смешивается с естественно-научным понятием вещества.

На стр. 126 проводится мысль, что если предмет дан через ощущения, то работа мысли сводится *только* к анализу. Это неверно. Для всякого материалиста, следовательно, и для диалектика, материальный предмет дается *только* через ощущения и *никак иначе*. Но отсюда вовсе не следует, что познание предмета должно быть ограничено аналитической работой рассудка. Чувства читают книгу природы,—говорит Фейербах,—но понимает ее разум. А *разумное* понимание есть понимание *диалектическое*.

Наконец, на стр. 130—131 проводится голое противопоставление якобы диалектической тактики, характеризующейся признанием изменчивости форм борьбы, тактике, опирающейся лишь на общие правила. Вторая тактика не диалектична. Первая—также. Марксистско-ленинская тактика учитывает одновременно особенное и единичное (изменчивость форм борьбы) и общее (неизменность—конечно, в определенных пределах—сущности, основы, содержания борьбы).

Наш общий вывод. В содержании книги А. К. Топоркова есть несколько крупных недостатков и много мелких ошибок. Но все это в целом покрывается рядом отмеченных в начале рецензии достоинств. Внешняя отрывистость и лексическая незлементарность изложения в общем не являются большим препятствием для усвоения основных мыслей брошюры. Полагаем, что «Элементы диалектической логики» с интересом и пользой будут прочтены не только средним пролетарским активом, но и вообще всеми, кому не безразличны вопросы диалектико-материалистической методологии.

В. Ральцевич.

А. В а р ь я ш. «Диалектика у Ленина» (Популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина). Гиз, 1928, стр. 185.

Чем сильнее борьба, тем сложнее ее методы. Чем сильнее развивается борьба между механистами и диалектиками, чем дальше механисты отходят от марксизма, тем тоньше, тем изощренней оружие, выбираемое ими в борьбе с последним. На данной ступени развития марксизма борьба с ним может идти только «под маской ортодоксии». Одной из этих «масок» является рецензируемая книга. В ней ряд принципиальных вопросов марксизма ставится и разрешается совершенно *иначе, чем во всех других сочинениях Варьяша*.

Марксистская постановка и разрешение проблем чужды автору, он пишет о них как посторонний. Отсюда безжизненность, мертвенность всей книги, отсутствие в ней того, что создает всякую книгу—творческого начала, которое невозможно без искреннего и глубокого убеждения в истинности того, о чем пишешь.

Да и могло ли быть иначе? Как можно ожидать, хотя бы самых ничтожных элементов творчества и искренности от одного из философских лидеров блока механистов, когда он облачается в тогу *критика* механического материализма. Варьяш критикует механический материализм! Впрочем, нужно знать, как ведется эта «критика» для того, чтобы не подумать, что произошло философское столпотворение.

В начале книги механический материализм выступает как метафизический только потому, что он идеалистичен в «общественных вопросах» (стр. 17). Далее, эта мысль развивается, и на странице 51, оперируя именами Маркса и Энгельса, Варьяш дает понять читателю, что все различие между механическим и диалектическим материализмом сводится к тому, что последний «достроил здание матери-

алистической философии доверху». На стр. 100 эта мысль Варьяша получает свое логическое завершение в том, что диалектическим автор готов признать всякое воззрение, не отрицающее «независимое от нас существование внешнего мира». Но ведь всякий знает, что механический материализм метафизичен не только потому, что он «идеалистичен доверху». Механический материализм метафизичен *внизу*, в основе,—в онтологии и гносеологии. К тому же всякий знает и то, что одного признания об «объективного существования внешнего мира» не достаточно для того, чтобы быть диалектиком. Из этой «концепции» следует, что всякий материализм есть материализм диалектический. А то, что это не так, доказывает вся история материализма.

Да и не только в вопросе о различии механического и диалектического материализма, но и в ряде других вопросов Варьяш затуманивает, вуалирует диалектику, прячет ее за метафизический материализм. Так, например, говоря о «значении революционной теории в революционном движении» (19—24), Варьяш ни словом не обмолвился о значении диалектики в этом важном вопросе. Но ведь диалектика есть душа революционной теории, она собственно и есть то, что делает теорию революционной. Как же можно, затрагивая такую проблему, замалчивать диалектику? И это в книге о «Диалектике у Ленина»!

Впрочем, что касается заглавия книги, то оно, нужно думать, должно выполнять какую-то иную функцию, а не ту, которую оно обычно выполняет. Ибо в первой половине книги (до 80 страницы) о диалектике говорится чрезвычайно мало. И вообще из 185 страниц собственно диалектике посвящено лишь 50. И нужно знать, какие это страницы!

Знаменателен подход автора к закону перехода количества в качество. «Каким образом,—пишет Варьяш,—точнее определить, что такое качество и количество. Такие определения *очень трудно дать*, так как качество и количество являются чрезвычайно (!) общими понятиями, и подвести их под еще более общие невозможно. Поэтому, поскольку под определением понимается подведение одного понятия под другое, более общее, то *определений качества и количества дать нельзя*. Но можно дать их отношение, или, точнее, *определить* количество через качество. Количество представляет собою вид качества» (стр. 89—90. Курсив наш). Эта цитата во всех отношениях замечательна. Она выдает полную беспомощность механиста перед категорией качества. Во-первых, в ней констатируется *трудность* определения категорий качества и количества; во-вторых, *невозможность* этих определений; в-третьих,—невозможное свершается—Варьяш дает определение этих категорий и, в четвертых,... эти определения оказываются неверными. Проявленная автором теоретическая растерянность увеличивается по мере приближения к категории качества. Это было бы смешно, если бы не было грустно...

Первая бросающаяся в глаза ошибка этого рассуждения Варьяша следующая: категории качества и количества нельзя по примеру понятий материи и мышления считать «чрезвычайно» общими понятиями, т. е. настолько общими, что их нельзя подвести под другое понятие и тем самым определить. Предельно общими понятиями Ленин считал *только* материю и мышление и переносить логические свойства этих понятий на количество и качество может быть и оригинально, но совершенно неверно. Вторая ошибка кроется в самом определении количества, как вида качества. Это положение ошибочно по следующим основаниям.

Первое. Количество и качество есть противоположности. Одна категория противоположна другой, между прочим и потому, что эта другая не является ни

видом, ни родом первой. Следовательно, первый недостаток этого определения Варьяш тот, что в нем игнорируется важнейшая категория диалектики, а именно *противоположность*. Закон диалектики о взаимном проникновении противоположностей, на который Ленин указал, как на суть диалектики, и который является диалектико-логическим основанием для развертывания всех других законов диалектики,—является также основанием и для закона перехода количества в качество. Определение количества как вида качества, т. е. игнорирование того положения, что количество и качество являются противоположностями, лишает закон перехода количества в качество его диалектического содержания, ибо отрывает его от закона взаимного проникновения противоположностей. Между этими двумя важнейшими законами диалектики устанавливается разрыв, они лишаются той внутренней связи, которою они обладают, и это несмотря на то, что в другом месте Варьяш делает попытку рядом словесных оборотов указать на связь между ними.

Второе. Понимание количества как вида качества является пониманием механистическим, количественным пониманием. То положение, что количество есть *вид* качества, означает также и то, что качество есть *род* количества. Когда мы говорим, например, что человек по отношению к животному есть вид, то это означает также и то, что животное по отношению к человеку есть род. Это азбука логики. Таким образом, понимание количества как вида качества трактуется качество как род количества. А подобное *количественное* понимание качества ничего общего с диалектикой, конечно, не имеет, ибо качество и количество теряют свою относительную самостоятельность, и первое сводится к последнему. Но кроме этого, мы спросим у т. Варьяша, отдавал ли он себе отчет в тех нелепостях, которые вытекают из данного им определения количества, если от рассуждения о количестве и качестве мы перейдем к исследованию категории меры?

Но довольно об этом. Перейдем к трактовке автором проблемы случайности.

На стр. 100 Варьяш пишет: «С точки зрения одного закона ряд свойств всегда оказывается случайным, так как они (кто «они»? Он! ряд. Б. С.) не подчиняются как раз ему. Но эта случайность *только кажущаяся*, потому что то, что случается с точки зрения одной закономерности, оказывается необходимым с точки зрения другой» (Курсив автора). Но ведь именно поэтому случайность и не является только кажущейся. Именно потому, что случайность *имеет* основание в одном ряду причин и *не имеет* оснований в другом ряду, она является об'ективной. В этом, собственно, и заключается диалектика случайного и необходимого. Варьяш же думает, что если случайность имеет основание в одном ряду законов, то она *только* необходима и ни в коем случае не случайна, ибо как одна и та же вещь может быть и случайной и необходимой. Но ведь это же Вольф, а не Энгельс!

Итак, случайность, есть нечто кажущееся, суб'ективное. Это говорится на стр. 100, а на странице 117, говоря о сущности и явлении, Варьяш цитирует Ленина: «Если цена,—говорил Ленин,—есть меновое отношение, то неизбежно *понять* разницу между *единичным* меновым отношением и постоянным, между *случайным* и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так,—а это несомненно так,—мы столь же неизбежно поднимаемся от *случайного* и *единичного* к устойчивому и массовому, от *цены* к стоимости» (Курсив наш). Но ведь это прямо противоположное тому, что говорит Варьяш; ведь из этой цитаты с необходимостью следует, что Ленин считал случайность об'ективной категорией; Ленин считал, что отношение между необходимостью и случайностью такое же, как между единичным и массовым, явлением и сущно-

стью, ценой и стоимостью. И если случайность, как то думает Варьяш, Ленин считал суб'ективной категорией, то тогда Ленину нужно приписать тот нелепый взгляд, что цена—денежное выражение стоимости—об'ективно не существует, что цена есть суб'ективная категория, следствие нашего незнания или ограниченности человеческого рассудка. Но не лучше ли не говорить здесь об ограниченности рассудка...

И после всего этого Варьяш имеет смелость говорить о критике Лениным об'ективизма Струве. Но ведь та категория необходимости, которой оперировал Струве и против которой боролся Ленин, есть точная копия абстрактной, фаталистической необходимости наших механистов, необходимости, метафизически противопоставленной случайности, необходимости, которая диктует воззрения на случайность как на суб'ективную категорию.

Все это говорит о том, что Варьяш цитирует, не отдавая себе отчета в значении того, что он цитирует. Опирируя с философскими категориями Энгельса—Ленина, он не отдает себе отчета в содержании этих категорий. В этом отношении блестящим примером является «критика» Варьяша вульгарного материализма. Послушаем самого автора: «Они (вульгарные материалисты. Б. С.) вообразили себе, что мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Диалектический материализм очень далек от такого рода вульгарного понимания мышления. Он настаивает на том, что ощущение есть отражение или снимок нашим мышлением *внешней действительности*» (стр. 36. Курсив наш).

Разбирая онтологическую или психофизическую проблему об отношении мышления и бытия, духа и тела, Варьяш желая отмежевать в этом вопросе диалектический материализм от вульгарного, приводит то гносеологическое положение, по которому ощущение есть снимок с действительности. Это гносеологическое положение совершенно истинно, но... но оно ничего общего не имеет с той проблемой, которую разбирает здесь Варьяш. Ведь речь идет здесь не о том гносеологическом вопросе, как относится познание к познаваемому, а о том, как относится мышление к материи. Именно этот последний вопрос и служит водоразделом между вульгарным материализмом и материализмом не-вульгарным, спинозистским, если угодно. Вульгарный материализм выводит сознание (мышление, ощущение) из движения материи и сводит первое к последнему. Материализм не-вульгарный в онтологической проблеме считает мышление необходимым свойством, атрибутом материи, а в психофизической проблеме—обратной стороной физиологических процессов. Именно это и нужно было указать, противопоставляя точку зрения диалектического материализма точке зрения материализма вульгарного. А то, что противопоставил Варьяш, не имеет ровно никакого отношения к разбираемой им проблеме и свидетельствует о полном непонимании вопроса. И это тем более, что и вульгарному материализму отнюдь не чужда теория отражения.

Не менее «продуманным» является также вопрос о том, почему материализм отрицает тождество мышления и бытия. «Материализм,—пишет по этому поводу Варьяш,—отрицает тождество мысли и бытия внешнего мира, ибо он настаивает на том, что мышление представляет собой высший продукт *особо* организованной, а не всякой материи» (стр. 68, курсив автора). Итак, материализм отрицает тождество мышления и бытия потому, что он отрицает всеобщее одушевление. Следовательно, те мыслители, которые признавали всеобщее одушевление, должны были утверждать тождество мышления и бытия, т. е. быть идеалистами. Всеобщее одушевление

признавали Спиноза, Дидро и Плеханов. Ergo, — они были идеалистами. Но кроме этого, почему та концепция, по которой всякое тело одушевлено, должна исходить из тождества мышления и бытия? Ведь теория всеобщего одушевления зародилась как раз из учения о единстве мышления и бытия! Отсюда ясно лишь одно, а именно то, что материализм отрицает тождество мышления и бытия вне зависимости от того, утверждает ли он вообще одушевление материи или одушевленность только особо организованной материи. Сам факт одушевления материи вне зависимости от того, какая именно материя одушевлена, говорит о том, что материя способна мыслить, т. е. что мышление является атрибутом материи, иными словами, материя является единство мышления и протяжения, а единство исключает тождество. Вот почему материализм отрицает тождество.

Право, нам несколько неловко на страницах столь серьезного журнала пояснять столь элементарные вещи. Но, что же делать, когда вожди неких философских направлений не понимают и элементарных вещей.

Мы уже не будем говорить о тех ошибках, которые имеются у Варьяша по вопросу об идеологии, о методе познания, формальной логике и т. д. Ибо и из сказанного ясно, что та «маска ортодоксии», которой Варьяш старался прикрыть свои воззрения, при легком прикосновении к ней обнаруживает действительное лицо этих воззрений — лицо ревизионизма.

Борис Стычкин.

ПЛЕНУМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

20 марта 1928 года.

20 марта с. г. состоялось общее собрание (Пленум) членов Коммунистической академии. В порядке дня Пленума стояли: 1) Отчет о деятельности Комакадемии за истекший период (29/1—1927 г.—20/II—1928 г.), — доклад М. Н. Покровского; 2) План работ Комакадемии на 1927/28 год — доклад В. П. Милютина и 3) Выборы.

На Пленуме присутствовали: 1) Члены Академии: гг. Адоратский В. В., Богданов А. А., Бонч-Бруевич В. Д., Бронский М. Г., Варга Е., Горев Б. И., Дауге П. Г., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Ерманский О. А., Кабацкий Х. Ю., Кривцов С. С., Лебедев-Полянский П. И., Лукин Н. М., Милютин В. П., Максимовский В. Н., Ольминский М. С., Плетнев В. Ф., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н., Рейснер М. А., Ротштейн Ф. А., Рязанов Д. Б., Стеглов Ю. М., Стучка П. И., Суханов Н. Н., Струмилин С. Г., Тимирязев А. К., Удальцов А. Л., Фриче В. М., Шмидт О. Ю. — 2) Ответственные работники: гг. Бобинский, Воскресенский, Гониман (Ленинград), Дерман Г. К., Дитякин (Казань), Запровская, Залманзон, Косолапов Е. В., Кубанин М. И., Кривошеина, Левин М., Лозовый А. Н., Милонов К. Ника Н. Л., Нусинов И., Ронин С. Л., Тененбаум Э., Фурсиков Д. С., Хачатурян, Эстрин.

Во вступительной части своего доклада М. Н. Покровский дал объяснения, почему Пленум созывается с некоторым опозданием. Переходя к отчету, М. Н. Покровский останавливается на некоторых итоговых моментах в работе Комакадемии.

Касаясь прежде всего материального положения Комакадемии, т. Покровский подчеркивает, что оно является далеко неудовлетворительным. Так, бюджет Комакадемии на 1927/28 год увеличился по сравнению с прошлым годом лишь на 5%, тогда как вообще рост расходов на культурные надобности составляет не менее 8%.

Таким образом Ком. академия сильно отстала от других учреждений. Приблизительно то же приходится сказать и о штатах научных работников. Штат научных работников в нынешнем году меньше, чем в прошлом году. Между тем за это время были открыты Философская секция, Национальная комиссия и Секция по изучению теории и практики женского рабочего движения.

Но и бюджет и штаты являются верхом благополучия по сравнению с жилищными условиями в Комакадемии. Перед Комм. академией встает вопрос о том, чтобы закрыть отделы самой Академии из-за отсутствия помещения.

Материальное положение Комакадемии, таким образом, угрожающе со стороны жилищ и не совсем удовлетворительно со стороны штатов и со стороны бюджета.

Давая оценку научной деятельности учреждений Комакадемии (секций, институтов и т. д.), тов. Покровский отмечает, что за отчетный период ими развернута огромная научная и организационная работа, что Комакадемия становится центром, вокруг которого сосредоточиваются родственные научные силы, тов. Покровский отмечает важную роль в этом деле Общества историков-

марксистов, биологов-материалистов, физико-математиков-марксистов, статистиков-марксистов и т. д.) и энциклопедий (экономической, литературной и фило-софской).

Тов. Покровский останавливается также на работе Комакадемии с чисто внешней—докладной—стороны. В 1924 году в Комакадемии во всех ее секциях и институтах было прочитано только 35 докладов, в 1925 году лишь немногим больше—38 докладов, в 1926 году—громный скачок вверх—87 докладов,—увеличение больше, чем на 100% и, наконец, в 1927 году, это последний период—124 доклада, т. е. увеличение на 50%. Доклады по месяцам: в 1926 г. максимум 15 докладов в месяц, в 1927 г.—18 и в 1928 г.—25 докладов в месяц.

Комакадемия имеет довольно большую научно-исследовательскую про-дукцию—журнальную, в форме сборников и отдельных книжек.

Если сравнить сумму научной продукции Комакадемии с научной продукцией Всесоюзной академии наук, то последняя,—констатирует т. Покровский,—выпускает количественно больше. Но достоинство того, что напечатано, некоторые оспаривают.

В заключение т. Покровский заявил, что, несмотря на некоторые дефекты в работе Комакадемии, бурный ее рост, свидетельствует о наличии у нее доста-точной энергии. Эту энергию необходимо анализировать и как следует направить.

Заканчивая, т. Покровский подчеркивает необходимость для Комакадемии использовать как исследовательскую базу Институт Красной Профессуры и теснее с ним связаться.

После отчетного доклада М. Н. Покровского выступил В. П. Милютин с докладом о плане работ Комакадемии на 1927/28 год.

План на 1927/28 год,—говорит т. Милютин,—строился на основе тех директив, которые были даны Комакадемии партией и затем конкретизированы в виде отдельных заданий секциям. Основные выводы, к которым приходит т. Мил-ютин относительно работы Комакадемии, заключаются в том, что те требования, которые сейчас пред'являют к Комакадемии и ее работникам и которые растут изо дня в день, превышают те возможности и те ресурсы, которыми Комака-демия располагает.

Мы сейчас вступаем в чрезвычайно ответственный этап нашего развития,—заявляет т. Милютин,—особенно в области экономической, где требуются высоко-квалифицированные, теоретически подготовленные работники-коммунисты, кото-рые бы специализировались в определенных областях и которых можно было бы ставить на ответственную работу. Но Комакадемия имеет ограниченное коли-чество работников, которые помимо теоретической работы в Комакадемии за-гружены одновременно и по линии советской работы—по целому ряду комисса-риатов. Поэтому необходим, по мнению т. Милютина, новый приток работников в Комакадемию с тем, чтобы из них подготовить кадры квалифицированных работников, тем более, что требования на квалифицированных, теоретически под-готовленных товарищей пред'являет и провинция.

Отмечая, что Комакадемия пред'является требование теоретической про-работки ряда экономических проблем, целого ряда вопросов, связанных с совет-ским строительством,—т. Милютин особо выделяет три основных группы вопросов: 1) пятилетка, 2) расселение деревни и 3) коллективизация в деревне. Эти вопросы, по его мнению, должны явиться центральными вопросами в плане работы на предстоящий период.

Говоря дальше о плане работ Секции естественных и точных наук, тов. Мил-ютин подчеркивает, что работа в этой области также связана в известной мере с нашим экономическим строительством.

Далее т. Милютин останавливается на вопросах, связанных с проблемой культурной революции, так как эти вопросы в настоящее время становятся крайне важными и требуют к себе самого серьезного внимания и теоретической про-работки. Тов. Милютин считает необходимым, чтобы Комакадемия в дальнейшем дополнила план своих работ проблемами культурной революции, поручив их проработку соответствующим секциям.

Обращая внимание на ощущаемый недостаток серьезно проработанных учеб-ников и учебных пособий для вузов и комвузов, т. Милютин находит, что Ком-академия должна в этом вопросе притти на помощь вузам и комвузам.

Наконец, по вопросу о связи с местами, тов. Милютин предлагает помимо более частых выездов с докладами в провинцию членов Комакадемии практи-ковать систему конференций по специальным вопросам.

В заключение т. Милютин заявил, что тяжелое материальное положение Комакадемии, которое, может быть, было терпимо при прежних требованиях, которые к ней пред'являлись, становится нетерпимым сейчас, в особенности при-менительно к тем задачам, которые предстоит выполнить Комакадемии как по части теоретической, так и по практически-деловой работе. Необходимо Секции и Институты Комакадемии превратить в действительно научно-исследователь-ские учреждения, в смысле обеспечения их полностью всем необходимым подсоб-ным материалом для их научно-исследовательской работы. Это необходимо под-черкнуть в плане работ Комакадемии, и это должно получить свое отражение в смете. Комакадемия из периода развертывания работы вишьрь переходит в настоящее время в полосу более углубленной научно-исследовательской работы, к лабораторному методу работы. А для этого необходимо создать и соответствую-щие условия, подвести под это развертывание материальную базу.

Необходимо будет,—продолжает т. Милютин,—поставить серьезно вопрос об увеличении числа научных сотрудников, минимум в полтора раза; главным образом, старших научных сотрудников.

В прениях по докладом тт. Покровского и Милютина выступили т.т. Ряза-нов, Лебедев-Полянский, Пашуканис, Шмидт О. Ю., Ерманский и др.

По отчетным докладом была принята следующая резолюция¹.

Констатируя, с одной стороны, значительный рост научной деятельности Комакадемии, с другой стороны, тот факт, что в самом начале своего существо-вания Комакадемия не получила достаточной материальной базы; приняв далее во внимание снижение сметных ассигнований материального обеспечения Комакадемии против прошлого бюджетного года на 50%, при наличии необес-печенности как самой Комакадемии, так и состоящей при ней Библиотеки, достаточным по кубатуре и приспособленности помещением и оборудованием—Пленум считает, что без немедленного отпуска необходимых средств для устра-нения указанных дефектов в текущем оперативном году, не исключена возможность срыва выполнения научного плана работ Комакадемии.

Для устранения дефектов, препятствующих нормальной работе Комака-демии, Пленум считает необходимым:

1. В текущем строительном сезоне приступить к постройке здания библиотеки с тем, чтобы постройка библиотеки и книгохранилища на 1 000 000 томов был закончена в 1929/30 б. г., на что испросить 1 800 000 рублей: в 1927/28 б. г. (в счет сметы будущего года) 360 000 рублей, в 1928/29 б. г.—1 170 000 рублей и в 1929/30 б. г.—270 000 рублей.

2. Институт высшей нервной деятельности перевести в Покровское-Стреш-нево, испросив в срочном порядке необходимые кредиты в сумме 150 000 рублей на постройку и приспособление помещений Покровского-Стрешнева.

3. Увеличить площадь Комакадемии по Волхонке 14 путем надстройки двух этажей над существующим зданием и полным переустройством его под нужды научного учреждения; освободить всю усадьбу по Волхонке 14 от находящихся в ней посторонних Комакадемии учреждений и проживающих посторонних лиц, испросив необходимый кредит в сумме 415 000 рублей и на оборудование кабинетов мебелью, телефонами и электрическим освещением—75 000 руб., а всего 490 000 руб.

4. Пленум поручает Президиуму обратиться в центральные учреждения с ходатайством² об увеличении сметы Комакадемии в такой пропорции, кото-

¹ Здесь приводится только финансовая часть резолюции, принятой Пленумом Комакадемии. Общая же часть вошла в основу резолюции, принятой Конферен-цией марксистско-ленинских научно-исслед. учреждений, по докладу Комака-демии и напечатана в стенографическом отчете Конференции. См. стр. 239.

² Всего потребуются кредитов в 1927/28 б. г. 1 000 000 руб.
1928/29 » 1 170 000 руб.
1929/30 » 270 000 руб.

Всего 2 440 000 руб.

рая обеспечивала бы расширение научной работы Комакадемии, а также заявить, что отказ в отпуске средств, необходимых на приспособление и расширение помещений Комакадемии, поведет к значительному снижению ее научной работы.

После докладов состоялись выборы. Вновь избраны членами Комакадемии гг. Левин М., Луппол, Тальгеймер и Клара Цеткин. Из состава членов Ком. академии были исключены принадлежащие к непримиримой части оппозиции ВКП (б)—Преображенский Е. А., Радек К. Б., Раковский, Х., Смирнов В. М. и Троцкий Л. Д.,—в силу резкого расхождения их идеологической линии с линией партии и с линией Коммунистической Академии и противоречия их деятельности с уставом Комакадемии.

Наконец состоялись выборы Президиума Коммунистической Академии. В Президиум вошли следующие товарищи: Бухарин Н. И., Варга Е., Двойлацкий Ш. М., Криницкий А. И., Крицман Л. Н., Лукин Н. М., Милютин В. П., Осинский В. В., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н., Степанов-Скворцов И. И., Тимирязев А. К., Фриче В. М., Шмидт О. Ю.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 25(1) «В. К. А.» напечатан отзыв А. Михайлова о книге Ф. И. Шмита—«Предмет и границы социологического искусствознания». Комментируя ссылку, сделанную Ф. И. Шмитом на мой «Курс теории исторического материализма», автор рецензии замечает, что названный «учебник вызвал значительную полемику», в результате которой «ряд положений книги Разумовского не был принят значительным большинством марксистов-философов» (стр. 285). И для вящего доказательства тов. Михайлов отсылает читателей к рецензии тов. И. К. Луппола на первое издание моей книги. («Под знаменем марксизма», № 12 за 1924 год).

Не могу не выразить своего удовлетворения тем обстоятельством, что мой учебник—при всех его очевидных недостатках—вызвал к себе интерес и получил широкое распространение, в частности, в среде теоретиков искусства: имею в виду частые ссылки на него проф. П. И. Сакулина, Ф. И. Шмита и др. Но, разумеется, я ни в какой мере не могу нести ответственность за те ошибочные выводы и построения, которые порой делаются—на основании явно поверхностного ознакомления с моей книгой.

Автору же рецензии, тов. Михайлову, уже во всяком случае не мешало бы соблюсти некоторую дозу осторожности и корректности в оценке чужих работ, когда он выходит за пределы своей специальности. Ему не мешало бы знать что рецензия тов. Луппола и упомянутая им полемика относятся к *первому* изданию моего учебника; от него значительно отличается *второе* издание, исправленное и дополненное,—то самое, на которое неудачно ссылается Ф. И. Шмит. О названном же *втором* издании, прошедшем вторично через ГУС, тов. Михайлов мог бы прочесть небезынтесный отзыв того же тов. Луппола («Печать и Революция», кн. 4, 1927 г.), а также и др. авторов («Правда», «Под знаменем марксизма», 1927 г.). И тогда, надо полагать, он понял бы, что его заявление о «неприемлемости» моего курса носит, мягко выражаясь, характер досадного преувеличения.

С комм. приветом

И. Разумовский.

УКАЗАТЕЛЬ К ЖУРНАЛУ «ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

за 1923—1927 г.г.¹

Настоящий указатель состоит из двух частей—систематического и алфавитного указателей.

Систематический указатель содержит весь материал напечатанный в «Вестнике» за 5-летие (статьи, доклады, рецензии и проч.), алфавитный же—лишь статьи, доклады и наиболее крупные статьи-рецензии и обзоры литературы.

Разделы систематического указателя взяты применительно к содержанию материала, напечатанного в «Вестнике». Внутри каждого раздела материал расположен в алфавитном порядке.

Большая часть статей раздела библиографии указывается повторно в соответствующих разделах систематического указателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

	Стр.
1. О Марксе и Энгельсе	218
2. О Ленине и ленинизме	218
3. Общие вопросы теории диалектического материализма	219
4. Психология	220
5. История философии	220
6. Современная философия на Западе	220
7. Марксизм и естествознание	221
8. Проблемы исторического материализма	221
9. Общие вопросы экономики	223
10. Мировое хозяйство и экономика капиталистических стран	223
11. Экономика России (досоветская экономика)	224
12. Советская экономика	224
13. Аграрный вопрос	225
14. Научная организация труда	225
15. Политика, право и государство	226
16. Искусство и литература	227
17. Вопросы первобытной культуры	227
18. Всеобщая история	227
19. История социализма	228
20. История России	228
21. Математика и физика	229
22. Биология	229
23. Библиография	229

¹ За этот период времени вышли 2—24 книги «В. К. А.»; сюда же отнесена кн. 1, вышедшая в конце 1922 г. Первоначальное название журнала было «Вестник Социалистической Академии». В 1924 г. он переименован в «Вестник Коммунистической Академии» и под этим названием выходит, начиная с 7 книги.

24. Коммунистическая академия и другие научные учреждения	230
25. Некрологи	230
26. Прочие, не вошедшие в перечисленные отделы	231

Стр.

II. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1

О Марксе и Энгельсе

- Аксельрод, Л. И. (Ортодокс). Действенность и диалектика в философии К. Маркса (доклад). 1923, кн. 4, 385—396.
- Карев, Н. Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса. 1927, кн. 23, 166—183.
- Марксизм и философия. Karl Korsch. Marxismus und Philosophie. Leipzig, Verlag S. Hirschfeld. 1923. Рец. Фогараши А.—1923, кн. 6, 412—416.
- Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. т. I и II под ред. и с прим. Д. Рязанова. Рец. Кривцов, С.—1923, кн. 6, 377—385.
- Покровский, М. Маркс как историк (доклад).—1923, кн. 4, 372—384.
- Рязанов, Д. Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса.—1923, кн. 6, 351—376.
- Запоздалая критика Маркса (О книге Тённиса «Marx Leben und Kritik»). Рец. И. Реваи.—1923, кн. 4, 446—452.

2

О Ленине и ленинизме

- Бухарин, Н. Ленин как марксист (доклад).—1924, кн. 7, 22—68.
- Гроссман-Рощин, И. Мысли о Ленине.—1927, кн. 19, 165—177.
- Дитякин, В. Диалектический метод в работах Ленина по экономике.—1923, кн. 6, 77—106.
- Крицман, Л. Ленин и путь к социализму (доклад).—1925, кн. 11, 22—27.
- Ленин, Н. (Ульянов). Сочинения. Рец. Кривцов, С.—1924, кн. 7, 379—387.
- Ленинский Сборник I. Под ред. Л. Б. Каменева. Рец. Адоратский В.—1924, кн. 9, 343—345.
- Литвинов, И. О теории империализма Ленина и теории накопления Розы Люксембург. (К вопросу о причинах мировой войны).—1925, кн. 11, 36—72.
- Лозовский, С. Ленин и профессиональное движение (доклад).—1924, кн. 8, 3—22.
- Луппол, И. Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. Гиз. Рец. Нагиев, Дж.—1927, кн. 19, 244—249.
- Мещеряков, Н. Ленин и кооперация.—1924, кн. 8, 23—46.
- Милютин, В. Научная коммунистическая мысль без Ленина (доклад).—1925, кн. 11, 14—21.
- Покровский, М. Ленин в русской революции (доклад).—1924, кн. 7, 7—21.
- Покровский, М. Ленин и внешняя политика.—1926, кн. 19, 3—20.
- Преображенский, Е. Маркс и Ленин (доклад).—1925, кн. 11, 3—13.
- Рудащ, Л. Ленин и задачи марксистов-ленинистов в Европе (доклад).—1925, кн. 11, 28—35.

3

Общие вопросы теории диалектического материализма

- Асмус, В. Логическая реформа А. Богданова (по поводу доклада А. Богданова «Пределы научности рассуждения»).—1927, кн. 22, 122—144.
- Баммель, Г. Проблема логики в современной философии (Обзор литературы 1916—1922 гг.).—1923, кн. 4, 431—445; кн. 5, 204—226.

Баммель, Г. Очередные проблемы материалистической диалектики (доклад).—1927, кн. 24, 215—224.

Богданов, А. Пределы научности рассуждения (доклад и прения).—1927, кн. 21, 244—290.

Богданов, А. Учение об аналогиях (по книге Мишеля Петровича. Mécanismes Communistes aux phénomènes disparates. Paris. 1921).—1923, кн. 2, 78—97.

Богданов, А. Об'ективное понимание принципа относительности (методологические тезисы) (доклад).—1924, кн. 8, 332—347.

Васильев, С. Философия и ее проблемы. «Прибой», Л. 1927 г. Рец. Чичикалов, А.—1927, кн. 21, 294—298.

Вайнштейн, И. Организационный опыт или преодоление философии.—1925, кн. 12, 174—207.

Вайнштейн, И. Организационная теория и диалектический материализм. Гиз. 1927 г. Рец. Тележников, Ф.—1927, кн. 24, 288—294.

Деборин, А. Механисты в борьбе с диалектикой.—1927, кн. 19, 21—61.

Деборин, А. Октябрьская революция и диалектический материализм.—1927, кн. 24, 5—19.

Луппол, И. Пути философской мысли в СССР (доклад).—1927, кн. 24, 207—214.

Между спиритуализмом и материализмом. (По поводу философского сборника «Пути реализма», изд. авторов). Рец. Митин, М.—1927, кн. 19, 249—258.

Милонов, К. Против механического миропонимания.—1926, кн. 16, 140—183; кн. 18, 146—188.

Борис Рудаев. На путях к материализму XX века. Маркс и Аристотель. Маркс и Эйнштейн. Рец. Милонов, К.—1927, кн. 22, 262—268.

Смит, М. Диалектика количества. (Элементы формальной логики и диалектики в теории статистики).—1927, кн. 20, 75—95.

Тадьеймер, А. О предмете диалектики.—1923, кн. 2, 98—105.

Тележников, Ф. Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма.—1927, кн. 24, 20—73.

«Основы материалистической диалектики». I. Энгельс. Составил В. О. Клемм. Пред. Варьяша, А. И. Изд. Гос. Научно-Иссл. Ин-та за 1927 г. Рец. Чичикалов, А.—1927, кн. 24, 294—301.

4

Психология

Богданов, А. Учение о рефlekсах и загадки первобытного мышления.—1925, кн. 10, 67—96.

Боровский, В. Головной мозг и поведение человека (доклад).—1927, кн. 23, 227—249.

Залманзон, А. Теория условных рефlekсов по книге И. Павлова «Лекции о работе больших мозговых полушарий».—1927, кн. 24, 166—183.

Залманзон, А. В защиту об'ективного направления в психологии.—1926, кн. 18, 189—202.

Кречмер, Э. Медицинская психология. Русск. перев. с 3-го немецк. изд. Изд. «Жизнь и знание». Рец. Сапир, И.—1927, кн. 19, 258—268.

Райнов, Т. Отчуждение действия (социологические очерки).—1925, кн. 13, 128—165; 1926, кн. 14, 77—111; кн. 15, 60—84.

Рейснер, М. Условная символика, как социальный раздражитель.—1924, кн. 9, 175—197.

Рейснер, М. Проблема психологии в теории исторического материализма (доклад и прения).—1923, кн. 3, 210—255.

Рейснер, М. Способы представления.—1924, кн. 7, 273—336.

Франкфурт, Ю. Плеханов о диалектике в психологии.—1927, кн. 22, 186—214.

История философии.

- Асмус, В. Философия языка Вильгельма Гумбольдта в интерпретации проф. Г. Шпета.—1927, кн. 23, 250—265.
- Баммель, Г. Материалистическая система Демокрита.—1926, кн. 14, 112—143.
- Боричевский, И. Идеалистическая легенда о Канте.—1923, кн. 4, 285—308.
- Варьяш, А. История философии и марксистская философия история (доклад и прения).—1924, кн. 9, 253—342.
- Варьяш, А. История новой философии. Т. I. Части первая и вторая. Рец. Дмитриев, Г.—1926, кн. 18, 273—281.
- Выгодский, М. Платон как математик.—1926, кн. 16, 193—215.
- Деборин, М. Диалектика в системе Фихте.—1923, кн. 3, 28—57.
- Деборин, А. Легкомысленный критик.—1924, кн. 7, 255—272.
- Деборин, А. Мировоззрение Спинозы.—1927, кн. 20, 5—29.
- Дидро, Дени. Избранные сочинения под ред. и с пред. Деборина, А. ИМЭ. Гиз. Рец. Егоршин В.—1926, кн. 17, 298—300.
- Ильинский, В. К вопросу о философских и социологических воззрениях Н. Г. Чернышевского (по письмам из Астрахани).—1927, кн. 20, 202—211.
- Friedrich Kuntze. Die Philosophie Salomon Maimons. XXVI+532. Karl Winter, Heidelberg, 1912. Рец. Лукач, Г.—1923, кн. 5, 240—245.
- Hermann Schmalenbach. Leibniz, XVI+610.—1921. Drei Maskenverlag, München. Рец. Лукач, Г.—1923, кн. 5, 237—240.
- Скурер, К. Спиноза и диалектический материализм.—1927, кн. 20, 50—74.
- Спиноза. Принципы философии Декарта. Перев. с лат., с предисл. Тымянского, Г. Труды Ин-та Красной Профессуры. Рец. Дмитриев, Г.—1926, кн. 17, 288—297.
- Тальгеймер, А. Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы.—1927, кн. 20, 30—49.
- Фогараш, А. Из истории диалектики в XIX веке.—1927, кн. 19, 178—186.
- Форлендер, Карл. Общедоступная история философии. Пер. с нем. П. Виноградский, с пред. Е. Преображенского.—1923, кн. 2, 271—272.

Современная философия на Западе

- Дынный, М. Инструментализм Джона Дьюи.—1927, кн. 24, 74—89.
- Wilhelm Dilteys gesammelte Schriften, т. I, II и IV, Лейпциг, 1913, 1920 и 1922 гг. Рец. Фогараш, А.—1923, кн. 5, 245—249.
- Fritz Mautner. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande, т. I и II. немецк. изд. Рец. Лукач, Г.—1923, кн. 5, 233—237.
- Фогараш, А. Философия фикции. (Новые формы для старых идей буржуазной реакции).—1927, кн. 23, 184—189.
- Фогараш, А. Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма.—1924, кн. 8, 305—331.

Марксизм и естествознание

- Деборин, А. Механисты в борьбе с диалектикой.—1927, кн. 19, 21—61.
- Диалектика природы Энгельса и философские блуждания естествознания. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 2. Рец. Баммель, Г.—1926, кн. 15, 308—325.
- Завадовский, Б. Дарвинизм и марксизм (доклад и прения).—1926, кн. 14, 226—274.

Медицина и диалектический материализм. Труды Об-ва врачей-материалистов I МГУ; вып. II. Рец. Агол, И.—1927, кн. 21, 298—303.

Орлов, И. Диалектика эксперимента.—1923, кн. 6, 107—115.

Подволоцкий, И. Диалектика в природе (К выходу второго сборника «Диалектика в природе». Сборник по марксистской методологии естествознания).—1927, кн. 20, 255—274.

Тимирязев, А. Теория относительности Эйнштейна и махизм (доклад и прения).—1924, кн. 7, 337—378.

Тимирязев, А. Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII стол.—1926, кн. 17, 116—168.

Проблемы исторического материализма

Бернштейн, А. Производительные силы как основная категория марксовой теории исторического материализма.—1927, кн. 21, 169—228.

Богданов, А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни.—1923, кн. 3, 16—27.

Бухарин, Н. К постановке проблем теории исторического материализма.—1923, кн. 3, 3—15.

Вайнштейн, И. Искусство и организационная теория.—1925, кн. 11, 204—222.

Горев, Б. О сущности религии (доклад и прения).—1923, кн. 2, 130—164.

Ефимов, А. Производительные силы и диалектика их развития.—1927, кн. 22, 145—185.

Ефимов, А. Производительные силы. (Опыт исследования термина).—1925, кн. 12, 120—127.

Каменский, О. Починке т. Ефимова (письмо в редакцию).—1926, кн. 14, 291—292.

Лукач, Г. Материализация и пролетарское сознание.—1923, кн. 4, 186—222; кн. 5, 74—120; кн. 6, 116—185.

Новые книги по философии марксизма. Ю. Семковский. Марксистская хрестоматия, Укргоксиздат, 1922 г. С. Я. Вольфсон. Диалектический материализм. Белгосиздат. Рец. Горев, Б.—1923, кн. 2, 268—272.

Разумовский, И. Сущность идеологического воззрения.—1923, кн. 4, 223—271.

Рудаш, Л. Преодоление капиталистического овеществления или диалектическая диалектика т. Лукача.—1925, кн. 10, 3—66.

Рудаш, Л. Ортодоксальный марксизм.—1924, кн. 8, 281—304.

Рудаш, Л. Лукач как теоретик классового сознания.—1924, кн. 9, 198—252.

Общие вопросы экономики

Alfred A m m o n. Grundzüge der Volkswohlstaudslehre. 1 Teil. Его же. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Рец. Блюмин, И.—1927, кн. 23, 275—279.

Базаров, В. Проблемы социализации в германской литературе (сводный обзор).—1923, кн. 2, 247—259.

Бернштейн-Коган, С. В. Введение в экономию промышленности ЦУП. А. М. Гинзбург. Экономика промышленности. Часть первая и часть вторая. Гиз. Его же. Экономика промышленности. Курс лекций. Рец. Хмельницкая, Е.—1926, кн. 18, 258—267.

Блюмин, И. О математическом методе в полит. экономии.—1926, кн. 16, 49—90; кн. 17, 77—115.

Блюмин, И. Теория Курно.—1927, кн. 19, 92—136; кн. 20, 96—129.

- Блюмин, И. Теория Вальраса.—1927, кн. 23, 68—119; кн. 24, 90—136.
 Богданов, А. Организационные принципы социальной техники и экономики.—1923, кн. 4, 272—284.
 Ф. Богданов, Б. Раскин и В. Лаврентьев, «Теория кредита», изд. «Пролетарий», 1927 г. Рец. Рагольский, М.—1927, кн. 24, 280—287.
 Большая Советская Энциклопедия. Тт. I—V. Экономическая часть. Рец. Кон, А.—1927, кн. 19, 234—243.
 Брудный, М. Критические заметки (против толкования И. Рубина теории стоимости Маркса).—1927, кн. 21, 23—57.
 Вейц В. К вопросу о методике исследования динамики ценностного состава капитала.—1925, кн. 10, 218—257.
 «Wirtschaft und Gesellschaft». Сборник статей, посвященных Фр. Оппенгеймеру. Рец. Чернявский, И.—1926, кн. 15, 301—308.
 Гирш, Л. Ю. Экономика торговли. Гиз. 1927. Рец. Сокольский.—1927, кн. 24, 275—279.
 Дволайцкий, Ш. К теории рынка.—1923, кн. 3, 100—133.
 Дволайцкий, Ш. На старых позициях марксизма (Теория реализации Р. Люксембург).—1923, кн. 5, 5—50.
 Эпигон хартальной теории денег. Karl Elster.—Die Seele des Geldes—Grundlagen und Ziele einer allgemeinen Geldtheorie.—1 Auflage. Iena, 1920—2 Aufl. Iena, 1923. Рец. Леонтьев А.—1924, кн. 8, 348—356.
 Иванов, И. Материальный базис коммунистического общества.—1923, кн. 4, 169—185.
 Иванов, И. Очерки о технике.—1925, кн. 14, 65—76.
 Келер, В. Последний рудник и стоимость денежного металла.—1925, кн. 11, 73—87.
 Корсунский, А. Математические упражнения критиков Маркса.—1927, кн. 21, 85—112.
 Крицман, Л. В защиту Маркса. (Несколько замечаний о накоплении капитала и «третьих» лицах).—1923, кн. 5, 51—73.
 Крицман, Л. Капитализм и прогресс техники. (К вопросу о движении производительных сил капитализма).—1926, кн. 16, 3—48; 1926, кн. 17, 11—34.
 Крицман, Л. Падение нормы прибыли и прогресс техники (доклад и прения).—1926, кн. 18, 203—243.
 Леонтьев, А. К вопросу об исторических рамках теоретической экономики.—1925, кн. 13, 108—119.
 Леонтьев, А. О современных направлениях в немецкой теоретико-экономической литературе.—1926, кн. 16, 262—272.
 Леонтьев, А. Проблемы социалистического преобразования хозяйства (в германской литературе о социализации).—1927, кн. 20, 130—167.
 Лейкин, Э. Заметки о теории накопления Розы Люксембург.—1924, кн. 7, 173—226.
 Лейкин, Э. Исходные положения марксовой теории кредита.—1927, кн. 21, 58—84.
 Люксембург, Р. Введение в политическую экономию. Гиз., 1926, стр. 358. Рец. Кон, А.—1926, кн. 17, 284—287.
 Мотылев, В. Закон тенденции нормы процента к понижению.—1923, кн. 3, 134—158.
 Мотылев, В. Теория накопления Розы Люксембург (по поводу статей г. Дволайцкого).—1923, кн. 4, 136—168.
 Пашков, А. Органический состав капитала.—1926, кн. 18, 85—102.
 Позняков, В. К проблеме квалифицированного труда (Квалифицированный труд в социалистическом обществе).—1925, кн. 12, 76—88.
 Попов, П. Статистика 1918—1922 гг.—1923, кн. 3, 311—321.
 Реннер Карл. Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования. Гиз. 1926 Рец. Леонтьев А.—1926, кн. 17, 288—292.
 Рубин, И. Современные экономисты на Западе. Гиз. 1927. Рец. Позняков, В.—1927, кн. 21, 291—294.
 Смит, М. Стречение постоянного капитала и издержки производства.—1925, кн. 12, 89—126.

- Спектатор. Из теории и практики денежного обращения.—1924, кн. 9, 346—364.
 Степанов-Скворцов, И. Что такое политическая экономия? (доклад и прения).—1925, кн. 11, 257—346.
 Троцкий, Л. О кривой капиталистического развития (письмо в редакцию вместо обещанной статьи).—1923, кн. 4, 3—12.
 Цейтлин, З. Математический метод в политэкономии и в естествознании.—1927, кн. 23, 149—165.
 Чернышев, В. Плеханов как экономист.—1923, кн. 6, 51—76.
 Швиттау, Г. Психологизм в американской экономике.—1924, кн. 9, 365—376.
 Эйдельмант, А. Кантильон как теоретик воспроизводства. (К истории «Экономической таблицы» Кенэ).—1927, кн. 23, 120—148.

10

Мировое хозяйство и экономика капиталистических стран

- Бронский, М. Обзор литературы по мировому хозяйству.—1923, кн. 2, 210—222; кн. 3, 278—294; кн. 4, 397—412.
 Витфогель, К. Проблемы экономической истории Китая.—1927, кн. 20, 168—201.
 Иванов, И. Мировое хозяйство как единый производственный организм.—1923, кн. 6, 5—50.
 Hermann Levy. Die Grundlagen der Weltwirtschaft. Leipzig—Berlin. 1924 г. Рец. Преображенский, Е.—1925, кн. 12, 350—352.
 К вопросу о развале капитализма. Милютин, В. Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. Гиз. Осицкий, Н. Мировой кризис сельского хозяйства. Изд. «Новая Деревня». Рец. Капелюш, Ф.—1923, кн. 5, 377—385.
 Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах. Работы семинария по промышленной статистике проф. Смит, М. I МГУ Ф о н. Рец. Крицман, Л.—1924, кн. 7, 416—420.
 Преображенский, Е. Экономика, финансы и политика современной Франции (доклад).—1925, кн. 13, 249—268.
 Угаров, А. Проблема мирового хозяйства.—1927, кн. 22, 23—67.
 Хмельницкая, Е. Государственно-монополистический капитализм. (Германия 1914—1918 гг.).—1927, кн. 24, 137—165.
 Хмельницкая, Е. Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии.—1927, кн. 19, 137—164.

11

Экономика России (досоветская экономика)!

- Ванаг, Н. Реабилитирована ли теория «национализации» русского капитализма (ответ т. А. Леонтьеву).—1925, кн. 12, 327—349.
 Грановский, Е. Иностраный капитал в системе монополистического капитализма в России.—1927, кн. 22, 72—121.
 Каплун, С. Указатель русской литературы по положению рабочего класса.—1923, кн. 3, 421—432; кн. 4, 473—486; кн. 5, 291—306; кн. 6, 478—491; 1924, кн. 7, 445—468; 1925, кн. 12, 404—426.
 Леонтьев, А. Имела ли место национализация русского капитала накануне войны?—1925, кн. 11, 347—371.
 Меерсон, Г. Промышленная депрессия в России 1906—1909 гг.—1924, кн. 9, 147—174.
 Меерсон, Г. Подъем русской промышленности и кривая капиталистического развития (методологический очерк).—1925, кн. 12, 127—139.
 Финн-Енотаевский, О. Подъеме промышленности в России 1910—1913 г.г. (Антикритика). Рец. Меерсон, Г.—1926, кн. 17, 277—283.

Советская экономика

- Базаров, В. К методологии изучения денежной эмиссии.—1923, кн. 4, 28—100.
- Крицман, Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. наз. военного коммунизма).—1924, кн. 9, 3—146.
- Кузовков, Д. Материалы по теории и политике денежного обращения в России (период 1914—1923 гг.).—1923, кн. 4, 101—135.
- Кузовков, Д. Финансовая система в период первоначального социалистического накопления.—1923, кн. 2, 18—77.
- Кузовков, Д. Наши валюты.—1924, кн. 7, 69—151; 1924, кн. 8, 151—196.
- Кузовков, Д. Перспективы денежного обращения в ближайший период. 1924, кн. 10, 170—217.
- Милютин, В. Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства (доклад и прения).—1923, кн. 2, 165—209.
- Милютин, В. О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития СССР (доклад и прения).—1926, кн. 16, 216—261.
- Милютин, В. Перспективы хозяйственного развития СССР (контрольные цифры Госплана) (доклад и прения).—1926, кн. 17, 181—276.
- Милютин, В. Итоги экономического развития СССР и перспективы социалистического строительства.—1927, кн. 23, 5—22.
- Митлянский, Ю. Денежное обращение и товарооборот. С пред. Базарова. Гиз. Рец. Леонтьев, А.—1926, кн. 18, 268—272.
- Преображенский, Е. От нэпа к социализму. Кооп. Изд-ство «Московский рабочий», 1922 г. Рец. Милютин, В.—1923, кн. 2, 223—226.
- Преображенский, Е. Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле.—1923, кн. 3, 58—84.
- Преображенский, Е. Экономические кризисы при нэпе (доклад и прения).—1923, кн. 6, 302—350.
- Преображенский, Е. Основной закон социалистического накопления.—1924, кн. 8, 47—116.
- Преображенский, Е. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ т. Бухарину).—1925, кн. 11, 223—256.
- Преображенский, Е. Закон ценности в советском хозяйстве.—1926, кн. 14, 3—64.
- Преображенский, Е. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе.—1926, кн. 17, 35—76; кн. 18, 63—84.
- Преображенский, Е. Хозяйственное равновесие в системе СССР.—1927, кн. 22, 19—71.
- Прения по докладу О. Ю. Шмидта «Математические законы денежной эмиссии» и заключительное слово докладчика.—1923, кн. 3, 256—277.
- Прения по докладу Е. А. Преображенского. «Закон ценности в советском хозяйстве» и заключительное слово докладчика.—1926, кн. 15, 155—255.
- Швигтау, Г. проф. Революция и народное хозяйство в России (1917—1921 гг.). Изд. Центр. Тов. Кооп. Изд-ва. Рец. Е. Преображенский.—1922, кн. 1, 154—157.
- Шмидт, О. Математические законы денежной эмиссии.—1923, кн. 3, 85—99.

Аграрный вопрос

- Базыкин, С. Аграрный вопрос.—Экономика сельского хозяйства (критический очерк).—1924, кн. 7, 388—401; 1925, кн. 10, 313—329.
- Дубровский, С. Современная русская литература по аграрному вопросу (критический очерк).—1923, кн. 2, 230—247; кн. 3, 295—310; кн. 4, 413—430.
- Крицман, Л. Современная мелкобуржуазная политическая экономия.—1924, кн. 7, 152—172.

Крицман, Л. Классовая дифференциация крестьянства в современной советской деревне (доклад и прения).—1926, кн. 14, 184—225.

Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. Труды Высшего семинария с.-х. экономики и политики при Петровской с.-х. академии. Рец. Крицман, Л.—1923, кн. 3, 401—406.

Милютин, В. Деревня переходного периода.—1924, кн. 8, 117—150.

Тюменев, А. Революция 1905 г. и расслоение сельского населения.—1923, кн. 5, 121—163.

Тюменев, А. Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов.—1923, кн. 6, 264—301.

Тюменев, А. Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне.—1924, кн. 8, 197—245.

Научная организация труда

Ерманский, О. Задачи научной организации труда и ее положение.—1923, кн. 3, 170—199.

Ерманский, О. Проблема трудового ритма.—1923, кн. 2, 106—113.

Хлебников, Д. Из новейшей немецкой литературы по научной организации производства.—1922, кн. 1, 96—105.

Шиллинг и Герлиц. Основные положения организации предприятий. (Пер. А. Бружеса). Из газеты «Der Betrieb», № 6.—1922, кн. 1, 85—95.

Шпильрейн, И. Положение и задачи психотехники на Западе и в РСФСР.—1923, кн. 2, 114—129.

Шпильрейн, И. Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике.—1923, кн. 3, 200—209.

Политика, право и государство

Адлер, Макс. Учение марксизма о государстве (Marxstudien, т. IV, полутом 2) Вена 1922, изд. Венск. нар. изд-ва. Рец. Лукач, Г. 1923, кн. 3, 407—410.

Альтер, И. Эволюция Вернера Зомбарта и фашизм.—1926, кн. 15, 18—59.

Библиография по теории права и государства. Рец. Стучка, П.—1922, кн. 1, 164—173.

Богданов, А. Версальское устроительство (доклад и прения).—1922, кн. 1, 106—153.

Кайо, Ж. Куда идет Франция? Куда идет Европа? Рец. Павлович, М.—1923, кн. 3, 411—414.

Кейнс, М. Пересмотр мирного договора. Гиз. 1922 г., пер. с англ. Рец. Милютин, В.—1922, кн. 1, 157—160.

Котляревский, С. А. (проф.). Развитие международных отношений в новейшее время. Изд. Русский книжник. М. 1922. Рец. Ф. Р.—1922, кн. 1, 160—163.

Крицман, Л. Русская революция.—1922, кн. 1, 55—66.

Кунов как интерпретатор марксовой теории общества и государства—G. Sino w. Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie. Grundzüge der Marxschen Soziologie. В. I, II. Berlin, 1923.—Рец. Пашуканис, Е.—1923, кн. 6, 400—411.

Леонтьев, А. Послевоенная социал-демократия и проблема государства.—1926, кн. 18, 103—145.

Пашуканис, Е. Обзор литературы по общей теории права.—1923, кн. 5, 227—232.

К критике общей теории права. Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. М. 1924. Рец. Разумовский, И.—1924, кн. 8, 357—365.

Пашуканис, Е. Буржуазное государство и проблема суверенитета.—1925, кн. 10, 300—312.

Пашуканис, Е. Обзор основных направлений во французской литературе государственного права.—1925, кн. 12, 353—362.

- Пашуканис, Е. К характеристике фашистской диктатуры.—1927, кн. 19, 62—91.
- Розанов, Я. Литература по основным вопросам права и государства в марксистском освещении (библиограф. указатель).—1926, кн. 14, 293—311.
- Ротштейн, Ф. Происхождение Рабочей Партии.—1924, кн. 7, 227—254.
- Рой, Манабендра Nat. India in transition, Женева, 1922. Рец. Ф. Р.—1922, кн. 1, 163—164.
- Общая теория права т. П. И. Стучка, Стучка, П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и государстве. 1. Общее учение о праве. Рец. Рейснер, М.—1922, кн. 1, 173—181.
- Стучка, П. В защиту революционно-марксистского понятия классового права.—1923, кн. 3, 159—169.
- Стучка, П. Пролетарский суд и буржуазное право (доклад).—1925, кн. 13, 231—248.
- Фишгендлер, А. Лига Наций о советской кооперации.—1926, кн. 16, 91—132.
- Яковин, Г. Политическое развитие современной Германии. «Прибой», 1927. Рец. Ленцнер, Н.—1927, кн. 23, 266—275.

16

Искусство и литература

- Большая Советская Энциклопедия. I—VII тт. Отдел искусства. Рец. Михайлов, А.—1927, кн. 23, 279—284.
- Волькенштейн, В. Драма как изображение рефлекса цели.—1926, кн. 14, 163—169.
- Келтуяла. Историко-материалистическое изучение литературного произведения. Кооп. Изд-во «Современник», 1926. Рец. Нусинов, И.—1927, кн. 20, 278—286.
- Кризис буржуазного искусства. Meier Graefe. Wohin treiben wir?—V. Auburtin. Die Kunst stirbt.—Hausenstein. Die Kunst in diesem Augenblick. Рец. Фриче, В.—1923, кн. 2, 281—284.
- Лелевич, Г. Воинствующий идеализм на фронте литературоведения. (Б. Эйхенбаум, Литература. «Прибой», 1927).—1927, кн. 22, 243—253.
- Луначарский, А. Очерки научно-художественной литературы.—1922, кн. 1, 182—189; 1923, кн. 2, 272—280.
- Луначарский, А. Один из сдвигов в искусствоведении.—1926, кн. 15, 85—107.
- Первый опыт библиографии марксистской критики. Мандельштам, Р. Художественная литература в оценке марксистской критики, 1923. Рец. Переверзев, В.—1923, кн. 4, 453—455.
- Маца, И. Сверхматериалистическая теория искусства (Lu Maerten. Wesen und Veränderung der Formen-Künste).—1925, кн. 14, 275—290.
- Недович, Д. Задачи искусствоведения.—Вопросы теории пространственных искусств. ГАХН, 1927. Рец. Михайлов, А.—1927, кн. 22, 253—261.
- Переверзев, В. Трагедия художественного творчества у Гончарова.—1923, кн. 5, 164—177.
- Переверзев, В. Плеханов в книге Сакулина. (П. Н. Сакулин, Социологический метод в литературоведении).—1926, кн. 16, 273—280.
- Переверзев, В. По поводу ответа П. Н. Сакулина.—1926, кн. 18, 285—286.
- Сакулин, П. Н. Русская литература и социализм, ч. I, Госиздат, 1922. Рец. Переверзев, В.—1922, кн. 1, 192—194.
- Сакулин, П. Н. Ответ В. Ф. Переверзеву.—1926, кн. 18, 282—284.
- Gerhart Seger. Kunst u. historischer Materialismus. Leipzig, 1920. Рец. Фриче, В.—1922, кн. 1, 189—192.
- Торжественное заседание, посвященное 35-летию литературной деятельности М. Горького (доклады Горбова, Д., Нусинова, И. и прения).—1927, кн. 24, 225—274.

- Фриче, В. К постановке проблемы стиля.—1923, кн. 4, 350—361.
- Фриче, В. Фрейдизм и искусство (доклад).—1925, кн. 12, 236—264.
- Фриче, В. Задачи и проблемы социологии искусства.—1926, кн. 15, 3—17.
- Фриче, В. Проблемы диалектической поэтики.—1926, кн. 17, 169—180.
- Фриче, В. Проблема диалектического развития искусства.—1927, кн. 21, 10—22.
- Циммер, Э. Мироззрение и формы стиля.—1923, кн. 4, 362—371.
- Шиллер, Ф. Марксизм, психоанализ и искусство. (По поводу книги Roland Holst-wan der Schalk. Over leven en schoonheid. Opstellen over aesthetische en ethische onderwerpen, Arnhem, 1925.)—1926, кн. 18, 244—257.
- Арифметическая социология искусства Ф. Шмит. Искусство. Основные проблемы теории и истории. Рец. Фриче, В.—1925, кн. 13, 269—277.

17

Вопросы первобытной культуры

- Богданов, А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления.—1925, кн. 10, 67—96.
- Марр, Н. акад. К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова.—1926, кн. 16, 133—139.
- Никольский, В. Старое и новое в доистории. (Обзор литературы о первобытной культуре).—1923, кн. 3, 376—400.
- Никольский, В. Комплексный метод в доистории.—1923, кн. 4, 309—349.

18

Всеобщая история

- Авербух, Р. Террористический режим во Франции в 1793—94 гг.—1925, кн. 11, 165—203.
- Кривцов, С. Обзор литературы о революции 1848 г.—1923, кн. 3, 363—375.
- Моносов, С. Фракционная борьба в Якобинском клубе.—1923, кн. 6, 186—263.
- Моносов, С. Последние дни Якобинского клуба (якобинцы в эпоху реакции).—1924, кн. 8, 246—280.
- Ротштейн, Ф. Литература по чартизму.—1923, кн. 3, 344—362.

19

История социализма

- Альтер, И. Роза Люксембург в борьбе с реформизмом.—1927, кн. 21, 113—168.
- Виноградская, П. Взаимоотношения Маркса и Лассаля (по их переписке).—1925, кн. 11, 88—164.
- Волгин, В. Идейное наследие бабунизма.—1922, кн. 1, 67—84.
- Волгин, В. Социализм в древней Греции.—1925, кн. 10, 97—116; кн. 12, 140—173.
- Литературное наследие Лассаля. Ferdinand Lassale. Nachgelassene Schriften und Briefe. (Под ред. Г. Майера.) Тт. I, II, III и IV. Нем. изд. 1921—1923 г. Рец. Лукач, Г.—1924, кн. 7, 402—415; кн. 8, 366—372.
- Полонский, В. Бакунин-якобинец.—1926, кн. 18, 42—62.
- Преображенский, Е. Социалистические и коммунистические представления о социализме.—1925, кн. 12, 19—75; кн. 13, 3—33.

Пригожин, А. Грахх Бабеф—провозвестник диктатуры трудящихся.—1925, кн. 10, 117—169.
Стеклов, Ю. Что разделяет и сближает нас с Бакуниным.—1926, кн. 18, 17—41.

20

История России

Айнзафт, С. Зубатовщина и гапоновщина. Изд. ВЦСПС. М. 1922. Рец. Покровский, М.—1923, кн. 2, 262—268.
Бешкин, Г. Литература о петрашевцах (библиограф. указатель).—1923, кн. 6, 493—450.
Большая Советская Энциклопедия (Историческая часть). Рец. Сидоров, А.—1927, кн. 20, 274—278.
Дрей, М. Опыт библиографического указателя литературы по истории революционного движения 70-х гг. (народн.).—1925, кн. 10, 355—380.
Дрей, М. Опыт указателя литературы по истории партии Народной Воли.—1923, кн. 5, 250—275.
За 5 лет. Изд. «Красная новь». Главполитпросвет, Москва, 1922. Рец. Фирсов, В.—1923, кн. 2, 226—230.
Козьмин, Б. П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов. М. «Новый мир», 1922 г. Рец. Покровский, М.—1923, кн. 2, 259—262.
Мандельштам, Р. Библиография Радищева.—1925, кн. 13, 289—301; 1926, кн. 14, 312—334; кн. 15, 339—852.
Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России (пугачевщина).—1925, кн. 13, 34—107.
Мороховец, Е. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. Крест. движение 1801—1860 гг.—1923, кн. 3, 415—422; кн. 4, 465—472. Крестьянское движение 1861—1900 гг.—1923, кн. 5, 276—290. Крестьянское движение 1901—1910 гг.—1923, кн. 6, 451—474; 1924, кн. 7, 421—444. Крест. движ. 1911—1924 гг.—1925, кн. 12, 393—403. XVIII в.—1927, кн. 20, 318—334.
Покровский, М. Внеклассовая теория развития русского самодержавия.—1922, кн. 1, 40—54; 1923, кн. 2, 3—17; кн. 4, 13—27.
Покровский, М. Новые данные о пугачевщине (доклад).—1925, кн. 12, 219—235.
Покровский, М. Кто вел деревенскую революцию 1905 г. (доклад).—1925, кн. 13, 223—230.
Покровский, М. Ответ г. Томсинскому.—1926, кн. 15, 285—300.
Райский, Леонид. Социальные воззрения петрашевцев. «Прибой», 1927. Рец. Владимирова, А.—1927, кн. 24, 301—303.
Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г.—1924, кн. 8, 395—444.
Сказин, Е. К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.—1925, кн. 10, 333—354.
Томсинский, С. К вопросу о социальной природе русского самодержавия. (М. Покровский—Марксизм и особенности исторического развития России; Его же. Японская война (сб. «1905», т. I).—1926, кн. 15, 255—284.)
Ченцов, Н. Литература о декабристах.—1926, кн. 16, 305—335; кн. 18, 287—318; 1927, кн. 19, 277—303.

21

Математика и физика

Базаров, В. Обзор научно-популярной литературы по теории относительности.—1923, кн. 3, 322—343.

Вогн, М. Vorlesungen über Atommechanik. Berlin, 1925. Его же. Probleme der Atomdynamik. Рец. Цейтлин, З. Berlin, 1926—1927, кн. 23, 284—287.
Лихтенбаум, К. К вопросу о числе измерений.—1927, кн. 24, 184—206.
Люстерник, Л. К вопросу обоснования анализа и геометрии положения без теории множеств.—1925, кн. 13, 217—222.
Фесенков, В. Астрономические доказательства принципа относительности.—1925, кн. 13, 200—216.
Харазов, Г. Математическая критика теории относительности (доклад).—1925, кн. 10, 258—299.
Харазов, Г. Малый принцип относительности (доклад и прения).—1925, кн. 12, 265—326.
Харазов, Г. Малый принцип относительности, ч. II. Критика теории электромагнетизма.—1926, кн. 14, 144—162.
Хинчин, А. Идеи интуиционизма и борьба за предмет в современной математике.—1926, кн. 16, 184—192.
Цейтлин, З. Проблема всемирного тяготения.—1925, кн. 13, 166—199.

22

Биология

Бирман, Б. Гипнотизм в свете учения об условных рефлексах.—1926, кн. 15, 135—154.
Волоцкой, М. Спорные вопросы евгеники (доклад и прения).—1927, кн. 20, 212—254.
Местергази, М. Эпигенезис и генетика (доклад и прения).—1927, кн. 19, 187—233.
Навашин, М. Проблема происхождения жизни в свете цитологического исследования.—1926, кн. 14, 170—183.
Опарин, А. Химическая теория происхождения жизни.—1927, кн. 21, 229—243.
Розенцвейг, Б. Основные вопросы неврودинамики.—1927, кн. 23, 190—211.
Рубинштейн, Д. Физико-химическая среда.—1926, кн. 15, 107—134.
Серебровский, А. V Интернациональный Генетический Конгресс.—1927, кн. 23, 212—226.
Ухтомский, А. Доминанта как фактор поведения.—1927, кн. 22, 215—242.
Шаксель, Ю. Виталистические блуждания в современной биологии.—1925, кн. 12, 208—218.

23

Библиография

Бешкин, Г. Литература о петрашевцах (библиографический указатель).—1923, кн. 6, 443—450.
Дрей, М. Опыт указателя литературы по истории партии Народной Воли.—1923, кн. 5, 250—275.
Дрей, М. Опыт библиографического указателя литературы по истории революционного движения 70-х гг. (народнического).—1925, кн. 10, 355—380.
Каплун, С. Указатель русской литературы по положению рабочего класса.—1923, кн. 3, 421—432; кн. 4, 473—486; кн. 5, 291—306; кн. 6, 478—491; 1924, кн. 7, 445—468; 1925, кн. 12, 404—426.
Мандельштам, Р. Библиография Радищева.—1925, кн. 13, 289—301; 1926, кн. 14, 312—334; кн. 15, 339—352.
Мороховец, Е. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.—1923, кн. 3, 415—422; кн. 4, 465—472; 1923, кн. 5, 276—290; кн. 6, 451—474; 1924, кн. 7, 421—444; 1925, кн. 12, 393—403; 1927, кн. 20, 318—334.

- Розанов, Я. Литература по основным вопросам права и государства, в марксистском освещении (библиограф. указатель).—1926, кн. 14, 293—311.
Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г.—1924, кн. 8, 395—444.
Сказин, Е. К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.—1925, кн. 10, 333—354.
Теоретическая работа коммунистов. (Библиографические материалы.)—1926, кн. 17, 321—356; 1927, кн. 22, 269—295.
Ченцов, Н. Литература о декабристах.—1926, кн. 16, 305—335; кн. 18, 287—318; 1927, кн. 19, 277—303.

Коммунистическая Академия и другие научные учреждения

- Покровский, М. Фактические замечания к очерку истории Социалистической Академии.—1922, кн. 1, 38—39.
Покровский, М. О деятельности Коммунистической Академии.—1927, кн. 22, 5—18.
Преображенский, Е. Ближайшие задачи Соц. Академии.—1922, кн. 1, 5—12.
Удальцов, А. Очерк истории Соц. Академии (1918—1922 гг.).—1922, кн. 1, 13—37.
Устав Коммунистической Академии при ЦИК СССР.—1927, кн. 19, 269—276.
Общие собрания членов Комм. Академии (стенографические отчеты).—1923, кн. 6, 417—441; 1924, кн. 8, 373—393; 1925, кн. 11, 380—402; 1925, кн. 12, 363—392; 1926, кн. 16, 281—304; 1927, кн. 20, 287—317.
Деятельность Комм. Академии (Президиум, Курсы марксизма, секции и пр.).—1922, кн. 1, 195—211; 1923, кн. 2, 297—301; 1923, кн. 3, 441—444; кн. 4, 456—464; 1926, кн. 15, 325—338; кн. 17, 301—320.
План работ Секции естеств. и точных наук на 1925 г.—1925, кн. 12, 390—392.
Сообщения о характере работы Раздела психоневрологии Секции естественных и точных наук Комм. Академии.—1925, кн. 13, 278—288.
Организация кабинета по истории естествознания при Секции естественных и точных наук.—1927, кн. 24, 304—306.
Работа Библиотеки Комм. Академии.—1923, кн. 4, 457—459; 1923, кн. 6, 438—442; 1925, кн. 11, 403—414.
Иностранные книги, поступающие в Библиотеку Соц. Академии.—1923, кн. 2, 285—292; 1923, кн. 3, 433—440; 1923, кн. 4, 492—500; 1923, кн. 6, 492—497.
Обзор иностранной периодики, поступающей в Соц. Академию.—1923, кн. 4, 487—491.
О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде.—1923, кн. 2, 293—296.
Кабинет Карла Маркса при Томском рабфаке.—1923, кн. 2, 296.

Некрологи

- В. В. Воровский. (Стенограмма публичного заседания Соц. Академии, посвященного памяти В. В. Воровского.) Речи Покровского, М., Фриче, В., Кривоцова, С. и Чичерина, Г.—1923, кн. 5, 178—203.
А. В. Иванов. Институт советского строительства при Комм. Академии.—1927, кн. 21, 6—7.
Проф. П. Камерер. Президиум Комм. Академии.—1926, кн. 17, 3—10.
Л. Б. Красин. Раковский, Х.—1926, кн. 18, 5—16.
Юлиан Мархлевский (1866—1925). Варский, А.—1925, кн. 12, 7—18.
М. П. Павлович-Вельтман. Диманштейн, С.—1927, кн. 21, 3—5.
В. З. Туров. Группа научных сотрудников Комм. Академии.—1927, кн. 21, 8—9.

Прочие, не вошедшие в перечисленные отделы

- От редакции.—1922, кн. 1, 2—4; 1925, кн. 10, 330.
От Президиума Комм. Академии, 1924, 7, 3—4.
Письмо в редакцию. Об основном историзме политической экономии. Богданов, А.—1924, кн. 9, 398—400.
Письмо в редакцию. Преображенский, Е.—1927, кн. 20, 335.
Письмо в редакцию. Рейснер, М.—1925, кн. 10, 330—331.

II. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербух, Р. Террористический режим во Франции в 1793—1794 году.—1925, кн. 11, 165—203.
Аксельрод, Л. И. (Ортодокс). Действенность и диалектика в философии К. Маркса (доклад).—1923, кн. 4, 385—396.
Альтер, И. Эволюция Вернера Зомбарта и фашизм.—1926, кн. 15, 18—59.
Альтер, И. Роза Люксембург в борьбе с реформизмом.—1927, кн. 21, 113—168.
Асмус, В. Логическая реформа А. Богданова (по поводу доклада А. Богданова «Пределы научности рассуждения»).—1927, кн. 22, 122—144.
Асмус, В. Философия языка Вильгельма Гумбольдта в интерпретации проф. Г. Шпета.—1927, кн. 23, 250—265.
Базаров, В. Проблемы социализации в германской литературе (сводный обзор).—1923, кн. 2, 247—259.
Базаров, В. Обзор научно-популярной литературы по теории относительности.—1923, кн. 3, 322—343.
Базаров, В. К методологии изучения денежной эмиссии.—1923, кн. 4, 28—100.
Базыкин, С. Аграрный вопрос.—Экономика сельского хозяйства (критический очерк).—1924, кн. 7, 388—401; 1925, кн. 10, 313—329.
Баммель, Г. Проблема логики в современной философии. (Обзор литературы 1916—1922 г.).—1923, кн. 4, 431—445; кн. 5, 204—226.
Баммель, Г. Материалистическая система Демокрита.—1926, кн. 14, 112—143.
Баммель, Г. Очередные проблемы материалистической диалектики (доклад).—1927, кн. 24, 215—224.
Бернштейн, А. Производительные силы как основная категория марксовой теории исторического материализма.—1927, кн. 21, 169—228.
Бешкин, Г. Литература о петрашевцах (библиографический указатель).—1923, кн. 6, 443—450.
Бирман, Б. Гипнотизм в свете учения об условных рефлексах.—1926, кн. 15, 135—154.
Блюмин, И. О математическом методе в политической экономии.—1926, кн. 16, 49—90; кн. 17, 77—115.
Блюмин, И. Теория Курно.—1927, кн. 19, 92—136; кн. 20, 96—129.
Блюмин, И. Теория Вальраса.—1927, кн. 23, 68—119; кн. 24, 90—136.
Богданов, А. Версальское устройство (доклад и прения).—1922, кн. 1, 106—153.
Богданов, А. Учение об аналогиях. (По книге Мишеля Петровича «Mésapismes Communs aux phénomènes disparates». Paris, 1921.)—1923, кн. 2, 78—97.
Богданов, А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни.—1923, кн. 3, 16—27.
Богданов, А. Организационные принципы социальной техники и экономики.—1923, кн. 4, 272—284.
Богданов, А. Об'ективное понимание принципа относительности (Методологические тезисы) (доклад).—1924, кн. 8, 332—347.
Богданов, А. Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления.—1925, кн. 10, 67—96.

- Богданов, А. Пределы научности рассуждения (доклад и прения).—1927, кн. 21, 244—290.
- Боричевский, И. Идеалистическая легенда о Канте.—1923, кн. 4, 285—308.
- Боровский, В. Головной мозг и поведение человека (доклад).—1927, кн. 23, 227—249.
- Бронский, М. Обзор литературы по мировому хозяйству.—1923, кн. 2, 210—222; кн. 3, 278—294; кн. 4, 397—412.
- Брудный, М. Критические заметки (против толкования И. Рубина теории стоимости Маркса).—1927, кн. 21, 23—57.
- Бухарин, Н. К постановке проблем теории исторического материализма. 1923, кн. 3, 3—15.
- Бухарин, Н. Ленин как марксист (доклад).—1924, кн. 7, 22—68.
- Вайнштейн, И. Искусство и организационная теория.—1925, кн. 11, 204—222.
- Вайнштейн, И. Организационный опыт или преодоление философии.—1925, кн. 12, 174—207.
- Ванаг, Н. Реабилитирована ли теория «национализации» русского капитализма (ответ т. А. Леонтьеву).—1925, кн. 12, 327—349.
- Варский, А. Юлиан Марклевский (1866—1925) — 1925, кн. 12, 7—18.
- Варьяш, А. История философии и марксистская философия истории (доклад и прения).—1924, кн. 9, 253—342.
- Вейц, В. К вопросу о методике исследования динамики ценностного состава капитала.—1925, кн. 10, 218—257.
- Виноградская, П. Взаимоотношения Маркса и Лассалья (по их переписке).—1925, кн. 11, 88—164.
- Виттфогель, К. Проблемы экономической истории Китая.—1927, кн. 20, 168—201.
- Волгин, В. Идею наследие бабуизма.—1922, кн. 1, 67—84.
- Волгин, В. Социализм в древней Греции.—1925, кн. 10, 97—116; кн. 12, 140—173.
- Волоцкой, М. Спорные вопросы евгеники (доклад и прения).—1927, кн. 20, 212—254.
- Волькенштейн, В. Драма как изображение рефлекса цели.—1926, кн. 14, 163—169.
- Выгодский, М. Платон как математик.—1926, кн. 16, 193—215.
- Горбов, Д. О Горьком. (Доклад на торжественном заседании в Комм. Академии, посвящ. 35-летию литературной деятельности Горького).—1927, кн. 24, 231—249.
- Горев, Б. О сущности религии (доклад и прения).—1923, кн. 2, 130—164.
- Грановский, Е.—Иностранный капитал в системе монополистического капитализма в России.—1927, кн. 22, 72—121.
- Гроссман-Рошин. Мысли о Ленине.—1927, кн. 19, 165—177.
- Группа научных сотрудников при Комм. Академии. В. З. Туров (некролог).—1927, кн. 21, 8—9.
- Дволайцкий, Ш. К теории рынка.—1923, кн. 3, 100—133.
- Дволайцкий, Ш. На старых позициях марксизма. (Теория реализации Розы-Люксембург).—1923, кн. 5, 5—50.
- Деборин, А. Диалектика в системе Фихте.—1923, кн. 3, 28—57.
- Деборин, А. Легкомысленный критик.—1924, кн. 7, 255—272.
- Деборин, А. Механисты в борьбе с диалектикой.—1927, кн. 19, 21—61.
- Деборин, А. Мировоззрение Спинозы.—1927, кн. 20, 5—29.
- Деборин, А. Октябрьская революция и диалектический материализм.—1927, кн. 24, 5—19.
- Диманштейн, С. М. П. Павлович-Вельтман.—1927, 21, 3—5.
- Дитякин, В. Диалектический метод в работах Ленина по экономике.—1923, кн. 6, 77—106.
- Дрей, М. Опыт указателя литературы по истории партии Народной Воли.—1923, кн. 5, 250—275.

- Дрей, М. Опыт библиографического указателя литературы по истории революционного движения 70-х гг. (народнического).—1925, кн. 10, 355—380.
- Дубровский, С. Современная русская литература по аграрному вопросу (критический очерк).—1923, кн. 2, 230—247; кн. 3, 295—310; кн. 4, 413—430.
- Дынник, М. Инструментализм Джона Дьюи.—1927, кн. 24, 74—89.
- Ерманский, О. Проблема трудового ритма.—1923, кн. 2, 106—113.
- Ерманский, О. Задачи научной организации труда и ее положение.—1923, кн. 3, 170—199.
- Ефимов, А. Производительные силы. (Опыт исследования термина).—1925, кн. 12, 120—127.
- Ефимов, А. Производительные силы и диалектика их развития.—1927, кн. 22, 145—185.
- Завадовский, Б. Дарвинизм и марксизм (доклад и прения).—1926, кн. 14, 226—274.
- Залманзон, А. В защиту об'ективного направления в психологии.—1926, кн. 18, 189—202.
- Залманзон, А. Теория условных рефлексов по книге И. Павлова «Лекции о работе больших мозговых полушарий».—1927, кн. 24, 166—183.
- Иванов, И. Материальный базис коммунистического общества.—1923, кн. 4, 169—185.
- Иванов, И. Мировое хозяйство как единый производственный организм.—1923, кн. 6, 5—50.
- Иванов, И. Очерки о технике.—1925, кн. 14, 65—76.
- Ильинский, В. К вопросу о философских и социологических воззрениях Н. Г. Чернышевского (по письмам из Астрахани).—1927, кн. 20, 202—211.
- Институт советского строительства при Комм. Академии. А. В. Иванов (некролог).—1927, кн. 21, 6—7.
- Каменский, О. По починке т. Ефимова (письмо в редакцию).—1926, кн. 14, 291—292.
- Карев, Н. Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса.—1927, кн. 23, 166—183.
- Каплун, С. Указатель русской литературы по положению рабочего класса.—1923, кн. 3, 241—432; кн. 4, 473—486; кн. 5, 291—306; кн. 6, 478—491; 1924, кн. 7, 445—468; 1925, кн. 12, 404—426.
- Келер, В. Последний рудник и стоимость денежного металла.—1925, кн. 11, 73—87.
- Корсунский, А. Математические упражнения критиков Маркса.—1927, кн. 21, 85—112.
- Кривцов, Ст. Обзор литературы о революции 1848 г.—1923, кн. 3, 363—375.
- Кривцов, С. С. Воровский как теоретик. (Речь на заседании Комм. Академии, посвящ. памяти В. В. Воровского).—1923, кн. 5, 191.
- Крицман, Л. Русская революция.—1922, кн. 1, 55—66.
- Крицман, Л. В защиту Маркса. (Несколько замечаний о накоплении капитала и «третьих» лицах).—1923, кн. 5, 51—73.
- Крицман, Л. Современная мелкобуржуазная политическая экономия.—1924, кн. 7, 152—172.
- Крицман, Л. Героический период великой русской революции. (Опыт анализа так назыв. военного коммунизма).—1924, кн. 9, 3—146.
- Крицман, Л. Ленин и путь к социализму (доклад).—1925, кн. 11, 22—27.
- Крицман, Л. Классовая дифференциация крестьянства в современной советской деревне (доклад и прения).—1926, кн. 14, 184—225.
- Крицман, Л. Капитализм и прогресс техники. (К вопросу о движении производительных сил капитализма).—1926, кн. 16, 3—48; 1926, кн. 17, 11—34.
- Крицман, Л. Падение нормы прибыли и прогресс техники (доклад, прения и заключительное слово).—1926, кн. 18, 203—243.
- Кузовков, Д. Финансовая система в период первоначального социалистического накопления.—1923, кн. 2, 18—77.
- Кузовков, Д. Материалы по теории и политике денежного обращения в России (период 1914—1923).—1923, кн. 4, 101—135.

- Кузовков, Д. Наши валюты.—1924, кн. 7, 69—151, кн. 8, 151—196.
 Кузовков, Д. Перспективы денежного обращения в ближайший период.—1925, кн. 10, 170—217.
 Лейкин, Э. Заметки о теории накопления Розы Люксембург.—1924, кн. 7, 173—226.
 Лейкин, Э. Исходные положения марксовой теории кредита.—1927, кн. 21, 58—84.
 Лелевич, Г. Воинствующий идеализм на фронте литературоведения.—1927, кн. 22, 243—253.
 Леонтьев, А. Имела ли место национализация русского капитала накануне войны.—1925, кн. 11, 347—371.
 Леонтьев, А. К вопросу об исторических рамках теоретической экономики.—1925, кн. 13, 108—119.
 Леонтьев, А. О современных направлениях в немецкой теоретико-экономической литературе.—1926, кн. 16, 262—272.
 Леонтьев, А. Послевоенная социалдемократия и проблема государства.—1926, кн. 18, 103—145.
 Леонтьев, А. Проблемы социалистического преобразования хозяйства (в германской литературе о социализации).—1927, кн. 20, 130—167.
 Литвинов, И. О теории империализма Ленина и теории накопления Розы Люксембург. (К вопросу о причинах мировой войны).—1925, кн. 11, 36—72.
 Лихтенбаум, К. К вопросу о числе измерений.—1927, кн. 24, 184—206.
 Лозовский, С. Ленин и профессиональное движение (доклад).—1924, кн. 8, 3—22.
 Лукач, Г. Материализация и пролетарское сознание.—1923, кн. 4, 186—222; кн. 5, 74—120; кн. 6, 116—185.
 Луначарский, А. Очерки научно-художественной литературы.—1922, кн. 1, 182—189; 1923, кн. 2, 272—280.
 Луначарский, А. Один из сдвигов в искусствоведении.—1926, кн. 15, 85—107.
 Луппол, И. Пути философской мысли в СССР (доклад).—1927, кн. 24, 207—214.
 Люстерник, Л. К вопросу обоснования анализа и геометрии положения без теории множеств.—1925, кн. 13, 217—222.
 Мандельштам, Р. Библиография Радищева.—1925, кн. 13, 289—301; 1926, кн. 14, 312—334, кн. 15, 339—352.
 Марр, Н. акад. К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова.—1926, кн. 16, 133—139.
 Маца, И. Сверхматериалистическая теория искусства.—1925, кн. 14, 275—290.
 Меерсон, Г. Ранняя буржуазная революция в России (пугачовщина).—1925, кн. 13, 34—107.
 Меерсон, Г. Промышленная депрессия в России 1906—1909 гг.—1924, кн. 9, 147—174.
 Меерсон, Г. Под'ем русской промышленности и кривая капиталистического развития (методологический очерк).—1925, кн. 12, 127—139.
 Местергази, М. Эпигенезис и генетика (доклад и прения).—1927, кн. 19, 187—233.
 Мещеряков, Н. Ленин и кооперация (доклад).—1924, кн. 8, 23—46.
 Милонов, К. Против механического миропонимания.—1926, кн. 16, 140—183; кн. 18, 146—188.
 Милютин, В. Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства (доклад и прения).—1923, кн. 2, 165—209.
 Милютин, В. Деревня переходного периода.—1924, кн. 8, 117—150.
 Милютин, В. Научная коммунистическая мысль без Ленина (доклад).—1925, кн. 11, 14—21.
 Милютин, В. О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития СССР (доклад и прения).—1926, кн. 16, 216—261.
 Милютин, В. Перспективы хозяйственного развития СССР. (Контрольные цифры Госплана.) (Доклад и прения).—1926, кн. 17, 181—276.

- Милютин, В. Итоги экономического развития СССР и перспективы социалистического строительства.—1927, кн. 23, 5—22.
 Моносов, С. Фракционная борьба в Якобинском клубе.—1923, кн. 6, 186—263.
 Моносов, С. Последние дни Якобинского клуба (якобинцы в эпоху реакции).—1924, кн. 8, 246—280.
 Мороховец, Е. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.—1923, кн. 3, 415—422; кн. 4, 465—472; кн. 5, 276—290; кн. 6, 451—474; 1924, кн. 7, 421—444; 1925, кн. 12, 393—403; 1927 г., кн. 20, 318—334.
 Мотылев, В. Закон тенденции нормы процента к понижению.—1923, кн. 3, 134—158.
 Мотылев, В. Теория накопления Розы Люксембург. (По поводу статей тов. Дволайцкого).—1923, кн. 4, 136—168.
 Навашин, М. Проблема происхождения жизни в свете цитологического исследования.—1926, кн. 14, 170—183.
 Никольский, В. Старое и новое в доистории (обзор литературы о первобытной культуре).—1923, кн. 3, 376—400.
 Никольский, В. К. Комплексный метод в доистории.—1923, кн. 4, 309—349.
 Нусинов, И. Келтуяла. Историко-материалистическое изучение литературного произведения.—1927, кн. 20, 278—286.
 Нусинов, И. И. От класса к классу. (Доклад на торжественном заседании Комм. Академии, посвящ. 35-летию литературной деятельности М. Горького).—1927, кн. 24, 249—255.
 Опарин, А. Химическая теория происхождения жизни.—1927, кн. 21, 229—243.
 Орлов, И. Диалектика эксперимента.—1923, кн. 6, 107—115.
 Пашков, А. Органический состав капитала.—1926, кн. 18, 85—102.
 Пашуканис, Е. Обзор литературы по общей теории права.—1925, кн. 10, 300—312.
 Пашуканис, Е. Буржуазное государство и проблема суверенитета.—1925, кн. 10, 300—312.
 Пашуканис, Е. Обзор основных направлений во французской литературе государственного права.—1925, кн. 12, 353—362.
 Пашуканис, Е. К характеристике фашистской диктатуры.—1927, кн. 19, 62—91.
 Переверзев, В. Трагедия художественного творчества у Гончарова.—1923, кн. 5, 164—177.
 Переверзев, В. Плеханов в книге Сакулина. (П. Н. Сакулин.—Социологический метод в литературоведении).—1926, кн. 16, 273—280.
 Переверзев, В. По поводу ответа П. Н. Сакулина.—1926, кн. 18, 285—286.
 Подволоцкий, И. Диалектика в природе.—1927, кн. 20, 255—274.
 Позняков, В. К проблеме квалифицированного труда (квалифицированный труд в социалистическом обществе).—1925, кн. 12, 76—88.
 Покровский, М. Внеклассовая теория развития русского самодержавия.—1922, кн. 1, 40—54; 1923, кн. 2, 3—17; кн. 4, 13—27.
 Покровский, М. Фактические замечания к очерку истории Социалистической Академии.—1922, кн. 1, 38—39.
 Покровский, М. Маркс как историк (доклад).—1923, кн. 4, 372—384.
 Покровский, М. В. В. Воровский. (Речь на заседании Комм. Академии, посвящ. памяти В. В. Воровского).—1923, кн. 5, 178—205.
 Покровский, М. Ленин в русской революции (доклад).—1924, кн. 7, 7—21.
 Покровский, М. Новые данные о пугачовщине (доклад).—1925, кн. 12, 219—235.
 Покровский, М. Кто вел деревенскую революцию 1905 г. (доклад).—1925, кн. 13, 223—230.
 Покровский, М. Ответ т. Томсинскому.—1926, кн. 15, 285—300.

- Покровский, М. Ленин и внешняя политика.—1926, кн. 19, 3—20.
 Покровский, М. О деятельности Коммунистической Академии.—1927, кн. 22, 5—18.
 Полонский, В. Бакунин-якобинец.—1926, кн. 18, 42—62.
 Попов, П. Статистика 1918—1922 г.—1923, кн. 3, 311—321.
 Президиум Комм. Академии. Проф. П. Камерер (некролог).—1926, кн. 17, 3—101.
 Прения по докладу О. Ю. Шмидта «Математические законы денежной эмиссии» и заключительное слово докладчика.—1923, кн. 3, 256—277.
 Прения по докладу Е. Преображенского «Закон ценности в советском хозяйстве» и заключительное слово докладчика.—1926, кн. 15, 155—255.
 Преображенский, Е. Ближайшие задачи Социалистической Академии.—1922, кн. 1, 5—12.
 Преображенский, Е. Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле.—1923, кн. 3, 58—84.
 Преображенский, Е. Экономические кризисы при нэпе (доклад и прения).—1923, кн. 6, 302—360.
 Преображенский, Е. Основной закон социалистического накопления.—1924, кн. 8, 47—116.
 Преображенский, Е. Маркс и Ленин (доклад).—1925, кн. 11, 3—13.
 Преображенский, Е. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ т. Бухарину).—1925, кн. 11, 223—256.
 Преображенский, Е. Социалистические и коммунистические представления о социализме.—1925, кн. 12, 19—75; кн. 13, 3—33.
 Преображенский, Е. Экономика, финансы и политика современной Франции (доклад).—1925, кн. 13, 249—268.
 Преображенский, Е. Закон ценности в советском хозяйстве.—1926, кн. 14, 3—64.
 Преображенский, Е. Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе.—1926, кн. 17, 35—76; кн. 18, 63—84.
 Преображенский, Е. Хозяйственное равновесие в системе СССР.—1927, кн. 22, 19—71.
 Пригожин, А. Грахх Бабеф—провозвестник диктатуры трудящихся.—1925, кн. 10, 117—169.
 Разумовский, И. Сущность идеологического воззрения.—1923, кн. 4, 223—271.
 Райнов, Т. Отчуждение действия (социологические очерки).—1925, кн. 13, 128—165; 1926, кн. 14, 77—111.
 Раковский, Х. Л. Б. Красин.—1926, кн. 18, 5—16.
 Рейснер, М. Проблема психологии в теории исторического материализма (доклад и прения).—1923, кн. 3, 210—255.
 Рейснер, М. Способы представления.—1924, кн. 7, 273—336.
 Рейснер, М. Условная символика как социальный раздражитель.—1924, кн. 9, 175—197.
 Розанов, Я. Литература по основным вопросам права и государства в марксистском освещении (библиографический указатель).—1926, кн. 14, 293—311.
 Розенцвейг, Б. Основные вопросы невродинамики.—1927, кн. 23, 190—211.
 Ротштейн, Ф. Литература по чартизму.—1923, кн. 3, 344—362.
 Ротштейн, Ф. Происхождение Рабочей Партии.—1924, кн. 7, 227—254.
 Рубинштейн, Д. Физико-химическая среда.—1926, кн. 15, 107—134.
 Рудаш, Л. Ортодоксальный марксизм.—1924, кн. 8, 281—304.
 Рудаш, Л. Лукач как теоретик классового сознания.—1924, кн. 9, 198—252.
 Рудаш, Л. Преодоление капиталистического овеществления или диалектическая диалектика т. Лукача.—1925, кн. 10, 3—66.
 Рудаш, Л. Ленин и задачи марксистов-ленинистов в Европе (доклад).—1925, кн. 11, 28—35.
 Рязанов, Д. Новые данные о литературном наследстве К. Маркса и Ф. Энгельса (доклад).—1923, кн. 6, 351—376.
 Сакулин, П. Ответ В. Ф. Переверзеву.—1926, кн. 18, 282—284.

- Серебровский, А. V Интернациональный Генетический Конгресс.—1927, кн. 23, 212—226.
 Систематический указатель статей и материалов, помещенных в русских исторических журналах за 1923 г.—1924, кн. 8, 395—444.
 Сказин, Е. К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.—1925, кн. 10, 333—354.
 Скурер, К. Спиноза и диалектический материализм.—1927, кн. 20, 50—74.
 Смит, М. Строение постоянного капитала и издержки производства.—1925, кн. 12, 89—126.
 Смит, М. Диалектика количества. (Элементы формальной логики и диалектики в теории статистики).—1927, кн. 20, 75—95.
 Спектатор. Из теории и практики денежного обращения.—1924, кн. 9, 346—364.
 Стеклов, Ю. Что разделяет и сближает нас с Бакуниным.—1926, кн. 18, 17—41.
 Степанов-Скворцов, И. Что такое политическая экономия (доклад и прения).—1925, кн. 11, 257—346.
 Стучка, П. В защиту революционно-марксистского понятия классового права.—1923, кн. 3, 159—169.
 Стучка, П. Пролетарский суд и буржуазное право (доклад).—1925, кн. 13, 231—248.
 Тальгеймер, А. О предмете диалектики.—1923, кн. 2, 98—105.
 Тальгеймер, А. Соотношение классов и классовая борьба в Нидерландах при жизни Спинозы.—1927, кн. 20, 30—49.
 Тележников, Ф. Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма.—1927, кн. 24, 20—73.
 Теоретическая работа коммунистов. (Библиографические материалы).—1926, кн. 17, 321—356; 1927, кн. 22, 269—295.
 Тимирязев, А. Теория относительности Эйнштейна и махизм (доклад и прения).—1924, кн. 7, 337—378.
 Тимирязев, А. Воскрешает ли современное естествознание механистический материализм XVIII столетия.—1926, кн. 17, 116—168.
 Томсинский, С. К вопросу о социальной природе русского самодержавия (М. Покровский).—Марксизм и особенности исторического развития России. Его же.—Японская война. Сборник «1905», т. 1).—1926, кн. 15, 255—284.
 Торжественное заседание, посвященное 35-летию литературной деятельности М. Горького (стенограмма).
 Троцкий, Л. О кривой капиталистического развития. (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи).—1923, кн. 4, 3—12.
 Тюменев, А. Революция 1905 г. и расслоение сельского населения.—1923, кн. 5, 121—163.
 Тюменев, А. Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов.—1923, кн. 6, 264—301.
 Тюменев, А. Революция 1905 г. и кооперация в русской деревне.—1924, кн. 8, 197—245.
 Угаров, А. Проблема мирового хозяйства.—1927, кн. 22, 23—67.
 Удальцов, А. Очерк истории Социалистической Академии (1918—1922 гг.).—1922, кн. 1, 13—37.
 Ухтомский, А. проф. Доминанта как фактор поведения.—1927, кн. 22, 215—242.
 Фесенков, В. Астрономические доказательства принципа относительности.—1925, кн. 13, 200—216.
 Фишгендлер, А. Лига Наций о советской кооперации.—1926, кн. 16, 91—132.
 Фогараши, А. Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма.—1924, кн. 8, 305—331.
 Фогараши, А. Из истории диалектики в XIX веке.—1927, кн. 19, 178—186.
 Фогараши, А. Философия фикции (новые формы для старых идей буржуазной реакции).—1927, кн. 23, 184—189.

- Франкфурт, Ю. Плеханов о диалектике в психологии.—1927, кн. 22, 186—214.
- Фриче, В. М. В. Воровский как литератор и критик. (Речь на заседании Комм. Академии, посвящ. памяти В. Воровского.)—1923, кн. 5, 185—190.
- Фриче, В. К постановке проблемы стиля.—1923, кн. 4, 350—361.
- Фриче, В. Фрейдизм и искусство (доклад и прения).—1925, кн. 12, 236—264.
- Фриче, В. Задачи и проблемы социологии искусства.—1926, кн. 15, 3—17.
- Фриче, В. Проблемы социологической поэтики.—1926, кн. 17, 169—180.
- Фриче, В. Проблема диалектического развития искусства.—1927, кн. 21, 10—22.
- Харазов, Г. Математическая критика теории относительности (доклад).—1925, кн. 10, 258—299.
- Харазов, Г. Малый принцип относительности (доклад и прения).—1925, кн. 12, 265—326.
- Харазов, Г. Малый принцип относительности, ч. II. Критика теории электромагнетизма.—1926, кн. 14, 144—162 (доклад).
- Хинчин, А. Идеи интуитивизма и борьба за предмет в современной математике.—1926, кн. 16, 184—192.
- Хлебников, Д. Из новейшей немецкой литературы по научной организации производства.—1922, кн. 1, 96—105.
- Хмельницкая, Е. Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии.—1927, кн. 19, 137—164.
- Хмельницкая, Е. Государственно-монополистический капитализм (Германия 1914—1918 гг.).—1927, кн. 24, 137—165.
- Цейтлин, З. Проблема всемирного тяготения.—1925, кн. 13, 166—199.
- Цейтлин, З. Математический метод в политэкономии и в естествознании.—1927, кн. 23, 49—165.
- Циммер, З. Мироззрение и формы стиля.—1923, кн. 4, 362—371.
- Ченцов, Н. Литература о декабристах (библиогр. указ.).—1926, кн. 16, 305—335; кн. 18, 287—318; 1927, кн. 19, 277—303.
- Чернышев, В. Плеханов как экономист.—1923, кн. 6, 51—76.
- Чичерин, Г. Воровский как дипломат. (Речь на заседании Комм. Академии, посвящ. памяти В. Воровского.)—1923, кн. 5, 197—203.
- Шаксель, Ю. Виталистические блуждания в современной биологии.—1925, кн. 12, 208—218.
- Швиттау, Г. Психологизм в американской экономике.—1924, кн. 9, 365—376.
- Шиллинг и Герлиц. Основные положения организации предприятий (Перев. А. Бружеса). Из газеты «Der Betrieb» 1922, № 6.—1922, кн. 1, 85—95.
- Шиллер, Ф. Марксизм, психоанализ и искусство.—1926, кн. 18, 244—257.
- Шмидт, О. Математические законы денежной эмиссии.—1923, кн. 3, 85—99.
- Шпильрейн, И. Положение и задачи психотехники на Западе и в РСФСР.—1923, кн. 2, 114—129.
- Шпильрейн, И. Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике.—1923, кн. 3, 200—209.
- Эйдельмант, А. Кантильон как теоретик воспроизводства. (К истории «Экономической таблицы» Кенэ).—1927, кн. 23, 120—148.

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

(22—25 марта 1928 г. Стенографический отчет)
О РАБОТЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
(ДОКЛАД Т. МИЛЮТИНА, В. П.)¹

Товарищи, я не буду касаться истории работ Коммунистической Академии, и я дам освещение положения научной работы в Комкадемии в настоящее время и перспектив этой работы, а также организации в плановом порядке научной работы коммунистов.

Комкадемия впервые попыталась поставить вопрос о плановой организации научной работы. Вы знаете, что к попыткам, которые делались в отношении планирования научной работы, относились отрицательно. Когда мы с этим вопросом в другом несколько порядке столкнулись с Академией наук, то там мы слышали заявления: как вы хотите планировать и требовать от нас плана научно-исследовательской работы, разве можно ученому сказать, что он в течение такого-то времени должен открыть то-то и то-то? Такова была постановка вопроса, постановка, проникнутая идеалистическим духом, постановка, которая смотрит на научную работу, как на результат вдохновения, как на результат определенных, неукладываемых ни в какие рамки способностей того или иного отдельного человека.

Мы подошли к научно-исследовательской работе как к надстройке, как к выражению определенных общественных потребностей и определенных общественных отношений. Наука есть действительно надстройка на определенном экономическом базисе, на определенных общественных отношениях. Она изменяется соответственно с изменением этих отношений, и мы полагали, что научную работу можно организовать в плановом порядке, как работу коллективную. Конечно, мы не можем сказать, что будут сделаны такие-то и такие-то открытия, но мы можем сказать, над какими проблемами, над какими задачами, над какими вопросами мы будем работать, и результаты этой работы в той или иной степени, уже в зависимости от самой работы, от умения организовать эту работу, скажутся в смысле ответа на определенные общественные запросы.

Ведь в настоящее время наука в капиталистических странах организована по типу промышленных предприятий, и каждый крупный ученый, по существу, имеет, так сказать, определенную фабрику. Но там, в капиталистическом строе, каждый ученый эту организацию своего умственного труда, свою научную работу ведет как предприниматель, и конкуренция между этими учеными и учеными учреждениями сплошь и рядом такая же, как и между предприятиями, трестами и т. д. У нас имеется возможность об'единить наши научные силы и организовать научную работу в плановом порядке. В этом наше преимущество, об'ясняемое нашим социальным строем.

Какие задачи мы ставим этой организации, какую основу мы под нее проводим? В основу мы кладем требования данного исторического периода и данных общественных отношений. Расшифровывая это, мы должны сказать, что в основу нашей научной работы мы кладем научную проработку проблем социалистического строительства, борьбу с враждебными, буржуазными и мелкобуржуазными воззрениями и проработку проблем в области точных наук, которые связаны с развитием нашей теории, наших взглядов, с использованием достижений науки в этих областях для наших целей, для наших задач. Вот основы нашей коллективной научной работы. Эти основы сформулированы по существу и поста-

¹ Первый, вступительный доклад т. Покровского напечатан в этом № ре, в отделе статей.

новлениями нашей партии и постановлениями центральных органов советской власти. Я не буду их вам все цитировать, сошлюсь только на последние постановления, которые мы имеем по поводу этого, хотя еще 12-й съезд партии в своем постановлении о задачах Комакадемии,—тогда она еще называлась Социалистической Академией,—формулировал точно эти задачи. Последнее постановление ЦК партии говорит: «Коммунистическая Академия должна уделить особое внимание теоретической подготовке актуальных экономических и политических проблем современности перед Коминтерном и ВКП». На основании того устава, который утвержден, ВЦИК говорит, что «в задачи Коммунистической Академии входит разработка вопросов марксизма и ленинизма, борьба с буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма, борьба за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в общественном сознании, так и в естественных науках и разоблачение пережитков капитализма». Вот те задачи, которые были перед нами поставлены, и нужно сказать, что практика всей научно-исследовательской работы доказывает правильность такого направления работы и такой постановки задач.

Сейчас, по моему мнению, не случайно, что у нас к марксизму обращаются ранее чуждые и даже враждебные ему элементы. Несомненно, в известной части подобного рода отношение к марксизму носит характер приспособленчества, а иногда даже прикрытия своих позиций, но было бы неправильно только приспособленчеством или прикрытием объяснять тот поворот, который мы имеем в разных областях—точных наук философии и общественных наук—со стороны элементов и направлений, которые раньше были чужды и марксизму и коммунизму. Этот поворот является отражением более глубокого процесса, того процесса, который заставляет сейчас специалистов организовываться в общества для содействия социалистическому строительству. То же явление отразилось и в записке ученых химиков и не может не находить себе отражения и в научной работе. В данном случае и в этой области сказывается и должно сказываться положение марксизма, что бытие определяет сознание. Это мы должны с полной определенностью констатировать и констатировать как определенную победу, то, что мы захватываем в рамки влияния марксизма и ленинизма не только научных работников-коммунистов и марксистов, но и тех, которые раньше принадлежали к другим направлениям. И в этом отношении характерно вот что. Мы пытались здесь, в Комакадемии, проанализировать выпущенные за последнее время работы в области общественных наук и с несомненностью можем констатировать, что работы, в которых выдерживаются марксистские и ленинские принципы, возрастают, а те, в которых выражаются чуждые нам направления, падают и не только благодаря механическому их подавлению, а падают именно в качественном своем значении. И совершенно определенно можно сказать, что мировоззрение марксизма и ленинизма у нас побеждает. С другой стороны, мы из года в год ведем подсчеты и анализ теоретических работ коммунистов. (У нас это дается в виде приложений к «Вестнику Ком. Академии»). Тут мы наблюдаем крайне интересное явление: несмотря на то, что мы с каждым годом производим все более строгий отбор этих работ, представляя к ним все более высокие требования мы все же из года в год видим их нарастание (в год их выходит от 600 до 700), что свидетельствует, несомненно, о росте коммунистической мысли.

Основы, на которых был построен план Комакадемии, естественно, обусловили разбивку его по следующим рубрикам. Это, во-первых, проблемы, связанные с социалистическим строительством, и, главным образом, проблемы экономического порядка, проблемы советского строительства, проблемы государства и права. Это один цикл проблем. Второй цикл проблем связан с мировым хозяйством, где, естественно, наша работа была направлена на критический анализ капиталистического окружения и на проработку проблем мировой экономики и мировой политики. Затем следующий цикл работ у нас связан, главным образом, с вопросами идеологическими, это работы по философии, по литературе, искусству и т. п. Работы методологического характера проводились, главным образом, секцией методологии и исторической секцией, особенно в Обществе историков-марксистов. И, наконец, у нас организовалась и развилась секция естественных и точных наук, где прорабатываются проблемы естественных и точных наук, и, главным образом, с точки зрения критического подхода к тем учениям, которые

сейчас выдвигает буржуазная мысль в этой области. Вот, так сказать, основной, главный скелет научной работы Комакадемии.

Как она осуществлялась? Наша линия была взята к переходу от индивидуальной работы к коллективным работам. В смысле коллективных работ у нас были такие этапы: сначала доклады, которые ставились каждой секцией, каждой комиссией. Практика показала, что мы должны начинать с докладов, с совместного обсуждения определенных вопросов. От докладов процесс развития идет к групповой работе, к проработке той или иной проблемы уже коллективными силами, в результате чего получается тот или иной коллективный печатный труд. Наряду с этим, конечно, продолжается индивидуальная работа тех или иных товарищей над теми или иными проблемами. Таково направление проработки этих научно-исследовательских проблем.

Теперь мне необходимо сказать о результатах этой работы, поскольку она касается Комакадемии, т. е. происходит здесь, в этих стенах. Далее скажу о связи с местами.

Что нам удалось сделать? Я повторяю, не буду касаться исторического развития. Приведу только в качестве крайне характерного примера данные, показывающие рост докладов в Комакадемии. Сейчас у нас в месяц читается столько докладов, сколько два года тому назад, т. е. примерно в 1925—26 году, читалось за год. В последнем месяце читались доклады, в среднем, почти ежедневно,—всего их было 25 в месяц. Это—один показатель. Изменился и характер докладов: раньше у нас доклады обычно читались крайне ответственными товарищами и носили, в сущности говоря, сплошь и рядом характер лекций. Была большая аудитория, читался доклад, из публики выступали иногда при обсуждении этого доклада, и т. д. Но эти доклады, открываясь, носили скорее характер обычных публичных докладов; в настоящее время у нас главным образом секционные доклады часто даже на закрытых секционных заседаниях. Эти доклады представляют значительно большую ценность, так как читаются они теми работниками, которые выросли, воспитались и ведут научно-исследовательскую работу в стенах Комакадемии, причем доклады эти являются результатом этой работы. И хотя, может быть, их влияние и не так широко, но по своему содержанию они крайне ценны.

Из коллективных работ Комакадемии, которые, кроме научного значения, имели и определенные практические результаты, мы имеем за последнее время такие основные работы: прежде всего, из серии проблем, связанных с социалистическим строительством, мы имеем коллективную проработку проблем по аграрному вопросу. *Большая и ценная работа проделана Комакадемией по землеустройству и землепользованию*. Вы знаете, что в нашей экономике вопрос деревни и отношений с деревней продолжает оставаться центральной проблемой, а вопрос земли в этих отношениях—одним из главнейших вопросов. Вопрос об урегулировании земельных отношений в деревне сейчас приобрел особую важность, и поэтому вопрос землепользования и землеустройства является в настоящее время актуальнейшим. Этот вопрос возник у нас не только по нашей инициативе, но он был передан Комакадемии Советом народных комиссаров для проработки. Этим вопросом аграрная секция Комакадемии занимается по существу последние два года. Была выделена специальная комиссия. Вопрос этот прорабатывался на ряде совещаний с представителями мест, с представителями разных направлений, которых сюда привлекали для обсуждения его. Результатом этой проработки явились не только издание довольно толстой книжки, которая, кстати сказать, вся разошлась, но результатом этого явились тезисы, которые были внесены в директивное учреждение, и там эти тезисы были положены в основу того постановления, которое было в прошлом году опубликовано уже от имени ЦК партии в качестве директив по выработке основных начал землеустройства и землепользования. Можно сказать, что благодаря критической проработке этого вопроса те законопроекты, которые были внесены Комиссией по законодательным предположениям Совнаркома и Совнарками республик, радикально были изменены в самой своей основе.

Затем, надо указать, нами проводилась критическая проработка разных направлений: в аграрной области велась борьба с кондратьевщиной, с макарьев-

щиной, с чаяновщиной, борьба, которую даже в стенах Комакадемии мы начали с затруднениями. Когда, напр., мы приступили к изданию журнала «На аграрном фронте» (выходящего уже четвертый год), то сначала нас встретила враждебно не только публика, враждебная к коммунизму и ленинизму, но даже часть товарищей, которые близки к нам, часть наших товарищей встретила нас очень критически, вплоть до выступлений в печати. За критику Макарова, Кондратьева и Чаянова нас обвиняли в спешестве. Ну, сейчас об этом говорить уже не приходится, ибо теперь эта линия неонародничества и мелкобуржуазности оказалась враждебной самой практике жизни.

Вторая коллективная работа по этому циклу—это работа по изучению расслоения деревни. Здесь нами точно так же проделана довольно значительная, коллективная работа, которая оказала свое влияние и за стенами Комакадемии. Мы для изучения расслоения проделали довольно значительную статистического характера проработку первичного материала под классово выдержанным углом зрения и более детально, чем это до сих пор делалось. В результате проработки этого материала, обсуждения и дальнейшей разработки проблем расслоения деревни у нас появились работы т. Крицмана, т. Гайстера и ряд статей, которые были опубликованы в журнале «На аграрном фронте». Эта работа имеет огромное значение для нашей аграрной политики. Она точно так же непосредственно самым теснейшим образом связана с нашим социалистическим строительством.

Такова основная работа, проделанная в этом году аграрной секцией.

В нашей экономической секции настоящую работу мы поставили только за последнее время и мы еще не вышли из стадии докладов и обсуждения докладов. В прошлом, а также в позапрошлом году у нас велось обсуждение по госплановским контрольным цифрам и по общим проблемам нашей экономики, и в этом отношении Комакадемия сыграла определенную роль в борьбе со взглядами оппозиции в смысле разоблачения ошибочности этих взглядов. Сейчас работа экономической секции концентрируется вокруг пятилетнего плана народного хозяйства. Поставлена коллективная работа по «пятилетке». Была серия докладов. Здесь был мой доклад, был доклад Струмилина, выступления тт. Кржижановского, Базарова и других. Стенографический отчет об этих докладах выходит сейчас отдельной книжкой. Проработка этой проблемы у нас продолжается. Далее, готовится и еще в нынешнем году мы сможем выпустить сборник, направленный против буржуазных направлений и буржуазных учений в области экономики. Этот сборник, повидимому, выйдет месяца через три. Образована комиссия по изучению войны и народного хозяйства, где проработка проблем войны и народного хозяйства происходит, главным образом, под углом зрения учета и анализа опыта капиталистических стран в мировую войну. Работает группа по вопросам, связанным с проблемой воспроизводства кризисов в советской экономике.

Упомяну здесь об одном нашем начинании, которое может иметь крайне серьезное значение, а именно: мы приступаем к организации у нас секции инженеров-марксистов. Полагаем, что нам удастся поставить теоретическую проработку проблем техники и не в узкотехническом разрезе, а именно в связи с нашей экономической политикой.

Перехожу к работе кооперативной секции. Это—молодая секция, она только недавно превращена в секцию, раньше была просто комиссией. Мы выпустили коллективную работу «Кооперация за 10 лет». Эта работа имеет свои недостатки. Должен сказать, что теория в области кооперации у нас архи-слабо разработана, так что нам пришлось сделать первый приступ в этой работе, поэтому она носит скорее не теоретический, а описательный характер. Мы выпустили также библиографический сборник работ коммунистов в области кооперации. Сейчас нами ставится коллективная работа по коллективизации.

Вопросы коллективизации, несомненно, будут являться центральными вопросами как в нашей работе в деревне, так и в отношении организации потребления в городе. Коллективная работа по коллективизации в сельском хозяйстве, надеюсь, будет носить более теоретический характер, чем носила наша работа «10 лет кооперации». Мы подошли к этой работе под углом зрения анализа производствен-

ных условий коллективизации в широком масштабе, не только описания коммун, артелей и т. д., но именно анализа тех производственных условий, которые приводят к коллективизации. С этой только точки зрения мне представляется возможным подойти к плану коллективизации. Это величайшей важности для нас вопрос,—вопрос крайне спорный, имеющий огромное значение для нашей практики и для нашей теории. Далее, вопросы распределения, вопросы организации труда при коллективизации и т. д. Эти проблемы поставлены в той коллективной работе, которую мы надеемся выпустить примерно к осени. Наряду с этим у нас будут монографические описания отдельных коллективов. Сейчас некоторые товарищи выехали на места для этого. Это серьезная работа, которая будет иметь большую ценность для проработки важнейшей проблемы нашего социалистического строительства.

Вторая коллективная работа направлена против буржуазной кооперации, буржуазных ученых кооператоров. Здесь, главным образом, будет критический разбор различных столпов кооперации, реформистов-кооператоров, примыкающих к мировоззрению II Интернационала. Эта работа тоже выйдет примерно к осени. Вот вокруг этих двух заданий мы концентрируем работу нашей кооперативной секции, привлекая для нее работников и из других секций.

Из коллективных работ секции государства и права укажу на наиболее крупную работу—«Энциклопедию», в которой под марксистским углом зрения был проработан целый ряд правовых вопросов.

Из индивидуальных работ я бы назвал крайне ценную работу т. Пашуканиса по общей теории права.

Институт советского строительства сузил сейчас свои задачи. Должен сказать откровенно, что работой этого Института мы не совсем были довольны, она не раз подвергалась у нас критической оценке. Работа его носила характер исторический и характер накопления материала в большей степени, чем характер проработки тех или иных актуальных вопросов нашего советского строительства. В настоящее время мы работу концентрируем на изучении сельсоветов и на изучении горсоветов—двух основных советских ячейек. Эта тема очень важна сейчас, потому что вопрос о деревне, о взаимоотношениях различных форм в деревне имеет актуальнейшее значение, и проработка этого вопроса приобретает величайшую и теоретическую и практическую важность. Нужно сказать, что жизнь не ждет, и, вероятно, проработка этих вопросов в законодательном порядке последует раньше, чем в наших стенах. Здесь сплошь и рядом наша работа отстает от тех запросов, которые представляются жизнью. Если бы мы могли серьезной теоретической проработкой предвдывать их практическое проведение, то могли бы принести большую пользу. В некоторых областях, несомненно, мы отстаем очень сильно. И именно с этой стороны мы критикуем Институт советского строительства.

Институт мирового хозяйства и мировой политики выпустил коллективную работу «СССР за 10 лет в капиталистическом окружении», представляющую анализ целого ряда стран под углом зрения взаимоотношений их с СССР и обратно. Его коллективная работа выражается также в выпуске журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» и Бюллетеня по мировой экономической конъюнктуре. Вот, в сущности, пока работа этого Института. Работа Института до сих пор точно так же сильно хромала, и только вот теперь, с некоторой его реорганизацией, с привлечением новых товарищей, главным образом, товарищей Варга, Гольдштейна и др., нам удастся более или менее эту работу наладить.

Работой Института мирового хозяйства и мировой политики позвольте мне закончить серию наших работ по проблемам социалистического строительства и по связи (через Институт мирового хозяйства) с проблемами анализа капиталистического мира и взаимоотношений с капиталистическим миром. Более детальные отчеты вы найдете в брошюре о плане работы Комакадемии.

Перейду к нашим секциям философии и литературы и искусства. Секция по философии у нас молодая секция, и работа по философии в Комакадемии, несмотря на то, что по существу должна была быть давно поставлена, к сожалению, только сравнительно недавно организована. Огромный недостаток научных сил сказался в полной степени и мере, и нужно сказать, что действующим,

работающим силам приходится разрываться по целому ряду учреждений, областей, отраслей и т. д. Таким образом, секция философии у нас пока еще не выбилась на дорогу коллективной, углубленной проработки, и там пока у нас господствует докладная работа: ставятся доклады и ведется обсуждение их. Правда, они имеют значительную ценность. В прошлом и в нынешнем году секцией были поставлены доклады и выпущены работы по той дискуссии, которая ведется в этой области между так называемыми механистами и диалектиками (Г о л о с. Почему «так называемыми» механистами?). Я говорю «так называемыми» просто, чтобы определить течения. Это обсуждение имеет большую ценность для уточнения и проработки целого ряда специальных проблем в этих областях, и в этом отношении Комакадемия являлась той трибуной, где могли быть подвергнуты критике и оценке различные мнения.

В этом году философская секция выпустила первый библиографический сборник, в котором сведены работы по философии марксизма.

Секция литературы и искусства сейчас развернула довольно широко свою работу. Здесь взята правильная линия. После того как (если мне память не изменяет, еще два года тому назад) на пленуме Комакадемии был поставлен вопрос о работе литературной секции и была дана установка для этой работы, секция значительно развернула свою деятельность. При секции организована подсекция марксистов-критиков, поставлен ряд коллективных работ, вплоть до выпускаемой сейчас Литературной энциклопедии, ведутся также коллективные работы, которые послужат учебными пособиями. Сейчас секция сумела об'единить вокруг себя, если не всех, то все-таки определенную часть товарищей-марксистов и коммунистов, работающих над вопросами, главным образом, литературы. К сожалению, насчет искусства у нас пока еще не начата работа, так как почти нет работников. Из отдельных работ упомяну о работе т. Маца «Литература и пролетариат на Западе».

Общество историков-марксистов работает совместно с секцией истории революционного движения. Здесь М. Н. Покровский уже говорил об установке этой секции, главным образом, в смысле разработки методологии исторических работ. Общество историков-марксистов является той трибуной, где наиболее актуальные вопросы в области истории получают свое освещение и обсуждение, и, несомненно, журнал «Историк-марксист» является у нас единственным серьезным историческим журналом.

Я перехожу к секции естественных и точных наук. При организации работ в области естественных и точных наук перед нами стояла задача об'единить вокруг Комакадемии товарищей, работающих в области естественных и точных наук, чтобы попытаться впервые марксистским методом проводить более систематически и планомерно работу в этой области, где господствовал и господствует, по существу, сплошь и рядом метод чистой идеализма. Нужно сказать, что потребность в этом назрела полностью: в очень короткое время секция естественных и точных наук обросла не только целым рядом работников, но и целым рядом обществ. Около нее образовались: Общество математиков, Общество биологов, Общество врачей-материалистов и т. п., которые ставят себе задачей проработку различных проблем в области естественных и точных наук. Правда, главным образом работа нашей секции была направлена в такие области, как биология и психология, а целый ряд таких вопросов, как энергетика и вопросы, связанные с техникой, не были затронуты. Это огромный минус. Об'яснялось это тем, что всех проблем сразу не охватишь, а главным образом — недостатком естественников-марксистов. Ведь у нас, например, математики-марксисты насчитываются единицами, буквально единицами! Если в области естественных наук у нас создался определенный кадр серьезных работников, работу которых мы можем противопоставить нашим противникам как по качеству, так и по количеству, то относительно области естественных и точных наук этого сказать нельзя. Мы ни на минуту не закрываем глаз на то положение, что еще очень долгое время в этой области мы должны будем опираться на специалистов, чуждых нам по мировоззрению, и у нас еще очень долго будет длиться период, пока у нас вырабатываются наши крупные ученые, крупные работники, крупные теоретики в этой области. На это мы не закрываем глаз. Но что нужно было приступить к этому делу — это сомнения также не вызывало. К сожалению, нам эту работу приходи-

лось вести с величайшим трудом, потому что иногда даже некоторые наши многоуважаемые товарищи не понимали значения этой работы и очень портили нам дело, особенно в отношении Института высшей нервной деятельности.

Целый ряд товарищей, которые здесь присутствуют (Рязанов. На кого вы намекаете?), несомненно, не понимали этих задач. Часто работе этой секции, которая начала пробивать новую дорогу, новые тропинки, ставились препятствия. Не так легко у нас бывает организовать научную работу, особенно в новых областях, и особенно, когда встречаешь препятствия не только со стороны противников, но и со стороны своих друзей. (Рязанов. Я прошу слова.) И безусловно, эту работу мы не только должны развернуть, но ее необходимо нам углубить во что бы то ни стало, ибо, если мы не будем иметь собственных кадров, собственных теоретически подготовленных работников в области естественных и точных наук, то, товарищи, такие дела, как шахтинское дело, будут у нас повторяться. Этого мы забывать не должны. И поэтому не только не должны затушевывать и стеснять работу этой секции, но мы должны широко ее развернуть. В перспективе мы ее думаем поставить более широко, чем она ставится до сих пор, захватывая новые и новые области, проникая в производственные проблемы более глубоко, чем это мы делали до сих пор. Как я уже говорил, мы думаем организовать на первых порах хотя бы маленькую такую первичную ячейку для теоретической проработки технических проблем. В этой области нам предстоит серьезная работа.

Вот, товарищи, результаты наших работ за последний период, вот проблемы, которые мы ставили в нашей научной работе.

Только еще на одну область я хотел бы обратить ваше внимание — на выпуск нами учебников и учебных пособий. Теперь, когда Комакадемия более или менее подняла свою работу, мы смогли действительно начать выпускать учебники и учебные пособия. Правда, в основу этих учебных пособий легли коллективные печатные работы, но до сих пор мы не ставили себе задачей организованную выработку учебников и учебных пособий. Сейчас эту задачу мы перед собой поставили. Секция права и государства явилась у нас в этом отношении пионером. Она выпустила первые свои работы, и она показала, что мы можем сделать здесь действительно ценную и серьезную работу. Сейчас такая же работа поставлена и в секции литературы и искусства, ставится и в аграрной секции и в секции по истории революционного движения, которая прорабатывает специальное пособие по истории. Таким образом, секция революционного движения, экономическая секция, аграрная секция, секция литературы и искусства, секция государства и права организуют сейчас у себя работу по составлению учебников. Надо, товарищи, сказать, что в отношении учебников и учебных пособий у нас положение до сих пор находится в архи-плохом положении. До сих пор целый ряд наших учебников не выдерживает критики, а многие учебники, которыми пользуются в наших вузах и комвузах, не только принципиально не выдержаны, но иногда просто никуда не годятся. Так что работа, к которой мы приступаем, очень серьезная и большая работа. Первые шаги в этом направлении мы уже сделали.

Теперь о наших работах по изданию энциклопедий. Мы выпустили энциклопедию права и приступили к выпуску энциклопедии литературы. Предполагаем в ближайшее время приступить к выпуску экономической энциклопедии и философской энциклопедии. Кроме того, Комакадемия через своих работников принимает участие как в президиуме, так и в качестве редакторов в работе Большой советской энциклопедии, которая издается при Комакадемии.

Намечен еще у нас, как общеакадемическая работа, сборник работ по социалистическому строительству более общего характера, где мы ставим проблему строительства социализма в одной стране и вообще проблемы строительства социализма. Эту работу мы связываем с работой Коминтерна по выработке программы, так что, вероятно, эта работа будет проделана только после предварительных работ, которые будут в комиссиях Коминтерна. Повидимому, это будут отчасти комментарии, отчасти проработка ряда проблем, которые ставит Коминтерн.

Теперь я перехожу в другую область. *Коммунистическая Академия является не только учреждением, которое выпускает печатные труды, но Комакадемия является и должна являться учреждением, которое организует и вырабатывает живые научные силы, живых работников.* Главная основа Ком-

академии—это ее научные сотрудники. У нас, вы знаете, членов Комакадемии сейчас круглая цифра—70 человек. Сейчас мы провели несколько новых товарищей в члены Комакадемии, так что сейчас будет свыше 70 человек. Но кое-кого за бездеятельность мы принуждены были исключить, кое-кого исключили по принципиальным соображениям,—это было опубликовано в газетах,—так что у нас в общем и целом человек 70 членов Академии. Систематическое участие в работах Академии в смысле руководства секциями, институтами, участия в журналах, руководства непосредственно текущей работой Комакадемии и т. д., у нас принимает, по последним подсчетам (когда выпускался план работ Комакадемии на 27—28 год) человек 16 только. Если же возьмем участие в работах Комакадемии, которое выражается участием в заседаниях, в том или ином выступлении в стенах Комакадемии и т. д., то это количество, конечно, возрастет. И только 2—3 человека совсем не принимали в течение последних двух лет участия в работе—это не так уж много. То или иное участие принимали почти все. Но все же, конечно, такой активностью наших членов Академии мы недовольны. Сейчас у нас остро чувствуется в ряде областей недостаток руководства, мы сплошь и рядом должны отказываться от новых научных предприятий в силу недостатка у нас подготовленных сил. Я укажу вам, например, что у нас в течение последних пленумов было в порядке обычая, что выступал т. Ерманский и всегда добил о необходимости организации у нас секции или комиссии по научной организации труда, но мы не могли выполнить этой работы просто потому, что у нас не было таких ответственных, выдержанных товарищей, которых можно было бы посадить на это дело. Я повторяю, ряд работ мы не в состоянии выполнить именно благодаря этому. Поэтому огромное значение получает подготовка из наших научных сотрудников новых кадров. Всею наших научных сотрудников насчитывается у нас 149 человек. В том числе старших научных сотрудников в настоящее время насчитывается 59 человек, из них партийных 33, беспартийных 26. Основная масса беспартийных научных сотрудников падает на секцию естественных и точных наук и Институт высшей нервной деятельности. Институт мирового хозяйства и мировой политики имеет 3 беспартийных работников. Если вы возьмете такие важные секции, как экономическая, аграрная и кооперативная, то там насчитывается всего 18 человек старших научных сотрудников. Институт советского строительства имеет и младших и старших сотрудников 18 человек. Если вы выкинете отсюда 8 младших научных сотрудников, то вы получите, что по Институту у нас всего десяток человек старших научных сотрудников. Так что эта прослойка у нас крайне незначительна, а требования на нее сейчас возросли величайшим образом. Наши научные сотрудники участвуют в ряде ответственных работ, а сейчас их требуют и на ответственные посты. За последнее время, повидимому, мы должны будем, ввиду назначения товарищей на ответственные места, лишиться многих работников. Тут увязка практики с теорией будет полная, но вместе с тем это ставит перед нами остро вопрос подготовки новых работников и вливание новых научных сотрудников в стены Комакадемии. Главным образом, наши научные сотрудники набираются из окончивших ИКП, вузы и комвузы. Старшие научные сотрудники обязательно должны иметь печатные труды. Сейчас подготовка выдержанных, теоретически подготовленных товарищей стоит в порядке дня. Комакадемия должна явиться тем учреждением, которое сумеет готовить такого рода работников. Опыт это доказал. Целый ряд наших товарищей, уже из подросших работников, имеет ценные научные работы и нужно отметить, как положительное явление, что у нас активность научных сотрудников начинает все больше и больше возрастать.

Теперь о нашей связи с местами. Эта работа у нас стоит неудовлетворительно. Вопрос этот не раз перед нами вставал. Выезды с докладами на места у нас почти не налажены. Эти выезды насчитываются у нас единицами, в прошлом году было, кажется, около пяти, а в этом году и того меньше, потому что т. Крицман заболел и не мог выехать, так что один только мой доклад был в Ленинграде. Это дело, таким образом, у нас еще очень слабо поставлено. Объясняется это тем, что только человек 10 из членов Академии ведут сейчас работу и, кроме того, эти же товарищи завалены еще другой работой и их оторвать для выезда в тот или другой город нам сплошь и рядом не удается: сколько раз намечали, что такой-то товарищ едет в такой-то го-

род, а потом—заседания, текущая работа, и ничего не выходит. Так что здесь у нас слабое место и здесь нам нужно использовать наших научных сотрудников. Но когда говоришь с местами, то они требуют прислать человека с определенным уже именем. Об этом нужно договориться. Часто наш научный сотрудник в той или другой области, где он специально работает, даст более ценный доклад, чем тот или иной ответственный товарищ. У нас не всегда правильное понимание роли докладчика и нужно договориться с местами, чтобы больше использовать молодых товарищей, которые сейчас подросли и работают крайне серьезно в тех или других областях. Тут мы подходим к нашему требованию о необходимости увеличить число наших научных сотрудников в полтора раза, и мы в таком случае сможем использовать их не только в стенах Комакадемии, но будем иметь больше возможностей для распространения нашей работы и на провинцию.

Вторая часть работы (в отношении связи с местами), которая совершенно не поставлена и которая может быть поставлена, это вопрос о разделении труда между Комакадемией и между местными нашими научными организациями в области коллективной работы по тем или другим вопросам. В каких формах, предположим, у нас ведется работа по национальному вопросу? (Я ее пропустил выше в своем докладе, потому что не перечислял подробно всех комиссий.) К работе по национальному вопросу могут быть привлечены не только товарищи, работающие здесь, в Москве, но целый ряд местных организаций. Далее; по аграрному вопросу мы все время работаем со здешними силами. Правда, Украина принимала некоторое участие в этой работе, но здесь можно установить более широкое разделение труда. Работа по коллективизации должна быть разрешена путем привлечения местных работников. По любой проблеме, я убежден, мы сможем организовать такое разделение труда, и мы должны поставить перед собой эту задачу и это будет действительно организация научных сил не только здесь, в Москве, но и в стране. В отношении связи с нами мне представляется, что сами места должны проявлять больше инициативы в смысле нажима на нас и в смысле привлечения и использования нас в своей местной работе. Желательно было бы и здесь поставить доклады с мест. Но большее значение я придаю не столько этим докладам, сколько разделению труда в проведении научной работы в Академии.

В заключение я хочу остановиться только на некоторых организационных вопросах. Самый серьезный организационный вопрос для Комакадемии заключается в следующем. Перед нами сейчас в организационном отношении стоит задача превращения наших секций в научно-исследовательские учреждения. До сих пор наша Комакадемия является крайне бедным учреждением и по своему бюджету, и по своим ресурсам, и по всякого рода материальным условиям существования. Конечно, на местах, насколько я знаю из своих поездок, с этим делом обстоит еще хуже, во много раз хуже, чем у нас. Места существуют еще на меньшие средства, имеют еще более скромные возможности, но, по-моему, правильный путь и для нас и для мест заключается в том, чтобы поставить вопрос о превращении наших коммунистических учреждений действительно в научно-исследовательские институты. Сразу это не делается, и было бы просто лишней растратой сил и средств, если бы мы сразу развернули богатые научно-исследовательские учреждения, а живых сил, которые там работали и давали ценную продукцию, в наличности не было бы. Это было бы неправильно. В настоящее время кадры подросли, силы появились. Раньше, года 4 тому назад, у нас научные сотрудники насчитывались единицами. Если мне память не изменяет, мы первую чистку научных сотрудников устроили в 24 или в 25 г., и их тогда было человек 10—15. Так что тогда говорить о том, чтобы мы сразу организовали научно-исследовательские учреждения было утопией, и средств таких у нас не было,—бюджет Академии был ничтожен. Это была, главным образом, библиотека, а при ней Комакадемия, с ее докладами, докладами, главным образом, публичного характера, и с ее журналами. Сейчас, когда мы имеем подросший кадр научных сотрудников, когда мы имеем базу в живой организации труда, сейчас мы обязаны уже секции превратить в научно-исследовательские учреждения, обставив их необходимыми материалами справочного характера, диаграммами, соответствующей подборкой библиотекой, которая им необходима, так, чтобы там

могла вестись научно-исследовательская работа и чтобы наши учреждения выступали, как таковые.

Должен сказать, что некоторые наши секции и институты сейчас обладают уже этим, правда, в скромной форме. Начну с нашей старейшей секции государства и права. Она имеет свою библиотеку, имеет некоторые подсобные материалы, проводит анкеты, у нее собран сырой анкетный материал, который в ней разрабатывается. Институт советского строительства также имеет собственную библиотеку, имеет собственное бюро вырезок, имеет картотеку законодательства и т. д. Институт высшей нервной деятельности имеет у нас собственные подсобные организации, и это естественно, потому что иначе он не мог бы существовать. В секции естественных и точных наук также имеются отдельные организации, обладающие своими лабораториями.

Но основная, все-таки, главная масса наших секций не имеет даже помещения, они ютятся в одной или двух комнатах, и научные сотрудники работают, главным образом, не столько в стенах Комакадемии, сколько по библиотекам других учреждений. Мы, конечно, благодарны всем учреждениям, которые нам содействуют в этом отношении, а именно—Институту Маркса и Энгельса, Институту Ленина и т. д. Но нам нужно обзавестись своим научным хозяйством, без этого мы твердо на ноги не встанем. Сейчас перед нами стоит полностью эта задача, и мы должны будем ее поставить перед соответствующими органами. Я полагаю, что здесь конференция должна нас поддержать в этом отношении, потому что, если мы не создадим соответствующих научно-исследовательских учреждений, мы дальше не сможем проводить свою работу, мы дальше не сможем вырабатывать научных серьезных работников.

Вот эта задача стоит перед Комакадемией в области организационной, как одна из серьезнейших задач.

Я думаю, товарищи, в заключение, что наша задача, задача конференции в организационном разрезе стоит именно в постановке вопросов организации научных работ наших коммунистических сил. Эта задача сейчас должна разрешиться только в плановом порядке, ее кустарно не разрешишь. Так что сейчас мы должны будем иметь не только для себя, но мы должны будем поставить и перед соответствующими учреждениями вопрос о плановой организации научно-теоретических работ в стране. Эту задачу необходимо выдвинуть, силы у нас сплошь и рядом рассыпаются, рассыпаются и средства, ведется иногда параллельная работа, иногда работы, которые начинаются под маркой марксизма и коммунизма, попадают в чуждые, враждебные нам руки. Такое положение дальше не должно быть терпимо. Здесь мы должны сделать определенный сдвиг, определенную установку в смысле плановой организации научно-теоретической работы. Мы имеем определенную линию в этой работе, но мы не имеем тех возможностей и той организации, которая проводила бы эту линию в жизнь. Поэтому, несмотря на достигнутые результаты в области роста теоретических работ коммунистов в различных областях, нужно сказать, что эти задачи и их выполнение не отвечают тем требованиям, которые сейчас к нам жизнь предъявляет. Мы отстаем от этих требований, эти требования гораздо шире, чем те ответы, которые мы даем на них. Поэтому, даже при таких недостаточных результатах, за нашу работу хватаются, наше влияние растет, это мы ощущаем, но вместе с этим растет и наша неудовлетворенность этими результатами, потому что часто, давая ответ на ту или иную проблему, мы чувствуем недостаточность ее предварительной проработки, недостаточную глубину этой проработки.

Я мог бы в заключение сказать еще очень много относительно недостатков нашей теоретической работы. Мы можем вести дальше работу в различных областях нашей общественной жизни, нашего социалистического строительства, нашей борьбы с буржуазным мировоззрением, только разворачивая ее организованным путем и мобилизуя на эту работу наши силы, и поэтому проблема плановой организации научно-теоретических сил и теоретической работы становится сейчас в порядок дня. На этом позвольте мне закончить.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ В. П. МИЛЮТИНА

Тов. Рязанов. Товарищи, я хочу рассеять несколько легенд. Тут сделали попытку с трех сторон превратить меня во врага марксизма и коммунистической мысли. К так называемому собачьему институту я еще вернусь. Я хотел бы сказать несколько слов по существу основного разногласия между мной и товарищами из Комакадемии. Некоторое отношение к Комакадемии я имею, товарищи. Работал в ней и с самого начала работы проводил ту мысль, которую я начал проводить, когда имел честь быть одно время заведующим Главнаукой. Я стоял на той точке зрения, что для науки вообще, для марксизма в частности, необходимо приступить к организации ряда научно-исследовательских институтов.

Не буду вдаваться в историю Комакадемии. Она теперь так мало известна, что даже существование некоторых членов Академии так же трудно установить по протоколам, как трудно установить полный список фараонов в Египте (смех). Когда я приступил вплотную к работе в Комакадемии, бюджет ее составлял,—на это жаловался Владимир Павлович,—ничтожнейшую сумму, но линия моей работы была та же самая.

На переломе между XIX и XX столетиями стало ясно и для буржуазной науки, что время универсальных библиотек, время универсальных академических обществ прошло. После блестящего опыта некоторых научно-исследовательских институтов, в конце XIX и в начале XX века, даже Германии, классической стране академий, пришлось задать себе вопрос: итти ли дальше по этому пути, или взяться за систематическую организацию научно-исследовательских институтов? Как раз накануне войны в Германии начало организовываться учреждение, или сеть учреждений, носящих очень непохучее название: «Общество имени императора Вильгельма». Название это сохранилось в Германии и до сих пор. У меня под рукой статья генерал-директора этого общества. Те из товарищей, которые имеют отношение к естественным наукам, знают, что если в мире имеются отдельные институты покружнее этих институтов, которые входят в сеть этого «императорского общества», то такой ассоциации теперь нет нигде. Но послушайте генерал-директора. Он говорит, что когда решали вопрос: итти ли дальше по академическому пути, или взяться за организацию научно-исследовательских институтов, то возник также вопрос: не использовать ли академии—прусская академия и всякие другие и т. д.

Оказалось, однако, что именно академии так, как они сложились исторически, абсолютно не приспособлены для этого. Академии культивировали «ученую болтологию», я себе позволю так перевести слова «akademisches Gespräch», и организовывали, кроме этого, некоторое количество коллективных работ, изданий и т. д. Кроме того, они по своей специальности ограничивались рядом дисциплин, которые их удаляли от практической жизни настолько сильно, что, когда Прусская академия предложили вступить в связь с новой ассоциацией, то, несмотря на ее высокое название, Прусская академия сию честь отклонила. В результате новое общество теперь организывает научно-исследовательские институты не только в области естествознания и математики, оно начало их организовывать и в области общественно-гуманитарных наук.

Я, товарищи, являюсь фанатиком научно-исследовательских институтов. Из того доклада, который нам сделал т. Милютин, вы видите, что основной грех Комакадемии,—я это говорил и на пленуме Комакадемии,—состоит в том, что организация ее мешает этой работе. Тот рост, который замечается в последнее время в Комакадемии, объясняется, как я сказал, ростом и развитием той среды, которая находится вокруг этой Комакадемии. Раз растут люди, растут товарищи, они должны найти место для работы, где можно побеседовать, где можно выложить результаты своих размышлений. Но этого мало, это академическая болтология. Нужны университеты, нужны семинарии при университетах, но, в первую очередь, нужны научно-исследовательские институты. Во вторую очередь нужны научно-исследовательские институты в самых различных областях марксизма. Без таких научно-исследовательских институтов мы можем число докладов довести до сотни, мы можем число коллективных, литера-

турных предприятий,—их очень много в рамках Комакадемии,—довести до бесконечности, но мы все-таки не будем иметь настоящих научно-исследовательских институтов. Это признает теперь т. Милютин в той резолюции, которую он прочитал: «Развертывание работы Комакадемии требует реорганизации ее деятельности в сеть научно-исследовательских учреждений».

Я бы предложил вам, Владимир Павлович, чтобы не компрометировать Комакадемию, в вашей резолюции слово «действительно» выкинуть, а то выйдет, что до сих пор действительно научной работы не было. Поэтому в плане работ на следующий год Комакадемия должна предусмотреть необходимые организационные и материальные изменения в смысле обеспечения не развертывания сети институтов, а трансформации сети институтов в научно-исследовательские учреждения. Это—в первую очередь, ибо Комакадемия не может быть центром различных академических говорящих учреждений. Комакадемия должна стать научно-исследовательским центром, стоящим в центре научно-исследовательских учреждений в различных областях марксологии. К этому, конечно, в порядке различных периферий, подойдут институты методологии марксизма, которые, как видно из доклада т. Позерна, все еще мечутся между тропиками и полярными кругами и еще кое-какими другими не менее тропическими областями. Без такой строгой организации, исходящей из центра и сводящейся к центру, на основе которой будет налажена научно-исследовательская работа, невозможно будет вам поставить научно-исследовательскую работу в области марксизма. В Ранионе существует некий Д. М. Петрушевский, он не марксист, но у него имеется кое-что, у него имеется научно-исследовательская культура. Иную марксистскую работу, от которой отдает 100-процентным марксизмом, вы сейчас же бросаете, потому что она не дает никаких результатов научно-исследовательской работы, а между тем возьмите вы работу Петрушевского: марксизма в ней ни на грош, но в ней остается постановка, которая дает вам возможность сказать: «вот этот ученый, марксизма не зная, льет воду на нашу мельницу».

Среди материалов, нам брошенных, имеется работа Валка. Когда я ее получил два года тому назад, мне неловко стало. Издаем мы сочинения Ленина, и для того, чтобы знать, где поставить прямые скобки, где поставить круглые скобки, знать, как расшифровать «тр»—труд, или «учр»—учреждение, мы должны призвать ученого Ваяра из второразрядных ученых сотрудников.

Я так далеко не захожу, чтобы мечтать организовать кружки «ленинизм в медицине», «марксизм в анатомии», чтобы мечтать об основании особой марксистской школы в области архивоведения. Я не так честолюбив, но думаю, что если вы хотите быть научными исследователями, вы должны всю эту буржуазную культуру научную, которая развилась в течение XIX и начала XX веков, всю исследовательскую историческую работу и всякую другую так усвоить, так претворить, чтобы буржуазные ученые могли сказать, получив вашу работу: «правда, большевик, хотя и коммунист, но нашу кухню всю знает в совершенстве». Без того, чтобы в очередь дня поставить организацию этой научно-исследовательской работы, повторю, мы не двинемся ни на шаг. Я слушал моего старого друга, т. Позерна, его доклад, и думал: вероятно, эта мысль возникла и у других; это был хороший доклад в наше старое время о работе в агитпроповских кружках. Правда, т. Криницкий, вы ведь специалист в этой области? Вот—основная установка, как у нас любят выражаться, которая должна быть сделана, и в этом отношении у нас непочатые области.

Второе. Я с особенным удовольствием слушал вчера т. М. Н. Покровского о том глубочайшем интересе к истории, который теперь проявляется во всех областях, и о той необычайной пользе, которую имеет история при изучении всяких предметов, даже в рамках Комакадемии... Я сказал соседу: гони историю в дверь, она влетает во все окна. Гнали мы эту историю? Гнали. Но теперь, когда мы сами уже имеем историю, у нас красивые профессора при изучении Октябрьской революции, как мы слышали от Мих. Ник., почувствовали потребность изучить историю этой Октябрьской революции, связать ее с прошлым. Эта потребность связаться с прошлым так уже настоятельна, что даже в несколько мифическом Институте методологии марксизма, о котором докладывал т. Позерн, что даже там явилась потребность взглянуть в древность и в средние века. Но в какой форме они придумали это? Древняя и средняя история материальной культуры!

Сказать просто—древняя и средняя история—опасно, влетит, может быть, от того самого учреждения, которое, как уверяет т. Позерн, на грузку марксизмом считает менее существенной работой, чем другие. Мы должны сказать: пора поставить на надлежащее место историю. Я не иду так далеко, как Маркс, у меня нехватает его смелости, но Маркс сводит всю науку к истории. Тут такое огромное количество молодых философов, что мне, не-специалисту в области философии, неловко сказать, что сущность диалектического материализма именно в том и состоит, чтобы рассматривать исторически, все. (Деборин. Правильно.) Ну, если т. Деборин меня поддерживает, значит, это так. Это второй пункт.

Теперь я перейду к третьему пункту. Первый—это необходимость организации научно-исследовательских институтов во всех областях марксологии; второй—историческая установка; третий—быть несколько осторожнее в области естествознания.

Я, старый мракобес, и еще в бюджетной комиссии выступал против того, что я назвал там собачим институтом. Это, Отто Юльевич, было два года тому назад. Как мотивировали тогда мне «собачий институт»? Мотивировали так, что, видите ли, исторический материализм найдет свое объяснение в изучении процессов нервной деятельности. Или, как я выразился несколько резко, по свойственной мне привычке, в слюнных и всяких иных аппаратах собаки. (Тов. Шмидт. Кто так мотивировал?) Я вам из литературы не одну цитату найду, конечно, не на таком несоветском языке, как я сейчас привел. (Тов. Шмидт. Из нашей литературы, марксистской?) Мих. Ник. вчера, при помощи некоторых молодых товарищей, собрал букет цитат. Если я попрошу молодых товарищей, сидящих здесь, преподнести мне такой букет цитат, они это сделают. Я не читаю всего. Я старый человек и с молодых лет уже приучился к известной экономии. Всего не прочтешь. Я не все читаю и я не обязан всего читать. Я читаю только некоторые образцы. (Тов. Шмидт. А пользуетесь привилегией всякого ругать.) Пользуюсь, потому что не возражаю против того, чтобы меня ругали, раз мне дают возможность ответить (смея). (Голос. Можно охапку цитат найти.) Найдется целый ряд цитат. Вторая причина, почему я выступал против,—и я теперь окончательно убедился, что я прав,—я недавно был в Ленинграде, очень внимательно осмотрел Институт экспериментальной медицины Павлова и очень внимательно осматривал то, что фигурирует под именем Физиологического института Павлова в рамках Академии наук. Я считаю крайне нерациональной трагедией существование в одном Ленинграде двух институтов, от которого страдает тот институт Павлова, который имеет больше всех прав на место в истории науки, и я был против организации третьего такого института в Москве, я—против двух институтов в Ленинграде.

Тов. Шмидт на последнем заседании пленума Комакадемии пришел на помощь. Оказывается, что компетенция этого института расширяется. Сейчас я это приветствую. Если эта штука, которая имеется в пределах Комакадемии и сопровождается определенными последствиями в области атмосферы этой Академии, если эта штука будет перенесена в другое здание и войдет, как органическая часть, в Институт естественно-научный, со всеми теми отделениями, на которые я указывал, я буду только приветствовать.

Я внес на пленуме предложение—сократить это бесчисленное ненужное количество секций, свести эти секции в 5—6 научно-исследовательских институтов, не разбрасываться, и тогда то, что является теперь ненужным параллелизмом, превратится в необходимую составную часть общего учреждения, подходящего по своим задачам под устав Комакадемии, но только в этом случае.

Я, товарищи, не только директор Института Маркса и Энгельса и член Комакадемии, не только читатель, но имею некоторое отношение к практике. Я надеюсь, что мне удастся в другом месте прочитать доклад о плановости и бесплановости в области нашей научной работы. В бюджетной комиссии я все время бьюсь,—я года два тому назад поставил вопрос о необходимости организации Союзного комитета просвещения и буду опять доказывать необходимость организовать такое учреждение. (С м е с т а. С теми же результатами.) Тов. Скрипник, практика показала, что через год, через два, темп исторической жизни теперь несколько ускорился—кое-что все-таки делается.

На последнем партсъезде бесплановость этой научной работы так ударила в нос, что пришлось скромно поставить вопрос об объединении этой работы. Эта научная работа уже ведется, но ведется пока кустарным способом. Придется поставить вопрос о рациональной организации этой работы, об объединении в союзном масштабе. Это будет, без этого нельзя. То, что продлевается в последнее время, это—результат положения нашего, результат анархии нашей. Конечно, исследовательская работа невозможна будет не только в РСФСР, но и на Украине, если вы не организуете всю научную работу в рамках, в масштабе всего Союза ССР.

Вернусь еще раз к этой естественно-научной области. Должен подчеркнуть, что не так близко принимаю к сердцу некоторые вопросы в области философской мысли. Тов. Деборин обвиняет меня очень часто в чересчур равнодушном отношении, в некотором даже индифферентизме, хотя в общем и основном мы стоим на одной и той же точке зрения. Это объясняется тем, что по вполне понятным причинам этот башмак мне не так жмет, как он жмет Абраму Моисеевичу и другим. Но факт остается, что у нас в последнее время в этой охоте на естествознание повторяются картины того, как охотник схватил медведя, а медведь его не отпускает. В последнее время эти признаки заражения не естествознания марксизмом, а марксизма естествознанием, все больше и больше усиливаются.

Беда Комакадемии, и теперь я к ней перехожу, что она в полной организации подкрепляет эту позицию, только подкрепляет, ибо она ничего не делает в области научно-исследовательской, чтобы избежать тех недоразумений, которые мы встречаем на каждом шагу. Естествознание—великое дело, в особенности оно великое дело тогда, когда оно дает возможность найти на московской почве миллиарды пудов золота или в Курской губернии находить миллиарды пудов кровельного железа (смех), как это когда-то писалось в «Красной газете». Повторяю, товарищи, естествознание великое дело, от него пахнет миллионами и миллиардами, но в области научного исследования, в области марксизма естествознанию должно быть отведено определенное место. И это нам надо подчеркнуть. Я тут просматривал это бесконечное количество докладов в различных местах, которые ставятся в Союзе ССР. Должен сказать, что эта зараза марксизма естествознанием чувствуется уже всюду. Тов. Гониман несогласен с этим?

Тов. Гониман. Согласен.

Тов. Рязанов. Очень хорошо.

Тов. Варьяш. А что это значит, зараза?

Тов. Рязанов. Ах, это вы, товарищ Варьяш? Я вас давно уже не видел (смех).

Тов. Варьяш, зараза марксизма естествознанием и математикой означает, что марксисты начинают забывать основы диалектического метода, а раз это так, то марксисты начинают забывать, что для объяснения общественных явлений недостаточно математики или естествознания, что на определенной ступени развития этих явлений количество переходит в определенное качество, в определенный порядок, в определенные свойства, которые для своего объяснения нуждаются не только в законах низших,—не в смысле иерархии нижестоящих дисциплин, но требуют еще своих собственных законов.

Тов. Варьяш. Мы это все преподаем.

Тов. Рязанов. Вот как, товарищ Варьяш, вы это преподаете? Мы этого не знали. В таком случае это означает, что т. Варьяш, уча других, сам многому научился.

Тов. Деборин. Это безнадежное дело.

Тов. Рязанов. Все не безнадежное. Вы, Абрам Моисеевич, большой пессимист, я же смотрю более оптимистически (смех).

Таким образом, товарищи, эта зараза чувствуется. Я чувствую эту заразу, когда я читаю некоторые из этих философских статей. Они переносят меня в доброе старое время, в 80-е и 90-е годы,—к более ранним временам моя сознательная жизнь не доходит, но, если я беру литературные источники, то я переношусь в 70-е годы,—когда свирепствовало это желание оплодотворять марксизм всем, чем угодно, вместо того, чтобы это делать наоборот. Итак, товарищи, это третья вещь, от которой Комакадемия отходит или которой она недостаточно занимается, недостаточно занимается в силу неправильности ее организации.

Теперь позвольте мне в заключение указать на огромную роль Комакадемии, которую она могла бы играть. В силу целого ряда условий, отчасти и тех, на которые указывали Влад. Павл. и Мих. Ник., отчасти других, на советские деньги, на наши собственные средства мы создали привилегированное положение для ряда ученых весьма сомнительного масштаба, но пользующихся названием довоенного профессора, хотя бы это был довоенный профессор периода 1908—13 года, т. е. профессор того периода, который наложил свой отпечаток на Московский университет после разгрома 1911 г., для тех профессоров, которые когда-то на диспутах не могли почитать своих собственных цитат, если их приглашали это сделать (Мих. Ник. знает, это исторический факт). Этим профессоров, повторяю, мы на советские деньги рассадили на том основании, что это спецы, ибо это довоенное производство, мы рассадили по разным научным учреждениям, которые я характеризовал на сессии ЦИКа, как нелегальный Наркомпрос, рассевшийся по разным учреждениям,—дали им в руки большие средства по части организации коллективных литературных предприятий. Тов. Фриче хорошо знает, что у него в Ранионе не все обстоит благополучно.

Если молодой человек—прошу молодых людей извинить—в Ранионе при условии самой интенсивной работы не может надеяться больше, чем на 80 руб., если этот самый молодой человек на работе в каком-нибудь другом учреждении при 3 часах работы получает там 150—200—250 рублей, то зачем он будет работать в Ранионе, для чего он будет работать в каком-то жалком учреждении, копаться над каким-то Марксом и Энгельсом и выкапывать какие-то 80 руб., если, работая против марксизма, на советские деньги, против пролетариата, он зарабатывает 300 рублей (аплодисменты). Потом, работая у довоенного профессора, который имеет штемпель старого Московского или Ленинградского университета, штемпель Зомбартовского или другого архива и целого ряда иностранных журналов, получает деньги на командировку. А вы знаете, что у нас ученых, который находится в командировке меньше 12 месяцев, считается человеком, зараженным национальной ограниченностью (смех).

Разъезжая всюду, они заявляют: вот этот молодой человек не какой-нибудь марксист, коммунист, который прошел 4 года там-то, 3 года курсов марксизма, 3 года Института красной профессуры, 4 года Раниона,—у нас теперь молодые люди, которые учатся менее 10—11 лет, считают, что у них нет достаточной научной подготовки,—а самый настоящий ученый. При помощи штемпера «довоенного профессора» целый ряд новых профессоров, о которых я никогда не знал, существования которых никогда не подозревал, наводняют теперь всевозможные научные журналы, создававшие репутацию когда-то русским ученым. Все это делается на наши деньги, на наши средства, под знаком Октябрьской революции, ибо эти профессора, в особенности, если они экономисты, весьма и весьма умеют использовать эту ситуацию. В бюджетной комиссии вот уже 3 года я веду упорный бой с НКФ за ликвидацию Конъюнктурного института и с другими Наркоматами за «разгон» целого ряда таких учреждений. Это пора сделать. Сделать это можно только в том случае,—это и для Комакадемии будет удобнее,—когда все эти учреждения изъяты будут из-под крылышка различных наркоматов, различных ведомств и объединены в один общий Союзный «Наркомпрос». Тов. Яворский с этим пунктом несогласен, но я вижу, что т. Яворский согласен со мной в том отношении, что необходимо объединить,—и он, конечно, согласен, что необходимо изъять. Только при том условии, когда мы на 11-м году пролетарской диктатуры сделаем,—ничего в этом страшного нет,—марксизм, марксизм естествознания такой же привилегированной дисциплиной, какими в старое, довоенное время были другие.

Сегодня мы слышали т. Фриче от Раниона. Что такое Ранион? Если исключить Академию материальной культуры, которая, в сущности говоря, является псевдонимом для одного старого императорского учреждения, организованного в 1859 году, то Ранион состоит из научно-исследовательских институтов при нашем университете. В Ранион входит студенческое поколение, учащееся у нас, жившее в атмосфере рабоче-крестьянской диктатуры. Со второго года они начинают демаршироваться в самых ужасающих прогрессиях. Констатировано вами самими.

И четвертая вещь, которая для Комакадемии важна,—в той же самой бюджетной комиссии я вел борьбу против так называемой экспедиционной работы Всесо-

юзной академии наук. Всесоюзная академия наук имеет бюджет, составляющий в общем около миллиона рублей, на производство различных исследований и обследований, которые охватывают исследование человеческих производительных сил и естественных производительных сил. Всесоюзная академия наук, по договору, заключенному непосредственно с Казакстанской республикой, берет на себя обязательство обследовать Казакстанскую республику во всех отношениях—и в этнологическом и экономическом, хотя до сих пор еще никто, при помощи микроскопа, в составе Академии наук не открыл ни одного экономиста, кроме П. Б. Струве. Когда нужно было обследовать Якутскую область, то в составе экспедиций, посланных туда, не оказалось ни одного товарища, который по принуждению царского правительства обследовал эту Якутскую область в течение многих лет, даже в том случае, если такие имеются в составе Всесоюзной академии. Мне говорят, что Тан-Богораз не марксист, но я думаю, что если бы он занимался Якутской областью, он не делал бы таких открытий в области марксизма, на которые вы ссылались здесь, а был бы прекрасным исследователем якутской жизни.

И вот мое предложение, на которое я советую обратить внимание: чтобы в обследованиях Союза Комакадемии было отведено в пределах рабоче-крестьянской России доминирующее место. Это 4 главных пункта, на которых я хотел остановиться.

Председатель. Тов. Рязанов говорил 35 минут, т. е. больше, чем полагается по регламенту. Тов. Рязанова, я не знаю, как другие, но я всегда слушал с громадным интересом и всегда забывал регламент, но, если мы всегда будем забывать регламент, то наша конференция неизвестно когда кончится.

Тов. Игнатовский. Мой товарищ из Белоруссии обозначил целый ряд недочетов в нашей работе. Я бы к этому прибавил еще кое-что, это то, о чем говорил вчера т. Покровский,—о приливе чуждой нам идеологии. Этот прилив чуждой нам идеологии в первую очередь идет, конечно, от слезов. Мы, например, встречались с такого рода «историями», о которых знает, например, т. Криницкий,—с идеализацией вешателя Муравьева, с положением, что в Белоруссии нет диктатуры пролетариата и быть не может, что революция у нас проделана крестьянством. Это, так сказать, примитив, это то, что ярко видно, но целый ряд такого рода идеологических положений может быть преподнесен и не в такой яркой форме. Мы от этого работника избавились, он здесь теперь, в Москве (Рязанов). На тебе, боже, что нам не гоже).

Значит, с одной стороны, нет пролетариата в Белоруссии. Но, когда одному ученому сказали, что есть пролетариат, тогда другой ученый додумался до другого положения. Очевидно, раз пролетариат нужен, раз большевики требуют этого пролетариата, так отчего же его не найти. И он говорит, например, что в Могилеве в XVII веке этот пролетариат был, и приводит соответствующие доказательства. Было бы, так сказать, болото, а черти найдутся.

Это из области положений специалистов. Но у нас, товарищи, есть и посерьезнее беда. Эта беда уже не от специалистов, а от нашего прошлого. У нас, например, возможна идеализация Громады, ее идеологии, идеализация Бунда, его идеологии. Целый ряд трудных задач перед нами стоит, а сил, как вы видите, немного; вот почему мы, работники из Белоруссии, очень рады целому ряду пунктов, которые мы находим в проекте резолюции по докладу т. Милюткина. Мы особенно довольны 5, 6, 7, 1 пунктами, но, пожалуй, к п. 7 мы добавили бы маленький подпунктик, о котором я скажу несколько ниже.

Я остановлюсь на п. 6. Здесь речь идет о помощи. Эта помощь нам абсолютно нужна, крепко нужна, потому что без этой помощи нам приходится довольно трудно. У нас из старой большевистской гвардии мало работников, которые имели бы теоретический багаж. Помощь в этом отношении нам в высшей степени нужна. Тов. Милютин сказал, что нужно стучаться побольше. Совершенно верно, и мы стучались, но, может быть, мало. Будем стучаться и еще больше. Но, повторяю, мы стучались. Тов. Фриче написали письмо, ждем ответа, пока нет. Далее, мы связались с комиссией по изучению национального вопроса. Все началось очень хорошо, давно началось, но конца нет. По кооперации была та же история. Что касается Общества марксистов, то тут как раз мы лучше всего достучались, и даже пришлось мало стучаться.

Пункт 5 как раз нам говорит о том, что при известной настойчивости с нашей стороны будет установлена эта связь и связь систематическая. Вот на этой систематической связи нам и придется настаивать в высшей степени. Я бы только в этот пункт внес некоторую ясность, без чего здесь какое-то противоречие. Это противоречие можно устранить более точной формулировкой главных мыслей, выраженных в этом пункте. Далее, там, где сказано, что совместная организация научно-исследовательских работ не существует, нужно вставить «почти не существует», потому что кое-что в этом направлении все-таки делается. Еще к этому же пункту я бы просил внести такого рода поправку. Тут два раза упомянуто слово: «на местах». Если товарищи из Комакадемии под местами разумеют Ленинград, то мы бы предпочитали, чтобы под «местами» разумели национальные республики, так как некоторые «места», по-моему, больше нуждаются, чем Ленинград, потому что этим «местам», как я уже указывал, благодаря целому ряду причин теоретическая помощь нужна до зарезу, больше, конечно, чем Ленинграду. Я бы это слово «места» просил заменить словом «нацреспублики», потому что под местами можно разуметь только те места, которые находятся в РСФСР, а мы настаиваем на том, чтобы под «местами» подразумевалась территория не только РСФСР. Относительно этого пункта у меня больше ничего нет.

Мы приветствуем как данную конференцию, так и тот план дальнейших конференций, который изложен в 6 пункте.

Что касается 7 пункта, то мы бы здесь просили внести дополнение. Вчера, во время доклада т. Покровского, мы слышали,—и мы с этим совершенно согласны,—положение о более рациональном распределении марксистских сил. Но, не в обиду будь сказано, Москва поглощает такое количество марксистских сил, что нам, грешным, немножко обидно. В Ленинграде также очень много марксистских сил. Вот, если бы нам этих ленинградских историков-марксистов дали, мы бы их всех объединили, а то они там сидят «в порядке нагрузки» и объединяться не хотят. Поэтому необходимо, по-моему, еще одно дополнение внести: о более рациональном распределении марксистских сил. Из Москвы и Ленинграда ни один работник ехать не хочет в провинцию, его никак нельзя уговорить. Поэтому для распределения марксистских сил должен быть проделан некоторый нажим, и этот нажим должен быть проделан со стороны Комакадемии.

Наконец, товарищи, последний вопрос касается пункта первого, второй его половины, вопроса об изучении культурной революции. У нас, в национальных республиках, этот вопрос сейчас очень заострен. Речь у нас идет не только о пролетарском содержании культуры, но и о национальной ее форме. В то время когда здесь, в центре, вопрос о форме является менее важным, для нас он очень важен. И тут, товарищи, нам нужна большая помощь со стороны центра.

В резолюции сказано: «необходимо, чтобы Комакадемия дополнила дальнейший план своих работ вопросами культурной революции, поручив их проработку соответствующим секциям». Нам думается, что этого мало. Нам думается, что работу этих секций нужно объединить каким-то образом. В связи с тем, что эти вопросы сейчас являются такими вопросами, на которые имеется запрос со стороны масс, необходимо работу по этому вопросу объединить, потому что иначе получится, во-первых, некоторый разнобой в работе отдельных секций, а, кроме того, может получиться и некоторый параллелизм. Я не знаю, как лучше это дело устроить. Вероятно, должна быть выделена определенная комиссия, которая бы взяла на себя такую организационную, увязывающую роль в разработке вопроса о культурной революции.

Вот, товарищи, те замечания, которые я считаю необходимым сделать по поводу проекта резолюции по докладу т. Милюткина.

Тов. Юриец. Товарищи! Сам факт созыва настоящей конференции является показателем большого сдвига в области науки в нашем Союзе, является доказательством того, что перед марксистской наукой стоят все большие и большие запросы, и что наша наука, наше марксистское обществоведение давно уже перешло из пропагандистской сферы в область чисто исследовательской работы. Здесь был вполне прав т. Рязанов, когда он говорил, что нам надо создать истинную научную культуру, надо усвоить себе некоторые приемы науки буржуазной, массу прикладных знаний, например, Editionstehnik, без которых нашу марксистскую науку, наше марксистское обществоведение дальше двигать нельзя.

Я хотел бы обратить внимание на некоторые моменты, касающиеся плана работ Комакадемии, и дать некоторую характеристику этих работ. Уже т. Милютин указал на то, что научная деятельность различных институтов, секций и комиссий Комакадемии довольно неравномерна, что в то время как некоторые области представляют собой уже довольно крепкую научную цитадель, другие переживают еще фазу докладной, в некоторой мере, пропагандистской работы. Несмотря на это, надо в общем отметить большие достижения Комакадемии, которые заключаются, главным образом, в том, что Комакадемия переходит уже к методу коллективной работы, методу, к которому некоторые буржуазные академии в Западной Европе уже тоже подошли. Существуют даже объединения академий, например, «Union des Academies des Sciences» с центром в Брюсселе, где проводятся многие коллективные научные предприятия. Есть целые области работ, где индивидуальный работник не может достигнуть своей цели, где это возможно только при широкой коллективной научной работе. И Комакадемия к этому уже приступает и это надо отметить, как большое достижение. Как другое большое достижение Комакадемии, надо отметить то обстоятельство, что она дала уже целый ряд работ, которые вызваны или потребностями законодательства нашего Союза, или рядом экономических мероприятий нашего правительства. Но, с другой стороны, не надо забывать, что Комакадемия не должна впадать в узкий практицизм. Этот узкий практицизм уже проскальзывает в некоторых областях. Я хочу указать на некоторые секции и комиссии, например на секцию национального вопроса. Секция национального вопроса разрабатывает вопросы только чисто практические, можно сказать, даже конституционные вопросы. Среди докладов по национальному вопросу я вижу только один вопрос действительно теоретический, а именно «Австро-марксизм в национальном вопросе». Все другие вопросы связаны или непосредственно с национальной политикой нашего государства, или с вопросами быта, этнографии, но теории национального вопроса, теории национального движения пока не существует. Я должен отметить это, как недостаток.

Далее, я хочу несколько остановиться на философской секции, работа которой была докладчиком мало освещена, напр., в докладе не было упомянуто, что предпринимается издание большой «Энциклопедии философии», большого коллективного труда, который тоже будет в истории нашей философии большим этапом, переходом количества в качество, чрезвычайно важным узлом. С другой стороны, я должен отметить, что все-таки, если рассмотреть программу философской секции, в ней нет плановости, широких перспектив; некоторые вопросы, которые являются сейчас жгучими, не отражаются в деятельности философской секции Академии. Например, борьба между механистами и диалектиками довольно неясно отражена, и в дальнейшем в этой области также как-будто не предполагается крупных работ.

Тов. Рязанов говорил об историзме марксизма и указывал на утверждение Маркса, что все науки являются науками историческими. Это верно, но, с другой стороны, все-таки, если идти по этим рельсам, можно впасть в некоторую односторонность, и эта односторонность уже налично. Если, например, взять работу секции естественных и точных наук, мы видим, что там исторические вопросы играют слишком большую роль, например, подготавливается история естествознания. Конечно, это большое предприятие, но ведь надо ставить вопросы не только исторически, но и принципиально-теоретически. Этот историзм в некоторых секциях, по моему мнению, является уже чрезмерным.

Далее укажу на то, что в Комакадемии, хотя говорится о плановости, но не везде этот принцип плановости проведен. Я беру в качестве примера секцию по методологии естествознания и секцию точных наук. Мы видим, что там очень часто намечаются одни и те же доклады, разрабатываются одни и те же вопросы. Я думаю, что если это так, то надо эти секции слить в одну секцию, в противном случае, это — погрешность против плановости. Уже по специальному вопросу скажу, что темы, которые поставлены секцией, все-таки не исчерпывают всех тех вопросов, которые стоят перед современным философом-марксистом. Например, помимо таких очень, впрочем, важных и существенных вопросов, как вопрос о теории множеств и о критике всех попыток обоснования дифференциального исчисления на основе теории множеств, вопрос актуальной бесконечности, про-

блема о сведении электродинамики к механике, существуют и другие вопросы, не менее существенные и настоятельные, и потому надо расширить круг этих вопросов.

Теперь вопрос об Институте высшей нервной деятельности, который был выдвинут т. Рязановым. Я стою на той точке зрения, что, действительно, у нас наблюдается такое явление, что естествознание влияет отрицательно на марксистскую теорию и создает позитивистические тенденции. Но тем не менее я твердо уверен, что Институт высшей нервной деятельности должен существовать в составе институтов Комакадемии. Только ему должно быть отведено больше места, чем это было до сих пор. Ведь должна же существовать тесная связь между марксизмом и естествознанием, и именно вопросы, являющиеся предметом изучения названного института, должны разрабатываться марксистами. Именно тогда, когда такого рода институты будут находиться в ведении и под наблюдением Комакадемии, когда в них будут работать марксистские силы, только тогда действительно мы сможем осуществить то, о чем мы все мечтаем, — создание широкого фундамента для диалектического материализма, внедрение категории диалектического материализма в естественные науки. Здесь я с т. Рязановым не согласен.

Не меньшее значение имеет обмен докладчиками: в этом отношении сделано очень мало, и тут предстоит нам еще большая работа.

Тов. Магеровский. Товарищи, я хочу поделиться с вами теми трудностями, которые стоят перед Ранионом в его работе. Эти трудности в значительной степени могут быть преодолены лишь при энергичной поддержке Комакадемии. Впервые институты Раниона, которые объединились в некоторую Ассоциацию, организованы были в 1922 году еще вокруг Факультета общественных наук Московского университета. В этот период времени мы имели и в составе научных работников и в составе руководителей минимальный процент марксистских сил (коммунистов почти не было). В значительной части некоторые из руководителей ряда этих институтов через несколько лет оказались за границей и не по своей воле. Вот что представляли из себя эти институты в 1922 г. В марте 1923 года Ассоциация была реорганизована, выбран новый президиум, состоящий из коммунистов, и соответствующим образом были реорганизованы коллегии институтов. Перед нами была поставлена задача организовать научно-исследовательские работы, использовать новые кадры исследователей, а также привлечь крупных ученых, специалистов, оставшихся от прежних времен. И вот, в течение прошедшего пятилетнего периода времени, мы прошли ряд этапов развития, в течение которых нам пришлось преодолевать определенные навыки вести индивидуалистическую работу, характерные для специалистов, и постепенно увеличивать с каждым годом марксистское влияние в институтах. Все это можно было только, имея определенные кадры научно-вспомогательного персонала, имея достаточный кадр, активное ядро коммунистов и марксистов в институтах, как в коллегиях, так и в секциях, и, наконец, имея ядро младших научных работников, которые бы помогли основному руководству марксистов в области организации соответствующей коллективной и плановой работы. Реально мы получили возможность двигаться вперед, главным образом, с 1925 года, когда был открыт широкий прием аспирантов. Нужно сказать, что состав аспирантов у нас за прошедшее время сильно изменился. До осени 1925 года у нас было 9 человек коммунистов из состава аспирантуры, всего же было около 70 с лишним аспирантов. В настоящее время мы имеем 510 аспирантов, из них больше 40% коммунистов. Работа до 1925 г. проходила у аспирантов под индивидуальным руководством отдельных действительных членов. В настоящее время мы имеем организованных 56 научно-исследовательских семинаров. С каждым годом непрерывно повышаются требования в смысле отбора как с точки зрения социального состава, так и с точки зрения академической. В связи с этим у нас, начиная с прошлого года, установлено утверждение планов работы отдельных действительных членов и научных сотрудников 1-го разряда. А с этого года мы перешли на установление твердых планов институтов и на организацию коллективных работ. В настоящее время мы не имеем ни одного института, где бы не была организована та или иная коллективная работа, а ряд институтов дает нам в количественном соотношении между коллективными и индивидуальными работами большинство за коллективными работами. Вместе с тем мы стремились отделить работу, ве-

душуюся в плановом порядке, работу чисто научно-исследовательскую, от внеплановых докладов и от работы по распространению марксизма и привлечению к марксизму широких кругов научных работников. В этом отношении мы будем продолжать нашу установку, отделяя и в будущем работу, носящую характер общества, состоящего при том или другом институте, от плановой работы небольших кадров научных и научно-вспомогательных работников, работающих в том или другом институте.

Но перед нами с каждым годом становятся все большие и большие трудности. Для того чтобы выполнить ту задачу, которая была поставлена партией и советской властью в области организации научно-исследовательской работы и руководства беспартийными не-марксистскими силами со стороны коммунистов и марксистов, для этого мы должны обладать определенным кадром научных работников марксистов. Мы имеем сейчас, если взять голые цифры, 25% коммунистов из общего состава научных работников. Но я должен сказать, что эта цифра является преувеличенной, ибо значительное количество коммунистов, считающихся членами и научными работниками, только формально таковыми лишь считаются. В активной работе процент коммунистов значительно ниже, причем с каждым годом отдельные научные работники-коммунисты и марксисты забираются из наших институтов. Их забирают по двум направлениям—с одной стороны, они берутся на практическую работу в области социалистического строительства—Госплан, в различные наркоматы и т. д., а с другой стороны, эти кадры уходят в Комакадемию.

Если дело будет продолжаться, как до сих пор, то вопрос о руководстве останется в значительной степени неразрешенным. Так дальше продолжаться не может. Проблема руководства как научно-исследовательской работой, так и подготовкой аспирантуры, у нас сейчас становится одной из основных проблем. В этом отношении необходимо в срочном порядке сейчас поставить вопрос, и я ставлю этот вопрос на этой конференции в связи с тем проектом резолюции, которая нам предложена. Соответствующий пункт резолюции говорит о том, что необходимо взяться за координирование работ отдельных секций и институтов Комакадемии. Я думаю, что нужно дополнить это: не только поставить здесь вопрос о координировании работ в пределах лишь одной Комакадемии здесь в Москве, но нужно поставить вопрос о координировании работ как институтов и секций Комакадемии, так и исследовательских институтов Раниона. Иначе будет продолжаться или дублирование в некоторых частях научной работы, а в некоторых частях и Комакадемия и Ранион каждый в отдельности не в состоянии будут выполнить отдельных работ. Необходимо более тесное сотрудничество Комакадемии и Раниона.

Поэтому я считаю необходимым поставить вопрос о координировании научно-исследовательской работы Комакадемии и институтов Раниона.

Дальше, в пункте 3 резолюции говорится о том, что соответствующие секции Комакадемии должны превратиться в научно-исследовательские учреждения; превратятся ли они в научно-исследовательские институты, или останутся секциями, но во всяком случае одно несомненно—подчеркивание расширения работ Комакадемии, расширение кадра ее работников. Тут возникает вопрос о том, откуда Комакадемия может брать эти кадры. Эти кадры, с одной стороны, можно взять из наркоматов, а, с другой стороны, можно черпать из институтов Раниона. Из наркоматов не пустят, таким образом, остаются только институты Раниона. Такая тенденция в ряде секций Комакадемии имеется. Кроме того, в проекте резолюции говорится также об увеличении кадров младших научных сотрудников. Там говорится следующее по этому поводу: взять специальной задачей подготовку подобного рода ленински-подготовленных, квалифицированных работников со значительной теоретической подготовкой, т.е. вопрос ставится о теоретической подготовке ряда работников, которые не являются до сих пор научными работниками, но которые должны стать научными работниками или преподавателями вузов. Таким образом, здесь без упоминания об аспирантуре все-таки ставится проблема аспирантуры. Я должен сказать, что ряд институтов и ряд секций Комакадемии берут аспирантов с 1—2 года из соответствующих институтов Раниона. Таким образом, здесь нужно было бы выяснить вопрос, целесообразно ли с 1—2 года брать аспирантов из институтов Раниона, без

запроса и согласия коллегии институтов, и делать их здесь научными сотрудниками, или это нецелесообразно, а также: нужна ли самостоятельная аспирантура, хотя бы под названием научных сотрудников, в составе Комакадемии.

Я думаю, что возможен наряду с расширением и ростом научно-исследовательской работы Комакадемии также рост работы и деятельности Раниона при условии все более и более усиливающегося руководства со стороны коммунистического и марксистского ядра. Для этого необходимо немедленно поставить вопрос о том, чтобы, во исполнение резолюции соответствующей директивной инстанции, те научные работники-коммунисты, которые у нас работают и не входят в состав Комакадемии, были включены в секции Комакадемии. Но Ранион, давший соответствующие кадры научных работников-коммунистов в состав Комакадемии, должен в связи с этим поставить одно условие, чтобы все научные работники-коммунисты Комакадемии принимали бы участие в работах Раниона, ибо положение тех коммунистов, которые руководят Ранионом, когда постепенно расплывается ядро научных работников-коммунистов и марксистов институтов Раниона, становится с каждым годом все труднее и труднее. Не притти ему на помощь, а свалить все на его плечи, является несправедливым и нецелесообразным. Поэтому надо так распределить силы, чтобы, установив на определенный период времени производственные планы, выделив проблемы, имеющие особое теоретическое значение, которые должны быть поставлены в тесном кругу коммунистов и марксистов, эти проблемы закрепить исключительно за секциями и институтами Комакадемии. В этих институтах будет работать также и все ядро научных работников-коммунистов, которое до сих пор работает в Ранионе. Я мыслю таким образом, что Комакадемия должна представлять собой фракцию более широкого состава институтов Раниона. Наряду с этим мы будем иметь, в связи с обязательной директивой об участии научных работников-коммунистов Комакадемии в институтах и Раниона, участие их в тех научных работах, где мы можем использовать специалистов, где они нам являются необходимыми и полезными. Таким образом, мы разграничим по проблемам соответствующую работу Комакадемии и Раниона, усилим состав Комакадемии и усилим руководство в институтах Раниона. В связи с этим я думаю, что мало вынести те или иные пожелания, необходима еще деловая, систематическая увязка работы. Для этого совершенно необходимо было бы, мне кажется, установить систематическое, постоянное представительство в составе Президиума Комакадемии и его Бюро и соответственным образом в Бюро и Президиуме Раниона, с одной стороны, и с другой—между соответствующими Бюро секций и институтов Комакадемии и коллегиями институтов Раниона.

При принятии всех этих организационных мер, я думаю, мы в состоянии будем в дальнейшем иметь как усиление работы Комакадемии, так и усиление работы и руководства в институтах Раниона.

Еще несколько слов по поводу того, что здесь говорилось о создании общесоюзного соответствующего марксистского центра. Тов. Рязанов говорил о том, что близко время, когда будет организован Союзный Наркомпрос. Я сомневаюсь, чтобы было близко время, когда будет создан Союзный Наркомпрос, и когда оно придет, тоже не знаю. Я думаю, что сейчас нецелесообразно говорить о далеком будущем, о том будущем, срок которого мы даже установить не можем, а вместе с тем вопрос о координации, в особенности, имея в виду положение на местах, о координации, планировании всей марксистской работы и всех марксистских сил, является вопросом уже назревшим, и настоящая конференция должна создать соответствующий центральный орган для всего Союза как по координированию всей нашей марксистской работы, так и по распределению научных марксистских сил. Я думаю, что этот орган, который желательно было бы создать, сыграет большую роль для установления систематической плановой связи центра с местами, для непосредственной организации выездов в те или иные центры нашего Союза научных работников-марксистов Москвы, для поддержки и усиления в отдельных случаях марксистских работников на местах, для планомерного распределения научных сил и, наконец, для взаимного научного обмена.

Вот, товарищи, еще одно пожелание наряду с более узким пожеланием, которое я вношу, об установлении действительного координирования отношений

между Ранионом и Комакадемией. Второе пожелание—в области установления соответствующего организационного центра всех научно-марксистских сил.

Тов. Горин. В своем интересном докладе М. Н. Покровский затронул чрезвычайно важный вопрос о необходимости планирования научной мысли. Вопрос о необходимости планирования научной мысли в наше время действительно имеет огромное значение, и правильно, что Михаил Николаевич поставил его, как одну из основных задач дальнейшего успеха развития марксистской мысли и успешной борьбы с буржуазными извращениями в области общественных наук, и я думаю, что т. Милютин и конференция не случайно вопросу планирования уделили такое большое внимание. Конечно, в задачи конференции не входило практическое разрешение вопросов планирования в том виде, чтобы конференция создала, как это предложил т. Магеровский, какой-то специальный орган по планированию наших научных сил. Мне кажется, что задача конференции в этом вопросе сводится к наметению тех отраслей общественных знаний, которые необходимо будет выделить для научного изучения и на которые необходимо будет в ближайшем будущем бросить определенные кадры наших марксистских сил. Я не буду останавливаться на всех областях знания, я возьму только ту область, которая для меня ближе,—это область исторической науки.

Вчера М. Н. Покровский сообщил, что в настоящее время семинары Института красной профессуры начинают интересоваться изучением средневековой истории. Сам по себе это, конечно, чрезвычайно интересный факт, как показатель роста углубленной марксистской разработки вопросов, но мне кажется, что, поскольку периоды изучения отдельных исторических этапов связаны с проблемой распределения наличных кадров, увлекаться сейчас переброской марксистов из новейшей истории в область средневековья до некоторой степени преждевременно. Тут уместно оговориться, что у нас довольно распространено мнение, что в полном смысле слова научно можно заниматься только в области докапиталистической истории, в то время как заниматься новой историей это своего рода заниматься до некоторой степени беллетристикой. (Р я з а н о в с м е с т а . Где это известно?) Мне кажется, что некоторые такие настроения имеются в среде коммунистов, и конференции, бесспорно, придется их парализовать. Прежде всего, я бы хотел оговориться, что в корне неверно широко распространенное мнение, будто бы современная буржуазная наука считает, что заниматься новой историей является делом ненаучным. Ближайшее же ознакомление с состоянием работ буржуазной истории достаточно, чтобы убедиться, что буржуазная историческая наука не исключает из сферы своей научной работы и изучение современной истории и истории революций. У меня, правда, не было времени заняться этим вопросом вплотную. Сегодня я бегло просмотрел исследовательскую, историческую литературу, вышедшую в Америке за вторую половину 1926 г., но и эта беглая экскурсия дала достаточный материал, чтобы сделать некоторые выводы. Меня поразил очень знаменательный факт, что американская буржуазная историческая профессура, как это ни странно, главным образом занимается новейшей историей и историей революций. У меня, правда, нет данных, рисующих количественное соотношение работ по отдельным вопросам истории, но и те данные, которые я имею, чрезвычайно любопытны. В общем, монографии по средневековой истории как бы являются исключением, в то время как работы по новейшей истории, истории революции и рабочего класса в Америке являются основными работами. Следует отметить, что эти работы не являются мелкими какими-нибудь статьями, а подчас большими, серьезными работами по 15—20 печатных листов каждая. Это показывает в том смысле, что даже заграничная буржуазная профессура занимается проблемами современности и, повидимому, считает, что ими можно научно заниматься.

Аналогичное явление можно было бы наблюдать тоже и в области финской исторической науки. На днях я просмотрел статью т. Смирнова, которую мы печатаем в журнале «Пролетарская революция». Эта интересная статья еще меньший интерес представляет в том смысле, что написана по источникам, опубликованным буржуазным историком.

Пример Финляндии и Америки, конечно, говорит об одном, что современная буржуазная наука не отмахивается от изучения новейшей истории и не считает, что заниматься новейшей историей является делом в научном отношении праз-

ным. Правда, необходимо оговориться, что Америка, казалось, не может заниматься средневековьем, что мы не имеем там докапиталистических форм, которые знает Европа. Однако нельзя признать, что открытие, сделанное Колумбом, было на пустом месте. Какие-то формы общественных отношений жившего там населения ведь существовали. Изучение буржуазной исторической наукой современных проблем, проблем революции, обострения классовой борьбы—очень знаменательно, и мы должны сделать из него соответствующий вывод.

Изучением современной классовой борьбы занимается и наша белая эмиграция. Всем известны, например, работы Миллюкова, которые, несмотря на все их недостатки и ненаучность, все-таки говорят об одном, что проблемы современности остро стоят и в нашей эмигрантской литературе. М. Н. Покровский последнее произведение Миллюкова метко сравнил с облынялой курицей. Но, мне кажется, все же придется признать, что эта курица, хотя и облыняла, но все-таки собирается нести яйца.

Наряду с интересом к изучению современной истории, наблюдаемому со стороны эмиграции, мы имеем аналогичные попытки и со стороны ряда анти- и квазимарксистской профессуры, живущей в пределах СССР. М. Н. Покровский достаточно останавливался на работах акад. Тарле. Работу акад. Тарле, несмотря на внешний безобидный вид, однако приходится расценивать, как первую попытку к овладению и изучению современной истории.

Я не буду касаться отдельных проблем, которые в нашей марксистско-коммунистической литературе иногда находят весьма сомнительное разрешение. Сейчас необходимо только отметить, что в целом нашей марксистской исторической науке, занимающейся современной историей, предстоит еще большая работа. Если мы сравним работу, которую прodelывает буржуазная историческая наука, с тем, что делаем мы, то надо определенно сказать, что по ряду вопросов современной истории мы значительно отстаем, и нам необходимо принять меры для того, чтобы мы могли наверстать пропущенное. В области же истории XX века действительно имеется ряд чрезвычайно существенных проблем. Вчера М. Н. Покровский остановился на одной действительно важной проблеме нашей новейшей истории—характере русского империализма. Однако, мне кажется, что, помимо этой проблемы, у нас есть еще ряд проблем, совершенно недостаточно разработанных и настоятельно требующих своего изучения. Взять хотя бы период Октябрьской революции, тот момент, который в нашей истории XX века заслуживает самого серьезного внимания. Казалось бы, что сам факт юбилея Октябрьской революции и то внимание, которое уделялось ему партией и общественными организациями, могли бы обеспечить получение ряда научных работ об Октябре. Однако мы должны признать, что, несмотря на тот огромный интерес, который был проявлен к Октябрьской революции со стороны широких масс, и, несмотря на поддержку наших партийных и общественных организаций серьезного научного изучения 1917 года, результаты получились весьма мизерные. Я не буду говорить о многочисленных безграмотностях и марксистских извращениях, которыми нередко грешат главным образом наши провинциальные издания. Я остановлюсь только на научных достижениях в деле изучения Октября. За исключением коллективного сборника работ Института красной профессуры, не столько исчерпывающе исследующих, сколько намечающих вопросы, мы не имеем ни одной, в строгом смысле слова, серьезной научной монографии. В итоге юбилея мы имеем только либо первые попытки издания документов 1917 года, либо отдельные брошюры. По ряду проблем, заслуживающих специального исследования, не только нет монографий, но даже статей. Например, взять хотя бы такой вопрос, как тактика пролетариата и учредительное собрание 1917 г. Это вопрос, имеющий сугубое не только историческое, но и практическое значение, и с ним придется столкнуться рабочей массе и других стран. До сих пор у нас нет даже исследовательских статей, посвященных, например, проблеме единого социалистического правительства. Ведь этот вопрос имел весьма решающее значение, этот лозунг горячо защищался частью русской социал-демократии и даже находил отклик среди большевиков. Ведь с этим вопросом безусловно придется столкнуться и ряду наших зарубежных товарищей, но тем не менее он также остается совсем не освещенным в нашей исторической литературе. Я взял для примера два вопроса из истории 1917 г. Их, конечно, не

два, а значительно больше, и мы должны серьезно приступить к изучению 1917 года.

Я не буду касаться степени научной разработки периода реакции, история которой в нашей марксистской литературе остается пустым местом. Не весьма благополучно обстоит и с изучением революции 1905 года, хотя, в общем, итоги научной разработки 1905 года значительно, чем итоги изучения революции 1917 г. По истории 1905 г. у нас появился ряд статей, ряд отдельных монографий, очерков, и тем не менее многие вопросы в нашей марксистской литературе остаются не освещенными. Взять хотя бы такой вопрос, как работу царского аппарата, готовившегося к разгрому революции. Не только широкие массы, но даже узкий круг историков не знает, с каким напряженным вниманием в ноябре—декабре 1905 г. работал царский аппарат, готовясь к схватке с революцией. Все эти вопросы, конечно, заслуживают самого серьезного внимания и необходимости его изучения.

В связи с тем, что изучение XX века в ближайшее время должно стать одним из основных вопросов исторического знания, естественно возникает вопрос, можно ли серьезно и, в строгом смысле этого слова, научно изучать историю XX века. Мне кажется, что можно и должно это делать. В этом отношении мы уже имеем ряд примеров, когда благодаря тому, что мы марксисты, что дает нам значительное преимущество перед буржуазной исторической наукой, мы имеем возможность подойти к этим проблемам современной истории гораздо серьезнее и гораздо более научно. Это, повторяю, возможно только потому, что мы марксисты.

Для примера такой серьезной и в строгом смысле научной работы в области современной истории я приведу работу Ленина «Развитие капитализма в России». Как вы знаете, эта работа писалась по пятам развивающегося капитализма, по пятам промышленного подъема XIX века. И тем не менее, до сих пор мы не имеем ни одной исследовательской работы по истории экономики этого периода, которая была бы лучше и ценнее этой ленинской работы. Этот факт общеизвестный, факт, из которого мы можем сделать вывод, что если мы действительно используем наш метод марксистской работы, то мы сможем изучить современность несомненно объективнее, несомненно научнее, чем какой-нибудь буржуазный историк.

Тов. Рязанов в своем сегодняшнем выступлении, говоря о Петрушевском, противопоставлял технику исторического изучения марксизму. Он, например, допускает, что могут быть марксистские работы, очень слабые в смысле техники исторического исследования, и могут быть работы (он брал книгу Петрушевского) не марксистские, но выполненные прекрасно в смысле техники. Мне кажется, что такое противопоставление, допущенное т. Рязановым, весьма спорно и неверно. Я полагаю, что марксизм является не только одним голым методом, но и методом, широко использующим технические достижения буржуазной науки.

Тов. Рязанов. Вы так предполагаете? Я тоже так думаю.

Тов. Горин. Я думаю, что эта ваша «защита» высокой техники Петрушевского в данном случае неправильна и выявляет только вашу личную слабость к Петрушевскому.

В заключение я хотел бы сказать, что подходя к серьезному изучению современной истории, мы упираемся в проблему рационального использования наших марксистских сил. Мы имеем достаточное количество работников в области русской истории для того, чтобы поставить серьезное изучение проблем XX века. Огромная работа, проделанная М. Н. Покровским по подготовке новых кадров историков, уже в значительной степени обеспечивает возможную научную разработку вопросов. Не так обстоит дело в области изучения западной истории. Там в этом смысле положение совсем не благополучно.

Тов. Шмидт, О. Ю. Тов. Рязанов, говоря об естественных науках, дал здесь директиву, действие которой будет весьма разрушительно, если мы вместе с ним не постараемся ее разъяснить. У Давида Борисовича выходило приблизительно так, что естественники, — какие, неизвестно, — приступают к объяснению общественных явлений, революций и т. п. с точки зрения «слонных желез». Да, да, так было сказано. Поэтому, если естествознание и марксизм будут слишком близко в одном месте расположены или влиять друг на друга, то произойдет за-

ражение марксизма естествознанием. Я точно цитирую ваши слова, там так и сказано: «заражение марксизма естествознанием». И вот от этого заражения надо марксизм уберечь. Ну, я—молодой человек—не буду говорить о том, что марксизм...

Рязанов. Не кокетничайте вашей молодостью, вы немногим моложе меня (смех).

Шмидт. Все-таки моложе лет на двадцать.

Конечно, марксизму бояться этого заражения нечего. Но, если взять с другой стороны этот лозунг, — что он означает? Он означает то, что марксисты не должны браться за естественные науки, т. е. естественные науки должны быть целиком предоставлены буржуазной беспартийной профессуре. Так оно и выходит: если марксисты будут бояться этого заражения, в частности, если марксисты-обществоведы будут пугаться естествознания, то в лучшем случае, наряду с огромным, подавляющим количеством буржуазных ученых, будут отдельные марксисты-естественники, но они будут прокаженные, они заражены. Как ветхий завет прокаженных изолировал, так Давид Борисович предлагает и нас, немногочисленных коммунистов-естественников, изолировать, чтобы мы не распространяли заразу. Такого рода линия привела бы к тому, что выросла бы еще больше, чем у нас сейчас есть, опасность того, что действительно отдельные группы коммунистов-естественников оторвались бы от более разработанных частей марксизма, победу которого в общественных науках можно считать установленной, в естественных же еще нет. Тогда действительно получится усиление того явления, с которым в результате мучительной и не всегда приятной дискуссии сейчас начинают как-то справляться. Сейчас как-то справляются со спором о роли диалектики в естествознании, о соотношении конкретных исследований в естествознании с марксистской методологией. Эта работа, повидимому, была проделана не зря, она была необходима. И вот теперь нам предлагают все это вернуть в первобытное состояние.

Я отсюда непосредственно перейду к форме работы с естествознанием, которая намечается у нас. Она выросла как раз из потребностей, прямо противоположных директиве Давида Борисовича. Дискуссия об естествознании имела, между прочим, одним из своих последствий то, что в борьбе с извращениями марксистской методологии были поглощены все силы и их не осталось почти на прямую борьбу с явно идеалистическими теориями у наших западных коллег и соперников. Нам нужно мобилизовать свои силы для этой борьбы. В области естественных наук у нас нет решающих позиций, мы окружены врагами более сильными. Тем более нам нужно беречь те силы, которые мы имеем, тем более нам нужно их воспитывать для боя, т. е. дать нашим естествознающим надлежащую диалектическую установку. Если естествознающие будут заниматься по рецепту т. Рязанова только естественными науками (я даже не считаю, что вы запрещаете коммунистам заниматься естественными науками, а это—прямой вывод из ваших слов, но пусть даже это не так, но вы предлагаете изолировать их, вы предлагаете вывести отсюда—конкретно из этого здания—все, что имеет отношение к естествознанию). Если естествознающие будут работать изолированно и философы, историки будут работать также изолированно, то получится явление, которое мы наблюдаем в споре механистов с диалектиками. Как раз у нас здесь следана попытка преодолеть это, на первый период, неизбежное разделение. Мы созидали ряд обществ,—о них говорил В. П. Милютин и отметил стихийную тягу широких кругов, даже беспартийных естествознающих, к изучению диалектической методологии и философии в наших обществах. Например, в обществе биологов-материалистов, в обществе врачей-материалистов работают естествознающие-специалисты и естествознающие со специальным философским образованием из Института красной профессуры. Философы также втягиваются в эту работу. Только так, не разделяя проблем конкретного естествознания и философии естествознания, а работая над ними совместно, мы можем приблизиться к их разрешению. Этот же способ работы дает нам значительное расширение кадра, на который мы можем опираться.

Мысль о разделении на институты не плоха сама по себе, но она должна учесть, что иногда в наших условиях более общественные формы, например организация обществ, имеют большее значение. Наша секция естественных и точных

наук не может противопоставить достаточное число коммунистов-естественников буржуазным ученым, у нас нет достаточных сил для этого, но мы можем группировать все, что есть свежего, живого, близкого к марксизму во всех научных институтах. Поэтому эта форма является для этих отраслей работы в данный момент наиболее целесообразной. Это не исключает того, что на отдельных участках фронта, наиболее важных, мы, концентрируя силы, перейдем к построению своих институтов, примером чего является тот институт высшей нервной деятельности, который Дав. Бор. очень любит и о котором он сегодня все-таки вынужден был говорить, если отвлечься от словесных фиоритур, по существу, хорошо.

Относительно организации институтов, позвольте немножко остановиться на том образце, который Дав. Бор. вывез из Германии, — «Кайзервильгельм-гезельшафт», — т. е. не вывез его Дав. Бор., а привез сюда несколько дней тому назад последний номер «Минервы», откуда вся сия мудрость и происходит.

Рязанов. Я езджу в Германию приблизительно с 1900 года, а серьезно об этом говорят, как вы знаете, с 1911 года. Если вы думаете, что я об этом узнал из последнего номера «Минервы», то я его цитировал потому, что там хорошо сказано об академической болтологии.

Шмидт. Что касается Кайзервильгельмгезельшафт, то его в 1900 году не существовало.

Вы меня простите, товарищи, если в добавление к словам одного из маститых марксистов я позволю себе сделать попытку марксистского объяснения возникновения Кайзервильгельмгезельшафт. Это нам пригодится. Дело в том, что Прусская академия наук, как и все германские академии, в той сложной политической и социальной обстановке довоенной Германии, где остатки феодального юнкерства сочетались с господством буржуазии, вообще говоря, принадлежали к инвентарю старого прошлого. И вот быстрое развитие промышленности привело к тому, что промышленная буржуазия потребовала создания своих научных институтов. Кайзервильгельмгезельшафт содержится на средства промышленности и на некоторые добавочные субсидии государства, тогда как Академия наук есть казенное учреждение. Это определяет состав Кайзервильгельмгезельшафт. Конечно, мы можем учиться у промышленной буржуазии, почему нет, но все-таки надо учесть, что особенностью этого общества является то, что промышленность потребовала создания ряда институтов, непосредственно линии промышленности обслуживающих. С этого началось. Если сравнить Кайзервильгельмгезельшафт с какой-либо нашей организацией, то мы увидим, что получается система институтов НТУ ВСНХ. (Рязанов. Отчасти.) Это относится к другой науке, к другим потребностям, тогда как мы здесь говорим об идеологическом руководстве, о том, чтобы создать центр идеологического руководства. При Кайзервильгельмгезельшафт имеется Силикатный институт. У нас, при НТУ, тоже есть Силикатный институт. Смешно было бы Силикатный институт строить в системе марксистских учреждений, но общество инженеров-марксистов, инженеров-материалистов при Комакадемии должно существовать. Может быть, Кайзервильгельмгезельшафт хорошо само по себе, но его задачи нам здесь не свойственны.

Благодаря нашей системе организации мы должны, по мере увеличения нашей мощи, втягивая в нашу работу все большие и большие кадры людей, создавать в каждой из существующих наук свои щупальцы, во всех существующих институтах организовать свое влияние и, конечно, отдельные наиболее нам нужные институты по вопросам, имеющим идеологическое значение, строить у себя. Такие институты имеются: институт, посвященный непосредственно изучению высшей нервной деятельности, о котором Д. Б. правильно сказал, что институт этот не ограничивается методикой Павлова, а привлекает разнообразную методику. Другой институт в Москве есть институт им. Тимирязева, программа которого несколько расплывчата, неопределенна, над ней работают сейчас... Затем мы сейчас развиваем институт истории естествознания. Вот такие институты будут у нас создаваться, а остальные формы работы мы будем объединять не по методу Кайзервильгельмгезельшафт. Особенно вредным мы считали бы, если бы нас, естествовников, хотя бы и со всеми комплиментами, выпроводили отсюда в особый институт, как сегодня предлагалось, куда-то за стены Комакадемии. Несколько печальная судьба Тимирязевского института объясняется

именно тем, что там небольшая группа естествовников пыталась создать марксизм в естествознании, оторвав область естествознания от более дисциплинированных, работающих с большими традициями, отраслей марксистской науки, как экономика, философия, история. Нет, это неправильно. Мы должны естествоведческие институты притягивать сюда, признавая примат в сфере марксизма, философии и общественных наук, и только тогда мы сможем пропитать естествознание тем свежим ветром, который Запад пока чувствует еще слишком слабо.

Тов. Покровский, М. Н. Товарищи, я сразу же должен возражать т. Рязанову, который говорил 35 минут, и я имею свои законные четверть часа и, кроме того, я должен сказать несколько слов по поводу выступления т. Горина, который фактически затронул тему моего доклада, здесь не обсуждающегося, но раз он затронул, не сказать ни слова я не могу. Поэтому я прошу заранее дать мне 20 минут, а если потребуется — и 25. Дав. Бор., в качестве председателя, обнаруживает такую же щедрость, как и в качестве председателя бюджетной комиссии.

Итак, товарищи, прежде всего, относительно академии и институтов. Дав. Бор. так быстро прогрессирует, что угнаться за ним чрезвычайно трудно. Тому назад года четыре, когда Комакадемия пробовала еще работать, как академия в целом, из чего, конечно, получилось не научно-исследовательское учреждение, а получилось дружеское ученое общество с докладами, которые ставились примерно раз в месяц, или раз в две недели, самое частое, Дав. Бор. ставил нам в пример российскую, тогда еще, а не Всесоюзную академию наук: «вот, говорит, смотрите на Академию, что она делает, сама она, как целое, ведет исследовательскую работу? Нет, у нее есть секции, институты, кабинеты, музеи, а Академия, как целое, только организует эту работу». Мы вняли словам Дав. Бор., и в настоящее время, что делает наш президиум Комакадемии, — единственное, за исключением пленарного заседания, собирающегося раз в полгода, единственное учреждение, репрезентирующее всю Комакадемию, — что наш президиум ведет какую-нибудь исследовательскую работу? Никакой. Научно-исследовательская работа ведется в самих секциях, институтах, кабинетах и прочих местах, которые Дав. Бор. 4 года тому назад указывал. Но оказывается, что Дав. Бор. и с этой точки зрения сошел. Ему мало того, что Академия, как целое, только организующий центр, а не самостоятельное исследовательское учреждение, он говорит: не нужно этих организующих центров, очевидно, нужно разогнать наш президиум и чтобы все эти секции, институты, кабинеты существовали сами по себе... Но тут уже привел очень хороший пример О. Ю. Шмидт. Ведь такая кустарная работа отдельных учреждений на стороне у нас была испытана в институте Тимирязева и абсолютно никаких результатов для марксизма не дала. Основная причина, вынуждающая нас и повелительно диктующая нам объединяться в своего рода кусты, в своего рода, если хотите, научные тресты, это то обстоятельство, что у нас научных марксистских сил очень мало, и, если мы их рассаживаем изолированно друг от друга по 10 учреждениям, то ничего не будет, ничего не выйдет. Отдельную палочку переломить легко, а если вы палочки соберете в определенную связку, переломить будет очень трудно. На этот счет даже есть, кажется, пословица, которую я, к сожалению, позабыл, — у меня нет какой хорошей памяти на пословицы, как у некоторых других товарищей, но я хорошо помню самый образ. Для того чтобы иметь возможность получить научную работу, мы, конечно, должны объединяться по возможности в такого рода кусты, в тресты и только таким путем мы можем работать, именно такой горстью марксистов, которые имеются на научной работе. Иначе мы утонем в море людей другой идеологии, другого подхода, которые, конечно, в каждом отдельном институте будут в большинстве, и только в самой Комакадемии мы остаемся в большинстве, потому что Академия — цельное учреждение, куда собираются в нужных случаях наши товарищи, люди нашего мировоззрения, нашей идеологии, из разных научных учреждений, более или менее между собой связанными.

Таким образом, идея Давида Борисовича, помимо того, что она противоречит его же собственным советам 4 года тому назад, причем он не раскритиковал своей старой системы, она, по-моему, прежде всего, политически совершенно, извиняюсь за выражение, нетактична, это не та тактика, которая нужна нам,

это та тактика, которая нужна нашим идеологическим противникам. Они ничего так не желают, как иметь дело с изолированными коммунистами, к которым можно индивидуально подойти, можно изучить их различные слабости, привычки и т. д. и затем действовать. Это совершенно обычная вещь. Мы должны работать коллективно. Но мы разноможемся, мы уже начали почковаться, мы уже образовали целый ряд научно-исследовательских учреждений, институтов, и каждая наша секция, и даже каждая наша комиссия есть зачаточный институт. Это, так сказать, наша филогения в том и заключается, что вначале у нас обыкновенно бывает комиссия. Вот, например, женская комиссия теперь уже стала секцией. Так была историческая комиссия, теперь уже это секция, а дальше будет институт, и этот институт будет связан в одно целое с рядом других институтов, и он будет под общим идеологическим руководством и контролем. Освободиться от этого идеологического руководства и контроля нам надобности нет, и, само собой разумеется, что благодаря именно такому подходу и такой организации мы ведем настоящую научно-исследовательскую работу. Мы ведем научно-исследовательскую работу очень коряво и очень кустарно, но мы ее ведем, Давид Борисович, и больше, нежели другие учреждения, созданные людьми, знающими и новейший тип Кайзервильгельмгезельшафт. У нас исследовательских работ выходит гораздо больше, нежели у некоторых наших соседей, гораздо больше, вне всякого сомнения.

Давид Борисович пробовал не здесь, а в другом собрании говорить, что издание текстов это и есть исследовательская работа. Конечно, научная работа, никакого спора нет. Но разве ее можно считать одинаковой со всякой другой исследовательской работой? Я беру старый пример—«Историю отношений между князьями Рюрикова дома»—Соловьева и Полное собрание летописей, на котором это исследование Соловьева основано. «История отношений между князьями Рюрикова дома»—это было новое слово в науке, это было очень мощное движение вперед в понимании русского исторического процесса. Это была руководящая книга, а Полное собрание летописей—это была только подготовительная работа,—я отвлекаюсь от того, что она была очень плоха,—но если бы даже эта работа выполнена была с немецкой тщательностью и аккуратностью, это все же был бы только подготовительный текст для исследования. Одно дело—привозить на рынок съестные припасы, другое дело—из этих припасов готовить кушанья. Эта самая исследовательская работа идет у нас, правда, несколько коряво, несколько кустарно, и, главным образом, она идет у нас коряво и кустарно потому, что у нас учреждения с капиталом чрезвычайно низкого строения. У нас главную роль играют живые люди, и поскольку они работают, они делают довольно много, но работают они безо всякой необходимой аппаратуры, почти безо всякой материальной базы. Отсюда маленькие неграмотности, которые могут быть устранены хотя бы посредством того, что под руками у каждого должна быть «Хандбиблиотека». Почему иногда нас ловят немцы, меня в частности, ловят на маленьких ошибках? Мне некогда заглянуть в справочное издание, даже в справочное издание допотопное. Стоит в шкафу, напр., такая то книга, но старого издания. Конечно, ничего из нее не извлечешь. Цифры старые, остальное и прочее, но немцы прекрасно понимают, что это все-таки, действительно, серьезная научная работа, хотя там есть ошибки, иначе они не перевели бы работу на свой язык. Значит, она им нужна. Эта работа, очевидно, все-таки, научно-исследовательского типа, работа, которую уже оценивают, которую начинают переводить на иностранные языки, с которой считаются, у которой слышат, у которой говорят, присылают приглашения на различные конгрессы и т. д. Работа эта идет, она идет правильно. Это—первое, что я хотел сказать Давиду Борисовичу.

Второй пункт—это марризм и легкое издевательство над тем, что Ленинградский институт марксистской методологии старается привлечь Марра и его школу.

Дорогие товарищи, Марр для нас стоит гораздо больше, в десять тысяч раз дороже любого не только простого специалиста вроде тех, которые здесь цитировались, но даже буржуазного профессора, который более или менее перешел на нашу точку зрения, ибо Марр никогда не выдавал себя за марксиста, не афишировал себя как марксиста и как коммуниста, но фактически, чисто-научным путем, строго научным путем, под который не подкапешься, с самой строгой

научной точки зрения, создал марксистскую историю языка, материалистическое языкознание. Если бы у нас сейчас жил Энгельс, то мы слышали бы о Марре гораздо больше, потому что Энгельс обеими руками ухватился бы за такую вещь.

А люди, которые этого Энгельса издают, высказывают сомнение, а стоит ли этим Марром заниматься,—как бы марризм вас не подвел, и т. п. странные вещи.

Теперь относительно Петрушевского не-марксиста, и с этим я свяжу мой ответ т. Горину. Относительно мастерства научной работы. Ведь этому мы учимся, главным образом, на специальных курсах Петрушевского, на специальных даже не курсах, а на специальных исследованиях Петрушевского, изданных давным-давно. Теперь таких исследований, я не знаю, делает он их или нет, возможно, что я ошибаюсь, может быть, он и делает, может быть, но мне кажется, что этим больше занимаются давно его ученики, как Савин, который был к нам ближе, как Каминский, еще более близкий к нам, чем Савин, и другие. То есть эти молодые историки, владеющие всей техникой Петрушевского, они идут к нам идеологически, ибо они живые люди. А когда сам Петрушевский, в своей последней книге, цитирует эпизоды Виндельбанда, Риккерта, Чупрова, Струве и других? А какая, собственно, тут такая высокая техника в этой книге Петрушевского, которую я прошлый раз цитировал? Я считаю, что это просто плохо систематизированный, плохо подобранный материал. Я считаю, что далеко не такая уже тут высокая техника. У нас уже на первом курсе Института красной профессуры этим занимаются, и я часто их за это ругаю. Но тем не менее кое-в-чем Давид Борисович был прав, и т. Горин напрасно на него обрушился. Это—вопрос о том, в каком отношении в нашей работе должны быть новая история, средневековая, древняя и т. д. Тут, т. Горин, есть две стороны дела. Первая сторона дела, самая элементарная, это то, что учиться можно только на наименее сложном материале, на материале несложном, а материал должен быть хорошо подготовленным, проверенным, надежным, необъемистым, простым материалом. Здесь точно так же, как и в музыке: ведь начинают учиться не сразу с Вагнера, ведь начинают учиться с простых упражнений, только потом уж переходят к более сложному. Так и тут: нужно научиться методу научного исследования на самом простом материале. Это—первое, что оправдывает занятия средневековыми сюжетами, и т. д. в наших семинарах. Это следует учесть, потому что если дать вам такой материал, хорошо подобранный и емкий, то вы лучше с ним справитесь, легче будете по нему производить всякие упражнения. Теперь уже в Институте красной профессуры отвыкли от того, что всякая работа, прочитанная в семинаре, обязательно будет напечатана, что ее ждет печатный станок. Теперь уже привыкли к тому, что пишут работы, как ученики, для того чтобы учиться, и это очень хорошо. Так оно, несомненно, и должно быть. Это одна сторона дела.

А другая сторона это то, что понять современность можно, только подходя к ней исторически. Я об этом говорил и в прошлом докладе. Один из конкретных вопросов, из основных вопросов, который определял все отношения нашей пред-революционной поры—это вопрос о классовой природе государства вообще и классовой природе самодержавия. Повторяю, я об этом уже говорил в своем докладе. Но для того чтобы вскрыть классовую природу самодержавия, для этого нужно спуститься в XVI век. Вы этой классовой природы не вскрыете на данных XIX века, где все давным-давно перевернулось. Наблюдая лишь это, пойдем самодержавие. Находились люди, даже из нашей среды, коммунисты, утверждающие, что самодержавие является представителем промышленного капитала. Я должен сказать, что это не-ленинская и вообще странная постановка, но она тем не менее имела место в нашей литературе, и это происходило потому, что человек ничего о дальнем прошлом не знал и для него самодержавие начиналось с XIX века. А возьмите, товарищи, такой вопрос, как вопрос о китайском феодализме: столько мы о нем спорили и столько пролили чернил! Ведь вполне естественно, что для того, чтобы ответить на этот вопрос, есть ли в Китае феодализм, или нет, для этого нужно знать, что такое феодализм вообще, а если вы этого не знаете, то я считаю, сколько бы вы это слово ни расшифровывали, у нас ничего не выйдет.

Так что, товарищи, не только из чисто академических соображений нам приходится заниматься историческим процессом. Наша молодежь должна заниматься этим вопросом, им занимаемся мы, им занимались и наши предшественники. Вот

и у Ленина по этому вопросу, о самодержавии, вы найдете ссылку на XVII, XVIII век, и в споре с Михайловским Ленин обращался к данным XVII века — к образованию внутренних рынков и т. д. Он так или иначе всюду противопоставляет современность далекому прошлому. Я не помню, чтобы Ленин когда-нибудь что-нибудь сказал относительно того, что нечего этим заниматься. Я бы здесь привел очень жесткую фразу Маркса по поводу древней истории — античных времен. Я не знаю, может быть, у Маркса это просто оговорка — в пылу спора. Но тем не менее я должен сказать, что совершенно верно понять исторический процесс можно только тогда, если взять его на большом протяжении, а овладение исторической техникой возможно только на основании более или менее простых примеров, которые мы в наших семинарах при изучении истории преподаем нашим учащимся.

Что касается института высшей нервной деятельности, то об этом уже говорил Отто Юльевич. Я должен только одно прибавить, что всякие разговоры об естественности человека, который никогда не был в лаборатории, никогда не вел лабораторной работы, это есть действительно болтовня, хотя бы он даже был довольно начитан в естественно-научной литературе. Теперь из этого следует, конечно, что должны быть лаборатории, находящиеся всецело в наших руках, ибо лаборатории и архивы это два такие учреждения, куда при желании легальнейшим образом я вас никого не пушу. У меня будет двадцать тысяч легальных предлогов, и всякий Совнарком со мной согласится. Это мы все люди, причастные к науке, прекрасно знаем. Нам нужно иметь лаборатории, где мы были бы полными хозяевами, где бы работали люди, которые с нами спелись, с которыми мы находимся в полном контакте, которые от нас не будут прятать, скрывать свои секреты, водить нас за нос. Вот почему нам необходимо в известной мере обрастать лабораторными учреждениями, хотя, конечно, замечать те институты, которые ведут практическую работу в области химии, мы не станем. С какой стати? Для нас это имеет экзерсисное, упражнительное значение, они нам нужны для того, чтобы учить нашу молодежь, но, возможно, что там мы никаких новых великих открытий не сделаем. В особенности для нас важны физиология и биология. Ведь это тот стык, где особенно остро сталкиваются буржуазное и наше мировоззрение в области естествознания. Столкновение в области химии гораздо слабее, в области физики еще слабее, в области математики, — не знаю. Есть такое мнение, что вообще математика — наука идеалистическая и все математики — идеалисты, есть, конечно, блестящие исключения, существует и в математике определенное мировоззрение, но это, если брать в высшей области математики. В элементарной математике, по-моему, сумма углов треугольника всегда будет равна двум прямым: и для буржуа, и для пролетария, и для феодала. Возможно, что тут мое мнение — мнение профана, но я считаю, что естественно-научные учреждения нам нужны.

Наконец, последнее относительно бесплановости и союзного Наркомпроса. По линии бесплановости я согласен с Дав. Бор. на все 100% и повторяться не буду, ибо говорил это на партийном съезде. Бесплановость ужасная. План необходим. Для этого мы собрались и на этой конференции. Но что для установления этого плана нужен Союзный Наркомпрос, это другое дело. Затем я вообще считаю, что нам административное объединение наших научных учреждений совершенно не к чему. Наоборот, объединяя вокруг Комакадемии различные учреждения, притягивая, в мечтах пока, к Академии Институт красной профессуры, мы первым делом говорим: «при сохранении полной его хозяйственной и административной самостоятельности». Если заставить возиться т. Нику, нашего управделами, со всеми общекритиями Института красной профессуры, за которые я получил выговор от РКИ, то что же это будет? Нам нужно нечто вроде научного Госплана. Нам нужен Госплан, состоящий из настоящих научных работников. Культурная секция Госплана это не то. Как она создана? Во-первых, ее культурные функции слишком широки, во-вторых, там наука, марксистская наука, представлена довольно слабо в этой секции. Нам нужен специальный научный Госплан со специалистами, причем нашими специалистами, марксистами и коммунистами, как организующий центр, и Госплан чрезвычайно авторитетный в глазах всех наших высших партийных и советских учреждений, с мнением которого считались бы не меньше, а больше, чем с мнением настоящего Госплана.

Но никакого Всесоюзного Наркомпроса нам не нужно. У нас почему-то все науки зачислены исключительно по ведомству просвещения: не понимают, что теперь, в XX веке, наука есть, прежде всего, колоссальное хозяйственное орудие. Я считаю, что сейчас для хозяйства наука гораздо важнее, чем для школьного просвещения, потому что в школах преподают те начатки науки, которые были наукой XVII в. и которые теперь представляют собой такую элементарность, что, когда я заговорил о сумме углов треугольника, то я не видел, может быть, Отто Юльевич внешне не усмехался, но внутренне для него, конечно, эта сумма углов треугольника не наука, а это школьная вещь. Какая же это наука? Соприкосновение, связь между наукой и просвещением, конечно, есть, но цель их, задачи науки гораздо шире, чем те задачи, которые ставила наука XVIII в., и объединять всю науку Союзным Наркомпросом я считаю совершенно не нужным. Ясно, что существование Наркомпросов необходимо в отдельных союзных республиках. О чем можно говорить и о чем говорят люди, все-таки чересчур бюрократически настроенные, это о Всесоюзном комиссариате науки. Но и он, по-моему, не нужен. Но эту проблему все-таки еще можно ставить. Логически рассуждая, можно говорить: поскольку наука не может быть национальной, постольку давайте объединим науку, создадим для нее такой Всесоюзный центр. По-моему, это не нужно. Одно научное Госплана за- глаза достаточно. Но, тем не менее, так проблему еще можно ставить. А так, как ставит ее Дав. Бор., что будет Всесоюзный Наркомпрос, это совершенно противоречит и всей нашей национальной политике и практическим потребностям, которые у нас существуют.

Тов. Скрыпник. Я должен констатировать, что основная задача, поставленная перед нашим совещанием, обсуждение плана работ наших марксистско-ленинских учреждений, в действительности на данном совещании не проработана. У нас произошла маленькая ошибка. Первый доклад мы заслушали без обсуждения, как вступительный торжественный доклад, констатирующий произведенную работу, а не как доклад о современном состоянии марксистско-ленинского научного исследования и задачах, стоящих перед нами. По докладу т. Милютинна все прения пошли по этому руслу — о современном состоянии марксистско-ленинского научного исследования и о задачах, в этом отношении перед пролетарской диктатурой стоящих.

Вот тема настоящего обсуждения, а вовсе не план работы Комакадемии 1927/28 года, то есть не тема т. Милютинна. Может быть, только первая часть его доклада, сообщение отчетного характера о проделанной Комакадемией работе, стояла перед нами. И это вполне понятно. Мы не можем пройти мимо этого вопроса. Данная конференция имеет, прежде всего, задачу подытожить, что у нас имеется, каковы запасы сил у нас, каковы задачи работы, проводимой нами, что мы должны делать в этом отношении. Эти итоги мы должны подвести, прежде чем перейти ко второй задаче — взаимной проверке планов работ и корректированию их.

Как же характеризуется современное состояние нашего научно-марксистского исследования? Вот у меня сегодня в руках № 1-й «Вестника Социалистической Академии», вышедшего в 1923 г., т. е. через пять лет после образования данной Академии и ровно 5 лет тому назад. Какими допотопными временами веет от этого № 1 «Вестника»! Старый, давно забытый, давным-давно пройденный предел. То, что было в 1918 г., уже в 1923 г. пройдено, а 1923 г. теперь пережит давно. Теперь мы можем уже говорить о более или менее значительном кадре работников марксистско-ленинского исследования, который дал нам прошедшее десятилетие. Это является исходным пунктом для суждения о том, правильно ли предложение президиума Комакадемии, когда в четвертом пункте проекта резолюции говорится, что «необходимо расширить кадр работников Академии раза в полтора с тем, чтобы имелась возможность получить выдержанных, квалифицированных и научно-подготовленных товарищей для использования их на ответственной работе в различных областях общественной деятельности СССР». И вот предшествующее 10-летие показывает нам, что данное предложение президиума Союзной Академии неправильно, неверно и идет против нашей истории. Проект говорит: «для наших государственных учреждений необходимы выдержанные квалифицированные работники со значительной теоретической подготовкой». Да, необходимо заменить буржуазных спецов, спецов только потому, что они имели раньше дип-

лом от старых классовых высших учебных заведений, звание профессора от Кассо. Заменить этих ложных спецов новыми спецами, выдержанными работниками со значительной теоретической подготовкой необходимо. Но отсюда вовсе не вытекает, что мы должны это произвести за счет упадка, придания второстепенного значения той научной теоретической работе, которая проводилась до сих пор во Всесоюзной Комакадемии, которая производится и которая должна производиться. Смешивать эти задачи нельзя. Мы идем к тому, что происходит некоторое выделение работников, которые специально трудятся в области марксистско-ленинского научного исследования. Поэтому данный пункт 4-й нельзя принимать. Он отвергается предшествующей 10-летней историей нашей марксистской Академии.

Из этого же прошедшего десятилетия мы можем извлечь и дальнейшие уроки. В октябре была образована Социалистическая академия общественных наук. За 10 лет произошли существенные изменения: изменилось наименование: вместо Социалистической академии появилась Коммунистическая, а, во-вторых, вместо Социалистической академии общественных наук мы имеем Всесоюзную коммунистическую академию. Что это значит? Раньше лишь область общественных наук стояла перед нашей марксистской научной мыслью. Эти пределы были разбиты. Жизнь пробилась в них брешь. Пытливая коммунистическая мысль пошла далее, в другие научные дисциплины, освещая их светом марксистской диалектики и ища путей для того, чтобы поставить их на новые рельсы. Этот путь расширения марксистско-ленинской научной деятельности далее и далее, за пределы чисто общественных наук, является законным, диктуемым всем ходом нашей действительности, нашего советского пролетарского государства. В этом отношении целиком не прав т. Рязанов с его неоднократным повторением того (и в Коммунистической академии и в бюджетной комиссии ЦИКа СССР), что здесь занимаются не общественными науками, а естествознанием,—режут собак, кошек и т. п. Я эти собачьи темы считаю неправильными; во всяком случае, мне кажется, они нисколько не колеблют того естественного процесса, который перед нами происходит—процесса дальнейшего завоевания марксистской диалектикой все большего круга научных дисциплин.

Товарищи, какие задачи перед нами стоят? Прежде всего, имеем факт подведения итогов и попытки свести намечаемые работы в некоторый план. Тот факт, что мы имеем перед собой печатный план работ Коммунистической академии на год, печатный план научно-исследовательских работ кафедры Украинского института марксизма и ленинизма, наконец, планы других марксистско-ленинских учреждений, показывает, что это требуется жизнью, что это вытекает из достигнутых уже результатов. Вопрос о плане работ стоит перед нами поэтому не только как пожелание, но как результат уже достигнутой ступени развития марксистско-ленинской научно-исследовательской мысли. И перед нами стоит задача ее дальнейшего продвижения. Какими путями?

Я в общем вижу 4 высказанных или полувывказанных предложения. Первое предложение здесь было полувывказано М. Н. Покровским, который говорил о марксистско-ленинском научном тресте. Это предложение не нашло себе выражения. Мы не имеем сейчас никакого проекта, где бы это мнение было конкретизировано в определенном предложении совещанию. Я не знаю, право, будет ли делаться это предложение. Я лично думаю, что ни теперешний руководитель Главнауки РСФСР, т. Покровский, ни когда-тошний председатель Главнауки, Рязанов, таких предложений не сделают. Второе предложение т. Рязанова: он, по своей собственной способности быть всегда оригинальным, выставил предложение о создании Союзного Наркомпроса. Я очень жалею, что член Комакадемии, т. Рязанов, не работает в комиссии по национальному вопросу Всесоюзной Комакадемии и не напишет теоретической работы по этому вопросу,—мы бы имели, в конце концов, хотя бы одно теоретическое обоснование довольно распространенного течения. Было бы очень хорошо, если бы, в конце концов, т. Рязанов не только на протяжении нескольких лет высказывал эту мысль, но попытался бы теоретически ее обосновать, т. е. дал бы теоретическое обоснование того великодержавнического искажения, которое в действительности имеется. Я уверен, что очень долго т. Рязанов не найдет себе сочувствия в ЦИКа СССР и не получит признания этого своего откровения. Данное предложение нам абсолютно не подходит. Нам

нужен не какой-либо командующий центр, распоряжающийся в вопросах культурного развития, а нам необходимо свободное объединение для того, чтобы координировать, объединять свою деятельность, взаимно восполнять и взаимно помогать друг другу.

Я считаю, что основным вопросом, вытекающим из работ данного собрания, является вопрос о том, каким путем нам, работникам марксистско-ленинских учреждений СССР, объединить свою деятельность, восполнить, координировать, помогать друг другу и т. д. Это необходимо. И то, что предлагает Комакадемия—взаимный обмен докладами, рефератами, выездами и поездками, взаимное обсуждение планов,—все это, товарищи, правильно и всеми признано. Но этого недостаточно, этого мало; это будет объединение от случая к случаю, по отдельным вопросам. Но уже сам факт появления печатных планов и созыва данной конференции говорит о необходимости более постоянного контакта. Создание Всесоюзной ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений СССР это—вопрос дня. Это не значит, что нужно во всеююзном масштабе повторить Раннён, я не особенно знаком с Раннёном и поэтому не могу сказать, можем ли мы при образовании нашего объединения брать примеры в его истории. Этой истории я не знаю, но я знаю, что нам необходимо такое объединение, которое бы исходило из существующего положения и двигало бы его вперед. Мало иметь взаимные доклады, мало поездок, выездов, мало представлять писанные доклады, обмениваться мнениями относительно проектов, планов и т. д. Необходимо, кроме этого, некоторое объединение научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений СССР для того, чтобы можно было восполнять, постоянно координировать работу и т. д.

Вместе с тем я должен сказать, что нам необходимо искать выход из того положения, какое у нас сейчас, когда наши марксистские учреждения ставят темы для исследования, не обсуждая вопроса с другими научно-исследовательскими учреждениями, не помогая в этом отношении друг другу.

Мы, например, поставили вопрос об австрийской школе в национальной вопросе на кафедре нац. вопроса нашего института, и этот же вопрос поставлен в национальной комиссии Комакадемии. Таким образом здесь получается некоторый параллелизм. Я считаю, что всего этого легко можно было бы избежать, если бы мы заранее сговорились через всеююзную ассоциацию. В таком случае, вместо дублирования работ и непроизводительной траты наших немногих научных сил, мы могли бы их более экономно и целесообразно использовать и направлять.

Вот почему я считаю, что современное состояние марксистско-ленинского научного исследования выдвигает именно эти, стоящие перед нами очередные задачи, а именно: во-первых, все большее и большее объединение всех научно-марксистских сил, большая специализация их, с выделением части их на работу в государственных учреждениях и вместе с тем образование достаточного числа кадров научных работников специалистов по отдельным научным дисциплинам; во-вторых, необходимость проникновения научной марксистской мысли во все новые и новые научные дисциплины, и, в-третьих, наконец, объединение имеющихся марксистско-ленинских научных организаций во всем Союзе в одну Всероссийскую ассоциацию научно-исследовательских учреждений СССР, помогающую всем учреждениям, дающую им возможность обмениваться опытом и содействующую движению вперед научной мысли в нашем Союзе.

Тов. Яворский и Товарищи, не случайно все выступавшие после отчета т. Милютинина о работе Комакадемии останавливаются на основном и коренном вопросе, который был поставлен т. Милютиним в начале его доклада и который вытекал из доклада т. Покровского. Это—вопрос о планировании нашей научно-марксистской исследовательской работы, с целью создания и укрепления единого научно-ленинского фронта для борьбы с мелкобуржуазной и буржуазной идеологией. Если этот вопрос планирования так остро ощущается среди научных работников-марксистов РСФСР, где имеется такое мощное учреждение, как Комакадемия, я должен сказать, что у нас на Украине тем более чувствуется нужда в этом планировании и в создании такого мощного единого фронта для борьбы с мелкобуржуазной и буржуазной идеологией. Я могу это сказать, прежде всего, по линии моей специальности, по истории, несмотря на то,

что и у нас все-таки кое-какие достижения на этом фронте имеются, несмотря на то, что у нас и новые люди и новые учреждения. Вам, вероятно, известно, товарищи, что мы до революции имели на нашем историческом фронте. Наш украинский исторический фронт, собственно говоря, был единственным почти идеологическим фронтом, на котором до революции господствовал украинский национализм. Мы на этом историческом фронте на Украине имели две школы. С одной стороны, это была школа Грушевского, школа внеклассовой и бесклассовой нации, а с другой стороны,—школа документалистов проф. Багалей. Несмотря, товарищи, на очень-то большие силы нашей марксистской исторической исследовательской работы, я должен сказать, что все-таки влияние этих двух школ на Украине уже в 20-м и 21-м году очень ограничилось. Во-первых, Грушевский перестал писать исторические работы и взялся за литературу. Это очень интересно. Академик Багалей,—я не скажу, чтобы он стал марксистом, он марксистом не стал,—но, как сказал Михаил Николаевич, он этически присоединился к нам, заявив, что он принимает марксистский метод в основу своих работ, что он принимает схему, созданную нами, молодыми марксистами, что он принимает периодизацию, созданную нами, марксистами. Я считаю это очень большим достижением, имея в виду, что до того времени на Украине господствовала схема и периодизация Грушевского, созданная в 1890-х годах на базе полного сепаратизма исторического процесса украинского народа. Теперь, повторяю, этот представитель националистической буржуазной школы ушел от исторической работы (хотя я должен сказать, что влияние его все-таки очень сильно еще чувствуется даже на лицах, которыми он не руководит в научно-исследовательской работе), а другой представитель старой школы, академик Багалей, принял нашу марксистскую схему, забросив старый исторический метод. Мы считаем крупным достижением в нашей исторической работе на Украине и то, что наша схема исторического процесса на Украине вообще господствует в наших учебниках. Несмотря на эти крупные достижения, мы в целом еще очень далеки от полного овладения все еще сильными позициями украинской буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, которая у нас все еще существует и которая, я должен сказать, пробивается даже в ряды марксистов и членов нашей партии. Я припомню товарищам следующие факты. Кажется, в 1925 или 1926 году непосредственным учеником Грушевского «марксистом» Гермайзем в Киеве была написана книга «Очерк революционного движения на Украине». Это есть очерк о Революционной украинской партии (РУП), где этот ученый «марксист», как он себя сам именует, ставит определенно националистические точки над «и», говоря, что революционное движение на Украине развивалось вне всякой связи с революционным движением в России, это—во-первых, и, во-вторых, что Революционная украинская партия была организацией с программой революционного марксизма. Мне кажется, эти две позиции достаточно указывают, куда идет направление этого исследователя.

Второй пример. В 1926 году появился второй том работы Оглоблина—«Украинская фабрика», т. II. В предисловии ко второму тому автор, заявляя, что принимает программу марксизма, прямо говорит, что проблема методологии изучения украинской экономики XIV века возможна в реализации только, как проблема изучения ее автономности.

И третий пример, где выступает уже член нашей партии, т. Волобуев, со своей работой «Критические замечания к методологии изучения украинской экономики», где, ставя вопрос о характере украинской экономики в дореволюционное время, он приходит к таким положениям, что современное состояние украинской экономики не уступает колониальному характеру дореволюционного состояния украинской экономики.

Вот три разных представителя наших исторических исследователей, которые принимают метод Маркса и одновременно борются с ним. Я привел их, как примеры, чтобы указать, как сильно в настоящее время чувствуется у нас, несмотря на наши достижения, влияние мелкобуржуазных и буржуазных теорий на наше историко-общественное мнение, на наше историческое исследование. Поэтому у нас, на Украине, проблема планирования научно-марксистской исследовательской мысли, проблема объединения этого планирования, проблема создания единого фронта даже более назрела, чем в РСФСР. И сегодняшняя конференция будто бы уже намечает конкретные пути для создания этого планирования,

хотя то, что предлагаем нам тезисы по докладу т. Милютина, как проект резолюции президиума Комакадемии, все-таки недостаточно указывает нам пути реализации этого планирования.

В пункте 5-м этого проекта ставится вопрос о выезде «на места». Это решение вопроса планирования. Я здесь с т. Скрыпником вполне согласен, что выезды—это только частичное выполнение увязки работ отдельных научных наших учреждений, только частичное, поэтому они совсем не решают вопроса планирования. Мне думается, нужно создать такое планирование, при котором мы, прежде всего, будем разрабатывать сообща не только общие вопросы исторической методологии, но и вопросы изучения отдельных исторических процессов на их непосредственной, так сказать, производственной базе. Я понимаю под производственной базой именно местный материал в наших архивохранилищах, а под отдельными вопросами исследования—исторические процессы, связанные с запросами отдельных республик. Это все можно урегулировать, как мне кажется, только путем создания союзной ассоциации марксистских исследовательских учреждений нашего Союза. Создание ассоциации даст возможность осуществить наше планирование исследовательской работы, осуществить создание единого научного марксистского фронта, в котором сообща можно было бы разрабатывать методологию изучения исторического процесса, исследовать отдельные исторические вопросы, распределять для этой работы наши научные силы. Через создание ассоциации можно будет устранить нашу распыленность, которую мы сейчас имеем и в нашей издательской работе. Когда будут докладывать о работе нашего Института марксизма и Кафедры марксизма-ленинизма, товарищи увидят, что и этот недостаток очень часто в нашей общесоюзной работе повторяется. Я как специалист по истории могу указать только на не вполне правильно происходящую разработку отдельных исторических процессов. Посмотрите, что в плане Комакадемии намечено к разработке по истории? Там имеются такие темы, которые, пожалуй, лучше было бы разрабатывать у нас, чем здесь, потому что у нас ближе производственная база для их изучения. Такие вопросы, как «Вопрос о национальном движении на окраинах», затем—«Зарождение марксизма на Украине» и т. д.—все эти вопросы было бы более полезно и целесообразно разработать именно не здесь, в Москве, а там, где имеются для них соответствующие материалы и где непосредственно существуют запросы на эти темы. Создание ассоциации даст возможность устранить в будущем такие случайности, т. е. урегулировать наши возможности. Вот почему нам нужна ассоциация. Мы не будем тогда иметь этого неприятного и вредного разноречия, хотя бы в воззрении на основные моменты в нашем историческом процессе. Вы все знаете, что у нас по этой линии еще очень и очень мало сделано. У нас на Украине еще и теперь чувствуется не только влияние мелкобуржуазного украинского национализма, но и не менее чувствуется еще и влияние русской буржуазной школы, чувствуется как раз часто в нашей марксистской среде. Вопрос «юга России» существует очень часто не только среди некоторых наших ученых, но повторяется у некоторых наших ученых коммунистов, повторяется сознательно, запугивая правильное изучение нашего исторического процесса. Создание ассоциации, мне кажется, даст возможность устранить и эти уклоны, очень вредные в нашей работе. Кроме того, создание ассоциации даст возможность регулировать еще один вопрос. Здесь, в тезисах Комакадемии, правильно поставлен вопрос об учебниках. Кажется, это не задача наших исследовательских учреждений заниматься вопросом об учебниках, на деле вопрос о марксистских учебниках—это вопрос не менее важный, чем вопрос самого глубокого марксистского монографического исследования. Ведь на наших учебниках, которые мы только создаем, вырастает наше поколение. А что у нас было до настоящего времени? Михаил Николаевич вчера сказал, что у нас историю изучают только по хрестоматиям. Это так! А ведь это совсем не входит в наши задачи, чтобы наша молодежь изучала историю по хрестоматиям. Издать хороший марксистский учебник, учебник, который имел бы свое место в общем плане, учебник, который бы у нас на Украине и в РСФСР был методологически согласован,—это не менее важная задача, чем выпуск десятка монографий. Создание ассоциации научных марксистских учреждений поможет урегулировать и этот вопрос.

Еще одно, что очень важно, это урегулирование нашего издательского дела. Мы на Украине очень остро чувствуем недостатки в печатании наших

научных трудов не только потому, что денег мало нам дают, — а я должен сказать, что денег нам очень мало на это дают, тут товарищ Позёрн из Ленинграда сказал, что они не знают, куда деньги девать, я бы очень просил передать их в Украинский институт марксизма, а мы уже будем знать, куда их деть, — а потому, что вопрос о печатании марксистских научных работ до настоящего времени был совсем не урегулирован, хотя печатание этих работ чрезвычайно важно. Я не согласен с т. Рязановым, который в своем слове доклады и рефераты назвал болтовней, но я согласен, что главная наша задача — это печатание наших научных достижений, а не доклады и рефераты. Я думаю, что урегулирование печатного научного слова создаст самую лучшую трибуну для этих достижений, прежде всего, достижений наших, украинских, которые до сих пор не опубликовывались потому, что у нас очень небольшая возможность печатать научные марксистские труды, и не потому, что их нет, они имеются, а потому, что не урегулирован вопрос организации их печатания. Правда, мы с осени начинаем издавать наши печатные труды не только в «Прапоре», не только отдельными монографиями, но и начинаем издавать «ученые записки» наших отделений, в том числе и по отделению историческому, но об этом будут докладывать уже наши докладчики Института марксизма. Но и то, что мы на Украине будем издавать журнал по специальностям, что с осени научно-издательское дело будет и у нас налажено, не решает вопроса о плановости в научном издательстве. Он будет решен только тогда, когда у нас будет ассоциация и будут действительные возможности планирования, распределения сил для разработки отдельных тем на соответствующих базах. Тогда и не будет этой анархии в печатании наших достижений. Тогда и наша работа, — я не скажу, на сколько процентов, ибо я плохой счетовод, — но все-таки на известный процент будет улучшена.

Тов. Гоникман. Не знаю, товарищи, как на ваш взгляд, но мне кажется, что непропорционально большую часть времени отнимают у нас вопросы общего характера, общего состояния наук и т. д. И это, как мне кажется, обнаруживает только недостаточную нашу деловую подготовленность, недостаточное изучение материала и пр. Основные задачи, которые стоят перед конференцией, — это задачи организационные, задачи деловые. И, в частности, по докладу Комакадемии, мне кажется, надо было больше всего толковать о том, как организовать осуществление тех конкретных практических задач, которые стоят перед Комакадемией и теми исследовательскими учреждениями, которые тут представлены. Я хочу на нескольких таких вопросах остановиться. Начну с весьма узкого, практического вопроса — это с организационных вопросов.

Вот в книжечке «План работ Комм. Академии» мы читаем на первой странице перечень секций, институтов, комиссий и т. д. в Комакадемии. Всего тут перечислено 14 организаций. Тов. Варьяш только сегодня утром убеждал меня в том, что случайность не есть категория объективная, но я думаю, что всякий, кто прочитает перечень этих 14 различных учреждений Комакадемии, согласится с тем, что случайность есть категория безусловно объективная, эмпирически ощущаемая. Мне кажется, товарищи, что вот эта организация учреждений Комакадемии отражает стихийный характер их образования. Она показывает, что эти различные секции, комиссии и институты организованы ad hoc, — появился человек или группа людей, и образовалась соответствующая комиссия или секция. В этом, конечно, не вина Комакадемии. Она в этих условиях работала и развивалась. Но, мне кажется, что на дальнейшее время надо все это привести в некий христианский вид. Вот, например, аграрная секция и комиссия по изучению аграрной революции. Надо сказать, что в уставе они существуют совершенно раздельно: существует под № 2 аграрная секция, а под № 11 комиссия по изучению аграрной революции. Здесь это уже объединено. Дальше имеется кооперативная секция. Когда вы просмотрите конкретные планы работ аграрной секции и кооперативной секции, вы увидите, что они теснейшим образом переплетаются. И вот я полагаю, что мы должны здесь подчеркнуть особую важность четкой организационной структуры, потому что эта организационная четкость не только определяет плодотворность работ самой Академии, но и ход нашей работы. Ведь мы учимся строить нашу работу по Комакадемии.

Хочу здесь еще коснуться одного вопроса, где ярче всего переплетаются политика и организация. Вот тут, товарищи, обращают на себя внимание следующие

две секции: философская секция и секция научной методологии. Совершенно непонятно, что это за две рядом существующие секции.

Чем вызвано, что секция методологии естественных наук образована, во-первых, как самостоятельное нечто, а во-вторых, оторвана от философии и соединена с социологией. Я уже не говорю о логике самого предмета, а логика предмета не терпит этого разделения. Нельзя отделить философскую секцию от секции научной методологии, так как отделение одной секции от другой заставит обе эти секции работать в безвоздушном пространстве. Но это логика самого предмета. Теперь скажу относительно политики. Ни для кого не секрет и все знают, что у нас идет ожесточеннейшая борьба в нашем философском лагере; что значит в таких условиях отделение философской секции от секции научной методологии? По-моему, это обозначает не что иное, как известный нейтралитет Комакадемии как учреждения в том философском споре, который сейчас ведется. Я не хочу сказать, что это делается намеренно, но объективно это обозначает, что Комакадемия как учреждение объявляет нейтралитет и дает возможность этой секции работать совершенно самостоятельно, совершенно изолированно от секции философии. Я это ставлю в известную связь с тем, что ни в докладе т. Покровского, ни в докладе т. Милютинэ этот вопрос не нашел своего отражения, не нашли отражения та борьба и то философское развитие, которые на протяжении последних лет у нас происходят.

Тов. Милютин. Я говорил об этом.

Тов. Гоникман. Да, вы говорили, но очень мало. Я не говорю, что вы вовсе не говорили, я говорил, что вы чрезвычайно мало говорили об этом, и тут опять-таки я перейду к следующему вопросу. В той борьбе, которая сейчас происходит в нашем философском марксистском лагере, каково лицо Комакадемии, есть ли у Комакадемии это лицо? Я нарочно интересовался этим вопросом, я не был в Москве в течение последних лет, но я спрашивал у товарищей, которые непрерывно тут работали. В этой дискуссии не с «так называемыми» механистами, а с подлинными философскими ревизионистами, как проявляла себя в этой дискуссии Комакадемия, участвовала ли она в этой дискуссии активно? Мне товарищи сказали, что здесь ничего такого не было. Если посмотреть журнал Комакадемии, то в нем можно найти доклад т. Богданова «Рассуждения рассуждателя о рассуждательстве», это в момент острой философской борьбы мы получаем такую стенограмму.

Тов. Деборин. Не по философской секции.

Тов. Гоникман. Он мог выступать и по секции научной методологии и по другим секциям.

Таким образом, я увязал вместе два вопроса: вопрос о крайней нечеткости, неудовлетворительности эмпирической организационной структуры Комакадемии, на которую в дальнейшем, по-моему, нужно обратить внимание, и о том, как...

Тов. Милютин. Вы предлагаете пересмотреть состав членов Академии?

Тов. Гоникман. Я говорю о том, как работают организации Комакадемии, и о том, как этот самый организационный эмпиризм выражает известным образом философский нейтралитет Комакадемии в вопросах философской борьбы, и я полагаю, что это надо отметить. Не знаю, в какой форме, но необходимо отметить, что в той философской борьбе, которая идет у нас на протяжении ряда лет, Комакадемия не участвовала, как учреждение, достаточно организованное. Товарищи могут сказать, что т. Деборин, стоящий во главе ортодоксальных философско-марксистов, является членом Комакадемии, значит, Академия в лице т. Деборина вела активную борьбу. Конечно, это будет совершенно не резонно, потому что и т. Тимирязев точно так же состоит членом Комакадемии, но вы не скажете, что он представлял Комакадемию, возглавляя известным образом лагерь философско-ревизионистов. Таким образом, в этой части я резюмирую: в той философской борьбе, которая велась и ведется сейчас, Комакадемия как учреждение своего слова не сказала, и отражение этого мы находим в структуре, где естествоиспытатели совершенно отделены от содружеской работы с философами, где совершенно неестественным образом, вопреки логике предмета, отделена секция философии от секции естественно-научной методологии, где секция естественно-

научной методологии объединена с социологией и с какой-то интернаучной работой, и что это положение нашло свое известное отражение в тех докладах, которые мы слышали от Комакадемии.

Задача наша как конференции научно-исследовательских институтов, по моему, заключается в том, чтобы эти недостатки работы отметить.

Теперь я перехожу к следующему пункту. Это—вопрос о всеоюзности работы Комакадемии. Об этом говорили очень много, но, к сожалению, в том, как об этом говорили, не чувствуется, что мы после заседания сделали какие-то практические выводы и как-то эту всеоюзность работы Академии организационно закрепим. Тут речь шла об организации Всесоюзного Наркомпроса,—конечно, совершенно не реальная идея, об организации научного Госплана—идея, может быть, реальная, но чересчур отдаленного будущего, о создании какого-то бюро и пр. По моему, на данной стадии существования наших научных учреждений и Комакадемии к вопросу надо подойти проще. Нужно посмотреть на воспроизведение действительности в понятиях, на нашу научную работу, как на определенную отрасль нашего общего процесса производства, процесса строительства социалистической жизни. Здесь нужен производственный план, как он нужен в любой другой отрасли нашего хозяйства. Ведь смех и грех бы было, если бы мы начали строить электростанции в Ленинграде независимо от Москвы, в Москве—независимо от Донбасса и т. д. В области науки, где слой квалифицированных работников наиболее тонок, где экономия и план больше всего нужны, у нас господствует хищническая бесхозяйственность. По моему, здесь надо разрешать проблему внесения плановости в работу наших научно-исследовательских учреждений в том смысле, что Комакадемия является Всесоюзной академией, которая разрабатывает производственный план не только для себя и своих секций, но она разрабатывает производственный план по отраслям научной промышленности, разрабатывает, конечно, в сотрудничестве, совместно с представителями соответствующих местных учреждений, соответствующих организаций. И должен сказать, что когда Ленинград или Харьков почувствуют, что они не кустарную работу выполняют,—собрался кружок в 10 человек философов, давайте, братцы, поставим на этот год такую серию докладов и пр., но, когда мы на местах почувствуем, что выполняем часть какой-то общей работы, наша работа пойдет во сто раз лучше и продуктивнее. И особенно это относится к проблемам философским. Философия—не царица наук, мы вообще устроили свержение самодержавия, но она—наука наук. Перед ней стоят гигантские проблемы, которые совершенно невыполнимы для одного человека или для небольшой группы людей не потому, что в числе специалистов-философов нет таких талантливых людей, как среди экономистов, историков, например, и т. д., нет, но логика предмета философии такова, что требует для своего выполнения энциклопедических знаний, а век Лейбница прошел.

Поэтому я полагаю, что мы должны сейчас как-то конкретно зафиксировать, что те производственные планы, которые вырабатываются различными секциями и институтами Комакадемии, должны с самого начала вырабатываться с соответствующими представителями соответствующих местных учреждений. Они должны представлять собою планы во всеоюзном масштабе, давая поручения о выполнении отдельных частей планов различным местным научно-исследовательским учреждениям, при большом, конечно, маневрировании и свободе мест в выполнении соответствующих задач.

Тов. Наумов. Я, товарищи, хочу остановиться на двух вопросах: на вопросе увязки нашей научно-исследовательской работы с практическими задачами социалистического строительства и на вопросе о связи всех научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений.

В отношении первого, мне кажется, что на этом участке у нас дело обстоит не совсем благополучно. Как из отпечатанного отчета и плана работ Комакадемии, так и из доклада т. Милютинна мы узнали, что Комакадемией проведена большая научно-исследовательская работа. В Комакадемии сосредоточен довольно большой и очень серьезный коллектив научных работников. Этот коллектив научных работников по ряду секций разрабатывал целый ряд чрезвычайно актуальных проблем, так или иначе соприкасающихся с практикой нашего хозяйственного строительства.

Но когда вы поставите вопрос о том, в какой мере вся эта теоретическая работа оказала действительное влияние на работу тех или других наших хозяйственных и планирующих органов, на те или другие наши мероприятия, то, мне кажется, что ответ нас не совсем может удовлетворить. По крайней мере я из доклада т. Милютинна уловил, что только одна аграрная секция, разрабатывавшая ряд проблем по вопросам землеустройства и землепользования, этой своей работой оказала серьезное влияние на наши практические мероприятия. Это, конечно, очень большое достижение, но достижение только по линии работы одной секции.

Тов. Милютин. Не только. Секция государства и права своей работой также оказала влияние на выработку нашего гражданского уложения.

Тов. Наумов. Да, но я говорю о работе секций, мне более знакомых,—о работе по линии экономической секции, секции аграрной и секции кооперативной, по этим трем секциям, которые по самым своим задачам и по характеру своей работы чрезвычайно тесно связаны с процессом и задачами нашего социалистического строительства, и оказывается, что тут, к сожалению, сделано пока что очень мало. Одновременно с этим мы наблюдаем такое явление, что в наших руководящих и планирующих хозяйственных органах научной разработки проблем, связанных с нашим хозяйственным строительством, занимаются не наши люди, не наши товарищи, а спецы, о чем сегодня ряд товарищей говорил. Правда, в этих органах сидит целый ряд наших товарищей, достаточно квалифицированных, но они не имеют связи или, по крайней мере, чрезвычайно слабо связаны с соответствующими марксистско-ленинскими научно-исследовательскими учреждениями. Как на этот счет обстоит дело в Москве, я недостаточно осведомлен, но, мне кажется, что тут дело не совсем благополучно. Целый ряд достаточно квалифицированных научных работников, работающих в наших хозяйственных учреждениях, конечно, не в состоянии совершенно отгородить себя от влияния теоретических взглядов тех буржуазных ученых и квази-ученых, которые работают в этих хозяйственных органах. В то же самое время наши товарищи, работающие там непосредственно, не ощущают, не чувствуют влияния работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которую они чувствовать должны были бы. Попадая в хозяйственные органы, они тем самым в известной мере отрываются от той среды, откуда они вышли и влияние которой они должны были бы в этом учреждении проводить.

Сегодня т. Милютин в своем докладе сказал, что в последнее время перед Комакадемией и рядом работников Комакадемии поставлена новая задача—выполнение не только ответственных заданий, ответственных работ по разработке ряда проблем, но и занятие ответственных постов. Конечно, это задача чрезвычайно важная, и ясно, что она должна быть выполнена, но я боюсь, что и новые кадры количественно и качественно достаточно значительные, влившиеся в соответствующие хозяйственные органы, опять-таки окажутся оторванными от тех научно-исследовательских учреждений, откуда они вышли, и опять-таки их работа пойдет изолированно, вне связи с этими учреждениями. Поэтому, мне кажется, что на это обстоятельство нужно было бы у нас на конференции обратить серьезное внимание и кое-какие меры наметить. Я уже говорил, что я мало знаком с положением вещей в Москве; я больше знаком с положением вещей на Украине, в Харькове. Там это еще больше чувствуется, потому что там кадры научных работников-марксистов, работающих в хозяйственных органах, значительно меньше. Что тут можно делать и нужно ли что-либо делать? Нужно и можно. Среди наших товарищей имеются опасения такого рода, что если наши марксистско-ленинские научные учреждения возьмут на себя разработку тех или других практических задач, то тем самым они принизят уровень и самый характер своей научной работы. Иногда приходится слышать подобные замечания, что тогда эти учреждения станут на узкую почву практицизма, вместо того, чтобы разрабатывать более общие, более широкие теоретические проблемы. Мне кажется, что такая точка зрения неправильна. Конечно, ни одно марксистско-ленинское научно-исследовательское учреждение не может и не должно стать на точку зрения узкого практицизма, ведомственной разработки тех или других вопросов, но в то же время все марксистско-ленинские научно-исследовательские наши учреждения обязаны разрабатывать те проблемы, которые имеют более общее

значение для нашего социалистического строительства и на основании которых соответствующие наши органы могут намечать линию общих мероприятий по этому строительству. Как конкретно можно себе это мыслить? Во-первых, мне представляется, что нужно было бы установить организационно более тесную связь между всеми научными работниками-марксистами, которые находятся на той или другой практической работе в каком бы то ни было руководящем хозяйственном органе, с тем научно-исследовательским учреждением, которое в данном месте имеется. Целый ряд крупных центров, где сосредоточены руководящие хозяйственные органы, уже имеют более или менее серьезные научно-исследовательские марксистско-ленинские учреждения, и такого рода тесная, организационно закреплённая связь, безусловно, очень многим помогла бы: эта связь, безусловно, усилила бы наше влияние на соответствующие органы и тем самым ослабила бы влияние спецовской среды.

В проекте резолюции, которая предлагается конференции, говорится, «о согласовании планов научно-исследовательской работы между научно-исследовательскими учреждениями, находящимися в разных местностях, но ни слова нет о согласовании этих планов между научно-исследовательскими учреждениями и соответствующими руководящими хозяйственными органами. Между тем, мне кажется, что нужно в резолюцию соответствующий пункт внести. Всякое научно-исследовательское учреждение, которое по линии соответствующей секции, института и т. д. разрабатывает определенные проблемы, может и должно поставить в известность хозяйственные органы, заинтересованные в разработке этих проблем, о том, что такие-то вопросы разрабатываются, знакомя их с планом своих работ. Далее можно целый ряд проблем, которые ставятся в Госплане, в ВСНХ и в целом ряде других органов, проблем, которые носят чисто исследовательский характер и которые разрабатываются там без нашего влияния,—можно было бы их передать на разработку наших марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Поэтому конкретно я предлагаю, чтобы в резолюцию, которая внесена Комакадемией, был включен дополнительный пункт, который формулировал бы: 1) что марксистско-ленинские научно-исследовательские учреждения, которые по характеру работ своих секций и т. д. разрабатывают проблемы, связанные с задачами нашего социалистического строительства, чтобы планы их работ согласовывались бы с соответствующими руководящими хозяйственными органами и, с другой стороны, чтобы планы научно-исследовательских работ этих органов—по линии разработки экономических и т. д. проблем—подверглись обсуждению и критике в наших марксистских научно-исследовательских учреждениях; 2) чтобы все эти учреждения старались максимально влиять на товарищей выходцев и членов данного научно-исследовательского учреждения, и чтобы в процессе их работы в хозяйственных органах наши товарищи возможно теснее были бы связаны с этими учреждениями.

Теперь переходю ко второму вопросу—о связи между научно-исследовательскими учреждениями и о внесении плановости в их работу. Тут приходится в 1001-й раз говорить о том, что то положение, которое имеется теперь, неудовлетворительно. Это всем известно. Что можно в этом отношении сделать? Мне кажется, что и тут первая и основная задача, это—чтобы все планы работ выработывались сообща, взаимно согласовывались и регистрировались. Я несогласен с постановкой вопроса т. Гонимана, что Комакадемия выработывает планы и затем предписывает другим научно-исследовательским учреждениям выполнять отдельные части этого плана. Если я правильно понял т. Гонимана, то такая постановка вопроса неправильна. Но, с другой стороны, безусловно необходимо, чтобы планы научно-исследовательских учреждений были апробированы какой-то общей организацией, где представлены все научно-исследовательские учреждения.

Мысль тов. Скрыпника о создании общесоюзной ассоциации безусловно правильна. Но, независимо от этого, необходим созыв совещаний по вертикалям, по отдельным отраслям исследования: экономистов, историков и т. д., для согласования и выработки общих планов работ. Если бы эти конференции созывались и рассматривали все планы, которые представляют научно-исследовательские марксистско-ленинские учреждения, внося в эти планы

известные изменения и поправки, это, безусловно, создало бы плановость в нашей работе и не могло бы быть такого положения, что наши научные учреждения при чрезвычайной ограниченности наших сил ведут параллельную работу.

Поэтому я вношу конкретное предложение: в том пункте проекта резолюции, где говорится,—и совершенно правильно,—что Комакадемия должна планы своих работ приготовить к концу академического года, добавить: что и все научно-исследовательские учреждения Союза должны планы своих работ представить к концу академического года с тем, чтобы в течение летнего времени все эти планы были согласованы путем созыва соответствующих совещаний и т. д.

Наконец, еще один пункт, который, по-моему, чрезвычайно важен для концентрации всех научно-исследовательских марксистских сил в союзном масштабе, это путь объединения всех научных работников-марксистов на почве литературно-издательской работы. Тов. Милютин в своем докладе говорил о целом ряде коллективных литературных работ и изданий, которые проводятся Комакадемией, лективных энциклопедий, которые уже изданы, издаются и которые намечаются к изданию. В большинстве случаев все эти издания привлекают к участию в них только представителей центра, только научных работников Москвы, в лучшем случае представителей Ленинграда. По крайней мере, мне неизвестно, чтобы, скажем, и представителем Украины, где имеется определенная группа научных работников-марксистов, были привлечены к участию в тех или других энциклопедиях. Мне кажется, что таким путем, путем привлечения всех марксистских сил, которые рассеяны по всему Союзу, к участию в печатании всех марксистских сил, которые рассеяны по всему Союзу, к участию в целом ряде больших и сложных коллективных литературных работ и изданий,—ломом будет достигнуто объединение всех научных работников-марксистов, но и что этот путь усилит также элементы плановости в нашей научной работе. Поэтому я считаю, что в резолюции по докладу Комакадемии нужно указать, что Комакадемия и все ее учреждения должны при выработке планов коллективных изданий привлечь к участию в них все научно-исследовательские марксистско-ленинские учреждения, которые у нас в Союзе имеются.

Тов. Лозовый. Факт созыва первой всесоюзной конференции марксистских научно-исследовательских учреждений свидетельствует о нашем росте и о наших достижениях. Безусловно, этот рост в разных формах с различными амплионами достижений проявляется в разных областях научной мысли. Особенно, мне кажется, важным является то, что старейшее научно-исследовательское научное учреждение, Комакадемия, поделилась своим опытом. Опыт этот, несомненно, послужит для многих молодых учреждений примером. Одновременно вытекают из доклада В. П. Милютина положения о необходимости координации научно-исследовательской работы на местах. Этот опыт и эта координация, впрочем, безусловно, необходимы. Ни один из предыдущих ораторов не отрицал необходимости такой координации. Такая координация в работе приведет нас в будущем к тому, что не будут заниматься некоторыми учреждениями экзотикой, щем хотя бы к тому, что не будут заниматься проблемами, которые выдвигаются жизнью, а будут заниматься конкретными проблемами, которые выдвигаются жизнью и которые жизнь ставит перед нашими марксистскими научно-исследовательскими учреждениями. И вот, касаясь этих форм координации научно-исследовательской работы разных учреждений, я бы хотел указать здесь, какие могут быть здесь эти формы. Я думаю, что здесь ни в коем случае нельзя согласиться с предложением Д. Б. Рязанова о создании Всесоюзного Наркомпроса, потому что исследовательская работа на местах протекает часто в своеобразных национальных рамках и, конечно, тут административное управление этой работой мало поможет. Я бы конкретно задал Д. Б. вопрос, может ли Всесоюзный Наркомпрос помочь, скажем, украинцам в борьбе на идеологическом фронте с украинскими национальными провинциализмом, с мелкобуржуазными в партии уклонами в научной и литературной области, как хвилевизм, волобуевщина, с которыми сейчас приходится бороться.

Все это, повторяю, на украинском языке, в украинской обстановке, и чем в данном случае может помочь Всесоюзный Наркомпрос научным работникам? Ничем абсолютно. И безусловно, что здесь нужно создать какие-то другие формы. Мне кажется, что эти формы сейчас напрашиваются,—это предложение Н. А. Скрыпника об ассоциации. В этой ассоциации нельзя будет обсуждать детали научно-исследовательской работы так, как здесь указывают некоторые товарищи,

напр., Наумов, Юриец и др. Там можно будет говорить об общих принципиальных вопросах, методологического, может быть, характера, а непосредственная связь, связь местных научных учреждений с Комакадемией, мне кажется, должна проводиться по специальным отраслям. Что мы видим сейчас? Мы видим почти везде на местах до некоторой степени копирование тех организационных форм, которые имеются в Комакадемии. Вы видите везде, на Украине, в Белоруссии и в Ленинграде, в области экономики, в области истории, в области философии то же самое. И отсюда, мне кажется, что, имея ассоциацию, здесь только могут быть выработаны общие директивы принципиального характера, методологического, а непосредственное разделение труда в области научной работы должно проводиться по специальности, и может быть, в виде специальных конференций по вопросам философским, экономическим и т. д.

Формы выездов с докладами себя уже изжили. Сейчас, когда мы подходим вплотную к разделению труда, безусловно, нужно создать более тесные формы в виде специальных конференций по отдельным вопросам. Тут опять-таки при координировании работы нельзя координировать работу таким образом, чтобы ряд учреждений занимался одним и тем же вопросом. Каждая республика выдвигает целый ряд новых вопросов, выдвигает целый ряд новых проблем. Я скажу, если в Москве есть Кондратьевы, то у республик тоже имеются свои Кондратьевы. Мы недавно слышали члена Украинской академии наук Птуха—экономиста, который в одном высоком учреждении доказывал, что никакого планирования не может быть не только в области научной работы, но и в народно-хозяйственной жизни этого плана не может быть. И это заявляет член Украинской академии наук, что не может быть никакого плана, что все это—чепуха и мы занимаемся чепухой! Вот вам каковы украинские Кондратьевы. Имеются они в каждой республике, и, безусловно, тут при борьбе на идеологическом фронте, несомненно, не нужно забывать этих своих Кондратьевых, и при координации научно-исследовательской работы надо, чтобы общие вопросы во всеобщем масштабе не заслоняли этих, повторяю, конкретных вопросов, выдвигаемых местной жизнью в виде учения Птухи о бесплановости.

Теперь еще насчет замечания т. Гоникмана. Гоникман в своей критике плана работ Комакадемии указал, что нет согласованности между отдельными секциями; он, в частности, сослался на аграрную секцию и на кооперативную секцию. Я думаю, что это—неверно. Да, поскольку аграрная и кооперативная секции имеют своим объектом изучение деревни, то, несомненно, что часто работа этих двух секций переплетается. Но, конечно, они изучают совершенно в разных плоскостях одни и те же вопросы. Если в аграрной секции изучают главным образом вопросы по линии социального состава кооперации, то кооперативная секция изучает производственные задачи, которые встают сейчас перед кооперативами и перед колхозами. Так что никакого параллелизма, по-моему, нет. Затем, если даже признать необходимость координирования работы этих отдельных секций, как экономической, аграрная и кооперативная, то это признается первым пунктом тезисов В. П. Милютинина. Вы знаете, что мысль, впервые высказанная т. Рязановым о создании специальных институтов в Академии, встретила поддержку со стороны отдельных работников Комакадемии, и уже ряд таких институтов есть, а сейчас, когда уже проходит первоначальный период накопления сил, когда есть определенная продукция в научно-исследовательской работе, то ясно сама собой напрашивается мысль о создании более крупных единиц для научно-исследовательской работы, и она вероятно в недалеком будущем в целом ряде областей научно-исследовательской работы будет проведена.

Тов. С. Ю. Семковский. Товарищи, у меня создалось впечатление, — и думаю, что и у вас такое впечатление, — что наше обсуждение потекло сразу по нескольким руслам, и это вносит известный элемент неплановости в наше совещание, посвященное плановости. Русла, по которым течет наше обсуждение, таковы: с одной стороны, мы заслушали доклад Комакадемии и доклады с мест, — к сожалению, не все, а только некоторые доклады с мест, — с другой стороны, мы попутно стали затрагивать, особенно это сделал Давид Борисович, некоторые общие вопросы и, наконец, мы перешли к вопросу относительно форм дальней-

шего согласования нашей работы, этому вопросу больше всего внимания посвящал т. Скрипник.

И вот, я говорю, мы сразу ведем прения по этим трем руслам, сплетающимся беспорядочно. Позвольте мне разбить эти пункты и, в меру имеющегося у меня времени, о каждом говорить отдельно.

Первый пункт. Мы заслушали доклад Комакадемии. Должен сказать, что доклад т. Милютинина на меня лично произвел самое выгодное впечатление тем, что в нем не было прикращивания, не было казенного оптимизма: я бы сказал даже, что в его докладе было даже некоторое преуменьшение, так, в частности, в области философской работы, естественно-научной и научно-методологической.

Но следовало бы все же указать на один органический дефект, который руководители Комакадемии, мне кажется, должны иметь в виду. Вообще говоря, академии это—чрезвычайно почтенные учреждения с большой инерцией, складывающиеся исторически, и вполне понятно, что обычно академии по своей природе создаются нагромождением, напластованием исторически стихийно сложившихся образований. Но наша Комакадемия уже по тому одному, что она коммунистическая и что она еще чрезвычайно молода, могла бы уберечься от обязательного для академий иррационализма, могла бы с самого начала рационализировать свое построение. Между тем и в ней уже за это короткое время успели сложиться свои исторические напластования. Здесь уже указывали на иррациональный параллелизм секций научной методологии и философии. Действительно, здесь совершенно нет логической возможности закреплять раздельное существование двух таких параллельных секций. Более того, логика раздельности несет здесь прямую опасность. Опасность эта—в закреплении того положения, которое мне в другой связи пришлось назвать «двухпалатной системой», когда в верхней палате «чистые» философы, оторванные от материала наук, философствуют на холостом ходу, а в нижней палате—естественники, оторванные от философии, занимаются естествознанием. От такой «двухпалатности» страдают и та и другая сторона.

И тут позвольте мне перейти к тому, что говорил Давид Борисович. В выступлении Давида Борисовича были чрезвычайно интересные мысли, и верные по существу мысли в целом ряде выставленных им пунктов. Но, может быть, в силу той молодости, которой Давид Борисович с каждым годом все более брызжет, несмотря на возрастающую седину, он нередко своим верным мыслям придает парадоксальное заострение. Когда Давид Борисович здесь говорил, что есть опасность того, что естествознание заполнит марксизм, то тут некоторое ядро верной мысли есть, но в данном выражении легко сбиться на постановку: «по-далее от естествознания!»—что несколько странно слышать от редактора «Диалектики природы» Энгельса.

Тов. Рязанов. Я вам всем дал два года возможность заниматься академической болтологией по поводу «Диалектики природы».

С места. Это была ваша ошибка.

Тов. Семковский. Я думаю, Давид Борисович, что в нашей обстановке, когда очень легко создаются лозунги, такой лозунг, как «прочь от естествознания», был бы чреват глубочайшими опасностями. Ведь, товарищи, все имеет не только свою логику, но и свой резонанс. Когда говорят, что марксизму грозит опасность со стороны естествознания, и это в то время, когда все наше старое поколение марксистов, в сущности говоря, росло только на обществоведческой основе, без естественно-научной базы, то это является и практически чрезвычайно опасным и теоретически совершенно ложным. Достаточно вспомнить слова Энгельса, что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием в естествознании, достаточно вспомнить, как Ленин резко напал на Плеханова за то, что Плеханов, критикуя махизм, игнорировал связь махизма с новой физикой. «Разбирать махизм, игнорируя эту связь, как делает Плеханов,— писал Ленин,—значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса». Это—принципиальное соображение, вытекающее из существа материалистической диалектики. А к этому присоединяются соображения практического свойства. Я считаю, что сейчас было бы особенно вредно создавать оторванность от естествознания. Напротив, основной задачей момента является концентрация сил и марксистов-философов и марксистов-естественни-

ков для борьбы с теми идеалистическими и позитивистскими, махистскими тенденциями, которые пытаются опереться не столько на старую системную философию, сколько на новейшие учения естествознания. Здесь приходится нам давать бой идеализму.

Позвольте мне, товарищи, остановиться еще на последней группе проблем, на том, что, в сущности говоря, вытекает из основной задачи нашей конференции. У меня такое впечатление, что некоторые неясности в отношении к нашей Комакадемии вытекают из несоответствия формы и содержания. По форме Комакадемия является всесоюзной, но фактически она до сих пор еще организация московская. Конечно, она всесоюзная по характеру товарищей, которые в ней работают. Это верно. Но по своей фактической деятельности она все же есть организация московская. В известном смысле данная конференция, созванная Комакадемией, если хотите, является запоздалой. Независимо от Комакадемии, «на местах», как у нас выражаются, т. е. в советских республиках, выросли свои научно-исследовательские марксистско-ленинские организации. Доклады, которые мы сегодня заслушали, это только часть докладов. Мы еще не говорили об Украине, которая из всех вне-эресферских и даже, точнее, из всех вообще, за исключением Москвы, является наиболее крупным марксистским центром. Но даже из тех докладов, которые мы сегодня заслушали, мы видим, как широко идет этот процесс научно-марксистской работы в других местах, вне Москвы. Возьмем такой марксистский центр, как Ленинград. Тов. Позерн, на мой взгляд, представил несколько, — как бы это сказать, — в слишком добродушно-провинциальном виде то, что сделано в Ленинграде. Мне кажется, что в Ленинграде есть больше того, что вырисовывалось из такой несколько расплывчатой характеристики. И то, что мы слышали от наших белорусских товарищей, показывает, что и в Белоруссии развитие научно-марксистской работы идет верными шагами вперед. Там мы, в сущности говоря, имеем повторение того, что мы сделали на Украине: это путь проторенный, испытанный, верный, и по этому пути наши белорусские товарищи уже прошли первый, самый трудный, кусок.

Так, на местах выросли довольно значительные организации. И сейчас перед нами встает вопрос о том, что же нам сделать практически на данной конференции для объединения и согласования всей нашей работы. Наша конференция должна дать первый толчок к тому, чтобы создать действительное сплочение научных марксистско-ленинских сил. Сама по себе конференция, конечно, еще не даст в готовом виде этого объединения, но толчок к нему она может и должна дать. И мне кажется, что резолюция, которая представлена по докладу т. Милютина, слишком робко идет по пути создания действительного объединения. Та идея, которую здесь выставил т. Скрыпник, является, на мой взгляд, гораздо более прямой, гораздо более решительной и гораздо более реалистической, — идея ассоциирования. Это ассоциирование должно иметь в виду не администрирование, не создание механически-централизованного кулака, который вовсе не нужен в научной работе. В этом отличие научной работы от хозяйственной работы. Здесь напрасно, кажется, Михаил Николаевич перебарщивал прямолинейно мост от научной работы к хозяйственной работе: наука, дескать, есть орудие хозяйства, и потому здесь необходимо создать такую же централизацию, какая вытекает из логики хозяйственной работы. В том-то и дело, что хозяйство по логике своей есть нечто централизованное, причем, однако, и тут известная доля децентрализации диктуется потребностями самого хозяйства. Но научная работа должна строиться не на принципе механически централизованного администрирования, а на принципе согласования и ассоциирования. Нам нужно, может быть, использовать даже пребывание здесь во время этой конференции для того, чтобы создать реальную связь по вертикалям, не просто по горизонтали целых учреждений, но по специальностям, связавшись с соответствующими секциями и комиссиями Комакадемии, и создать некоторую согласованность и сплоченность в работе. Разумеется, это только первый шаг. Нам нужно закрепить в резолюции необходимость создания в конечном счете ассоциации всех имеющих в Союзе научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений. Если мы это проведем, не смущаясь соображениями формы, т. е. того, что, может быть, поскольку Академия является всесоюзной, она сама себя рассматривает, как такую готовую ассоциацию, — не этими соображениями формы и формального престижа

надо нам руководиться при разрешении такой большой и сложной задачи, как сплочение сил всех научно-работающих марксистов в Союзе, — то мы поставим вопрос на единственно реальную почву. За последний год Комакадемия чрезвычайно выросла. Это надо с большим удовлетворением констатировать. Но, наряду с этим, выросли и другие научно-марксистские учреждения, которые возникли и исторически развивались до сих пор самостоятельно, независимо от Академии. Контактное и увязка всей работы по вертикалям в рамках общей горизонтальной объединенности — все это легче всего достижимо в такой гибкой форме, как ассоциация. Смысл ассоциации не в установлении механически-централизованного командования, а в объединении той работы, которая ведется на деле. И я думаю, что товарищи, учитывая весь опыт нашей работы и задачи ее на дальнейшее, должны будут признать, что наиболее практическим, реалистическим путем и в то же самое время тем путем, который с наибольшим успехом об'единит и сплотит все наши силы, является именно ассоциация. Я думаю, что если мы в результате заслушанных здесь докладов, лучше даже по заслушанию остальных докладов, которые логически сюда же относятся, — если мы, после всего этого, избравши специальную комиссию, разработаем конкретную резолюцию, которая гораздо более решительно, чем та, которая нам предложена, шла бы по пути объединения, то тогда первая и основная задача нашей конференции будет разрешена.

Тов. Рохкин. Товарищи, с научной деятельностью Комакадемии мы, научные работники, знакомы не только из отчетов Комакадемии и из доклада т. Милютина, но из более живого и, я бы сказал, более глубокого источника. Мы все следим с большим интересом за всем тем, что делается в Комакадемии. Мы, каждый по своей специальности, следим за теми коллективными научными предприятиями, которые за последние годы Академия выпускает, и поэтому вполне понятно, что мы с большим интересом слушали и доклад т. Милютина и особенно доклад т. Покровского. Сегодня во время дебатов затрагивалось много вопросов, но, мне кажется, что один вопрос не был затронут с достаточной глубиной и с достаточной ясностью. Например, сегодня никто не говорил о тех условиях, в которых находится научная работа марксистов у нас в Союзе. Нет сомнения, что за последние годы эти внешние условия стали лучше, но также нет сомнения, что мы еще не достигли такого положения, когда мы могли бы сказать, что научная работа марксистов находится в таких условиях, которые дали бы возможность выполнить нашу основную задачу, т. е. победу нашего мировоззрения над мировоззрением враждебного нам класса, над мировоззрением буржуазии во всех отраслях науки. Об этих условиях нужно было сегодня говорить. Они заключаются в непланомерной нагрузке, которая чрезвычайно мешает планомерному и целесообразному развитию нашей работы. Так что я считаю, что в той резолюции, которая будет вынесена, нужно отметить, что нужно изменить к лучшему условия работы наших товарищей.

Теперь я бы хотел подойти к вопросу, который лично меня чрезвычайно интересует и который, по всей вероятности, я думаю, интересует всю конференцию. К сожалению, доклад т. Покровского был объявлен неподлежащим обсуждению, но я лично считаю, что вопросы, затронутые т. Покровским, настолько интересны и настолько стимулируют нашу мысль, что было бы желательно, хотя бы в другой обстановке, обсудить, иногда спорные, выводы, сделанные т. Покровским. Когда был сделан доклад о достижениях нашей марксистской мысли за 10-летие революции, у меня сложилось впечатление, что т. Покровский сказал не все то, что нужно сказать. (Тов. Покровский с места. Я сказал только две трети, а одну треть не мог сказать за утомленностью аудитории.) Не знаю, совпала ли бы ваша третья часть с тем, что я хочу сказать, но я разрешаю себе сказать несколько слов об итогах нашей марксистской работы за первое 10-летие нашей революции. Мне кажется, что, несмотря на рост нашей марксистской мысли, все-таки в основном мы работали более вширь, чем вглубь, и наша работа носила, главным образом, научно-популярный, а не научно-исследовательский характер.

Если, например, придерживаться критерия М. Н. Покровского, указавшего, как на признак победы нашего мировоззрения над мировоззрением буржуазным после Октябрьской революции, на три работы: Ленина, Бухарина и Крицмана, то я, как историк, а специально, как историк Запада, должен, к сожалению,

сказать, что таких работ мы не имеем. Если ограничиваться той областью, которая мне больше всего знакома,—историей Запада,—я могу указать на одну только работу, которая может претендовать на звание научной работы, это работа т. Лукина «Парижская коммуна», которая, по сравнению с работами, вышедшими до революции, представляет большой шаг вперед. Других работ, за исключением статей в тех или иных журналах, мы не имеем. Как видим, если взять специально историю Запада за 10 лет революции, то мы больших достижений не имеем. Я поэтому думаю, что, несмотря на большую работу в целом ряде областей, мы не вышли в основном за пределы научной популяризации. Нет сомнения, что эта научная популяризация была нужна, потому что мы имеем перед собой задачу бросить определенную сумму знаний в массы более широкие, чем те массы, которые могли пользоваться знанием до революции, и эта задача нами была разрешена. Но это только почва для настоящей науки. А сейчас перед нами задача, чтобы от этой работы вширь мы перешли к работе вглубь. Вот что теперь необходимо. Поэтому я считаю, что наше совещание должно обратить внимание на этот вопрос и указать на то, что, начиная со второго десятилетия нашей революции, научно-исследовательская работа должна сейчас стоять в центре нашего внимания. Конечно, было много причин, почему мы не могли в течение этих лет заняться научно-исследовательской работой так, как нам хотелось бы. Главным образом это были причины внешнего характера. А если мы сейчас осознаем это положение вещей, мы, несомненно, в этом отношении должны кое-что сделать. Должен сказать, что с одной мыслью т. Рязанова я вполне согласен. Он говорил о том, что марксисты занимаются общими вопросами, а настоящую научную работу ведут не марксисты. Он указал на Петрушевского, очень талантливого русского историка, который марксистом не является, но все-таки от его работ остается положительный научный осадок.

С этой мыслью т. Рязанова я согласен, и, по-моему, беда наша в том, что в нашей среде, несомненно, имеются, как бы мне выразиться, чтобы никого не оскорбить, предрассудки, которые мешают нам правильно понимать отношение между теорией научной работы и между ее практикой. Все те, которые занимаются научной работой, особенно те, которые работают в семинариях с молодыми товарищами, прекрасно знают, на какие трудности наталкивается научная работа. Например, когда вы даёте молодому товарищу доклад на ту или иную тему и даёте ему материал, то иногда бывает, что товарищ увлекается схемой во вред конкретному изучению вопроса. Он подходит к вопросу схематически. Ясно, что это нездоровый уклон. Это, товарищи, факт, и нужно с этим согласиться.

Вот, товарищи, те соображения, которые я считал нужным высказать, потому что первая конференция, которая собралась, наконец, после 10 лет революции, должна знать, что думают наши научные работники для того, чтобы совместными усилиями расширить и углубить научно-исследовательскую марксистскую работу.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВАРИЩА МИЛЮТИНА

Тов. Милютин. Товарищи, я должен сказать, прежде всего, что по принципиальным основам, выставленным в моем докладе, относительно плана работ, возражений по существу не было за исключением двух вопросов, на которых мне придется остановиться. Это—на вопросе о естествознании, по которому высказался т. Рязанов, и второе—на вопросе, который поднял т. Гониман, относительно постановки у нас проблем в области философии. Это два вопроса, по которым необходимо с принципиальной точки зрения сделать вполне определенное разяснение.

Я думаю, что т. Рязанов, в пылу спора, возражал против самого себя, как Рязанова-марксиста, как Рязанова—редактора работ Энгельса, работ Маркса, особенно тех вновь изданных сочинений Маркса и Энгельса, которые появились на свет благодаря изысканиям, сделанным т. Рязановым. Я думаю, что т. Рязанов в этом отношении просто увлекся.

Тов. Рязанов. Не увлекся, а повторяю все дословно, что сказал раньше.

Тов. Милютин. Тем хуже будет для т. Рязанова, ибо т. Рязанов сказал нехорошо, совсем плохо, потому что фактически он выступил против работы марксистов в области естествознания. Только так его можно понять.

С места. Нет, вы неправильно поняли его.

Тов. Милютин. Можно только так понять, что он выступил против марксизма в области естествознания.

С места. Вы не поняли его.

Тов. Милютин. Я думаю, что здесь как раз наоборот, мы поняли его. Но, может быть, т. Рязанов просто не ясно сформулировал свою мысль, если это так, то он с этой кафедры должен это разяснить, ибо его настоящая позиция в основе неправильна и антимарксистская а для настоящего момента она была бы даже вредна для нас, потому что сейчас вопрос естествознания для нас приобретает величайшее значение. В эпоху строительства социализма проблемы точных наук для нас имеют огромное значение. И вот здесь, когда т. Рязанов выступает так, что говорит: ах, естествознание заразит марксизм, поэтому держитесь подальше от естествознания!—то это совершенно неправильная постановка. Таких марксистов, которые не могут идти в гущу жизни, в гущу борьбы, в гущу строительства, нам не нужно. Пускай сидят они в своих кабинетах, музеях, архивах и т. д., но, если они не умеют бороться в области идеологии и в области практики, они нам не нужны.

Так что мне кажется, что в настоящий момент эта позиция т. Рязанова, если он от нее здесь не откажется, в корне неправильна.

Тов. Рязанов. Я этой позиции не отрицаю.

Тов. Милютин. Это просто словесность у вас, т. Рязанов. Очень часто Рязанов спорит с Рязановым же. Он разбивает Рязанова в отдельные моменты с таким же грохотанием, с каким он вообще всегда выступает. В данном случае, в этом вопросе он абсолютно неправ, и Комакадемия в этом вопросе на его точку зрения, конечно, не станет.

Тов. Рязанов. Очень плохо.

Тов. Милютин. Мы будем развивать эту работу, будем организовывать вокруг себя марксистов—работников естествознания, будем ставить научно-исследовательские институты, развивать их в стенах Комакадемии, в стенах Комакадемии будем развивать теоретическую работу в области прикладных наук. У т. Рязанова, по существу, происходит смешение двух вещей. У него одно противоречит другому. С одной стороны, он требует создания научно-исследовательских институтов, специально марксистских теоретических институтов, а, с другой стороны, он старается их отбросить, разбить. Он хочет отмежевать прикладные науки. Он как бы не признает практического значения этих наук. Конечно, товарищи, одно дело—прикладные институты НТУ, и совсем другое дело—те институты, которые будут создаваться вокруг Комакадемии.

Между тем, т. Рязанов дешевым остроумием (которое нам, откровенно говоря, уже всем надоело) отмахнулся от всех основных задач, которые стоят перед нами в этой области. Это является совершенно неправильным.

С места. Правильным.

Тов. Милютин. Мы будем эту область работы всячески развивать. Я уже не говорю о достаточно надевшем нам дешевом остроумии т. Рязанова в отношении «собачьего института». Мы включили в этот Институт по изучению высшей нервной деятельности целый ряд серьезных товарищей, а т. Рязанов над этой работой посмеивается. Я должен сказать, что это является недостойным т. Рязанова, так что мне приходится Рязанова защищать против Рязанова же, когда он выступает вот так, в качестве полемиста. Слово т. Рязанова очень ценно, из него сплошь и рядом можно сделать очень ценные выводы, но, когда он бросает такие фразы, увлекаясь своим остроумием,—не остроумием, а остроумием—то получается в корне неправильная трактовка. Мне кажется, правы т. Покровский и другие, когда выступали в этом вопросе против т. Рязанова. Нам нужно в этой области создавать своих работников, своих теоретиков, и такая работа до сих пор не велась, таких специалистов, своих теоретиков, у нас очень мало. Иногда против остроумия бывает очень трудно устоять. Иногда это остроумие может разрушительно подействовать, когда дело молодое, слабое. Это остроумие принесло уже вред нашему делу. Но, когда дело выросло, нам это остроумие не страшно. Далее, мы имеем общества биологов, математиков, здесь организованные. Пусть Рязанов, как хочет, называет, болтологией или еще как, но

люди стремятся между собой поделить опытом, поделить знаниями. Я потом покажу, что т. Рязанов не понимает организационной структуры научной работы здесь у нас. Когда он будет читать доклад об институте Маркса и Энгельса, мы тогда поговорим об его организационной структуре, о результатах этой работы.

Второй вопрос, который поставил т. Гониман относительно механистов и диалектиков: как это Комакадемия не выявила своего лица и определено не встала на ту или иную сторону? Товарищи, это большой вопрос. Комакадемия это—учреждение, где допускается и должно допускаться столкновение мнений по тому или иному теоретическому вопросу, которые имеются в среде наших коммунистов. (Голос. В том числе и ревизию марксизма.) Товарищи, в свое время, когда Преображенский писал «Новую экономику», мы ставили вопрос: допустимо ли обсуждение в Комакадемии поднятых им вопросов. Определенную оценку позиции т. Преображенского мы потом дали, но допустимо это или нет? Здесь все время ведется борьба мнений. Тов. Деборин у нас является членом редакции «Вестника Комм. Академии». Тов. Деборин является главой философской секции. Так что здесь одно направление имеется, но вместе с этим т. Тимирязеву, он член Академии, т. Степанову-Скворцову, он член Академии, что мы запретим здесь высказывать и развертывать свои проблемы так, как они считают нужным? Мы им закроем двери, заткнем рты, чтобы они прекратили эту научно-исследовательскую работу? Это будет неправильно. Мы здесь должны создать условия для этой работы. Если мы не создадим их здесь, то куда они пойдут, где будут работу вести? И мы сразу решаем, что мы даем преимущество для одних и закрываем возможности высказывания для других (Тов. Рязанов с места. Вы не рот закрывайте одним, а преимущество дайте.) Тов. Деборин не может пожаловаться: мы дали ему преимущество. (Тов. Рязанов с места. Не ему, а течением.) Течением широчайшие возможности предоставлены. Мне кажется, что здесь взята президиумом правильная линия. Мы еще не знаем результатов проработки этих проблем. Нельзя так предрешать вопроса, что эти два течения уже настолько определились, что никогда не соединятся между собой. Можно ли это сказать? Нельзя сказать. Нельзя сказать, чтобы те или иные товарищи—Тимирязев, Степанов-Скворцов—отошли от марксизма. Неизвестно, в результате проработки, дискуссии, будет ли здесь в конечном счете проведена единая линия или останется то же положение; заранее мы этого сказать не можем, и поэтому мы идем на то, чтобы проработку этих вопросов допускать в стенах Комакадемии. Вот два больших вопроса, на которые я считаю необходимым дать ответ. По поводу остальных вопросов, в смысле принципиального обоснования проблем, связанных с социалистическим строительством, возражений не было, и я считаю, что в таком случае они принимаются, как таковые.

Теперь перейдем к организационным вопросам. Здесь большинство товарищей высказывалось по организации плановой работы и планирования научной нашей работы. Товарищи, мой доклад был не только докладом отчетного характера. В своем докладе я старался, на основании опыта работ Комакадемии, нарисовать перспективы дальнейшей организации научных работ. Но я сознательно дал весьма скромную оценку и работ Комакадемии и тех реальных возможностей и перспектив, которыми мы обладаем в смысле дальнейшей организации нашей научной работы. Начну с того предложения, которое здесь делалось в отношении организационной стороны нашей внутри-академической работы. Тут опять приходится задевать т. Рязанова. Тов. Рязанов полагает, что если мы перенесем вывески на наших секциях и напишем «институты», то этим вопрос решится: они сделаются исследовательскими учреждениями. На это я должен сказать, что как бы вывески ни меняли, не этим будет определяться содержание работы того или иного учреждения, и пока не будут организованы живые научные силы в смысле подготовки кадра научных работников, пока не будет создана соответствующим образом научная работа, до тех пор эти учреждения не сделаются исследовательскими. У нас есть Институт советского строительства, снабженный подсобным материалом, своей библиотекой, но его влияние более слабо, чем нашей аграрной секции, которая помещается в одной комнате, не имела до сих пор своей библиотеки, не имела подсобного материала, но имела хорошо подготовленных товарищей, занимавшихся научной

работой, пользуясь материалами других учреждений. Благодаря этому работа журнала «На аграрном фронте», работы по расслоению деревни, по земледелию и землепользованию и т. д. имели теоретическое и практическое значение, в то время как работа Института советского строительства у нас не имела влияния на практическую действительность. Я там не могу указать аналогичных теоретических трудов.

Голос. Раньше несколько имелось.

Тов. Милютин. Нет, и раньше не имелось. Тут должна быть длительная работа по воспитанию научных работников. Поэтому мы только постепенно подходим к постановке вопроса о превращении секций в научно-исследовательские учреждения. Если бы мы прямо сказали, что после конференции, после резолюции мы сразу превратим наши секции в научно-исследовательские учреждения, мы бы дали просто легкомысленное обещание, ибо не выполнили бы его. Перед нами задача создания научных сил. Как это делается? Как их воспитывать?

Возьмите пример аграрной секции. Как воспитывались товарищи там и выросли до работников, которые несут ответственную работу, довольно трудную, и сейчас являются ответственными за целый ряд работ. Как это делалось? Это делалось путем систематической работы в редакции «На аграрном фронте», когда мы товарищей сначала сделали помощниками редакторов, когда они и прорабатывали сами определенные темы, и помогали редактировать, и принимали участие в журнале. После этого они были введены в состав редакции «На аграрном фронте». Они участвовали в целом ряде работ под руководством знающих товарищей, прорабатывали целый ряд тем и выработались в теоретические силы. Так же происходило дело в других секциях. И когда у нас будет кадр научно подготовленных работников, мы будем превращаться, естественно, в научно-исследовательские учреждения. Подчеркиваю,—естественно, а не так сразу, по схеме, как предлагал здесь Давид Борисович. У Дав. Борисовича так гладко вышло на бумаге, но он забыл все те овраги, через которые приходится шагать. Он говорит: объедините экономическую секцию и аграрную секцию в один институт советской экономики. И вот будет один институт. Объедините такие-то секции—вот вам другой институт, и т. д. Но дело не в том, чтобы объединить, а в том, чтобы действительно был у нас определенный кадр постоянных научных работников, которые выполняют в этом объединенном учреждении действительно такую работу, которая соответствует Институту советской экономики (это было бы неправильное название, но предположим даже,—Институт советской экономики). К этому научно-исследовательскому учреждению возможно, что мы через год подойдем. Но, если бы мы завтра их объединили, то ничего бы не вышло. Эти секции у нас помещаются наверху, в 3-м этаже, все в одном помещении. Если переименуем название в протоколах, и вместо секций будете называть их институтами, то из этого ничего не получится. Не в этом дело. Дело не в том, как вы назовете эти учреждения, а дело в том, что сейчас, когда мы имеем уже кадр научных сотрудников, пришла пора, когда мы можем снабдить эти учреждения определенным подсобным материалом, соответствующими библиотеками, и необходимым сырым материалом по тем проблемам, которые сейчас прорабатываются. К этому мы теперь подошли и это уже делается. Сейчас у нас, например, по расслоению деревни собран богатейший статистический материал, который здесь прорабатывается, по коллективизации сейчас собирается материал, вплоть до монографических описаний колхозов с выездом на места и т. д. Это—тот первичный материал, те факты, которые мы потом будем обрабатывать. Таким образом создается богатство соответствующего учреждения. Только так мы подойдем к этой задаче.

Но некоторые секции у нас сейчас еще находятся в периоде первоначального накопления своих научных сил. Нам приходится считаться с тем, что каждое из наших учреждений должно проходить такую подготовительную стадию работы. Я вам говорю, что это неплохо, что мы проходили через доклады, и нечего ссылаться, что это болтология. Извините, пожалуйста, Давид Борисович тоже начал с докладов, и, кроме докладов, у него ничего не было. Это—факт. С докладов у нас все начинается, мы собираем вместе людей, которые сталкиваются между собою, выкладывают свой научный багаж и т. д. Потом вокруг них организуется кадр научных работников, который начинает накапливать

научный материал, а потом вырастает научно-исследовательское учреждение. Всего этого сразу механическим административным распоряжением не сделаешь. И когда нам сделали упрек, что у нас есть расстройство, что можно рационализировать сразу работу,—я не знаю, может быть, мы постепенно и рационализируем, и сольем в более стройную форму, но сейчас приходится считать в первую очередь с наличием людского материала, которого у нас большой недостаток. Я вам говорил, что в Комакадемии мы имеем по всем секциям старших научных сотрудников 59 человек. По всем экономическим секциям имеем их всего 18 человек, причем они завалены целым рядом работ по другим учреждениям и причем у нас сейчас берут на ответственную работу из 18 человек 10 человек. Так что, в самом деле, это была бы совершеннейшая шуточка, если бы мы сразу сказали, что с 8-ю человеками организуем научно-исследовательское учреждение. Это была бы дутая штука. Мне кажется, что тот схематизм, которым было проникнуто предложение Дав. Бор., нам не подходит сейчас. Мы к этим научно-исследовательским учреждениям идем. Ведь Дав. Бор. сам согласился с той резолюцией, которую я предлагал, которой он сочувствовал. Так что дело не в том, что мы не сознаем, что нам нужны научно-исследовательские институты, но вы думаете, что превратить наши учреждения в научно-исследовательский институт можно так просто, административно, сливши все секции и переименовавши их, и т. д. Я думаю, что это можно сделать только путем длительной работы. Мы на этой конференции должны открыто поставить вопрос и здесь нам нужно учесть этот опыт. Если сразу у себя раздуть институты, то никакой плодотворной работы получить не удастся, а только разойдутся средства. Эта критика Дав. Бор. совершенно неправильна, а если он ставил вопрос в смысле перспектив, то он ломился в открытую дверь.

Теперь—второе. Т. Магеровский—о Ранионе. Здесь он тоже чрезмерные к нам предъявляет требования. Он предлагает совместное представительство—из Раниона сюда, отсюда—в Ранион, и т. д. Во-первых, т. Фриче у нас сейчас в президиуме, так что сам председатель Раниона состоит членом президиума Комакадемии, и такие совместные заседания были бы излишни, отнимая у нас много времени. Далее, т. Магеровский жаловался на то, что мы у них забираем научных работников. Ничего подобного. Пожалуйста, оставьте их у себя. Мы из новых кадров, окончивших комвузы и Институт красной профессуры, будем набирать научных сотрудников, из которых мы через год, через два подготовим определенный кадр теоретически подготовленных работников. Я помню, товарищ Скрыпник против этого пункта возражал, но почему возражал, я не помню.

Тов. Скрыпник. По совместительству.

Тов. Милютин. Вы не с нами спорьте. Мы боремся и деремся за каждого нашего секретаря, когда секретаря какой-нибудь секции у нас отбирают.

Тов. Скрыпник (не слышно).

Тов. Милютин. Мы считаем, т. Скрыпник, что здесь мы не только должны готовить кабинетных работников; партия правильно поступает, когда у нас часть работников, которые выросли, подготовились, берет на определенную работу. И тут мы считаемся с этим. Мы не можем только с ведомственной точки зрения смотреть: ах, взяли хорошего товарища!—Пускай они на все времена остаются за нами! Так мы не можем подходить к государственной и партийной работе.

С места. Закрепите.

Тов. Милютин. Обязательно. Я думаю, что эти товарищи не оторвутся от нас, будут сохранять с нами связь, и эта связь будет чрезвычайно ценной. Ведь каждый из нас, и т. Покровский, и я, и т. Крицман, помимо Комакадемии, загружены в целом ряде учреждений. Конечно, желательнее было бы, чтобы нас в том или ином учреждении разгрузили, но такая спайка с жизнью чрезвычайно ценна. Мне кажется, что мы не ставим себе задачу обязательно здесь воспитывать кабинетных теоретиков. Мы будем, несомненно, воспитывать теоретиков, но теоретиков, вместе с тем участвующих в творчестве, в живой работе.

С места. Вопрос идет об основной работе.

Тов. Милютин. Даже основных товарищей отбирают. Мы иногда возражаем, боремся, но в большинстве случаев безрезультатно, потому что, если вырос человек и его можно использовать, его используют не только в наших стенах,

но и на другой работе. Правда, т. Позери прав. Нам надо отстаивать тот взгляд, что научная работа, которая здесь ведется, это тоже работа, и нельзя ее рассматривать, как прибавление к работе. Он совершенно прав в этом отношении, нужно в резолюции подчеркнуть, что надо эту работу рассматривать как часть партийной нагрузки, не считать ее, конечно, за 100%, но считать научную работу хотя бы как часть нагрузки на человека. Часто же этого не делается.

Теперь я остановлюсь на организационной форме, которая здесь предполагалась в виде ассоциации. Я полагаю, товарищи, что нам надо уточнить, конкретизировать предложение, которое мы делаем по объединению работы. Должен заметить, что тут мы не только предлагаем выезды с докладами или доклады здесь, но мы предлагаем три, даже четыре меры: это, во-первых, доклады, во-вторых, обмен материалами, в-третьих, совместная организация научных работ, разделение труда, так, чтобы выполнение соответствующих работ на определенных темах, над определенными проблемами можно было разделить между нашими здешними и другими союзными, местными и т. д. научно-исследовательскими учреждениями, и, в-четвертых, мы предлагаем конференции по специальным вопросам. Но можно ли сейчас подойти к ассоциации? Что значит ассоциация? Мы должны были бы здесь создать какой-то орган.

С места. Бюро.

Тов. Милютин. Бюро. Которое бы сидело здесь. Чем бы оно занималось? Я полагаю, что сейчас это преждевременно. Это, может быть, придет. Это же первая конференция, первая попытка обмена опытом, обмена информацией, взаимная информация. Если мы сейчас примем форму ассоциации, то я, откровенно скажу, я боюсь, что это будет у нас бюрократическая затея в этой области. При том положении, в каком находятся местные организации, и при том положении, которое у нас имеется сейчас, мы, создавши такое бюро сейчас, ему живой, ценной и полезной работы дать не сможем.

Так что мне представляется, что эта ассоциация и закрепление ее в организационных формах являются несколько преждевременными. Давайте этот вопрос пока отложим, и может быть, через год мы сможем этот вопрос относительно ассоциации поставить более конкретно. Я этот вопрос об ассоциации не отбрасываю, но я полагаю, что нам нужно об этом подумать, над этим вопросом следует поработать. Товарищи, разехавшись на места, этот вопрос у себя проработают, и тогда мы его сможем более конкретно поставить.

Последнее мое предложение касается вот чего: я предложил бы принять резолюцию, которая прилагается по докладу Комакадемии, за основу и избрать комиссию по выработке окончательной резолюции, с внесением тех или иных конкретных предложений, которые были внесены в развитие этой резолюции. Может быть, даже понадобятся некоторые части ее совершенно по-иному распланировать, и, если предоставится необходимость, ее дополнить. Вот мои предложения по поводу резолюции.

На этом, товарищи, разрешите закончить.

Председатель. Я думаю, что мы сейчас никаких резолюций принимать не будем?

Тов. Милютин. Почему? За основу можно принять.

Председатель. В таком случае предлагаю голосовать. Кто за то, чтобы принять эту резолюцию за основу с передачей ее в комиссию или президиум?

Тов. Милютин. Я думаю, что в комиссию лучше.

Председатель. Прекрасно.

Тов. Скрыпник. А что значит за основу?

Председатель. Значит, взять за основу те тезисы, которые имеются, и их содержание послужит директивой для той комиссии, которую мы изберем.

Итак, товарищи, кто за принятие этой резолюции в качестве основы, прошу поднять руки? (Происходит голосование.) Итак, за принятие этой резолюции 18 человек. Для проверки прошу поднять руки всех товарищей, имеющих мандаты с решающим голосом. 22. Кто против? Таковых нет. В таком случае принимаем эту резолюцию за основу.

Тов. Покровский. Предлагаю назвать состав комиссии.

Тов. Милютин. Я бы предложил президиум конференции и плюс несколько товарищей с мест, которых бы выдвинули Белоруссия, Ленинград и Украина.

Тов. Рязанов. Я предлагаю в комиссию — президиум и представителей тех мест, которые не вошли в президиум.

Тов. Покровский. Итак, имеется два предложения: 1) пополнить президиум представителями от Украины, Ленинграда и Белоруссии; 2) ввести только представителя Белоруссии, т. е. поручить президиуму с введением представителя от Белоруссии.

Кто за то, чтобы поручить выработку резолюции в основном президиуму? (Большинство.)

Кто за присоединение к президиуму Белоруссии? (Большинство.)

Тов. Милютин. Я предлагаю ввести в состав комиссии т. Стена и т. Камышан.

Голос. Я предлагаю ввести в состав комиссии т. Гоникмана, так как он здесь высказывал свою принципиальную точку зрения.

Тов. Покровский. Тов. Стен представляет точку зрения, которую развил т. Гоникман.

Кто за введение т. Гоникмана в комиссию, прошу поднять руки? (Большинство.)

Кто за введение т. Камышан? (Большинство.)

Кто за введение т. Стена? (Большинство.)

Итак, президиум, усиленный товарищем из Белоруссии — Игнатовским, тт. Сте- ном, Гоникманом и Камышаном, должен будет выработать текст резолюции.

Комиссия соберется завтра во время перерыва между утренним и вечерним заседанием.

Слово предоставляется т. Рязанову по личному вопросу.

Тов. Рязанов. Я попал отчасти в положение содокладчика. Решительнейшим образом протестую против новой легенды, которую хотят распространить отсюда, о том, что я говорил: подалеже от естествознания! (Г о л о с. Правильно). Решительно протестую, и меня в этом отношении поддерживают стенографистки. Я приношу глубокую благодарность стенографисткам: мне не приходится менять ни одного слова в направленной стенограмме. Читаю: «Тов. Деборин обвиняет меня очень часто в чересчур равнодушном отношении, в некотором даже индифферентизме, хотя в общем и основном мы стоим на одной и той же точке зрения. Это объясняется тем, что, по вполне понятным причинам, этот башмак мне не так жмет, как Абраму Моисеевичу. Но факт остается фактом, что у нас в последнее время в этой охоте на естествознание повторяется картина того, как охотник схватил медведя, а медведь его не отпускает. В последнее время эти признаки заражения естествознания не марксизмом, а марксизма естествознанием все больше и больше усиливаются». Дальше: «Естествознание — великое дело. От него пахнет миллионами и миллиардами, но в области научного исследования, в области марксведения естествознанию должно быть отведено определенное место. И это нам надо подчеркнуть. Должен сказать, что эта зараза марксизма естествознанием чувствуется уже всюду. Тов. Гоникман не согласен с этим? Согласен». Тов. Варьяш, зараза марксизма естествознанием означает у меня то что марксисты начинают забывать основы диалектического метода, а раз это так, то марксисты начинают забывать, что для объяснения общественных явлений недостаточно математики или естествознания, что на определенной ступени развития этих явлений количество переходит в определенное качество, в определенный порядок, в определенные свойства, которые для своего объяснения нуждаются не только в законах низших, — не в смысле иерархии нижестоящих дисциплин, — а требуют своих собственных законов». Я ничего не хочу менять. «Таким образом, товарищи, эта зараза чувствуется. Я чувствую эту заразу, когда я читаю некоторые из этих философских статей. Они переносят меня в доброе старое время, в 80-е и 90-е годы — к более ранним временам моя сознательная жизнь не доходит, но если я беру литературный источник, то я переношусь в 70-е годы, — когда свирепствовало это желание оплодотворить марксизм всем, чем угодно. Итак, товарищи, это третья вещь, от которой Комакадемия отходит или которой она недостаточно занимается в силу неправильности ее организации». Пусть кто-нибудь попробует защищать противоположную точку зрения, — я согласен с ним дискутировать, конечно, не с таким глубоким знатоком статистики и экономики, как т. Милютин.

Дальше насчет так называемого собачьего института. Я вначале говорил, что я протестовал против создания 3-го института, дублирующего 2 институт в Ленинграде, стоял на этой точке зрения в бюджетной комиссии, буду теперь в бюджетной комиссии выступать самым резким образом против Подкопаевского института. Я уже это сделал, но буду защищать Институт экспериментальной медицины. Этот Институт не потерял в бюджетном порядке. Я теперь читаю буквально: «Оказывается, что компетенция этого Института расширяется. Сейчас я это приветствую. Если эта штука, которая имеется в пределах Академии, и сопровождается определенными последствиями в области атмосферы этой Академии, если эта штука будет перенесена в другое здание и войдет, как организационная часть в Институт естественно-научный со всеми теми отделениями, на которые я указывал, я буду только приветствовать». Я тут же предложил на пленуме Академии: Институт высшей нервной деятельности, плюс секция точных наук, плюс будущий Институт истории и естествознания. Это значит: подалеже от кустарничества, подалеже от академической болтологии и ближе к общему определению задач Комакадемии в области естествознания.

3-й пункт — насчет Всесоюзного Наркомпроса. Милые мои товарищи, организация научно-исследовательского учреждения требует места, как я выразился, и всяких других вещей. Работать нужно на определенном месте, но не в воздухе, нужны стены, нужны аппараты, а на это нужны деньги. Если вы этого не планируете в бюджетном порядке, если вы позволите это делать так, как это делается в союзном бюджете, так, что сотни миллионов рублей тратятся на научную эту деятельность без того, чтобы она прошла через какой бы то ни было Наркомпрос, то не всегда грамотный в этом деле Наркомфин окажется единственным Наркомпросом. Если вы это допускаете, вы должны знать, что без этого бюджетного объединения ничего нельзя сделать, без этого объединения вы ничего не сделаете. Поэтому я предложил на сессии союзного ЦИКа организовать не Наркомпрос, — я этого не говорил, это мне приписали, — предложив организовать центр, который будет руководить этими научно-исследовательскими учреждениями. В результате получилось дикое учреждение, — каюсь, — ученый комитет Союзного ЦИКа, который забыл, что при Совнаркоме имеется свой комитет, имеющий Всесоюзную академию наук, которая считает себя единственным центром всей науки во всем Союзе. Я тоже доказывал необходимость всесоюзной научной ассоциации, — и тут я очень рад согласиться с Н. А. Скрыпником, но это предполагает объединение в рамках союзного бюджета. Это — три.

А теперь — четыре. Я нахожусь в очень серьезном философском обществе. У некоторых моих противников имеется привычка ссылаться на мой темперамент, на мой голос, на мое остроумие. (Г о л о с. Остроумие.) Это вещи, в которых я не виноват. (Смех.) Это у меня от природы. Но напомню: французский философ Монтень сказал, что самым серьезным, мрачно-серьезным животным является осел. (Смех.)

Заседание закрывается.

1. РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИНЯТЫЕ КОНФЕРЕНЦИЕЙ

1. Резолюция по докладу т. Милютина о работе Коммунистической Академии

1. План работы Комакадемии в принципиальном отношении построен вполне правильно.

Признать необходимым дальнейшее усиление увязки научно-исследовательской работы Комакадемии с практическими задачами нашего социалистического строительства и усиление участия научной работы Комакадемии в разработке практических мероприятий в области этого строительства.

Поэтому следует работы секций экономической, аграрной, кооперативной, секции государства и права, Института советского строительства и Комиссии по изучению национального вопроса координировать между собой в целях более углубленной проработки вопросов, намеченных в плане работ Комакадемии.

Вопросы культурной революции в настоящее время также становятся крайне важными вопросами, требующими к себе самого серьезного внимания и теорети-

ческой проработки. Поэтому необходимо, чтобы Комакадемия дополнила в дальнейшем план своих работ вопросами культурной революции, поручив их проработку соответствующим секциям.

Конференция считает необходимым усиление борьбы Комакадемии по вопросам, связанным с буржуазными и мелкобуржуазными течениями, и считает особенно необходимой борьбу с современным ревизионизмом в области философии, экономики, истории и т. д.

2. Оценивая положительным образом приступ Комакадемии к выпуску учебников, выдержанных в марксистско-ленинском духе, по различным областям знания, Конференция считает необходимым усилить указанную работу, обеспечивая самую серьезную и тщательную проработку выпускаемых учебников и учебных пособий.

3. Развитие работы Комакадемии требует развертывания ее секций и институтов в научно-исследовательские учреждения, снабженные соответствующим подсобным материалом для научно-исследовательской работы.

4. Благодаря работе Комакадемии можно констатировать подготовку квалифицированных работников из числа научных сотрудников Комакадемии, которые принимают уже в настоящее время участие в ответственной работе в различных учреждениях и наркоматах СССР.

Конференция считает необходимым поставить перед центральными органами вопрос об увеличении кадров научных сотрудников Комакадемии с тем, чтобы имелась возможность получить выдержанных, квалифицированных и научно-подготовленных товарищей для использования их на ответственной работе в различных областях общественной деятельности в СССР.

5. Рост Комакадемии позволяет ей в настоящее время в большей степени помогать делу научной работы в республиках и на местах как путем выездов с докладами, так и путем совместной организации научно-исследовательских работ.

Признать необходимым, чтобы Комакадемия поставила задачей постепенно овладеть руководством всей научной краеведческой исследовательской работой в СССР.

6. Конференция считает необходимым, в интересах обмена научно-исследовательским опытом, организацию Комакадемией совещаний и конференций по специальным научным проблемам. Необходим был бы созыв одной-двух конференций уже в текущем году и намеченные планы подобного рода конференций на будущий год.

7. План работ Комакадемии на 1928/29 год необходимо подготовить заранее с таким расчетом, чтобы его можно было обсудить не позднее сентября на местах, и после дачи заключений республиканских и местных марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений поставить его на обсуждение Комакадемии с привлечением представителей мест.

2. Резолюция об организации работ марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений

Настоящий период развития СССР ставит задачи углубления теоретической работы, в особенности проработки теоретических проблем, связанных с социалистическим строительством, и усиления борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными направлениями и теориями.

1. СССР располагает уже значительным контингентом квалифицированных научных работников-коммунистов и беспартийных марксистов, но удельный вес этого контингента в общей массе научных работников меньше, чем он мог бы быть, поскольку ученые коммунисты и примыкающие к ним разбросаны по огромному числу научно-исследовательских учреждений без определенной системы. Работа самих этих научных учреждений лишена общего плана.

Конференция констатирует, что марксистско-ленинские научно-исследовательские учреждения уже перешли к составлению своих планов и считает необходимым дальнейшую координацию и усиление ведения этой плановой работы.

2. Для того чтобы марксистско-ленинские научные кадры могли разрешить стоящие перед ними задачи, необходимо чрезвычайно экономное и тщательно

продуманное распределение марксистско-ленинских научных сил между исследовательскими учреждениями, причем и сами эти последние должны быть приведены в систему и освобождены от параллелизмов, усложняющих и удорожающих работу.

3. В настоящий момент особенно остро стоит задача создания широкого кадра ленински выдержанных квалифицированных работников, со значительной теоретической подготовкой. Различные области как народного хозяйства, так и культурной жизни выдвигают требование на подобные кадры. Наличие кадров марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов являются недостаточными, поэтому должны быть приняты меры: а) к увеличению научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, б) к закреплению необходимых кадров коммунистов на научной работе, как основной.

4. Из вышесказанного вытекает, таким образом, ряд мер: 1) мер, обеспечивающих плановость научной работы вообще, для чего необходимо создание единого центра, увязывающего в одном плане научную работу во всем Союзе, 2) мер, обеспечивающих плановое распределение и целесообразное использование марксистско-ленинских научных сил.

5. В целях подготовки к следующей конференции, создается Бюро конференций в составе 11 человек из тт.: 1) Покровского, М. Н., 2) Милютин, В. П. (с заменой Пашуканисом, Е. Б.), 3) Рязанова, Д. Б. (с заменой Дебориним, А. М.), 4) Скворцова-Степанова, И. И. (с заменой т. Сориним), 5) Крицкого, 6) Скрыпника, Н. А. (с заменой Поповым, П. Н.), 7) Позерна (с заменой т. Гоникманом), 8) Стена, 9) Игнатовского, В. М. (Белоруссия), 10) Левика (Киев) и 11) представителя ЗСФСР.

В функции Бюро конференций входят: 1) созыв следующей конференции, 2) организация рассылки материалов о деятельности научно-исследовательских учреждений в связи с подготовкой конференции.

3. Резолюция по докладу т. Рязанова о деятельности Института Маркса и Энгельса

1. Заслушав доклад т. Рязанова о деятельности Института Маркса и Энгельса, направленной, в первую очередь, к подготовке международного издания собрания сочинений Маркса и Энгельса, конференция признает общую линию работы Института правильной. Конференция с удовлетворением отмечает меры, предпринимаемые Институтом, для обеспечения технической стороны русского издания и его общедоступной цены.

Однако конференция считает намеченное 40-томное издание недостаточным, так как оно не охватывает всех работ Маркса и Энгельса. Конференция считает необходимым срочную выработку Институтом Маркса и Энгельса плана издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса и обращение от имени конференции в соответствующие органы для принятия решений, обеспечивающих выполнение этой, имеющей огромное значение работы.

Конференция особо отмечает явную недостаточность научных работников Института и считает совершенно необходимым их пополнение, в особенности коммунистами, с целью обеспечения подготовки издания работ Маркса и Энгельса и создания кадра квалифицированных коммунистов-ученых.

В то же время конференция отмечает, что Институт Маркса и Энгельса не представил конкретно разработанного плана научно-исследовательской работы в области изучения истории классовой борьбы и рабочего движения на Западе, которая возложена на Институт постановлением юбилейной сессии ЦИКа СССР. Конференция считает необходимым, чтобы Институт Маркса и Энгельса к следующей конференции разработал соответствующий план.

Конференция считает крайне важную работу Института по собиранию и изданию материалов, освещающих как историю марксизма, так и взгляды Маркса и Энгельса на основные вопросы марксистского мировоззрения. Отмечая огромную роль уже опубликованных материалов и исследований в деле борьбы за ортодоксальный диалектический материализм, конференция выражает пожелание расширения и ускорения этой работы. Конференция признает, что, благодаря огром-

ной работе работников Института, последний стал единственной по богатству источников в мире базой для исследовательских работ в области истории и теории марксизма, истории социализма и международного рабочего движения вообще.

4. Резолюция по докладу Украинского института марксизма и Киевской кафедры марксизма и ленинизма

1. Конференция с удовлетворением констатирует рост научно-исследовательской марксистской работы на Украине за последние годы, сплочение научно-марксистского кадра и укрепление центра, обеспечивающего дальнейшее развитие марксистско-ленинской научной мысли на Украине.

2. Конференция признает вполне правильной линию работы украинских научно-марксистских учреждений, направленную на то, чтобы наряду с разработкой общих проблем марксистской теории в области философии, социологии, экономики, истории, национального вопроса связать эту разработку с конкретными условиями Украины, заострив идеологическую борьбу против тех враждебных марксизму и ленинизму буржуазных и мелкобуржуазных течений, которые выросли на Украине, и обеспечить за пролетариатом и его идеологией гегемонию в процессе украинского культурного строительства.

3. Важным этапом в развитии научно-марксистской работы на Украине является все больший переход к плановости этой работы. Считая необходимым дальнейшее усиление этой плановости в работе украинских марксистско-ленинских учреждений, конференция одновременно считает необходимой плановую увязку работ Украинского института марксизма и Киевской кафедры марксизма-ленинизма с работами Комакадемии и других научно-марксистско-ленинских учреждений.

4. В целях такой плановой увязки, необходимы: постоянный обмен информацией и материалами, взаимный обмен докладчиками, установление постоянной связи между кафедрами Украинского института марксизма и Киевской кафедры марксизма-ленинизма с соответствующими секциями и комиссиями Комакадемии, Института Маркса и Энгельса и Института Ленина.

5. Конференция признает необходимым всемерное содействие украинским товарищам в деле дальнейшей концентрации на Украине достаточного кадра марксистских научно-исследовательских сил и создания условий, облегчающих работу научно-марксистских учреждений на Украине.

5. Резолюция по докладу т. Скворцова-Степанова о работе Института Ленина

Заслушав сообщение т. Скворцова-Степанова о деятельности Института Ленина, ставящего своей ближайшей задачей скорейшее издание сочинений Ленина, Конференция признает правильной общее направление работ Института.

Вместе с тем Конференция признает своевременным намеченный Институту переход к научно-исследовательской разработке проблем, связанных с деятельностью Ленина и его учением, и считает необходимым создание для этого надлежющего кадра научных работников.

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Лукин, Н. М., Милотин, В. П., Пашуканис, Е. Б., Покровский, М. Н., Шмидт, О. Ю.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
А. А. Богданов (Малиновский)	V
С т а т ь и	
✓ Покровский, М.—Общественные науки в СССР за 10 лет	3
Михалевский, Ф.—Теория кредита Шумпетера и Hahn'a	31
Спектатор—К теории аграрных кризисов	54
Быховский, Б.—Психофизическое учение Томаса Гоббса	80
Окунь, М.—О духе марксизма и о букве его	113
Франкфурт, Ю.—Механистический «дух» ревирует психологические взгляды основоположников марксизма	125
Фурсиков, Д.—К вопросу об изучении функций коры головного мозга .	140
Гуревич, М.—К вопросу о соотношении между морфологией и физиологией мозга	144
Бирман, Б.—Теоретические основы психотерапии в свете учения об условных рефлексах	152
Опарин, А.—Химические основы дыхательного процесса	174
Критика и библиография	
Капитонов, И.—А. Герценштейн. Теория капиталистического рынка . .	189
Черменский, В.—Митчелль. «Хозяйственные циклы». «Business Cycles». New-York 1927	192
Ральцевич, В.—А. Топорков. Элементы диалектической логики	199
Стычкин, Б.—А. Варьяш. Диалектика у Ленина	208
Х р о н и к а	
Общее собрание (пленум) членов Комм. Академии 20 марта 1928 г. . .	213
Письмо в редакцию	216
Указатель к журналу «Вестник Коммунист. Академии» за 1923—27 г.г.	217
Первая всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений	239

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Коммунистической Академии

Москва 19, Волконка, 14. Тел. 5-71-38 и 3-59-48.

Открыт прием подписки на 1928 год
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„Вестник Коммунистической Академии“

6-й год издания

(Выходит раз в 2 месяца книгами размером в 20 печатных листов)

Научно-исследовательский журнал, выходящий под редакцией т.т.: Бухарина, Н. И., Дволайцкого, Ш. М., Деборина, А. М., Крицмана, Л. Н., Лукина, Н. М., Милюткина, В. П., Пашуканиса, Е. Б., Покровского, М. Н., Шмидта, О. Ю.

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследования отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Коммунистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований, в приложениях к журналу даются систематические библиографические указатели по различным вопросам.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ

Адоратский, В., Аксельрод, Л. (Ортодокс), Асмус, В., Базаров, В., Баммель, Г., Блюмин, И., **Богданов, А.**, Бронский, М., Бухарин, Н., Вайнштейн, И., Варьяш, А., Вейц, В., Волгин, В., Горев, Б., Дволайцкий, Ш., Деборин, А., Дубровский, С., Ерманский, О., Залманзон, А., Карев, Н., Кон, А., Кривцов, С., Крицман, Л., Кузовков, Д., Ларин, М., Левит, С., Леонтьев, А., Литвинов, И., Лозовский, С., Лукин, М., Луначарский, А., Луппол, И., Меерсон, Г., Мещеряков, Н., Милонов, К., Милютин, В., Моносов, С., Мотылев, В., Нахимсон, М. (Спектатор), Никольский, В., Осинский, Н., Орлов, И., Павлович, М., Пашуканис, Е., Переверзев, В., Позняков, В., Покровский, М., Разумовский, И., Рейснер, М., Рошин, С., Ротштейн, Ф., Рудаш, Л., Рязанов, Д., Серебровский, А., Смит, М., Степанов-Скворцов, И., Стучка, П., Тальгеймер, А., Тележников, Ф., Тимирязев, А., Удальцов, А., Фриче, В., Фогарашин, А., Харазов, Г., Хмельницкая, Е., Цейтлин, З., Шмидт, О., и др.

Адрес редакции: Москва 19, Волконка, 14, тел. 3-64-63.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год (с 1/1 по 31/XII)—14 р.; на полгода (с 1/1 по 1/VII и с 1/VII по 31/XII)—7 р. 50 к.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке—6 руб. Остальная сумма равными частями: 1/III—4 руб. и 1/VI—4 руб.

В случае неплаты в срок делается наложенный платеж при посылке очередных номеров журнала.

Подписка и продажа производится также в Ленинграде в отделении Изд-ва «Московский Рабочий» и на Украине во всех отделениях Изд-ва «Пролетарий».

Подробные проспекты на журнал «Вестник Коммунистической Академии» высылаются по первому требованию бесплатно.